

В. К. АРСЕНЬЕВ

МУЗЫ И РАБОЧЕ
В П И Т

Владимир Клавдиевич Арсеньев.

В. К. АРСЕНЬЕВ

ЖИЗНЬ
И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
В ТАЙГЕ

1957

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

*Вступительная статья, подготовка текста
и примечания
М. К. АЗАДОВСКОГО*

*Под общей редакцией
С. В. ОБРУЧЕВА*

ОТ РЕДАКЦИИ

Владимир Клавдиевич Арсеньев является одним из самых популярных путешественников-писателей. Его книги издаются огромными тиражами на русском языке и переведены на многие языки народов СССР и некоторые зарубежные — английский, немецкий, греческий, чешский и др. Несмотря на такую широкую известность, до сих пор еще не все написанное В. К. Арсеньевым опубликовано. Шеститомник, изданный в 1947—1949 гг. Примиздатом во Владивостоке, включил ряд произведений, до того времени не опубликованных или затерянных в местных журналах и газетах. Но и в этом издании было собрано далеко еще не все литературное наследие Арсеньева.

М. К. Азадовский — выдающийся советский фольклорист, литературовед и этнограф — в течение многих лет был близок с В. К. Арсеньевым, внимательно следил за его творческим ростом и после смерти путешественника неоднократно обращался к изучению его биографии и творчества. Путем тщательных поисков в старых повременных изданиях, в которых сотрудничал В. К. Арсеньев, М. К. Азадовский обнаружил ряд ранних его произведений, позже нигде не перепечатанных. В результате этих разысканий М. К. Азадовский незадолго до своей смерти составил сборник незаслуженно забытых произведений Арсеньева.

В составленном М. К. Азадовским и публикуемом ныне сборнике особенно ценны и интересны печатавшиеся в газете «Приамурье» корреспонденции В. К. Арсеньева, которые он отправлял непосредственно из тайги, во время путешествий в горах Сихотэ-Алинь и по реке Уссури. Наибольшее количество их относится к Сихотэ-Алиньской экспедиции 1908—1910 гг.; они появлялись в газете с довольно большими перерывами под общим заглавием: «Из путевого дневника».

Эта серия корреспонденций в своей совокупности представляет цельное произведение, объемом около 10 печатных листов, неизвестное широкому кругу читателей. Оно замечательно тем, что написано под свежим впечатлением экспедиционной жизни, является первой научно-популярной книгой молодого исследователя, отличающейся теми же высокими научными и художественными достоинствами, которые присущи и более поздним, прославившим его имя, произведениям. Опубликованные в «Приморье» корреспонденции позже послужили В. К. Арсеньеву основным источником при написании книги «В горах Сихотэ-Алиня»; некоторые данные из них вошли в две другие работы Арсеньева. Ряд глав был сильно изменен, а другие совсем не были использованы.

М. К. Азадовскому удалось найти также три письма («Путевые заметки») из Уссурийской экспедиции 1912 г. К сожалению, публикация этих писем в газете почему-то прекратилась, а Арсеньев позже не опубликовал описания этой экспедиции. Поэтому помещенные в сборнике письма приобретают особую ценность.

Помимо этих памятников раннего литературно-научного творчества В. К. Арсеньева, М. К. Азадовский включил в сборник его письма к Л. Я. Штернбергу и В. Л. Комарову, содержащие богатые и весьма ценные материалы для изучения биографии В. К. Арсеньева и формирования его научных интересов; особенно любопытны они для освещения тех невероятно тяжелых условий, в которые был поставлен замечательный путешественник и ученый; условий, которые с таким трудом приходилось ему — и не всегда успешно — преодолевать и конец которым положила лишь Великая Октябрьская социалистическая революция. Чрезвычайно интересны эти письма и для истории русской этнографии.

М. К. Азадовский присоединил также несколько писем, посланных к нему В. К. Арсеньевым. До настоящего времени вообще опубликовано очень мало писем Арсеньева (в шеститомнике Примиздата их напечатано только 12) и поэтому каждое из них представляет значительный интерес. Из писем, адресованных М. К. Азадовскому, мы поместили только те, которые он сам предназначал к печати; остальные, имеющиеся в его архиве, менее интересны.

В некоторых из публикуемых писем М. К. Азадовский сделал небольшие сокращения, удалив абзацы, касающиеся вопросов личной жизни Арсеньева.

М. К. Азадовский снабдил путевые очерки и письма комментариями, в которых не ограничился формальными объяснениями фактов и событий и учетом того, где повторен публикуемый материал, а сообщил очень интересные сведения как об окружавших В. К. Арсеньева лицах, так и о подробностях его биографии и о творческом его пути.

Огромная эрудиция М. К. Азадовского и личное знакомство с В. К. Арсеньевым позволили ему дать в этих комментариях чрезвычайно ценные материалы для знакомства с самим путешественником и его окружением.

Кроме этих комментариев, М. К. Азадовский написал вводную статью, которая далеко превышает по своему значению обычные статьи такого типа. В этой статье впервые в нашей литературе разобран вопрос о литературно-художественном значении описаний путешествий. На примере книг В. К. Арсеньева, который, бесспорно, завоевал себе одно из первых мест среди писателей-натуралистов (вспомним отзыв М. Горького, видевшего в В. К. Арсеньеве соединение талантов Брэма и Купера), и отчасти Н. М. Пржевальского М. К. Азадовский доказывает, как велика художественная ценность таких произведений. Кроме того, в этой статье сообщается много интересных биографических данных о В. К. Арсеньеве и сведений о его творческих приемах, делается ряд интересных наблюдений над его стилем и сопоставлений с книгами других путешественников. Статья эта, несомненно, весьма важна не только для характеристики В. К. Арсеньева, но и для познания ценности произведений путешественников-натуралистов вообще.

Печатаемые корреспонденции тщательно выверены по газетному тексту. Но последний иногда включает явные опечатки. В тех случаях, когда было совершенно ясно, что ошибки в тексте являются газетной опечаткой, мы их исправили. Те случаи, когда ошибка в применении научного термина безусловно принадлежит В. К. Арсеньеву, разъяснены в примечаниях. Письма В. К. Арсеньева были выверены М. К. Азадовским по подлинникам. Комментарии и вводная статья М. К. Азадовского печатаются по тексту, подготовленному им к печати.

При публикации текстов В. К. Арсеньева мы сохраняем географические названия и этнографические термины того времени: например, Императорская Гавань (ныне Советская Гавань), Никольск-Уссурийский (ныне Ворошиловск), гольды (ныне нанайцы), гилики (ныне нивхи) и др.; сохранен также и термин «инородцы», которым в то время было принято обозначать малые народности; напомним, что тогда термин этот еще не имел того однозначного значения, которое он получил впоследствии, и широко применялся во всей этнографической литературе.

В некоторых немногих случаях В. К. Арсеньев обозначает растения и животных латинскими названиями. Ввиду того что эти латинские обозначения приведены В. К. Арсеньевым не систематически, а до известной степени случайно, мы сочли возможным в некоторых случаях, когда дается только родовое название, устранить их. Часть этих латинских названий в научной литературе в настоящее время уже заменена новыми.

Но мы оставляем их в той форме, в которой их дал В. К. Арсеньев.

Основа приложенной к настоящему изданию схематической карты средней части хребта Сихотэ-Алиня заимствована из изданной в 1951 г. Географическим издательством книги В. К. Арсеньева «Сквозь тайгу». На карту нанесен тот маршрут, который был пройден В. К. Арсеньевым в 1908 г. и к которому относятся его корреспонденции.

Помещенный в книге портрет В. К. Арсеньева взят из фотографической группы 1914 г., изображающей участников этнографического кружка; кроме того, мы помещаем факсимиле начала одного из писем В. К. Арсеньева М. К. Азадовскому.

В. К. АРСЕНЬЕВ — ПУТЕШЕСТВЕННИК И ПИСАТЕЛЬ

I

Когда умер Н. М. Пржевальский, А. П. Чехов писал: «Такие люди, как покойный, во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение... Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, к холоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в цивилизацию и в науку делает их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А где эта сила, перестав быть отвлеченным понятием, олицетворяется одним или десятком живых людей, там и могучая школа». Таких людей, как Пржевальский или Миклухо-Маклай, — пишет далее Чехов, «знает каждый школьник, и недаром по тем путям, где проходили они, народы составляют о них легенды»¹.

Эта проникновенная характеристика, написанная человеком необычайно чутким ко всяким проявлениям в жизни душевной красоты и высокого подвига, невольно вспоминается и при имени Владимира Клавдиевича Арсеньева. Его имя как бы завершает собой плеяду имен значительных русских путешественников: Семенова-Тян-Шанского, Пржевальского, Миклухо-Маклая, Потанина. Подобно им, Арсеньев был страстным и неутомимым путешественником, подвижником науки и любви к родине; как все они, Владимир Клавдиевич внес огромный вклад в сокровищницу русской науки и прославил свое имя — имя русского ученого — далеко за пределами своей родины, и о нем, так же как и о его великих путешественниках, создались и продолжают твориться и по сию пору легенды.

В. К. Арсеньев тридцать лет своей жизни отдал изучению нашего Дальнего Востока, став непревзойденным знатоком его

во всех отношениях. Его биография насчитывает двенадцать совершенных им экспедиций, не считая различных мелких поездок и отдельных экскурсий, но по существу это число не дает еще полного представления о подлинных размерах произведенных им обследований, ибо некоторые из этих экспедиций следует рассматривать как непрерывную цепь экспедиций. Такова, например, экспедиция 1908—1910 гг., продолжавшаяся девятнадцать месяцев, во время которой Сихотэ-Алиньский хребет был пересечен семь раз. Во время экспедиции 1906 г. тот же хребет был пересечен десять раз. В общей же сложности, за тридцать лет (с 1900 по 1930 г.) Арсеньев пересек Сихотэ-Алинь двадцать пять раз.

Совершенно органично и закономерно сближение имен Пржевальского и Арсеньева. Такое сближение возникает не только потому, что Пржевальский был предшественником Арсеньева в изучении Уссурийского края, но они сближаются и многими чертами личного характера и научного метода. Пржевальский создал целую школу путешественников, составляющих гордость и славу русской науки: Певцов, Роборовский, Козлов, Г. Е. и М. Е. Грумм-Гржимайло², — все это его прямые ученики и продолжатели. И к той же школе, или, может быть, точнее сказать к традиции, созданной великим русским путешественником, примыкает и В. К. Арсеньев, — и сам он всегда считал себя «учеником и последователем Пржевальского». «Ученичество», конечно, нужно понимать не в буквальном смысле, ибо Арсеньев не только не был лично знаком с Пржевальским, но даже никогда и не встречал его, хотя его молодые годы прошли в Петербурге, и он мог бы слышать публичные чтения Пржевальского. Это было ученичество духовное, основанное на преклонении перед творческим гением Пржевальского и на рано созревшем желании следовать за ним и подражать ему в своем жизненном пути. Впрочем, можно отметить и некоторую личную, хотя и косвенную, связь. Одним из учителей В. К. Арсеньева в военной школе, — и как раз по той дисциплине, активным и славным деятелем которой пришлось ему стать впоследствии, то есть по географии, — был М. Е. Грумм-Гржимайло³. Лекции М. Е. Грумм-Гржимайло и непосредственное личное общение с ним сыграли немалую роль в биографии В. К. Арсеньева и в окончательном выборе им своего жизненного пути.

М. Е. Грумм-Гржимайло был уже вполне учеником и последователем Пржевальского. О нем не раз упоминал он и в своих лекциях и, конечно, не раз называл его имя в беседе со своим молодым слушателем, в котором, пожалуй, первый угадал он будущего исследователя и путешественника.

В биографии каждого знаменитого путешественника всегда значительное место занимают книги их предшественников. Пржевальский зачитывался «Картинами природы» Гумбольдта

и путешествиями Ливингстона ⁴; книга Гумбольдта «Центральная Азия» произвела неизгладимое впечатление на Потанина ⁵. В. К. Арсеньев также очень рано увлекся сочинениями о путешествиях. Еще отроком он прочел Гумбольдта, читал его, правда, попеременно с романами Жюль Верна, но читал настойчиво и внимательно, и даже вычерчивал по картам его маршруты. Позже «с жадностью», как он пишет об этом в автобиографии, читал Э. Реклю, Дарвина, Потанина, Роборовского, Певцова, Пржевальского ⁶. И самой любимой из этих книг, которую он неоднократно перечитывал и которая очень скоро стала его настольной книгой, было «Путешествие в Уссурийском крае» Пржевальского ⁷. Эта книга, как известно, определила дальнейшую судьбу ее автора, она же в значительной степени определила и судьбу ее страстного читателя. Влияние книг Пржевальского сказалось и на характере и методе путешествий Арсеньева и на характере его собственных трудов. Н. М. Пржевальский явился прямым продолжателем П. П. Семенова-Тян-Шанского, который ввел в науку и обосновал метод «комплексно-географических исследований» и «комплексных экспедиций», то есть всестороннего изучения территории. Конечно, комплексные исследования в понимании Семенова-Тян-Шанского и Пржевальского резко и значительно отличаются от того понимания «комплексности», которое установлено и принято в советской науке. Исследователи понимают комплексные экспедиции как выяснение и изучение взаимодействий и закономерностей явлений природы ⁸, как обязательный момент входит в понятие комплексной экспедиции требование работы коллектива исследователей ⁹. Пржевальский же понимал комплексность механистически, разумея под этим лишь одновременное проведение исследований по нескольким дисциплинам и полагая, что все наблюдения должен вести единолично начальник экспедиции. Так Пржевальский и поступал на практике: он сам производил абсолютно все наблюдения — и географические, и разнообразные естественно-исторические, и метеорологические, и этнографические и т. д. Это был в сущности не столько подлинно комплексный метод, сколько внешне-энциклопедический.

Путешественником-энциклопедистом был и В. К. Арсеньев. Основная цель его работ была топографическая; первые экспедиции производились им по заданиям военного ведомства ¹⁰, сам он считал себя преимущественно этнографом и археологом, но в действительности круг его интересов не был ограничен какими-либо рамками: он собирал коллекции ботанические, орнитологические, энтомологические, ихтиологические; вел наблюдения метеорологические; интересовался вопросами геологии; изучал условия рыболовства, лесного хозяйства, звериных промыслов и охоты; изучал практически вопросы колонизации и т. д. Вернее сказать, не было такой сферы в природе и дея-

тельности человека и такой отрасли народного хозяйства, мимо которых прошел бы без внимания Арсеньев и в изучение которых он не внес бы своего вклада. Кроме того, он был блестящим писателем, сумевшим в живых образах и ярких картинах раскрыть изумительные богатства края и величавую красоту его природы и духовный облик населяющих его народов.

В экспедициях Н. М. Пржевальского все научные наблюдения почти исключительно велись им самим; так же обстояло дело и в экспедициях В. К. Арсеньева. Правда, иногда в них принимали участие отдельные специалисты (геологи, ботаники, палеонтологи), но их участие всегда бывало случайным и незначительным: ни один из них ни разу не прошел с Арсеньевым всего маршрута целиком.

Все виды необходимых научных наблюдений В. К. Арсеньев производил сам, являясь и собирателем естественно-исторических коллекций, и наблюдателем жизни населения, и производителем топографических съемок, и географом, тщательно изучающим тип и характер местности.

Ученик и биограф В. К. Арсеньева Н. Е. Кабанов так определяет значение и характер разнообразных исследований В. К. Арсеньева: он «собрал и обработал исключительно ценные материалы по физической географии и топографии, этнографии малых народностей края, археологии и истории края, по охотоведению, а также по морским животным, по использованию и освоению растительных ресурсов, по ботанической географии и, наконец, по общеэкономическим вопросам, проблемам заселения и освоения, перспективам дальнейшего развития края и его отдельных районов»¹¹. К этому нужно добавить, что он внимательно и тщательно изучал край с военно-стратегической точки зрения и составил исключительно ценную в этом отношении книгу, о которой нам придется еще не раз говорить на последующих страницах.

Есть еще одно разительное сходство между Пржевальским и Арсеньевым: оба они являлись совершенными образцами типа путешественника. Требования, которые должно предъявлять к человеку, стремящемуся быть путешественником, Пржевальский формулировал в статье «Как путешествовать по Центральной Азии», которой открывается его последняя книга («От Кяхты на истоки Желтой реки») и позже перепечатанной в одном из сборников материалов по Азии, выпускавшихся Главным штабом. В этой статье многое представляется в настоящее время устарелым; многое обусловлено в ней кастовыми предрассудками военной среды царского времени и тогдашнего военного воспитания, неизбежно наложившими свой отпечаток на воззрения Пржевальского. Но не они определили его основные принципиальные позиции в выработке и формировании требований, предъявляемых к путешественникам; эти

требования вытекали прежде всего из глубокого сознания исключительной важности своего дела, принимавшего в его сознании черты определенного подвига, который призванные для этой цели деятели должны выполнить. «Путешествие — не легкий и приятный труд,— писал он одному из своих друзей,— а долгий, непрерывный и тяжелый труд, предпринятый во имя великой цели». Первым и основным условием Пржевальский считал «физическую крепость и нравственную силу». — «Цветущее здоровье, крепкие мускулы и еще лучше атлетическое сложение, с одной стороны, а с другой — сильный характер, энергия и решимость — вот те качества, которые всего надежнее будут гарантировать успех предприятия». Вторым условием являлась «научная подготовка», «специальная хотя бы в немногом, но при хорошем умственном развитии вообще и при достаточном знакомстве с различными отраслями предстоящих исследований». Третье — «прирожденная страсть к путешествиям», четвертое — «беззаветное увлечение делом», «ибо только эти свойства души,— утверждал Пржевальский,— будут поддерживать и согревать в те трудные минуты, которые придется переносить не один раз»¹².

Кроме этих главнейших свойств характера подлинного путешественника, Н. М. Пржевальский указывал еще ряд (по его выражению) «деталей личности»: он должен быть «отличным стрелком», и еще лучше «страстным охотником», не должен гнушаться никакой черной работой, как, например, вычюения верблюдов, седлания лошадей, укладки багажа и пр., «не должен иметь избалованных вкусов и привычек, ибо в путешествии придется жить в грязи и питаться чем бог послал; не должен знать простуды, так как зиму и лето станет проводить на открытом воздухе, должен иметь ровный, покладистый характер, чем быстро приобретет расположение и дружбу своих спутников»¹³.

В. К. Арсеньев отвечал буквально каждому из этих требований: он не обладал, правда, атлетическим сложением, но отличался замечательной физической выносливостью: его сухощавая, ладно сложенная фигура и его быстрая легкая походка как нельзя лучше соответствовали той жизненной цели, которую он поставил себе. В полной мере обладал он и той «нравственной силой», которой требовал от путешественника Пржевальский. Вполне применимы к Арсеньеву и дальнейшие черты, характеризующие, по Пржевальскому, личность идеального путешественника: «прирожденная страсть к путешествиям», «беззаветное увлечение своим делом», абсолютное отсутствие избалованности и полное отсутствие свойств «белоручек» и, наконец, замечательно ровный характер и умение устанавливать идеальные товарищеские отношения со всеми участниками экспедиции, отнюдь не нарушая и не колебля необходимой в экспедиционном отряде четкой дисциплины. Вполне подготов-

лен был В. К. Арсеньев и для ведения обязательных для путешественника-географа разносторонних научных исследований.

Еще одно чрезвычайно важное в принципиальном отношении требование выдвигал Пржевальский: «... в далеких и диких странах Азии путешественник, помимо научных исследований, нравственно обязан высоко держать престиж своей личности, уже ради того впечатления, из которого слагается в умах туземцев общее понятие о характере и значении целой национальности»¹⁴. Другими словами, речь шла о чести и достоинстве русского имени, о котором должен тщательно и неукоснительно заботиться путешественник и соображениями которого должен руководствоваться он в особо трудные и решительные моменты. Это требование было аксиомой и для Арсеньева. Условия путешествия в пустынях и горных областях Центральной Азии, зачастую среди враждебного окружения, были иными, чем в Уссурийской тайге; иной характер имели и встречи с населением, но вопрос о чести русского имени стоял для Арсеньева столь же остро, как и для Пржевальского. И, как известно, он блестяще разрешил его. Недаром среди угнетаемых со всех сторон разными хищниками малых народностей Приморья очень скоро сделалось легендарно популярным имя «русского капитана».

К сожалению, у нас мало материалов, чтоб исчерпывающе осветить образ Арсеньева как путешественника. Существующие немногие воспоминания и рассказы об Арсеньеве относятся преимущественно к последним годам его жизни. Спутники же его ранних экспедиций, за исключением П. П. Бордакова, не оставили никаких воспоминаний о своей совместной работе с ним. Очень важен для понимания В. К. Арсеньева как начальника и руководителя экспедиции очерк И. А. Дзюля¹⁵. Но и у И. А. Дзюля и у П. П. Бордакова даны только самые общие зарисовки, не позволяющие охватить образ В. К. Арсеньева в его гармонической целостности. В 1949 г. в Алма-Ате вышла небольшая брошюрка П. П. Бордакова (А. Г. Петрова) «В тайге». Она содержит воспоминания о путешествиях автора по Дальнему Востоку в период 1906—1910 гг.; одна из главок, входящих в эту брошюру, посвящена специально В. К. Арсеньеву («В. К. Арсеньев — русский путешественник-исследователь»). К сожалению, эти воспоминания носят беглый характер, и в них мало характерных подробностей. Об Арсеньеве П. П. Бордаков пишет так: «Благороднейший по натуре человек, Арсеньев обладал дарами истинного путешественника: железной настойчивостью, неутомимостью и той острой наблюдательностью, от которой не ускользнет ни одна мелочь. К тому же он горячо любил свое дело»¹⁶. Более интересны в этом отношении его выдержки из дневника, затерявшиеся на страницах детского журнала («Юная Россия», 1914)¹⁷ и являющиеся ценным

дополнением к книгам В. К. Арсеньева. Об авторе этого дневника В. К. Арсеньев неоднократно упоминал в книге «Дерсу Узала», называя его сведущим специалистом и симпатичным спутником, а напечатанные выдержки из дневника характеризовал как очень живые и правдивые, — но в этих дневниковых записях о самом Арсеньеве сравнительно мало сведений. Поэтому лучшими свидетельствами об Арсеньеве как путешественнике остаются страницы его собственных сочинений, его путевые письма и отчеты, в которых ему иногда приходилось более подробно говорить и о самом себе. Таковы, например, скупые строки о последних днях Сихотэ-Алиньской экспедиции, когда Арсеньеву и двум его спутникам пришлось спуститься через перевал, которому они дали именование «Опасный»¹⁸. Любопытен и характерен один эпизод из первых путешествий В. К. Арсеньева, когда он еще только «учился» путешествовать и вырабатывал свой «метод». В ноябре — декабре 1903 г. он с охотничьей командой совершил небольшой «поход» в Засучанье. Итти пришлось по весьма быстрой и чрезвычайно извилистой речке Сяо-Судзэ-хэ. Дорога же «не придерживалась одного берега, а шла прямо и пересекала речку во многих местах». Время было уже позднее, но река еще не замерзла, и лишь у берегов были забереги. За двое суток пришлось 48 раз перейти реку вброд. «На первых бродах вода была немного выше ступни, но затем броды становились все глубже и глубже. На последнем бросе вода была уже выше пояса. Как только люди выходили из воды на воздух, вода тотчас же замерзала, обледенелая одежда коробилась и ломалась». Наконец, вода достигла такой глубины, что нечего было и думать о переходе ее вброд, к тому же она уже покрывалась тонкой и еще хрупкой коркой льда. И вот тогда Арсеньев решил переправиться на другой берег **ползком** по льду реки. Пример он подал сам. «Вырубив две тонкие длинные палки и привязав к своему поясу веревку, он пополз через реку в надежде, что давление тела будет распространено на большую площадь, и лед выдержит». Действительно, лед выдержал, он только «выгибался» и по третицам его выступала наверх вода. Когда же Арсеньев дополз до другого берега, лед сломался, и он провалился у самого берега в воду. Но здесь уже было неглубоко — самое же главное было достигнуто: «веревка перетянута». А затем таким же порядком переправились один за другим и стрелки его команды. Так как веревка была уже перетянута, и к каждому человеку она привязывалась с двух концов, то возможность катастрофы была уже уничтожена¹⁹. Гибель могла грозить только тому, кто переправлялся первым, перетаскивая веревку на другой берег, то есть самому начальнику отряда В. К. Арсеньеву. Этот случай не нуждается в комментировании — так выразительно он обрисовывает характер «прирожденного путешественника»: находчивость, мужество,

уверенность в себе, самоотверженность, огромная внутренняя дисциплина и умение заражать энтузиазмом и внушать уверенность каждому рядовому участнику экспедиции.

Подобно Пржевальскому, В. К. Арсеньев также предполагал закрепить свой опыт путешественника в особом сочинении. Он всю жизнь лелеял мысль написать книгу «Теория и практика путешествий в Приамурском крае». Книги этой он так и не написал, но фрагменты этого замысла сохранились в виде различных заметок, вставок, попутных замечаний и рассуждений, вкрапленных в его книги и очерки; немало сохранилось таких замечаний и в его путевых очерках, печатавшихся в газете. Замечательный и яркий пример таких фрагментов, позволяющих судить о характере задуманного «пособия для путешественников», находится в книге «В горах Сихотэ-Алиня». Автору пришлось с одним удэгейцем идти через перевал, по которому этот же удэгейец сопровождал за двадцать лет перед тем другого путешественника. В пути он вспоминал отдельные эпизоды этого путешествия. Слушая его, В. К. Арсеньев думал: «дикая тайга, редкое население, но какие прочные следы оставляет за собой каждый путешественник! О нем говорят. Через десять-двадцать лет можно на месте проследить маршрут каждого исследователя, узнать, как он шел, где ночевал, чем болел, какие у него были успехи и промахи, каковы были отношения между участниками экспедиции, кто с кем ладил, кто с кем ссорился и т. д. Да где же это записано? Нигде. Люди уходят, а дела их остаются, и об этих делах из поколения в поколение будут передавать местные жители, и не только то, чему они сами бывали свидетелями, но и то, что они усматривают по следам, оставленным в пути и на биваках. Тайга — не город, где легко скрыться». «Молодым путешественникам это надо иметь в виду, — заканчивал В. К. Арсеньев свои раздумья, — все хорошие и худые поступки их сохранятся там на многие годы»²⁰. Этот отрывок дает четкое представление о том, какое крупное место занимала в его сознании забота о нравственном достоинстве путешественника и о его этических свойствах. Это рассуждение характерно и вообще для русской школы и русского типа путешественников. Как, например, мало думал о таких вопросах Стенли!

2

Но существуют и некоторые, довольно значительные отличия между В. К. Арсеньевым и его великим учителем. Первое коренится в их отношении к тем странам, через которые прошли их маршруты. Пржевальского влекла его энтузиастическая любовь к природе, патриотическое сознание важности возложенной на себя миссии; пути его определялись поставленными им грандиозными научными задачами, разрешить которые он

считал себя призванным. Он перекраивал и создавал заново карту Центральной Азии, проверял гипотезы Гумбольдта и Риттера и исправлял их ошибки; каждое его путешествие являлось крупной вехой в мировой науке, и каждая из посещенных им стран как бы начинала после него новое географическое бытие. Но все эти исследованные им страны занимали только его ум, не сердце. Страны, через которые он проходил, изучение и дальнейшее культурное развитие которых так много обязаны его творческому гению, оставались для него, за исключением, конечно, Уссурийского края, чуждыми. Его сердце неизменно скучало по оставшейся вдали родине. «Часто-часто я в пустыне,— писал он,— вспоминаю про родной очаг, который дороже для меня всего на свете»²¹.

В. К. Арсеньев в отличие от Пржевальского и его ближайших учеников был теснейшим образом связан с местным краем. Он был не только путешественником по Дальнему Востоку, но и постоянным жителем последнего. Уроженец столицы, он именовал себя сибиряком-дальневосточником. Путешествуя по Уссурийскому краю, который был частью родной страны, Пржевальский, естественно, не мог не вмешаться как-то в его жизнь и остаться равнодушным свидетелем тех безобразных условий жизни, в которых находилось основное местное русское население — уссурийские казаки. После статей Завалишина об Амуре в печати не появлялось столь резких статей, клеймящих позорное поведение русской администрации на Дальнем Востоке, как путевые очерки Пржевальского. Статьи эти, как известно, вызвали большой шум и были сочувственно встречены всей прогрессивной печатью во главе с некрасовскими «Отечественными Записками»²². Но вмешательство Пржевальского в местные дела, его горячая защита русских насельников края и протест против бездушной и губительной для края административной политики были все же до некоторой степени случайными эпизодами его биографии. И после, покинув Сибирь, Пржевальский уже более не возвращался к этому вопросу — ни в печати ни в переписке. Его влекли и манили иные, более грандиозные задачи, которые он так смело ставил и так блестяще решал. Для В. К. Арсеньева на первом плане стояли неизменно местные задачи, с которыми его исследования и путешествия были связаны неразрывно и органически. Он прокладывал и описывал новые пути, изучал рельеф гор и очертания берегов, устанавливал состав и характер местных лесов, изучал местную флору и фауну, наконец, с особой тщательностью изучал быт коренных насельников края и его историческое прошлое. И одновременно он разрешал важнейшие задачи, связанные с общегосударственными проблемами, главным образом с вопросами обороны края и его роли в возможной будущей войне с Японией. В центре его работ и исследований стояли проблемы стратегического характера, в свете которых он разрешал

и вопросы местной экономики, и вопросы колонизации, и вопросы о формах более тесной связи Уссурийского края с жизнью всей страны, и вопросы о мерах для поднятия благосостояния обитателей края. Не все эти вопросы В. К. Арсеньев решал правильно, да ему в силу неизбежной ограниченности его политического мировоззрения в то время и не удалось бы их правильно решить, но он в отличие от многих своих современников и ближайших сотоварищей четко понимал невозможность изолированного разрешения военно-стратегических проблем без увязки их со всем комплексом вопросов жизни местного населения. Его горячая и энергичная деятельность в защиту малых народностей была вызвана и его гуманистическим мировоззрением и сознанием государственной важности правильной политики по отношению к этим народностям. Утилитарный в лучшем смысле этого слова характер имели и все его исследования в целом: он изучал условия плавания по омывающему берега Уссурийского края морю, выискивал способы упорядочения внутренних путей сообщения через суровые горные хребты и бурные горные реки и думал при этом о будущих железнодорожных и шоссейных путях, которые пересекут со временем этот суровый и великолепный край. В этом понимании своих задач основная особенность В. К. Арсеньева как путешественника. Н. Е. Кабанов с полным правом, подводя в своей монографии о В. К. Арсеньеве итоги многолетних и длительных исследований последнего, трактует их как преимущественно *краеведческие* ²³. Это отнюдь не лишает их общенаучного значения; его вклад в познание края является вместе с тем и крупным вкладом в общую географию, ботанику, зоологию, орнитологию, ихтиологию и особенно в этнографию. Над собранными же им коллекциями трудился ряд выдающихся ученых страны: Л. С. Берг работал над его ихтиологическими коллекциями, С. А. Бутурлин — над орнитологическими, И. В. Палибин обрабатывал ботанические сборы В. К. Арсеньева; работали над его коллекциями и другие исследователи.

Специфика арсеньевских изучений особенно наглядно проявилась в его знаменитых описаниях уссурийских лесов. Эти описания принадлежат к лучшим страницам дальневосточной краеведческой литературы, они замечательны и художественностью изображения и тщательностью естественно-исторического описания, особенно описания акатника, бархатного (пробкового) дерева, амурского винограда или папоротников ²⁴. «Не будучи ни ботаником ни лесоводом,— пишет более поздний исследователь,— В. К. Арсеньев тщательно отмечал общий характер растительности, границы распространения некоторых характерных растений и типов леса, не говоря уже о том, что им дана для многих диких местностей основа всякого изучения — рекогносцировочная карта» ²⁵. Н. Е. Кабанов также отмечает уменьше В. К. Арсеньева тонко разбираться в географическом

распространении отдельных растений и важнейших для Приморья типов лесов. Границы распространения многих дальневосточных древесных и кустарниковых пород были впервые установлены лишь В. К. Арсеньевым ²⁶.

Краеведческий характер его исследований обусловил и преобладание в них этнографических интересов, что также отличает его от Пржевальского. Впрочем, не следует чрезмерно преувеличивать этого различия, тем более что первые критики Пржевальского несправедливо и пристрастно упрекали его в полном равнодушии и даже пренебрежении к этнографическим особенностям исследуемых им стран и вообще к их населению. В отзыве Академии наук было даже особо подчеркнуто, что Пржевальский был «первым исследователем Центральной Азии, но отнюдь не оседлых обитателей ее городов и культурных оазисов». В противовес этому П. П. Семенов-Тянь-Шанский в «Истории» полувековой деятельности Русского географического общества убедительно показал, как «много обязана этнография наблюдениям Пржевальского над бытом кочевых и горных племен Средней Азии» ²⁷. Книга Пржевальского «Монголия и страна тангутов» входит в число важнейших источников для изучения старой Монголии и уклада жизни кочевников. Неправильны и обвинения в пренебрежении к племенам Центральной Азии, которым якобы пронизаны сочинения Пржевальского. Он действительно, как отметил П. П. Семенов-Тянь-Шанский, «старался обходить» культурные центры с их китайской администрацией, но это «только потому, что наученный опытом, он не хотел приходить ни в какие соприкосновения с лицемерными китайскими властями», кроме того, «не обладая знанием туземных языков, он не мог ожидать никаких важных для науки результатов от сношений с жителями городов Центральной Азии». Отмечает П. П. Семенов-Тянь-Шанский и не раз звучавшие по адресу Пржевальского обвинения в пренебрежительном отношении к китайской цивилизации и китайской исторической и географической литературе. Он возмущался лишь лживыми и продажными китайскими администраторами и очень ярко и красочно описывал их приемы грабежа населения и издевательства над ним. Сочувствие Пржевальского всегда на стороне последнего. «Гуманным был Пржевальский,— особо подчеркивает П. П. Семенов-Тянь-Шанский,— и по отношению к туземцам, в которых он видел безыскусственных детей природы, которую он так любил и понимал, перенося эту любовь и на своих инородных братьев по человечеству» ²⁸. Суровые меры он применял лишь к тем племенам (например еграм), которые занимались разбоями и грабежами, подобно хунхузам в Уссурийском крае, с которыми пришлось позже столкнуться Арсеньеву, или к обманщикам-проводникам, из-за недостойного и подлого поведения которых не раз ставилась под угрозу судьба экспедиции и самая жизнь ее участников.

Подробно освещен вопрос о взаимоотношениях Пржевальского с местным населением в очерке современного исследователя Э. М. Мурзаева. «У Пржевальского нет заносчивости колонизатора, нет спеси культуртрегера. Советским читателям его произведений всегда следует помнить, что печатались они 60—70 лет тому назад, когда господствовали совсем иные общественные отношения. Пржевальский выступает всегда как друг простого народа. Дружба Пржевальского с населением Нань-Шаня просто трогательна, десятки лет хранили в одном из монастырей его портрет и почитали как святыню эту драгоценность, неизменно с любовью и уважением вспоминали храброго путешественника. Он с симпатией пишет о цельном и открытым характере монголов Халхи, он находит порицающие слова для характеристики вредного влияния представителей китайского торгового капитала и насквозь продажного китайского чиновничества в Куку-Норе, Ганьсу, Внутренней Монголии»²⁹.

Таким образом, нет оснований утверждать, что Пржевальский оставлял в стороне вопросы, касающиеся жизни тех народностей, с которыми он встречался во время своих путешествий, но верно то, что эти вопросы никогда не стояли в центре его внимания, для Арсеньева же они были преобладающими. Правда, в известных четырех книгах Арсеньева, посвященных описанию его путешествий, нет нигде полной и исчерпывающей картины жизни племен, населяющих Уссурийский край. Описания форм и типов семьи, особенностей материальной культуры, фольклора, верований и пр. и пр. нигде не представлены в законченной цельности, но как-то вкраплены отдельными кусками, иногда более, иногда менее подробно, но всегда лишь попутно и вне заботы и стремления дать исчерпывающее изложение затронутой темы. Но это не означало, что В. К. Арсеньев не располагал такого рода материалами или не обращал на них внимания во время своих экспедиций. Наоборот, его осведомленность в этих вопросах была совершенно исключительной и едва ли кто из лиц, занимавшихся этнографией Дальнего Востока, мог бы соперничать с ним в этом отношении. Тех, кто имел возможность ознакомиться с путевыми дневниками и записями В. К. Арсеньева, всегда поражало, какое обилие всевозможных и разнообразных этнографических материалов, находящихся в этих дневниках, осталось неиспользованным в описаниях его путешествий. В. К. Арсеньев готовил к печати специальный этнографический труд («Страна Удэхэ»), который он считал основным делом своей жизни и над которым работал, по собственному признанию, двадцать пять лет. Естественно, что, стремясь избежать повторений, он скупно вносил этнографические моменты в свои путевые очерки.

В. К. Арсеньев не боялся обобщений и теоретических рассуждений по поводу наблюдаемых им фактов. В описаниях его

путешествий немало разного рода обобщений — географических, ботанических, климатологических, мало лишь обобщений этнографических. Причина коренится в том же — они должны были целиком войти в подготавливаемую книгу. И сам он считал себя, как уже было сказано выше, преимущественно этнографом и археологом, подобно тому, как Пржевальский считал себя прежде всего географом и натуралистом-орнитологом. В одном из писем к Л. Я. Штернбергу, сообщая о плане построения своей книги «По Уссурийскому краю», В. К. Арсеньев писал, что видит необходимость «остановиться на одной какой-либо специальности»³⁰. Этой специальностью он и избрал этнографию; археологию же рассматривал как подсобную отрасль для этнографических исследований, совершенно правильно полагая, что без параллельных археологических разысканий нельзя разрешить важнейшие этногенетические проблемы, возникающие при исследовании народностей Приамурья. Соответственно этому второй своей основной задачей он считал составление книги об археологических памятниках Уссурийского края.

Академик Л. С. Берг разделил путешественников на два типа: путешественники-романтики и путешественники-классики. К числу первых он относил Миклухо-Маклая, ко вторым — Пржевальского. Напомним подробнее это любопытное сравнение: «Миклухо-Маклай,— писал Л. С. Берг,— видел свою миссию в том, чтобы быть другом и заступником отсталых и угнетенных народов. В свое третье посещение Берега Маклая он отправился с исключительной целью — отвезти своим друзьям-папуасам обещанные подарки. Миклухо-Маклай совершил много путешествий, собрал громадные коллекции, напечатал серию весьма важных небольших статей, но главного отчета о деле всей своей жизни не успел опубликовать. Н. М. Пржевальский был человек иного склада. Он в своих путешествиях преследовал не филантропические цели, а чисто конкретные научные задачи, к выполнению которых и прилагал все усилия. Он никогда не отправлялся в новое путешествие, не представив основательного отчета о только что проданном. Пржевальский может служить типом путешественника-классика»³¹.

Это сравнение стало довольно популярным в географической литературе, однако согласиться с ним трудно. Вопрос о судьбе и характере литературного наследия Миклухо-Маклая и Пржевальского не может определять собой коренных различий их типов как путешественников. Способность быстро работать, четкость в организации своего труда, возможность довести до конца задуманные работы являются результатом не только свойств характера, но и тех условий жизни, в которых пришлось тому или другому лицу действовать. Жизнь Пржевальского сложилась так, что вся она почти без остатка заключена в его путешествиях; она как бы распадается на ряд отрезков времени, обозначенных его пятью путешествиями, промежутки же

между ними посвящены работе над «отчетами» и подготовке к новым экспедициям. Иначе протекала жизнь Миклухо-Маклая. На берег, получивший затем название Берега Маклая, он вступил только ученым, исследователем-натуралистом, покинул он его борцом за права обездоленных народностей, «младших братьев» в общей семье человечества.

Л. С. Берг неправильно именовал задачи, которыми руководился Миклухо-Маклай, «филантропическими» (этот термин применял по отношению к нему и Д. Н. Анучин); великим исследователем руководили не отвлеченные «филантропические» задачи, но широкие гуманистические и принципиально-общественные идеи. Впрочем, тот же Л. С. Берг в другой своей статье, посвященной уже специально Миклухо-Маклаю, более правильно определяет основной смысл деятельности последнего: «В то время как другие географы открывали новые, доселе не известные земли, Миклухо-Маклай стремился прежде всего открыть человека среди исследовавшихся им первобытных людей, то есть, не затронутых европейской культурой народов». «Мы ценим его,— заканчивал свою характеристику Л. С. Берг,— как великого гуманиста, для которого не было вышних и низших рас, как друга и защитника отсталых и угнетаемых народов, как борца за их свободу и право на самоопределение»³². Эта напряженная борьба, в которую весь ушел Миклухо-Маклай, действительно помешала ему так тщательно «отчитаться» в своих экспедициях, как это удалось сделать Пржевальскому; эта же борьба надорвала и физические и нравственные силы ученого, и он слишком быстро угас. По какому-то как будто злобному капризу судьбы в один и тот же год (1888) ушли из жизни оба великих путешественника, оба они скончались преждевременно и в полном расцвете сил: Пржевальский на 50-м году жизни, а Миклухо-Маклаю было всего лишь 40 лет. Миклухо-Маклай, по его собственному признанию, отошел от интересовавших его первоначально «зоологических вопросов» «ради вопросов по этнологии»; его внимание заняли всецело люди, которых застал он «в состоянии первобытного развития, не пережившего еще стадии каменного века»³³. Но еще в большей степени его заинтересовали вопросы социальных отношений и социальной справедливости, что и привлекало усиленное внимание к его деятельности таких людей, как Лев Толстой или Тургенев.

Вопрос о сходстве и различии в деятельности обоих ученых разрешается вне проблемы «классики» и «романтики». Оба они классики, ибо их путешествия представляют образцовые и непревзойденные примеры, на которых учились целые поколения исследователей-путешественников; оба они романтики в лучшем смысле этого слова, как, например, понимал его Белинский, если разумеет под этим термином («романтизм») особую настроенность души, способность вносить в свое дело

поэтическое начало и одухотворять его безграничным творческим энтузиазмом. И кто же, как не Пржевальский, с такой изумительной силой, с таким волнующим вдохновением раскрыл романтику путешествий по странам, куда редко ступала человеческая нога!

Установленные Л. С. Бергом категории бесполезны для уяснения сущности и смысла научного подвига Миклухо-Маклая, корни его не в романтическом складе характера ученого, а в той общественной среде, к которой он принадлежал. Миклухо-Маклай принадлежит к блестящей плеяде русских ученых, выросших и воспитавшихся в атмосфере идейного движения 1860-х годов; в науку он вступил одновременно с А. О. Ковалевским, И. М. Сеченовым, В. О. Ковалевским, И. И. Мечниковым, К. А. Тимирязевым и другими замечательными представителями русской науки того времени. И. П. Павлов говорил о знаменитой работе Сеченова, что она была «вкладом русского ума» в европейское естествознание. Этому замечанию следует придать расширительный характер: оно в равной степени относится и к обоим Ковалевским и к Миклухо-Маклаю, ибо все они решительно и авторитетно вписывали новые страницы в историю мировой науки. И эти новые страницы были страницами типично русскими, ибо все наши великие ученые этой эпохи — физики, биологи, физиологи, палеонтологи, антропологи — все они испытали могучее воздействие идей Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Герцена. Так создалась русская физиологическая школа Сеченова, русская палеонтологическая наука, возглавляемая В. О. Ковалевским, под могучим воздействием этих идей развивалась и русская этнографическая наука, наиболее ярким представителем которой был Миклухо-Маклай.

Мировая этнография дала нам ряд типов ученых-этнографов: этнографы-миссионеры; этнографы — жестокие и властные колонизаторы; этнографы — бесстрастные наблюдатели, для которых изучаемое племя — только музейный объект и, наконец, этнографы-гуманисты, никогда не забывавшие, что в своих исследованиях они имеют дело прежде всего с человеком, и для которых их этнографическая работа была тесно и органически связана с широкими общественными задачами и служила демократическим идеям. Это представители русской науки и русской традиции, таковы Потанин, Ядринцев, Штернберг и многие другие. Этот ряд имен этнографов-гуманистов, этнографов-друзей изучаемых ими народов возглавляется именем Миклухо-Маклая. В этот ряд имен включается и имя В. К. Арсеньева — типичного и яркого представителя русской этнографической школы.

Арсеньев никогда не был бесстрастным наблюдателем быта изучаемых им народностей. С первой же встречи с ними он — в отличие от многих своих предшественников — проникся глу-

боким сочувствием к ним и стал на всю жизнь их другом, защитником и представителем их интересов. Борьбе за улучшение их экономического и правового положения, за установление правильных воззрений на их значение в жизни страны, наконец, за гуманное отношение к ним была посвящена вся его общественная деятельность, неразрывно сочетающаяся с научной. Особенно горячо ратовал он против установившихся ходячих представлений о малых народностях как дикарях. «Дикарей», «диких людей» и «диких народов», — заявляет он, — нет вовсе, есть народы «малокультурные» и народы «с высокой культурой»... Мышление так называемого дикаря нисколько не ниже мышления европейца... Человечество на земном шаре едино». Нетрудно узнать в этих утверждениях излюбленные мысли Миклухо-Маклая, которого, кстати сказать, В. К. Арсеньев считал одним из величайших этнографов всех времен и народов, как это неоднократно приходилось слышать от него³⁴. Он мечтал, между прочим, и о некоем повторении метода Миклухо-Маклая, о чем свидетельствуют его письма к Л. Я. Штернбергу³⁵ и Б. М. Житкову³⁶.

И подобно тому как имя Миклухо-Маклая было окружено культом и преклонением у папуасов, так же благоговейно относились к имени Арсеньева орочи и удэхейцы. И по сейчас еще сохранились среди этих народностей трогательные и волнующие рассказы о путешествиях Арсеньева, о встречах с ним и о его неустанной заботе о своих «лесных друзьях». Некоторые из этих рассказов-воспоминаний уже облеклись в форму фольклорных рассказов и стали народной легендой, как всегда таящей под внешне неправдоподобной оболочкой глубокую внутреннюю правду.

У В. К. Арсеньева было немало завистников и недоброжелателей. Пишущему эти строки не раз приходилось слышать скептические замечания о путешествиях Арсеньева и наблюдать стремление снизить их значение и результаты. Неоднократно приходилось слышать о великом счастье, «привалившем» Арсеньеву в виде встречи с Дерсу; что без этой встречи Арсеньев никогда бы не мог благополучно довершить своих экспедиций и что вообще без помощи орочей и удэхейцев он бы очень скоро погиб. В такого рода утверждениях, как и вообще во всяких рассказах об «удачах» и «случайном счастье» выдающихся деятелей, всегда слишком много преувеличений. Но если бы даже и действительно было так, то и в этом следует видеть огромное значение нравственного облика путешественника. Нужно быть Арсеньевым, чтобы сразу понять, оценить и глубоко полюбить такого человека, как Дерсу, нужно быть Арсеньевым, чтоб завоевать любовь и преклонение всех этих обездоленных людей. Орочи и удэхейцы действительно не раз приходили на помощь В. К. Арсеньеву в самые трудные моменты его путешествий и действительно не раз спасали

от гибели. Но нелепо видеть в таких фактах только «великую удачу» и «слепое счастье» Арсеньева, наоборот, все такие случаи были вполне закономерны. Арсеньев очень быстро стал популярен у местных обитателей и быстро завоевал их любовь и доверие. На всей территории огромного края голды, орочи, удэгейцы и бедняки-китайцы следили из своих раскиданных по тайге и побережью юрт и балаганов за маршрутами Арсеньева, готовые немедля кинуться ему на помощь, как только появятся малейшие признаки, внушающие тревогу или подозрение о возможном несчастье. Экспедиционное снаряжение Арсеньева было сплошь и рядом небогато и даже скудно; его экспедиции, как мы будем говорить далее, организовывались в полном смысле слова «на гроши», его современники не раз удивлялись, как можно было при таких скудных средствах добиться таких богатых результатов³⁷, но его экспедиции в отличие от многих других были сильны тем, что их сопровождала народная забота.

3

Из всех экспедиций по Уссурийскому краю самими популярными и наиболее известными являются его экспедиции 1902—1907 гг. Причины эти вполне понятны: эти экспедиции связаны с именем Дерсу Узала, образ которого стоит в центре повествования В. К. Арсеньева и чье имя как бы слилось с именем путешественника. Но самой значительной, самой большой по времени, по количеству пройденных километров, по научному значению и по значению, наконец, для самого исследователя была Сихотэ-Алиньская экспедиция 1908—1910 гг.

Эта экспедиция самая замечательная из всех экспедиций В. К. Арсеньева; она была не только наиболее длительной, но и наиболее трудной. Организована она была Приамурским отделом Русского географического общества; денежные средства были предоставлены главным образом Штабом военного округа, поставившим перед экспедицией ряд особых задач, связанных с вопросами обороны края. В составленном В. К. Арсеньевым отчете подчеркнута, что целью экспедиции были естественно-исторические исследования; по вполне понятным причинам он не мог и не имел права упоминать о других задачах.

Районом работ экспедиции была северная часть Уссурийского края: с одной стороны, река Амур и низовья Уссури, с другой — побережье Татарского пролива; с юга — река Самарга и Хади; на севере — озеро Кизи. «В этих местах, — писал В. К. Арсеньев, — горная область Сихотэ-Алиня являлась водоразделом между бассейнами рек Тумнина, Копи и Самарги, текущих в море, и бассейнами рек Хунгари, Хора и Анюя, несущих свои воды к Амуру. Несмотря на более чем полувековой период, отделяющий наше время от того времени, когда русские впервые вступили на эту территорию, к ней более чем приме-

нимо выражение *Terra incognita* (земля неведомая)»³⁸. В своем «Отчете» В. К. Арсеньев противопоставлял пути сообщения двух частей Уссурийского края: южной и северной — в южной части проходит железная дорога, имелись почтовые тракты, грузовые и проселочные дороги; наконец, эта часть края избита была «бесчисленным множеством троп, проложенных китайскими охотниками в поисках женьшеня или в погоне за соболем». Такие тропы избороздили край в различных направлениях: «в каждой долине, в глухих горах, в любом ключике всегда можно найти тропинку, которая непременно приведет путника к маленькой зверовой фанзочке»³⁹.

Совсем другую картину представляла тогда северная часть края. Сейчас она перерезана железной дорогой, соединившей берег Амура с побережьем Татарского пролива, по автотрассам мчатся грузовые и легковые машины, но во времена Арсеньева там не было никаких дорог; там были только дорожки, протоптанные лосями вдоль горных хребтов, «по гольцам и осыпям». Но руководствоваться ими было нельзя, ибо они неизбежно завели бы «в такие дебри, откуда назад выбраться будет уже невозможно».

Южная часть края была сравнительно плотно заселена: там жили русские — крестьяне-переселенцы и казаки, — нанайцы (гольды), тазы, корейцы, китайцы; та же часть края, куда направилась экспедиция В. К. Арсеньева, представляла собой (за исключением районов Де-Кастри и Советской Гавани), по образному выражению одного из предшественников В. К. Арсеньева, «лесную пустыню». «Целыми неделями можно идти и нигде не встретить ни единой души человеческой! Только по большим рекам можно еще кое-где найти крытые корьем и берестой полуразвалившиеся юрочки орочей-удэхе, но стойбища их разбросаны и далеко отстоят друг от друга, и, наконец, места обитаний их так непостоянны, что на эту встречу не всегда можно рассчитывать»⁴⁰.

Экспедиционный отряд состоял из двенадцати человек; с В. К. Арсеньевым пошли: ботаник Н. А. Десулави, геолог С. Ф. Гусев, охотник-любитель И. А. Дзюль; помощником В. К. Арсеньева был штабс-капитан Николаев, которому поручили организовать заброску продуктов в различные места следования экспедиции. В пути присоединился спутник В. К. Арсеньева в его прежних экспедициях китаец Чжан-Бао (Дзен-Пау). Николаев в сопровождении шести человек отправился в Советскую Гавань для организации питательных баз, и отряд В. К. Арсеньева в течение первых месяцев состоял из семи, а за скорым отъездом Десулави из шести человек. На различных участках пути к отряду присоединялись в качестве проводников нанайцы, орочи и удэхайцы.

Отряд В. К. Арсеньева шел следующим путем: от Амура он вышел на реку Аной, затем, перелезав через хребет, отпра-

вился по направлению к реке Хуту, где должна была произойти встреча с Николаевым. Встреча эта произошла с большим опозданием, что едва не привело к трагическому исходу. «Опоздай еще штабс-капитан Николаев суток на двое,— писал в «Отчете» В. К. Арсеньев,— и, вероятно, трех четвертей людей не досчитались бы живыми. Только в конце сентября люди оправились настолько, что были в силах продолжать свое путешествие». Прибытием в Советскую Гавань закончился первый этап путешествия.

Из Советской Гавани Арсеньев пошел к югу, вдоль побережья; в октябре экспедиция достигла мыса Туманного и устья реки Самарги. Конец октября и весь ноябрь были посвящены изучению реки Адами, низовьев Самарги и других маленьких речек этого района. Вот этот путь и описан в его очерках «Из путевого дневника», печатавшихся в газете «Приамурье» и в книге «В горах Сихотэ-Алиня», но и газетные очерки и книга не охватывают всего пройденного экспедицией пути. Первые обрываются приходом на Самаргу, то есть октябрем 1908 г.; изложение путешествия в книге «В горах Сихотэ-Алиня» доведено лишь до конца июля 1909 г. Дальнейший путь экспедиции, во время которого Сихотэ-Алинь был пересечен еще пять раз, не нашел отражения в работах В. К. Арсеньева, сохранилось лишь несколько очерков, из которых самому описанию пути посвящено только два: «Мыс Сюркум» и «Зимний поход по реке Хунгари», в остальных нашли отражение лишь отдельные эпизоды, чем-либо привлекая внимание путешественника («Птичий базар» и др.). Каждый из этих очерков — превосходная миниатюра, они свидетельствуют, как уверенно росло и зрело писательское мастерство В. К. Арсеньева, но они не вносят каких-либо существенно новых моментов в повествование. И только сравнительно скупые и сдержанные страницы небольшого печатного «Отчета» позволяют в полной мере охватить весь путь экспедиции и оценить огромную самоотверженную работу отряда. В собрание сочинений В. К. Арсеньева эти «отчеты» не включены, широким кругам читателей они мало доступны, поэтому следует привести подробную выдержку из них. По данным «Отчета» дальнейший путь экспедиции рисуется в следующем виде: с речки Копи путешественники решили направиться на ороческих лодках снова в Советскую Гавань; сильная буря, заставшая их в пути, разрушила этот план. Лодка разбилась, отряду же удалось выбраться на берег около мыса Кекурного, отсюда В. К. Арсеньев со своими спутниками в начале мая прибыл пешком на Николаевский маяк. Из Советской Гавани экспедиция направилась в залив Де-Кастри. Этот маршрут, продолжавшийся около полутора месяцев, частично описан в очерке «Мыс Сюркум». От залива Де-Кастри В. К. Арсеньев пошел на озеро Кизи и вновь дошел до хребта. Этот перевал был назван им именем Русского географического

общества. Отсюда по маленьким речушкам он вновь спустился к Тумнину и в конце июля был снова в Советской Гавани. «Этот маршрут,— писал В. К. Арсеньев,— был самым счастливым, самым легким и совершен без всяких приключений»⁴¹.

В течение всего августа месяца (1909 г.) В. К. Арсеньев исследовал небольшие речки, впадающие в Татарский пролив, вблизи Советской Гавани: речки Хади, Тутто, Ма, Уй, Чжуанко. Осенью был начат последний и самый тяжелый маршрут от моря к селению Иннокентьевскому на реке Амуре (устье реки Хайдур).

К этому времени отряд В. К. Арсеньева значительно сократился. Ботаник Десулави покинул отряд еще в самом начале экспедиции; геолога С. Ф. Гусева, с трудом переносившего тяжелые условия таежного странствования, В. К. Арсеньев отправил обратно после голодовки на Хуту; с ним вместе вернулся в Хабаровск и И. А. Дзюль. Один за другим уходили из отряда стрелки и казаки: кто по болезни, кто за окончанием срока службы. К исходу 1909 г. В. К. Арсеньев «остался один с двумя стрелками — Ильей Рожковым и Павлом Ноздриным». Имена этих спутников и сподвижников В. К. Арсеньева (к ним нужно еще присоединить казака Крылова) должны быть также сохранены в памяти потомства, как имена спутников Пржевальского — казака Пантелея Телешова, Дондона Иринчинова и др.⁴².

Неясно, когда и при каких обстоятельствах покинул отряд Чжан-Бао. Отказались идти дальше и проводники. С большим трудом В. К. Арсеньев уговорил двух орочей дойти с ним до речки Туки (правый приток Амура), оттуда он и его два спутника пошли уже самостоятельно, без проводников, «в горы, к хребту Сихотэ-Алиня». Этот последний маршрут продолжался 76 дней; все 76 дней они шли на лыжах, и каждый из них тащил нарту с продовольствием, инструментами и коллекциями.

Вот как описывает этот последний этап путешествия В. К. Арсеньев в своем «Отчете»: «Зима была крайне суровая, снежная. Бури следовали одна за другой; снега выпали глубокие. Начальник экспедиции рассчитывал, что гольды выйдут на охоту за соболем и что он встретит их после перевала через Сихотэ-Алинь и воспользуется проложенной ими дорогой, но они из-за снегов совсем не вышли, и потому ему самому пришлось протоптывать дорогу до самого Амура. О глубине выпавшего снега можно судить по тому, что для того чтобы набрать дров для огня или сходить за водой к проруби реки, на расстоянии двух или трех сажен от костра, надо было надевать лыжи. С гольцов Сихотэ-Алиня перед путешественниками развернулась жуткая картина. Насколько хватал глаз видны были горы, покрытые снегами. Реки текли в разных направлениях. Один из стрелков (Ноздрин) начал было падать духом. «Вот

беда-то,— говорил он,— зашли куда! Как отсюда мы выйдем!» Вместе с другим стрелком Арсеньев начал его успокаивать.

Наконец, после ряда разведок было выбрано направление; перевал, через который они прошли, был назван «Опасным»; 7 декабря они спустились с водораздела и пошли в бассейн реки Хунгари. Далее привожу буквально текст «Отчета»: «Перейдя водораздел, путешественники встали биваком в узком ущелье. На рассвете случилось небольшое землетрясение и произошел снежный обвал. Палатку завалило. К счастью, все были снаружи и занимались укладкой нартов. Целые сутки ушли на раскопки. Наконец, палатку достали. Все время надо было опасаться за нее. Старенькая, ветхая она обдымилась и распозалась по всем швам. Ее починяли чем попало. Эта ветхая палаточка была единственной защитой от ночных морозов при 36° по Цельсию. Более всего путники терпели недостаток в обуви. Купить было негде. Для починки унтов рвали полы полушубков. Порожные мешки из-под сухарей шли на починку одежды.

Вследствие глубокого снега лоси не ходили по тайге, а стояли на тех местах, где застала их непогода. Нигде не было видно ни одного следа. Тайга казалась мертвой пустыней. Два раза Арсеньев останавливался на охоту, но неудачно, потеряли только время.

Собаки, взятые с собой (по две в нарту), погибли от голода, собачью ююку сберегли для людей. Четыре дня прокормились ею, потом посчастливилось убить небольшую выдру. Мясо ее растянули на шесть суток. Затем убили молодую рысь: и лапы и внутренности ее — все было съедено. 31 декабря ничего уже не ели. В довершение несчастья ночевали без дров. Эту праздничную ночь провели мучительно тоскливо. На другой день, 1 января 1910 г., нашли первых людей. Это были орочи. Велика была радость! Это был настоящий праздник!»⁴³.

Так закончилась эта экспедиция, во время которой путешественникам не раз грозила гибель и где, казалось, на каждом шагу подстерегала их смерть. Только изумительная организованность, настойчивость, воля, вера в себя и свое дело помогли В. К. Арсеньеву преодолеть все препятствия и довести до конца свое предприятие. И Пржевальский и Арсеньев часто употребляют в своих «сочинениях» слова: «счастье», «счастливая случайность», «удача». Но, как справедливо заметил один из биографов Пржевальского, такие «счастливые случаи» и «удачи» покупались дорогой ценой — ценой тяжелых трудов, самоотверженности всех участников экспедиции и были обусловлены непреклонной волей руководителя и его организаторским талантом. Н. М. Каратаев приводит в пример историю «счастливой находки» путь к озеру Лоб-Нору. В параллель к этому рассказу можно привести те страницы «Отчета» В. К. Арсеньева, где изложена история зимнего похода от речки Копи к морю.

Этот поход тоже можно назвать было бы «счастливой удачей», но удача также была обусловлена талантом руководителя, его умением ориентироваться в любой обстановке, его изумительным чутьем местности и главное способностью находить общий язык со своими подчиненными и заражать их своим энтузиазмом.

Посвященная этой экспедиции книга «В горах Сихотэ-Алиня», которую В. К. Арсеньев мыслил как прямое продолжение книги о путешествиях 1902—1907 гг., осталась незаконченной. Она представляется незаконченной не только потому, что в ней описана только часть маршрутов этой экспедиции, но и по своему внешнему характеру. Нужно полагать, что сохранившийся текст является лишь первой редакцией, подлежавшей еще уточнениям, исправлениям, частичной переработке и окончательной проверке. В ней сохранился ряд неясностей, несогласованностей, недосказанностей. Так, например, даты приведены то по старому, то по новому стилю.

Но этой редакции предшествовала еще одна: описание маршрутов 1908 г. (от июня до середины октября) было сделано в виде серии очерков-корреспонденций, писавшихся непосредственно во время пути, в таежных условиях, и отправляемых с разнообразными «оказиями». История их возникновения такова: в 1907 г. В. К. Арсеньев впервые выступил перед хабаровским обществом с публичными докладами о своих экспедициях. «Сообщения эти произвели, — как писала местная газета («Приамурье»), — огромное впечатление на присутствующих, ярко показав, что может сделать, хотя и на небольшие средства, истинный служитель науки, человек живого дела, ставящий целью, прежде всего, пользу родины». «Кажется нет той области науки, — писал с восхищением автор заметки, — которой не коснулся бы в своих трудах талантливый путешественник», давший в результате «яркую картину природы, населения, обычаев и нравов» исследованной им страны.

Писал эту заметку, по всей вероятности, редактор газеты А. П. Сильницкий — человек, сам причастный к изучению края, автор нескольких этнографических работ. А. П. Сильницкий неизменно поддерживал В. К. Арсеньева и своими заметками и статьями о нем в газете немало содействовал организации Сихотэ-Алиньской экспедиции 1908—1910 гг. Он же предложил В. К. Арсеньеву писать в газету путевые письма, что и было принято В. К. Арсеньевым. Так создалась эта серия путевых очерков, печатавшихся в течение ряда лет в «Приамурье», объединенная заглавием «Из путевого дневника». А. П. Сильницкий очень дорожил этими корреспонденциями и немедленно помещал их в газете, но А. П. Сильницкий вскоре умер; новая редакция уже не так внимательно и бережно относилась к путевым очеркам В. К. Арсеньева: они подолгу залеживались в редакционном портфеле, рассматривались, главным образом,

как «запасный материал» и извлекались лишь «по мере надобности», в связи с каким-либо очередным «прорывом» или вынужденной «недохваткой» текущего материала.

Так продолжалось в 1910 и 1911 гг. Наконец, в начале 1912 г. печатание этих очерков потеряло свою злободневность, и оно прекратилось совсем. Остается неясным, какое количество этих путевых очерков-корреспонденций было уже подготовлено и осталось неиспользованным в портфеле редакции. Однако сотрудничество В. К. Арсеньева в газете этим не закончилось. В 1912 г. он отправился в экспедицию, основной задачей которой было обследование древностей Уссурийского края. Редакция вновь предложила ему присылать корреспонденции о своем путешествии, но печатание их оборвалось на третьем очерке. Возможно, что редакцию «отпугнул» преобладающий в них археологический интерес. Но в том же 1912 г. В. К. Арсеньев начал публиковать в «Приамурье» отдельные главы книги о путешествиях 1902—1906 гг., в этом и следующем году появилось десять очерков, вошедших позже почти целиком в книгу: «По Уссурийскому краю»; в 1913 г. он поместил серию очерков о соболе, позже в переработанном виде составивших небольшое сочинение, опубликованное отдельной брошюрой: «Дорогой хищник. Охота на соболя в Уссурийском крае».

Путевые очерки из Сихотэ-Алиньской экспедиции 1908—1910 гг. в своей совокупности составляют целую книгу (размером около 10 печ. л.) и могут рассматриваться как отдельное произведение; частично они вошли в последующие труды В. К. Арсеньева: в «Краткий военно-географический очерк и военно-статистический очерк Уссурийского края» (в дальнейшем мы будем всюду называть его сокращенно «Краткий очерк»), в книгу «В горах Сихотэ-Алиня» и (в небольшой дозе) в книгу «Китайцы в Уссурийском крае»; но некоторые из них являются дополнениями к названным книгам и сохраняют совершенно самостоятельное значение; они сохраняют самостоятельное значение и по своей композиции. Отношение этих очерков к последующим трудам в общем таково: описательная часть (флора, фауна, геологические наблюдения, описания очертаний берегов и путей сообщения, наблюдения метеорологические, некоторые замечания о взаимоотношениях разных групп населения) вошла в «Краткий очерк». В книге «В горах Сихотэ-Алиня» эта часть или совсем не представлена или использована в очень сокращенном виде; в нее вошли лишь те очерки, в которых излагаются отдельные эпизоды из встреч с местным населением, зарисовки отдельных лиц, некоторые этнографические зарисовки и впечатления от природы — то, что можно назвать лирикой путевых очерков. Таким образом, в дальнейшем произошло как бы строгое разделение частей лирической и описательной. Но в «Путевых очерках» они связаны неразрывно и

органически, что придает им особую прелесть и неповторимое своеобразие, позволяя рассматривать эти очерки как самостоятельное произведение, не теряющее своего значения и интереса даже и при наличии последующих книг, по отношению к которым они во многих случаях явились первыми вариантами. Кроме того, в «Кратком очерке» описание лесов, животного царства и пр. дано уже в обобщенном виде, то есть как характеристика флоры или фауны всего края, в газетных очерках описаны отдельные районы — растительность и животный мир берегов Анюя, Тумнина и т. д. Это усиливает краеведческую ценность этих очерков и делает их важным дополнением к другим трудам В. К. Арсеньева. Самостоятельное значение и ценность этих очерков усугубляется и наличием глав или совсем не имеющих соответствия с позднейшими текстами, или представляющих собой более развернутое и полное повествование. Таковы, например, письма 9—12, содержащие рассказ о голодовке на Хуту.

Совершенно бесспорно и литературное и биографическое значение этих очерков. Уже то обстоятельство, что они являются *первой книгой* В. К. Арсеньева обеспечивает им важнейшее место в истории его жизни и творчества. Существует два типа описаний путешествия: непосредственные дневниковые записи (в таком виде дошло до нас «Путешествие» Миклухо-Маклая) или их литературные обработки (таковы сочинения Пржевальского, Певцова, Грумм-Гржимайло и многих других, в том числе и В. К. Арсеньева). Но данные «Путевые очерки» занимают в литературе путешествий особое и оригинальное место, как своего рода промежуточная форма между дневниковой записью и ее последующей литературной обработкой. Они представляют первичную обработку, делавшуюся непосредственно на месте, во время экспедиции и порой в самых трудных и непригодных для нормальной литературной работы условиях.

При сопоставлении с позднейшим и окончательным текстом эта промежуточная редакция дает возможность внимательному читателю уяснить применяемые автором методы литературной обработки материала.

Но, помимо своего литературного и биографического значения, помимо значения краеведческого, это раннее произведение В. К. Арсеньева имеет еще большое воспитательно-педагогическое значение. Оно прежде всего значительно дополняет и обогащает наши представления об Арсеньеве как путешественнике. В его экспедициях было немало драматических моментов, где, казалось, была уже неизбежной трагическая развязка. Кто из читателей книг В. К. Арсеньева не помнит страшной «Пурги на озере Ханка» или невероятно тягостного Кулумбийского перехода, или катастрофы на плоту на реке Такеме. Самым же страшным и потрясающим эпизодом путешествий В. К.

Арсеньева была голодовка на реке Хуту, подробно описанная им в книге «В горах Сихотэ-Алиня». Упоминается о ней и в «Отчете», наконец была еще особая (правда, немногим отличная от соответственного текста в книге «В горах Сихотэ-Алиня») редакция, опубликованная уже после смерти автора в журнале «На рубеже». Подробно описан этот эпизод и в очерке спутника В. К. Арсеньева, И. А. Дзюля. Этот эпизод занимает видное место и в данных очерках, причем из всех редакций этого рассказа текст «Приамурья» отличается наибольшей лаконичностью и драматизмом. Говоря о лаконичности, мы имеем в виду не краткость и сжатость рассказа, наоборот, подробностей в нем более, чем в других редакциях, но лаконичность повествования, придающая рассказу особую выразительность и силу. В позднейших редакциях многое уже обобщено и сглажено, кое-что сознательно упущено или не договорено — текст «Приамурья» сохранил первичную запись в дневнике, делавшуюся подчас усталой и ослабшей от голода рукой без какой бы то ни было мысли о литературном плане и литературной обработке.

В позднейших редакциях В. К. Арсеньев сознательно опустил некоторые личные моменты и избегал некоторых подчеркиваний. В первоначальном тексте, каким является газетная редакция, они сохранены ⁴⁴.

Ярким и впечатляющим является рассказ о записке, вложенной в дупло, долженствующей известить о гибели отряда. «На берегу рос старый тополь. Я оголил его от коры и на самом видном месте ножом вырезал стрелку, указывающую на дупло, а в дупло вложил записную книжку, в которую вписал все наши имена, фамилии и адреса. Теперь все было сделано. Мы приготовились умирать». Но в тексте «Приамурья» есть еще одна подробность, не вошедшая в позднюю редакцию — «Кто знает будущее???! — писал в дневнике Владимир Клавдиевич, — на всякий случай я решил разобрать и перенумеровать свои съемки и вообще привести в порядок и систему все свои работы, чтобы потом (мало ли что случится) кто-нибудь другой и без моей помощи мог бы в них разобраться».

«Как солнце в малой капле вод», отразились в этих кратких и сжатых строках величие научного подвига и духовное благородство автора. Книги В. К. Арсеньева — превосходная школа. Они учат любви к родине, учат понимать и любить природу, воспитывают чувство уважения к человеку, заставляют преклоняться перед бескорыстным трудом энтузиаста-путешественника. Страницы же, посвященные голодовке на Хуту, останутся навсегда незабываемым памятником спокойного и светлого мужества и ясного сознания своего долга. Все это дает право говорить о большом воспитательно-педагогическом значении этих ранних очерков.

Газетные очерки дают возможность более правильно воссоздать творческую биографию В. К. Арсеньева и вместе с тем позволяют разрушить ряд накопившихся, совершенно неверных сведений и суждений, в ложном свете изображающих В. К. Арсеньева как автора. Стало «общим местом» утверждение, что В. К. Арсеньев — в отличие от Пржевальского — не спешил с опубликованием научно-литературных отчетов о своих путешествиях, что к составлению своих первых книг (то есть отчетов о путешествиях 1902—1907 гг.) он приступил очень поздно, закончил же их только после первой войны и даже после революции 1917 г. Наконец, согласно этим утверждениям, и самая форма этих книг (знаменитая «арсеньевская форма» подачи материала), создалась лишь после долгих поисков, первоначально же она мыслилась им совсем в ином плане. «Арсеньев не сразу решился избрать прославившую его форму художественных очерков, — пишет Н. М. Рогаль, — первоначально это не входило в его намерения. Даже тогда, когда его стали убеждать начать публикацию дневников, он колебался»⁴⁵.

Так же излагает историю книг В. К. Арсеньева Н. Е. Кабанов: «...Когда Арсеньев в длинные зимние вечера писал свои книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», он излагал их в духе краеведческого, географического, давая описание уссурийской (приморской) природы, местных жителей, а на их фоне и своего проводника Дерсу Узала как пример последних, какими он представлял их себе всюду. Некоторые отступления от строгости научного стиля, оживление текста речевыми? эпитетами, меткими фразами, подкупавшими не только самого Арсеньева, но и всех, кто имел возможность соприкоснуться с лесными обитателями и использовать их в качестве проводников, были совершенно естественными. Известно, что друзья и знакомые Арсеньева, слушая отдельные места рукописи, настойчиво рекомендовали ему скорее опубликовать ее»⁴⁶.

Таким образом, из слов обоих биографов следует, что В. К. Арсеньев, работая над своими книгами, первоначально не помышлял о их публикации и только «советы друзей» заставили взглянуть его на свои книги иными глазами, придать им новую форму, а вместе с тем и подвинули его к скорейшей публикации. Все суждения такого рода покоятся, однако, на каких-то ошибочных сведениях. Обе цитированные работы — и книга Н. Е. Кабанова и брошюра Н. М. Рогалья — имеют бесспорные достоинства: авторами их сделано немало для раскрытия духовного облика В. К. Арсеньева и определения значения его научной, общественной и литературной деятельности. Но, видимо, в данном случае оба автора доверились каким-то неточным источникам или чьей-то неверной информации, и в результате невольно искажены и запутаны и хронология произве-

дений В. К. Арсеньева и изображение его творческого пути в целом. А это в свою очередь ведет к неверному представлению и о тех задачах, какие ставил перед собой В. К. Арсеньев при подготовке к печати своих путевых дневников, и о характере и природе его научно-литературного творчества.

Чтобы более правильно разобраться во всех этих вопросах, необходимо прежде всего как можно точнее установить хронологию его произведений и причины, обусловившие порядок выхода в свет его книг. Нужно сразу же отметить, что всякого рода рассказы о «литературной медлительности» В. К. Арсеньева, о запаздывании с представлением научно-литературных отчетов или даже просто об отсутствии у него «научной отчетности» являются необоснованными и неправильными. В своей основе рассказы такого рода повторяют легенду, возникшую в кругу врагов В. К. Арсеньева и созданную специально для того, чтобы срывать и разрушать все его научные планы и замыслы. Во главе этого враждебного Арсеньеву комплота стоял приамурский генерал-губернатор Гондатти, от воли которого главным образом зависело осуществление задуманных В. К. Арсеньевым дальнейших экспедиций: именно Гондатти и окружавшая его чиновничья камарилья пустили слухи о «литературной неспособности» В. К. Арсеньева и его неумение дать подлинно научные отчеты о своих путешествиях. В. К. Арсеньев неоднократно выступал в Хабаровске с публичными докладами и лекциями о своих путешествиях. Эти «чтения» устраивал местный отдел Географического общества; иногда на них присутствовал и председательствовал Гондатти. На одном из таких чтений он, «благодаря» в заключительном слове докладчика за «интересное сообщение», счел необходимым (во внешне мягкой и даже дружеской форме) упрекнуть его за отсутствие печатной продукции. «Вы много путешествуете,— сказал он Арсеньеву,— но мало печатаете». Это публичное заявление начальника края стало общим местом всех официальных суждений об Арсеньеве, исходящих из местных административных кругов. Под этим предлогом Гондатти не разрешил В. К. Арсеньеву экспедицию в 1915 г., на которую уже были отпущены центральными организациями большие средства и которая была существенно необходима Арсеньеву для завершения его этнографической монографии об удэгейцах. Вместе с тем Гондатти систематически отвлекал его от научной работы, нагружая такими делами и поручениями, которые не только не имели ничего общего с его научной работой, но совершенно лишали возможности заниматься ею. Об этом красноречиво свидетельствуют печатающиеся в настоящем издании письма В. К. Арсеньева. То Гондатти посылал В. К. Арсеньева в Посыет для борьбы с хунхузскими шайками, то давал длительную командировку в различные города Манчжурии для организации отправки китайцев в Россию и т. д. Таким образом, у него

систематически отнималось время для научной работы, и тем не менее, несмотря на все трудности и исключительно тяжелые препятствия, Арсеньев непрерывно и неутомимо работал над подготовкой к печати своих трудов, публикуя одну книгу за другой. Враги Арсеньева, в том числе и сам Гондатти, спекулировали на том, что он не имел возможности печатно или публично опровергнуть их заявления, так как первый большой отчет, объединяющий результаты всех его экспедиций и отдельных поездок за период 1901—1911 гг., был опубликован *секретно* в издании Штаба военного округа и не подлежал оглашению. Это был уже названный выше «Краткий очерк...», вышедший в Хабаровске в 1912 г. В предисловии В. К. Арсеньев называет его «предварительным отчетом» и «краткими извлечениями из записок и рабочих дневников, веденных во время путешествий». Этот «краткий» «предварительный отчет» образовал книгу в 325 страниц и был сопровожден географическим атласом, составившим вторую часть книги; в этот атлас входило свыше двадцати карт, составленных и вычерченных лично самим В. К. Арсеньевым. В предисловии автор скромно писал, что данный «Очерк» не может претендовать на научное значение. «Я писал его,— заявляет он,— без всякой претензии на научность, а просто хотел предать гласности те сведения, которые сейчас в необработанном виде имеются у меня в распоряжении». Однако эта оговорка свидетельствует только о скромности автора, но отнюдь не о характере и содержании самой книги. «Краткий очерк» представляет собой выдающийся научный труд, во многих случаях не утративший своего значения и в настоящее время. Это был по существу первый всесторонний очерк Уссурийского края; в нем были даны: общий географический и геологический обзор края, топографическое описание побережья, подробное географическое и экономическое описание речных бассейнов, характеристика речных режимов; в нем подробнейшим образом были описаны пути сообщения и даны очерки уссурийских лесов и их фауны; подведены итоги длительных метеорологических наблюдений автора и сделана (первые) попытка дать общую характеристику климата Уссурийского края. Ряд глав был посвящен этнографии и экономике населения края (русских, китайцев, корейцев, малых народностей) и т. д.

Так как «Краткий очерк» составлялся исключительно по поручению военного ведомства и для его нужд, то все вопросы в нем были подчинены соображениям и задачам стратегического порядка. Говорил ли автор о режиме рек или о путях сообщения через горы или об обеспеченности местного населения оружием для охоты, он неизменно подчинял все эти вопросы проблеме роли края в будущей войне и условиям его обороны, в связи с этим видное место в его книге заняли вопросы о роли японцев в крае и формах их разнообразной шпионской дея-

тельности. Другой центральной проблемой была для В. К. Арсеньева проблема колонизационная. «В настоящее время самые срочные, самые острые вопросы,— писал он,— это военный и колонизационный. Поэтому весь свой отчет я буду вести именно с этой точки зрения и потому совершенно исключаю подробные описания самих путешествий, почти не трону вопросов, касающихся наук естественно-исторических, а остальных предметов исследования коснусь постольку, поскольку они будут необходимы для военного и колонизационного дела»⁴⁷. Но, как это уже ясно из предыдущего изложения, значение книги отнюдь не ограничивается только этими выделенными автором сторонами. Н. Е. Кабанов с полным правом считает «Краткий очерк» ценнейшим научно-краеведческим трудом, немало облегчившим работу всем исследователям Приморья. Н. Е. Кабанов указал и главнейшие научные проблемы, поставленные и частично разрешенные В. К. Арсеньевым в этом «Очерке»: «он дал,— констатирует Н. Е. Кабанов,— более или менее подробное описание рельефа горных частей Сихотэ-Алиня, установил 22 перевала (от верховьев Уссури до озера Кизи), дал им названия и определил их высоты; сделал ряд ценнейших наблюдений об особенностях горных рек и о значении этих особенностей для местной флоры и фауны; характеристика же путей сообщения сделана и настолько подробно, что являлась прекрасным путеводителем для всех других лиц, пользовавшихся ею». В. К. Арсеньев первый установил климатические районы Приморья и, наконец, несмотря на все его «оговорки», сделал ряд ценных выводов, касающихся местной флоры и фауны. «Если учесть,— пишет один из современных исследователей Дальневосточного края,— что до Арсеньева мы совершенно не имели местной геоботаники и ничего не знали по фито- и зоогеографии Сихотэ-Алиня, то можно оценить, насколько проникновенным географическим умом обладал он, ища обобщений и закономерностей в явлениях природы, и мог подметить основные черты распространения в крае растительности и животного мира. Не являясь специалистом-ботаником и зоологом, тем не менее он первый установил ту биогеографическую границу, которая разделяет в Сихотэ-Алине охотскую и маньчжурскую фауну и флору и которую можно было бы назвать линией Арсеньева. Причем границу эту он понимал в виде широкой переходной полосы, что вполне отвечает современным представлениям биогеографии...» Также чрезвычайно интересные для зоогеографа и эколога данные сообщает Арсеньев, когда рассматривает различия в фауне между прилегающей к морю полосой и точками, лежащими близ подножия Сихотэ-Алиня»⁴⁸. Таким образом, можно решительно утверждать, что во всей дореволюционной географической литературе, посвященной Дальнему Востоку, это издание занимает по своему значению и научной ценности *первое место*. В картографии же Уссурийского края маршрут-

ные карты В. К. Арсеньева, составившие вторую часть его труда, произвели полный переворот. Таким образом, этот игнорируемый официальными критиками действий Арсеньева его первый отчет, который он сам из скромности считал лишь предварительным сообщением, «не имеющим научного значения», должен быть признан научным трудом крупного масштаба,— и вместе с тем это был действительно отчет о результатах десятилетних экспедиционных исследований края.

«Краткий отчет» вышел в свет, как уже сказано, в 1912 г., немедленно же, по окончании его В. К. Арсеньев принял за новый большой труд, выполнявший им также в значительной степени по заданиям военного ведомства. Это историко-этнографический очерк «Китайцы в Уссурийском крае». В 1913 г. этот труд уже был закончен и в 1914 г. вышел в свет. Не будем останавливаться на совершенно очевидных в настоящее время ошибках автора, во многом обусловленных его официальным положением, не будем касаться и тех сторон книги, которые сохраняют и сейчас свое научное значение,— эти вопросы находятся вне задач настоящего очерка. Нам важно лишь подчеркнуть, что этот труд также является «отчетным», так как почти целиком основан на собственных наблюдениях. Эта сторона книги была тогда же отмечена в научной печати. «Характерной особенностью материалов и заметок В. К. Арсеньева,— писал рецензент «Этнографического обозрения» В. В. Богданов,— надо признать их проникновение во многие такие детали быта и с таким наглядным их воспроизведением, которые доступны только очень внимательному и вдумчивому исследованию»⁴⁹. В библиографическом списке работ В. К. Арсеньева, составленном Н. Е. Кабановым, эта книга сопровождается следующей аннотацией: «Очерк мало известен и, несмотря на то что опубликован в 1914 г., он и до сих пор не потерял полностью своего значения. Книга эта представляет крупный вклад в науку. Арсеньев с большой тщательностью собирал для нее все сведения, а некоторые материалы, например сверки китайских законов, даже с риском для жизни». Добавим, что первая глава этой книги, озаглавленная «Очерк физико-географический», представляет собой резюме соответственных глав «Краткого очерка». Поскольку последний был недоступен широкому читателю, эта глава явилась первой печатной сводкой сведений о флоре и фауне Приморья.

Одновременно в 1913 г. В. К. Арсеньев опубликовал небольшой, но чрезвычайно ценный историко-археологический этюд «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края», основанный также на собственных материалах,— главным образом на материалах экспедиции 1912 г.⁵⁰

Таким образом, всякие рассказы о медлительности Арсеньева с представлением отчетов, намекающие на некоторую научно-литературную неорганизованность его, следует считать

пустым и злым вымыслом; к сожалению, такого рода утверждения косвенно отразились и на существующей биографической литературе об Арсеньеве. Печатаемые в настоящем издании ранние произведения В. К. Арсеньева и его письма к разным лицам окончательно снимают эту легенду.

Естественно, что работа над двумя такими книгами, как «Краткий очерк» и «Китайцы в Уссурийском крае» потребовала огромного количества времени, но тем не менее уже очень рано В. К. Арсеньев начал работать и над своими основными сочинениями, то есть над подробным описанием своих путешествий. Как выясняется из его писем к Л. Я. Штернбергу, первый приступ к этой работе был в 1910 г. Уже в это время он начал обдумывать план будущей книги. Можно думать, что первоначально он хотел объединить в одном труде все свои маршруты, в том числе и маршрут экспедиции 1908—1910 гг., подобно тому как это было сделано им в «Кратком очерке»; письма, печатавшиеся в «Приамурье», должны были играть в ряде случаев роль первых эскизов. Необходимость, продиктованная служебными обязанностями дать книгу о китайцах в Уссурийском крае, заставила его отложить работу над задуманным трудом, но она, попрежнему, стоит в центре всех его планов и замыслов. В конце 1912 г. он писал Л. Я. Штернбергу, что отменил все планы экспедиций и до тех пор никуда не поедет, пока не отчитается в прежних поездках. Тогда же он приступил и к работе над этой книгой, и, как мы уже говорили, с этого времени начинают появляться отдельные главы ее в газете.

В июле 1913 г. он пишет Б. М. Житкову: «Только что закончил и сдал рукопись в набор «Китайцы в Уссурийском крае» — очерк историко-этнографический. Теперь за мной: «Путевой дневник» и «Орочи-удэхэ». Эти две работы я закончу к 1914 г. Эти две работы служат мне стимулом. Я тогда только пойду вновь странствовать, когда отчитаюсь об орочах»⁵¹. Вторая половина 1913 г., весь 1914 г. и начало 1915 г. уходят целиком на книгу, от работы над которой его отвлекают лишь различные служебные поручения и поездки. Эти разнообразные и сложные поручения помешали ему кончить книгу к тому сроку, который он первоначально себе поставил, то есть в 1914 г., но опоздание оказалось все же не очень значительным. Его письма к разным лицам позволяют очень точно установить различные стадии работы над этим трудом; совершенно точно устанавливается дата окончания книги — 3 июля 1915 г. Эту дату он называет в письме к В. Л. Комарову⁵².

Но в июле 1915 г. книга была еще только закончена в основном, необходимо было проверить и уточнить некоторые научные данные, особенно ботаническую часть, без чего он не считал возможным направить книгу в печать. Эта «правка» велась им с помощью научных друзей. В письмах 1915 и 1916 гг. он неоднократно упоминает о ведушейся им «корректуре» рукописи.

В конце 1916 г. эта «корректурa» была уже вполне закончена; в письмах к друзьям и знакомым он неоднократно упоминает о размерах своего труда, каждый раз приводя более точную цифру числа страниц. В одном из писем ко мне он называл еще суммарно число: «около 1000 страниц», несколько позже в письме к Л. Я. Штернбергу — 800 страниц и, наконец, в письме к С. М. Широкогорову, относящемся к последним дням 1916 г., уже, видимо, совершенно точно, называет: 838 страниц. Из этих же писем выясняется, что в 1916 г. им были закончены обе книги: и «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». В одном из писем 1916 г. он сообщает о невозможности «из-за отсутствия бумаги» приступить к печатанию книг. Таким образом, нужно отметить все различные сроки окончания этих работ, встречающихся в разных статьях и очерках об Арсеньеве, и считать годом окончательного завершения их 1916 г.

Все эти факты совершенно точно и ясно свидетельствуют о настойчивой, собранной воле В. К. Арсеньева; о его совершенно четких и вполне продуманных литературно-научных замыслах; о его исключительной трудоспособности; о безукоризненном умении организовывать свой труд и свое время. Одновременно рушатся и легенды о каких-то колебаниях Арсеньева, о длительных поисках литературной формы и о чьих-то «добрых советах», разрешивших все его сомнения и колебания. Печатающиеся в настоящем издании очерки «Из путевого дневника» особенно показательны в этом отношении; они написаны в той же литературной манере, что и поздние его книги, и, таким образом, свидетельствуют, насколько органична была для Арсеньева избранная им форма и что эта форма была им найдена сразу, без предварительных колебаний и каких-то указаний или советов извне. Разница между этими очерками и позднейшими, составившими две его книги о путешествиях по Уссурийскому краю, не качественная, а, так сказать, количественная, то есть, не в методе изложения, а лишь в степени зрелости и совершенства мастерства. Крепнул художественный талант, увереннее стала рука, все более и более обогащалась его литературная палитра, но метод подачи материала, форма его оставалась неизменной. В существующей биографической литературе господствует почти нераздельно убеждение, что как писатель В. К. Арсеньев проявил себя лишь в книге «В делях Уссурийского края», первые же его работы (в том числе и книга «По Уссурийскому краю») имели только научное значение, но не литературное. Н. Е. Кабанов утверждает, что «только со времени получения письма от А. М. Горького он (В. К. Арсеньев) начал заниматься более углубленной отделкой своих книг: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала»⁵³. Это утверждение стоит в противоречии с известными хронологическими фактами. Ведь переработка В. К. Арсеньевым двух книг о путешествиях с Дерсу и объединение их в одну была закончена им еще до полу-

чения письма от А. М. Горького. Новое, переработанное издание под заглавием «В дебрях Уссурийского края» вышло в 1926 г., письмо же Алексея Максимовича было написано в 1928 г. и явилось результатом его знакомства именно с этим изданием, которое послал ему в Сорренто писатель М. М. Пришвин. Об этом подробно рассказывает сам Н. Е. Кабанов, опровергая тем самым свое утверждение о роли письма Горького в истории создания ставшей знаменитой книги Арсеньева⁵⁴.

Горький сыграл огромную роль в жизни В. К. Арсеньева. Он помог ему иными глазами взглянуть на свое писательское дарование и тем самым глубже осознать самого себя; он содействовал широкому признанию Арсеньева и его выходу из местной краеведческой печати в «большую литературу»; он разъяснил самым широким кругам советских читателей значение Арсеньева и первый дал правильную оценку его как писателя, с необычайной глубиной раскрыв и определив сущность его творчества. Но как писатель Арсеньев сложился еще до встречи с Горьким (то есть, вернее, до письма к нему Горького, ибо личной встречи, о которой так мечтал Владимир Клавдиевич, так и не произошло) — это должно быть установлено вполне определенно, иначе в неправильном свете изображается творческий путь В. К. Арсеньева и неясной представляется роль Горького в его литературной судьбе и репутации.

Неправильно и другое, также очень распространенное, суждение о коренном различии первой и последующей редакции книг В. К. Арсеньева о путешествиях 1902—1907 гг. Вторая редакция вовсе не является коренной переработкой в каком-нибудь новом плане, но сводится лишь к некоторым изменениям в составе и содержании книги. «Переработка» свелась лишь к ряду сокращений и некоторым упрощениям: исключены латинские названия, сокращены некоторые технические подробности, опущены или очень сокращены (к сожалению) страницы, касающиеся методики и техники путешествия, исключены, наконец, некоторые эпизоды или приведены в сокращенном виде. Сам В. К. Арсеньев рассматривал вторую редакцию именно как «краткое изложение» первой, в этом духе он неоднократно высказывался и в письмах. «В дебрях Уссурийского края» я Вам не посылал, — писал он автору настоящей статьи, — потому что она есть краткое изложение первых двух книг, которые Вы уже имеете от меня с авторскими надписями». И действительно, по методу обе эти редакции вполне идентичны; и та и другая написаны в форме художественных очерков, в которых географические, геологические, биологические и этнографические описания чередуются с рассказами об отдельных эпизодах путешествия, где описания ландшафтов перемежаются с изображениями и характеристиками людей и где в основную ткань научного повествования вплетены страницы лирики и раздумий. Вся

книга построена в форме живого рассказа, делающей научную тему и необычайно легкой для усвоения и увлекательной. Идентичность художественного метода и композиционное единство обеих редакций наглядно иллюстрируется и заглавиями отдельных глав и особенно подзаголовками, которые даны в первой редакции. Вот, для примера, несколько таких заглавий и подзаголовков: Глава I. Стеклянная Падь (Бухта Майтун. Село Шкотово. Река Бэйца. Встреча с пантерой. Дадянь-шань. Изюбри). Глава II. Встреча с Дерсу (Бивак в лесу. Ночной гость. Бессонная ночь. Рассвет). Глава III. Охота на кабанов (Изучение следов. Забота о путнике. Зверовая фанза. Гора Тудинза и верховья Лефу. Кабаны. Анимизм Дерсу). Глава IV. Пурга на озере Ханка (Исторические и географические сведения об озере Ханка. Торопливый перелет птиц. Заблудились. Пурга. Шалаш из травы. Возвращение на бивак). В этих перебоях подзаголовков с полной ясностью и отчетливостью раскрывается сущность композиционного замысла писателя и метод изложения. Это отдельные рассказы, где научные наблюдения чередуются и перемежаются с эпизодами жизни экспедиционного отряда в пути и на биваках. Эти заглавия и подзаголовки сохранены почти без изменений и в новой редакции, вполне соответствуя содержанию и порядку изложения книги. Тот же метод и та же форма очерков — в корреспонденциях 1908—1910 гг., что и показывает, как уже было сказано выше, органичность этой формы для Арсеньева.

Особенности арсеньевского художественного метода и стиля выразились в наиболее раннем его произведении — в «Отчете о деятельности Владивостокского Общества любителей охоты» (1905). Этот «Отчет» является первым известным нам печатным трудом В. К. Арсеньева. Н. Е. Кабанов сообщает, что при своем появлении он получил большую популярность, но потом оказался совершенно забытым. Ныне этот «Отчет» перепечатан (с некоторыми сокращениями) в собрании сочинений В. К. Арсеньева⁵⁵. Нельзя только согласиться с той аннотацией, которая предпослана ему редакцией. «Эта работа представляет интерес,— говорится в редакционном предисловии,— сообщением данных о пятнистом олене, получившем в годы советской власти исключительное развитие в виде многих пантовых звероводческих хозяйств»⁵⁶. Такой оценкой очень снижается значение этого раннего произведения Арсеньева, тем более что, тому вопросу, который выделен редакцией, посвящено всего одиннадцать страничек. Значение и смысл данного «Отчета» гораздо глубже: в нем даны обильные сведения не только о пятнистых оленях, но и о других представителях животного мира Уссурийского края, а также о формах организации охоты, об охране фауны края и проч. Но наиболее интересен этот «Отчет», как яркое свидетельство о научно-творческом облике молодого Арсеньева. В этом полуофициальном документе уже чувствуется

будущий знаменитый путешественник и писатель: тщательность описаний, вдумчивые наблюдения, разносторонность сообщаемых фактов делают этот отчет, как и каждую последующую его книгу, незаменимым (и отнюдь не устаревшим) источником для географа, этнографа, натуралиста, экономиста-практика. Наконец, в нем уже сказывается и своеобразная писательская манера Арсеньева, в которой так счастливо сочетались органически и неразрывно исследователь и художник. В качестве примера можно указать страницы, посвященные описанию местных охотничьих собак, описание охоты на изюбря, перелетов птиц, характеристика подлинного зверопромышленника и «промышленника», встреча с которым в тайге «опаснее встречи со зверем», и т. д.

Описание двух типов «промышленников» особенно интересно: оно свидетельствует о живой наблюдательности молодого автора, его зоркости, цепкости памяти и рано сложившегося умения давать четкие описания; «Зверопромышленник — это человек, живущий почти исключительно охотой и только досуг свой посвящающий хозяйству. В большинстве случаев хозяйством его ведет отец, брат или кто-нибудь из близких родственников. Весьма интересно ходить с ним на охоту. У этих людей на все имеются интересные приемы и сноровка, выработанные долголетним охотничьим опытом и практикой. Где держится зверь, как его обойти, где искать подранка, умение различать след зверя и его свежесть, способность быстро ориентироваться и принимать соответствующие решения, угадывать намерения зверя, отличное зрение и тонкий слух, дающие возможность распознавать тайгу и читать ее жизнь как знакомую открытую книгу, способность найти пропитание, устроиться на ночь во всякую погоду, умение быстро скрадывать зверя без всякого шума, подражать крику животных — вот отличительные качества и черты охотника-зверопромышленника»⁵⁷. Арсеньев в этом очерке еще не дает полной воли своему художественному темпераменту. Но последний порой все же прорывается наружу, и страницы официального отчета начинают звучать, как поэма. Ярко обнаруживается здесь и поразительное арсеньевское чутье к природе: художественно эмоциональное ее восприятие и страстная влюбленность в нее. Вот, например, один отрывок: «...В это время тайга живет и дышит. Рев изюбрей, крепкие удары их рогов, фыркание рыси, лай красных волков, крик кабарги и рев тигра — все это стоит несмолкаемым гомоном в лесу от заката до утреннего рассвета. Целую ночь этот *стон тайги* (курсив наш.— М. А.) не дает сомкнуть глаза охотнику. Для охотника-любителя это самое интересное время, воспоминания и впечатление которого остаются в памяти на всю жизнь»⁵⁸.

Мы подробно остановились на этом раннем «отчете», так как он служит убедительным опровержением утверждений

о позднем формировании литературного таланта Арсеньева и поздней выработки его литературной манеры.

Художественный темперамент автора проявляется и в «Кратком очерке»: таковы описания тайги, почти целиком перенесенные из очерков, печатавшихся в «Приамурье», описания таежных балаганов и некоторые другие. Маленьким шедевром является среди них описание «поединков рыб (кеты)» «...они (самцы) гуляют спокойно, пока не появятся самки. Как раз к этому времени у самцов появляются большие острые клыки. Тогда начинаются поединки: эти рыбы донельзя драчливы. Я видел раз, как один самец схватил другого за спинку, и так обе рыбы шли не разделяясь, по крайней мере около двухсот шагов... Когда рыбы дерутся, они настолько ослеплены яростью, что не замечают приближения человека. Обыкновенно в таких случаях надо бить нижнюю рыбу. Она *думает* (курсив наш.— М. А.), что боль причиняет ей другая (верхняя) и с своей стороны с еще большей яростью кусает ее» и т. д. ⁵⁹.

Эти особенности писательской манеры Арсеньева привели некоторых исследователей и критиков к ложным представлениям о характере и природе основных книг В. К. Арсеньева и о месте их в географической литературе; их относят не к научным сочинениям в собственном смысле слова, а к произведениям «литературно-художественным» и даже «беллетристическим». В библиографическом указателе русской охотничьей литературы (1929), вошедшем в состав пятитомных «Основ охотоведения» Д. К. Соловьева, сочинения В. К. Арсеньева включены в раздел «охотничьей беллетристики» ⁶⁰; близок к такому пониманию и Н. Е. Кабанов, который в своем обзоре «вклада В. К. Арсеньева в науку и литературу» рассматривает его книги о путешествиях исключительно как «литературно-художественные произведения». В проспекте шеститомного собрания сочинений В. К. Арсеньева книга «Дерсу Узала» названа *повестью* («Повесть о гольде — спутнике В. К. Арсеньева в путешествиях») ⁶¹. Н. Е. Кабанов дал и обоснование этой точки зрения. «В самом деле,— пишет он,— кому может притти мысль, считаем ли мы Н. М. Пржевальского, В. И. Роборовского, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова да и многих других, оставивших нам незабываемые описания своих путешествий, писателями. Конечно нет, мы считаем их учеными, исследователями, географами, путешественниками и пр.» ⁶² (курсив наш.— М. А.). Арсеньев же, по мнению автора, является ученым путешественником и исследователем лишь в своих ранних произведениях и в первой редакции книг о путешествиях с Дерсу, но в последующих сочинениях (в том числе и главным образом в книге «В делях Уссурийского края») он выступает уже как писатель. Так произошло странное и неожиданное исключение из науки трудов замечательного путешественника и перевод их в

беллетристику, а отсюда были сделаны уже дальнейшие выводы. К книгам В. К. Арсеньева стали подходить с совершенно иными критериями и требованиями, окончательно ломающими представление об их научном качестве. На страницах дальневосточной печати раздавались голоса об «узости рамок, которыми себя ограничил» В. К. Арсеньев, об одностороннем показе края, об отсутствии интереса к городской жизни и жизни населения вблизи железной дороги; его упрекали, наконец, в пристрастии к таежной экзотике и т. д.⁶³ Едва ли возможно считать такие упреки закономерными и обоснованными, они были бы вполне уместны, если бы речь действительно шла о писателе-беллетристе, свободно избирающем свои темы и столь же свободным в выборе образов для показа особенностей края, который он стремится изобразить в своем творчестве, но они совершенно незаконны в применении к книгам путешественника, связанного своим материалом и обязанного описывать лишь то, что входило в поле его зрения во время путешествия. Арсеньева упрекали и в романтизировании Дерсу, забывая при этом, что Дерсу портрет не литературный, а (как это правильно указал Горький) реальный образ живого человека; романтический же ореол создан читателями и, следует добавить, критиками, забывшими о реальной сущности Дерсу.

Противопоставление, которое делается между Арсеньевым и Пржевальским, является не только глубоко ошибочным, но опасным, ибо внушает ложные представления о характере научного творчества обоих путешественников.

О литературной манере Пржевальского писали и упоминали почти все его биографы и авторы статей о нем, но до сих пор нет специальной работы, посвященной этой теме. Внимание исследователей останавливалось преимущественно на общем типе сочинений Пржевальского и их составе. Сравнительная характеристика сочинений Пржевальского, Певцова и Потанина находится в книге академика В. А. Обручева о Потанине: «Путевые отчеты всех трех пионеров,— пишет автор,— являются настольными книгами современного натуралиста, занимающегося изучением природы и жителей внутренней Азии, не только географа и этнографа, но и геолога, зоолога, ботаника, даже климатолога и археолога». «Но эти путевые отчеты,— указывает далее В. А. Обручев,— неодинаковы: у Потанина и Певцова даны более точные характеристики местности, более детальные данные о виденном и слышанном, у Пржевальского — «более красивые описания природы, более интересное изложение хода путешествия, путевых встреч, охотничьих приключений»⁶⁴. Современный исследователь-географ, редактор новейших переизданий книг Пржевальского Э. М. Мурзаев еще более резко противопоставляет книги Потанина и Пржевальского. По его мнению, «Очерки Северо-Западной Монголии» читать и трудно и «порой скучно». «В деталях, представляющих большой науч-

ный интерес, слабо проглядывает романтика путешествия, жизнь экспедиции, ее люди и быт. Здесь нет и обобщающих тематических разделов; это только полевые дневники, очень нужные и полезные, но требующие еще окончательной обработки»⁶⁵. Нам представляется несколько преувеличенной такая характеристика сухости «Очерков Северо-Западной Монголии» Потанина, но основное различие уловлено автором правильно. Книги Пржевальского пленяют сочетанием строгой научной точности с живым и ярким изложением, пленяют и чаруют исключительной свежестью восприятия природы и энтузиастическим отношением к ней, они пленительны, наконец, великолепным русским языком, которым в совершенстве владеет их автор.

Книги, совершившие переворот в географии, принадлежащие, бесспорно, к самым выдающимся памятникам научной географической литературы, являются вместе с тем и увлекательнейшим чтением, доступным любому читателю⁶⁶. Страницы, посвященные обстоятельным и точным описаниям пройденного пути, чередуются с поэтическими описаниями природы, с философскими раздумьями, с лирическими переживаниями, вызванными созерцанием природы и чувством тоски по оставшейся вдали родине; гневные обличения продажной и лживой китайской администрации чередуются с выражением теплого участия и глубокого человеческого сочувствия к судьбе забытых кочевников, и, наконец, повсюду вкраплены страницы полные нежного и мягкого юмора, особенно в тех случаях, когда он говорит о повадках и нравах птиц или зверей. Незабываемы его описания нахальных и вороватых ворон, беспредельно любопытных монгольских пищух (оготоно) или элегантных любезников журавлей. Во всем прославленном сочинении Брэма не найдется ни одной строчки, которую можно было бы поставить рядом с этими выразительными, художественными страницами, пронизанными и согретыми каким-то особенно человеческим отношением к миру животных. Позволю себе привести два примера. Вот описание пищухи: «В характере пищухи сильно преобладает любопытство. Завидя подходящего человека или собаку, этот зверек подпускает к себе шагов на 10 и затем мгновенно скрывается в норе. Но любопытство берет верх над страхом. Через несколько минут из той же самой норы снова показывается головка зверька, и если предмет страха удаляется, то оготоно тотчас же вылезает и снова занимает свое прежнее место»⁶⁷.

Другой пример — «пляска журавлей» — описание «забавных плясок», которые затевают журавли «для развлечения и удовольствия своих любимых подруг». Это описание является подлинным шедевром художественно-научной литературы. «Ранним утром и в особенности перед вечером, — рассказывает Пржевальский, — журавли слетаются на условное место и, покричав здесь немного, принимаются за пляску. Для этого они об-

разуют круг, внутри которого находится собственно арена, предназначенная для танцев. Сюда выходят один или два из присутствующих, прыгают, кивают головой, приседают, подсакивают вверх, машут крыльями и вообще всякими манерами стараются показать свою ловкость и искусство. Остальные присутствующие в это время смотрят на них, но немного погодя смеяют усталых, которые в свою очередь делаются зрителями. Такая пляска продолжается иногда часа два, пока, наконец, с наступлением сумерек утомленные танцоры закричат хором во все горло и разлетятся на ночь по своим владениям. А затем,— заканчивает он эту чудесную жанровую картинку,— «любезные кавалеры», изо всех сил стараются не упустить ни одного случая «выказать любезность» перед своими самками, тогда как их «более положительные супруги» «занимаются проглатыванием пойманных лягушек»⁶⁸. И параллельно этому с глубоким сочувствием и состраданием описывает он скорбь журавля, потерявшего свою подругу, который, убедившись, наконец, в бесполезности своих поисков, решается покинуть это место⁶⁹.

Но с наибольшей силой художественное дарование и изобразительное мастерство Пржевальского проявилось в его описаниях пейзажей. К. А. Тимирязев любил говорить о существующем особом и «неразгаданном» «чувстве природы»: его «не берется выразить словом поэт,— говорит он,— в нем не в состоянии разобраться ученый», но оно сближает всех людей и в нем заложен какой-то «безотчетный», широкий патриотизм, соединенный с высокой «любовью к человеку»⁷⁰. «Среди природы,— утверждал К. А. Тимирязев,— более чутко человек и к человеческому горю». В качестве великих примеров подлинной «простой и здоровой» любви к природе, сочетающейся с глубокой любовью к человеку, он приводил имена Тургенева, Некрасова, Мицкевича, Руссо и Байрона⁷¹. Этот круг имен можно, конечно, значительно увеличить, одно из первых мест в этом ряду должно бы занять имя Пржевальского, по поводу которого вполне уместно вспомнить один глубокий афоризм того же К. А. Тимирязева: «Все великие ученые были в известном смысле великими художниками»⁷². Значительность и вескость этого замечания усугубляется тем, что оно находится в статье, озаглавленной «Наука и обязанности гражданина».

Первым литературным опытом Пржевальского были «Воспоминания охотника», написанные им, когда ему исполнилось 23 года, и затерявшиеся на страницах специального журнала «Коннозаводство и охота». В дни столетнего юбилея Пржевальского они были перепечатаны в «Известиях географического общества», но достоянием широких кругов читателей так и не стали. Между тем этот ранний очерк Пржевальского весьма примечателен: он поражает четкостью описаний, умением разложить свои переживания на отдельные элементы и тем дать

как бы полный отчет о них, отчетливой и тщательной передачей красок и их различных оттенков и необычайной искренностью и страстностью тона и глубоким сознанием живой гармонии природы. Наивысшего же мастерства достигал он в изображении и передаче звуков, что, как известно, редко удавалось самым прославленным мастерам-пейзажистам. Ввиду малой известности этого очерка позволю себе привести одну, быть может, слишком обширную, но зато чрезвычайно характерную цитату. «Чудная весенняя ночь обнимала всю природу. Великолепным пологом раскинулось надо мной безоблачное небо, усеянное мириадами звезд; алый цвет вечерней зари догорал на западе. Это была не безмолвномертвая осенняя или зимняя ночь, — нет, ее таинственная тишина была полна жизни, которой звуки слышались всюду вокруг меня. Дивными трелями, с тысячью перекатов, раздавался ночной соловей, то тихо, едва слышно, то доходя до самых высоких мотивов. Долго я слушал только одну эту песнь и на память невольно пришло известное описание ее Аксаковым....

Но не один соловей оживлял так эту ночь; дикий барашек (бекас) блял над болотом; наигравшись вдоволь в поднебесье, он опускался на землю и страстным голосом манил свою самку. Деркачи и погоньши кричали, не умолкая, по временам раздавался тоскливый голос чибиса, выпь гудел в болоте, и голос его казался каким-то зловецким звуком; в лесу гукал филин. И все эти звуки, сливаясь в одно стройное целое, давали живо чувствовать гармонию жизни природы и вызывали тихое, ничем невозмутимое наслаждение. И не завидовал я ни одному сибариту, утопающему в роскоши и неге; нет, моя постель из нескольких ветвей была лучше их пуховиков; голоса птиц выражали более гармонии и глубже западали в душу, чем музыка любого артиста; легко и свободно было на сердце, вдали от пошлостей и мелочей повседневной жизни». И далее следует превосходное описание утра в лесу, представляющее собой великолепную звуковую симфонию. «Непотухавшая всю ночь заря начала обновляться на востоке; потянуло прохладным ветерком, проснулась природа. Зарянка запела свою тихую песню; как испуганный, дико закричал дрозд и с громким чаканьем понесся дальше; где-то прохрипел вальдшнеп, закуковала кукушка, болото вдруг огласилось тысячами голосов, заворковали в лесу голуби⁷³...» Завершается картина звучащим, как величественный гимн, описанием восходящего и торжествующего дня». Солнце восходило и вызывало к жизни молодой и роскошной, к весенней жизни всю окружавшую меня природу...⁷⁴. Этими взволнованными торжественными словами заканчивается и весь очерк.

В этом отрывке, который может быть включен в антологию лучших образцов русского художественного слова, весь будущий Пржевальский. И, читая его поздние страницы, посвящен-

ные роскошной природе Уссурийского края, или суровым и безрадостным степям Монголии, или навевающим ледящий ужас вершинам «могучего плоскогорья», или грандиозной величественной панораме, открывающейся с вершины тибетских гор, или прелестному весеннему утру в тростниках Лобнора, или «великолепной заре» в пустыне Гоби — мы неизменно слышим и узнаем тот же голос восторженного юноши, который когда-то в вольном лесу с трепетом и благоговейным восхищением прислушивался к живому биению пульса природы и жадно впитывал все ее краски, звуки, запахи; в иной обстановке, в иных условиях звучит то же противопоставление жизни среди свободной природы прозябанию «сибаритов» в искусственном мире условностей и пошлости. Вспомним его знаменитое прощание с Уссурийским краем (которое, кстати сказать, наизусть помнил и любил цитировать В. К. Арсеньев): «Прощай, Ханка! Прощай, весь Уссурийский край! Быть может, мне не увидеть уже более твоих бесконечных лесов, величественных вод и твоей богатой, девственной природы, но с твоим именем для меня навсегда будут соединены отрадные воспоминания о счастливых днях свободной, страннической жизни...»⁷⁵.

Совершенно исключителен охватенный Пржевальским круг явлений природы. Ему выпало на долю великое счастье созерцать самые разнообразные и противоположные картины: леса и болота Смоленщины и Волыни, мягкие равнинные пейзажи средней России, могучие полноводные сибирские реки, великолепные и пышные леса Дальнего Востока, скудные степи, мертвые пустыни и величественные хребты Центральной Азии — все это нашло свое отображение в сочинениях Пржевальского, и каждое явление, каждый пейзаж переданы и изображены с сохранением свойственных лишь им, индивидуальных и часто неповторимых особенностей. Вновь невольно вспоминается одна страничка К. А. Тимирязева. В статье «Естествознание и ландшафт» он писал о Тёрнере, который был его любимым художником и непревзойденным в его глазах, художником-пейзажистом. «Его предметом, — писал К. А. Тимирязев, — была решительно вся природа, во всех ее проявлениях: было ли то пасмурное зимнее утро на однообразной равнине или разгул стихий в Альпах, или шторм на море, и, прежде всего, солнце с ослепительной игрой света и красок во всех их бесконечных сочетаниях». И далее. «Он охватил как никто ни до него ни после него всю совокупность, все бесконечное разнообразие форм и явлений природы от изящных изгибов лебединой шеи или сверкавшей под водой рыбки до причудливой листвы и разветвления деревьев и застывших гигантов горных кражей, от грозных движений стихий в альпийской буре или урагане на море до ослепительных эффектов непосредственного солнечного света или опаловых переливов занимающегося пожара догорающей вечерней зари, — словом, потому, что он был величайший изо-

бразитель природы, какого видел мир с той поры, как изощренный глаз человека стал улавливать ее красоту, а искусная рука ~~нашла~~ тайну передавать другим эти впечатления»⁷⁶.

Эти строки, принадлежащие замечательному естествоиспытателю, великому знатоку природы, содержат не только глубокую и выразительную характеристику мастерства художника, но определяют и требования, которые можно предъявлять к художникам-пейзажистам: как живописцам, так и писателям. Пржевальский — не Тёрнер, сравнивать их не приходится, хотя бы уже потому, что различны и сферы их действий и задачи, которые они перед собой ставили. Но тимирязевская оценка Тёрнера является великолепной и выразительной аналогией, способствующей уяснению характера изображений природы у Пржевальского: их глубину, поэтичность, проникновенность и тщательную точность, позволяющую им сохранить в полной мере научно-документальное значение.

В нашу задачу не может входить подробный анализ стиля Пржевальского и всех особенностей его литературной манеры. Мы остановились на этом вопросе лишь для того, чтобы в целях дальнейшего изложения выявить основной тип или вернее сказать основной тон его произведений и тем самым показать незаконность и необоснованность противопоставления понятий «ученый» и «писатель». Такое противопоставление всегда неправильно, в применении же к Пржевальскому оно сугубо ошибочно. Ответом на риторический вопрос: «может ли кому притти в голову считать Пржевальского писателем» должно выдвинуть тезис о Пржевальском как об одном из замечательнейших русских писателей.

В. К. Арсеньев продолжает литературную традицию Пржевальского и может быть назван самым ярким ее представителем. Выше было приведено суждение академика В. А. Обручева о книгах Пржевальского; его можно повторить, говоря и об аналогичных сочинениях В. К. Арсеньева. Более же всего сближает и роднит обоих авторов их отношение к природе. Их книги кажутся порой какими-то вдохновенными поэмами, сочетающими научную точность в описаниях с подлинным и глубоким лиризмом.

У В. К. Арсеньева такое же преклонение перед красотой природы, такое же восторженное отношение к ней, какое было характерно для Пржевальского. О любви Арсеньева к природе, о его умении понимать ее, о его глубоком и искреннем восхищении перед ней очень живо свидетельствуют страницы дневника П. П. Бордакова: «В. К. Арсеньев отдавал солдатам распоряжения и его блестящие глаза горели воодушевлением: «Итак, господа, первый камень заложен,— сказал он, потирая свои маленькие руки и подходя к нам.— Посмотрите, какая прелесть! Море, небо... ведь, небо-то какое! Чистое, яркое, без единого облачка... Эх, что может быть лучше природы! «И,

словно не будучи в силах выразить своего чувства, он махнул рукой и повернулся к костру»⁷⁷. И еще: «В. К. Арсеньев поглядывал по сторонам, и его энергичное лицо дышало бодрым радостным чувством человека, попавшего в привычную обстановку, где он может приложить в полной мере свои знания и силы. «Нигде не дышится так легко, как в тайге,— сказал он.— Я всегда преображаюсь среди лесов и не променяю их ни на один город в свете. Здесь и думается, и работается легче, и нет этой кучи всевозможных никому ненужных условностей, которые, как тенета, мешают движениям. Да разве не клокочет и здесь жизнь? И травы, и птицы, и звери — ведь все это живет... Надо только понять эту жизнь и уметь наслаждаться ею. Горожанин не любит и не понимает природы; он боится ее, боится грома, холодного ветра, самого безобидного животного, вроде ужа или лягушки, боится дождя, жары, темной ночи — всего боится и перед всем дрожит. Среди природы он беспомощен, как ребенок. А вдруг он заблудится! А вдруг промочит ноги или свалится с горы! Жалкие эти люди!»⁷⁸. Чрезвычайно любопытен рассказ П. П. Бордакова, как однажды он и Арсеньев были застигнуты в пути грозой: дождь превратился в ливень и промочил их «до костей». Холод сводил члены; ветер налетал бешеными порывами и задувал «ни за что не хотевший разгореться костер». Буря валила с грохотом огромные деревья; непрерывно сверкали молнии, оглушительно гремел гром. «А ведь красота-то какая! А?» — крикнул мне на ухо В. К. Арсеньев. С него (как и со всех нас) ручьями текла вода, он весь дрожал от холода, но глаза его горели воодушевлением и самым искренним восторгом»⁷⁹.

Такие выражения своего восхищения природой и буквально преклонения перед ней были у Арсеньева не декларативными, столь часто встречающимися изъявлениями «восторгов», но подлинным и глубоко искренним чувством. Они сопровождались умением «видеть» ее, запоминать, удерживать в своей памяти характерные детали, и потому-то он сумел овладеть искусством «читать тайгу», которому учили его Делус и другие его друзья-проводники. Книги В. К. Арсеньева свидетельствуют о таком же глубоко присущем ему чувстве природы, каким отмечены восприятия природы у Пржевальского.

Для Пржевальского характерно восхищение грандиозностью природы, ее величественностью, при соприкосновении с которой невольно возвышается и просветляется человек. «Сколько раз я был счастлив, сидя одиноким на высоких горных вершинах!» — вспоминал Пржевальский, прощаясь с горами Гань-Су, при созерцании которых всегда так «любовался глаз и радовалось сердце». «Сколько раз завидовал пролетавшему в это время мимо меня грифу, который может подняться еще выше и созерцать панорамы еще более величественные. Лучшим делается человек в такие минуты! Словно, поднявшись ввысь, он отрече-

шается от своих мелких помыслов и страстей. Могу сказать, кто не бывал в высоких горах, тот не знает грандиозных красот природы!..»

Аналогичные переживания природы встречаем и у Арсеньева: то же восхищение ее величием, то же умиленное созерцание ее красоты и стремление к отрешению от «будничной прозы». Но величие природы раскрывается ему не только при созерцании ее грандиозного великолепия — перед ним и не раскрывалось таких потрясающих панорам, какие созерцал Пржевальский в Центральной Азии, — эти переживания сопутствуют ему всюду: при любовании лунной ночью на берегу моря или звездной ночью в тайге или при созерцании перелета птиц через болотистые степи. «Покончив с работой, я встал и по тропе взошел на самый мыс. Величественная картина представилась моим глазам. Поверхность океана была абсолютно спокойной. В зеркальной поверхности воды отражалось небо, усеянное миллионами звезд. Было такое впечатление, будто я нахожусь в центре мироздания, будто солнце удалилось на бесконечно далекое расстояние и затерялось среди бесчисленного множества звезд. Все земные радости и горе показались мне такими мизерными и ничтожными, как предрассудки моих спутников о чудесных деревьях-тун около реки Адими» (III, стр. 166)⁸⁰. «Было уже поздно, — описывает В. К. Арсеньев свои переживания на маяке Николая, — на небе взошла луна и бледным сиянием осветила безбрежное море. Кругом царил абсолютная тишина. Ни малейшего движения в воздухе, ни единого облачка на небе. Все в природе замерло и погрузилось в дремотное состояние. Листва на деревьях, мох на ветвях старых елей, сухая трава и паутина, унизанная жемчужными каплями вечерней росы, — все было так неподвижно, как в сказке о спящей царевне и семи богатырях... Около тропы лежала большая плоская базальтовая глыба. Я сел на нее и стал любоваться природой. Ночь была так великолепна, что я хотел запечатлеть ее в своей памяти на всю жизнь. На фоне неба, озаренного мягким сиянием луны, отчетливо выделялся каждый древесный сучок, каждая веточка и былинка. Полный месяц с небесной высоты задумчиво смотрел на уснувшую землю и тихим грустным светом озарял мохнатые ели, белые стволы берез и большие глыбы лавы, которые издали можно было принять за гигантских жаб или окаменевших допотопных чудовищ. Воздух был чист и прозрачен: кусты, цветковые растения, песок на тропе, сухую хвою на земле, словом, все мелкие предметы можно было так же хорошо рассмотреть, как и днем. Поблизости от меня рос колючий кустарник даурского шиповника, а рядом с ним поросль рябины, за ней ольховник и кедровый стланец, а дальше жимолость и сорбария. Еще не успевшая остыть от дневного зноя земля излучала в воздух тепло, и от этого было немного душно. Эта благодатная тишь, эта светлая лунная ночь как-то особенно успокоительно

действовали на душу. Я вдыхал теплый ночной воздух, напоенный ароматом смолистых, хвойных деревьев, и любовался природой... (III, стр. 91).

В этом отрывке — весь Арсеньев: внимательный наблюдатель природы и вдохновенный певец ее. Поражает сочетание поэтического восприятия природы с точной фиксацией малейших деталей; восторженные лирические переживания не только не мешают точному наблюдению, но даже более изошряют последнее, помогая заметить и уловить мельчайшие подробности. Отдаваясь упоению чарующей ночи, радостно вдыхая ночные ароматы и поддаваясь обаянию разлитой в природе грусти, он замечает и запоминает отдельные веточки, древесные сучки, бабки, сухую траву, сверкающую росой паутинку; с строгой научной точностью перечисляет виды деревьев, методически сообщая их названия: колючий кустарник даурского шиповника, поросли рябины, сорбария и т. д. Восхищаясь перелетом птиц в низовьях реки Лёфу, который он называет «величественной картиной» и которым любовался «как очарованный», он внимательно перечисляет все замеченные им виды птиц и описывает характер их полета. «Тысячи птиц большими и малыми стаями тянулись к югу. Некоторые шли в обратном направлении, другие — наискось в сторону. Вереницы их то подымались кверху, то опускались вниз, и все разом, ближние и дальние, проектировались на фоне неба, в особенности внизу около горизонта, который вследствие этого оказался как бы затянута паутиной» (I, стр. 37). Он не ограничивается только общим описанием, но в этих огромных, закрывших горизонт стаях уверенно различает отдельных представителей пернатого царства: орлы, канюки (соколы), лебеди, казарки, гуси, чайки, кроншнепы, крохали и т. д., сопровождая описание меткими, характерными эпитетами, позволяющими живо представить себе отдельные пролетающие отряды: осторожные гуси, стаи грузной кряквы, торопливые утки, грациозные и подвижные чайки, изящные проворные крачки, остроклювые крохали. Подробно и живописно описан характер полета: орлы парят, распластав свои могучие крылья и описывая большие круги; гуси ниже орлов, но все же высоко над землей, они летят правильными косяками и «тяжело вразброд» машут крыльями; утки летят ближе к земле с большим шумом; соколы описывают красивые круги, подолгу останавливаются на одном месте и «трепеща крыльями» зорко высматривают на земле добычу. «Порой они отлетали в сторону, опять описывали круги и вдруг, сложив крылья, стремглав бросались книзу, то, едва коснувшись травы, снова быстро взмывали вверх»; кроншнепы летели легко, плавно и делали «удивительно красивые» повороты; чайки и крачки «своей снежной белизной мелькали в синеве лазурного неба».

Автор-путешественник всегда испытывает при описаниях природы большие трудности, чем писатель-беллетрист; послед-

ний вводит в свое повествование пейзажи «по мере надобности» и совершенно свободен в выборе картин природы и их особенностей. Пейзаж в повести или романе обычно лишь сопутствует действию и никогда не выступает на первый план повествования. Иначе — у путешественников, в частности у Н. М. Пржевальского или В. К. Арсеньева. У Арсеньева — пейзаж главная и неизменная тема. Он описывает природу на всем протяжении своего повествования о пройденных маршрутах; он изображает ее в разные времена года, в разные моменты дня, при разных состояниях погоды; воспроизводит картины лесов, лугов, болот; описывает большие, широкие реки и бурные горные потоки, морские берега и морской прибор; изображает открытые непроходимыми лесами горные хребты и суровые обнаженные гольцы; воспроизводит картины солнечных восходов и закатов, восхождения луны и медленного постепенного исчезновения ее; картины грозы, наводнений, лесных пожаров; наконец, он тщательно зарисовывает форму, цвет, очертания цветов и деревьев и подробно описывает мир зверей, птиц, насекомых, воспроизводя их внешний вид, цвет оперений, окраску крылышек; описывает крупных и хищных зверей и мелких представителей разнообразной фауны края.

Описания природы находятся во всех книгах В. К. Арсеньева, но нигде нет повторений, утомляющих однообразных подробностей, возвращений к одному и тому же; разнообразию воспроизводимых картин природы соответствует и разнообразие и многогранность его восприятий и переживаний природы.

Сочинения В. К. Арсеньева могут быть названы в буквальном смысле энциклопедией дальневосточной природы и нельзя не удивляться разнообразию его художественных приемов, богатству образов, тщательности и точности эпитетов, своеобразию и смелости сравнений, которыми раскрывает он могучую красоту и пленительное очарование то грозной и величественной, то тихой и ласковой природы края.

У Пржевальского созерцание картин природы и любованием часто сочетается с философскими раздумьями и размышлениями. На берегу Японского моря, восхищаясь его величием, он уносился мечтой в далекие страны, которые рисовались в воображении, или погружался мыслью «в туманную глубину прошедших веков» — и тогда океан являлся «еще в большем величии»: «Ведь он существовал и тогда, когда ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планете, когда и самой суши еще было немного! На его глазах и, вероятно, в его же недрах, возникло первое органическое существо! Он питал его своею влагой, убаюкивал своими волнами! Он давнишний старожил земли; он лучше всякого геолога знает ее историю, и разве только немногие горные породы старее маститого океана!»⁸¹.

Аналогичные философско-натуралистические размышления встречаем у Арсеньева. На берегу того же Японского моря он задумывается над картиной далекого прошлого, когда этот берег «имел совсем не такой вид, какой он имеет теперь». Следы морского прибоя, который он сумел заметить на Чортовом мысу, вызвали у него ряд размышлений о процессах формирования суши и возможных будущих ее изменениях. «Этот безмолвный свидетель говорит нам о том, что когда-то и он был омываем волнами Великого океана. Сколько понадобилось веков для того, чтобы разрушить твердую горную породу и превратить ее в песок! Сколько понадобилось времени, чтобы песчинка за песчинкой заполнить залив и вытеснить морскую воду! Немалое участие в заполнении долины принимал и плавниковый лес. Тысячами кряжин и пней завалено русло реки и острова. Стволы деревьев сейчас же заносятся песком; на поверхности остаются торчать только сучья и корни. Мало-помалу погребаются и они. Каждое новое наводнение приносит новый бурелом и накладывает его сверху, потом опять заносит песком и т. д. Так отступает океан, нарастает суша, и настанет время, когда река Вай-Фудзин будет впадать не в залив Ольги, а непосредственно в море» (I, стр. 162). Этот отрывок можно назвать своеобразной геологической поэмой или геологическим стихотворением в прозе. Один из путевых очерков, входящих в состав книги «Из путевого дневника», представляет метеорологическую поэму (об уссурийских туманах) — все страницы такого рода поражают и пленяют сочетанием зоркости ученого с тонким и проникновенным чутьем поэта-художника. Это сочетание ученого и поэта обеспечило точность и художественную выразительность его эпитетов, смелость и яркость сравнений, умение передавать оттенки и сочетания красок, градации звуков, легкие и подчас едва уловимые движения, тончайшие ароматы. Он умеет отметить неподвижность «сонного воздуха», «напоенного ароматом багульника» (II, стр. 73) и с чувством какого-то умиления говорит о «нежном дыхании» миллионов растений, «вздывавшем к небесам тонкие ароматы», «которыми — дополняет описание поэта ученый, — так отличается лесной воздух от городского» (IV, стр. 66). Но особенно неистощим и богат он в изображении красок природы и их разнообразных сочетаний: «буро-рыжее оперение орлана» (IV, стр. 110) и «буро-желтая трава» и «буро-зеленые водоросли» (III, стр. 157), «желтовато-зеленая листва» (I, стр. 227), «красно-кирпичный ствол акатника» (IV, стр. 93), «желтовато-зеленый мох» (IV, стр. 86), «золотисто-желтые рододендроны» (IV, стр. 32), «ровные пепельно-серые стволы ильмов» (IV, стр. 70), «серовато-синий туман» (II, стр. 53), «розоватый оттенок белого снега» (III, стр. 235), «кружевные тени листвы» (III, стр. 94), «полупрозрачная синеватая мгла в горах» (III, стр. 157), «паутина, унизанная жемчужными каплями вечерней росы» (III,

стр. 91), и мн. др. Особенно богата его палитра в изображении облаков и неба: он рисует «паутину слоистых облаков» (III, стр. 30), отмечает их разнообразные цветовые сочетания: «пурпуровые и нежнофиолетовые» (IV, стр. 117), «серебристо-белые» (III, стр. 30), рисует «бледнозелено-голубое небо, окрашенное на западе в желтые и оранжевые тона» (III, стр. 235). Таких примеров можно привести большое количество. Ограничимся описанием вечерней зари на реке Сяо-Кеме, заставляющим вспомнить «великолепную зарю» в пустыне Гоби у Пржевальского: «Сегодняшняя вечерняя заря была опять очень интересна и поражала разнообразием красок. Крайний горизонт был багровый, небосклон — оранжевый, затем желто-зеленый и в zenите мутнобледный. Это была паутина перистых облаков. Мало-помалу она сгущалась и превратилась в слоистые тучи» (II, стр. 79).

Более всего привлекают внимание Арсеньева смены красок в природе и их переходы от одного тона к другому, сопровождающие обычно и переходы от одного состояния к другому в природе. Это можно сказать его любимейшие темы; внимательное и любовное описание таких моментов делает его пейзажи необычайно динамическими. «Небо из черного сделалось синим, а потом серым» (I, стр. 15); «через полчаса свет на небе еще более отодвинулся на запад; из белого он стал зеленым, потом желтым, оранжевым и, наконец, темнокрасным» (I, стр. 240). «Близился вечер. Усталое небо поблекло, посинел воздух; снег порозовел на вершинах гор, а на темных склопах принял нежнофиолетовые оттенки» (III, стр. 180). Приведем еще одно описание постепенного перехода дня в вечер: «День только что кончился. Уже на западе порозовело небо и посинели снега; горные ущелья тоже окрасились в мягкие, лиловые тона, и мелкие облачка на горизонте зарделись так, как будто бы они были из расплавленного металла, более драгоценного, чем золото и серебро» (III, стр. 240). Противоположный пример — переход от ночи к светлому утру: «... начало светать; лунный свет поблек; ночные тени исчезли; появились более мягкие тона. По вершинам деревьев пробежал утренний ветерок и разбудил пернатых обитателей леса. Солнышко медленно взбиралось по небу все выше и выше, и вдруг живительные лучи его брызнули из-за гор и разом осветили весь лес, кусты и траву, обильно смоченные росой» (I, стр. 132).

Охотно и часто пользуется В. К. Арсеньев приемом контрастов, сочетанием ярких и темных тонов, придавая своим картинам нарочито резкие очертания. Некоторые из его пейзажей кажутся своеобразными изображениями природы не случаем, — писатель сам упоминает о картинах и гравюрах Густава Доре, которые невольно возникали в его памяти в некоторые моменты. В одном из путевых очерков 1908 г. он описывает ночь на морском

берегу: «Какая мрачная таинственная картина! Краски исчезли. Темные силуэты скал слабо проектируются на сравнительно светлом фоне неба. И утесы, и горы, и море, и берег — все это приняло одну общую, не то черную, не то серую окраску. Прибрежные камни кажутся живыми, и кажется, будто они шевелятся и тихонько передвигаются с одного места на другое. Море тоже кажется темной бездной, пропастью. Горизонта нет — он исчез: в нескольких шагах от лодки вода незаметно сливается с небом. Какая знакомая картина! Где-то раньше удавалось все это видеть? Невольно вспоминаются Густав Доре, «Божественная комедия» Данте Алигиери и «Потерянный рай» Мильтона...» Как параллель к этой картине можно привести еще изображение ночного привала на реке Тутто: «На биваке ярко горел огонь. Свет его отражался в какой-то луже. Около костра виднелись черные силуэты людей. Они вытягивались кверху и принимали уродливые очертания, потом припадали к земле и быстро перемещались с одного места на другое. Точно гигантское колесо с огненной втулкой и черными спицами вертелось то в одну, то в другую сторону в зависимости от того, как передвигались люди» (IV, стр. 34). Четкими, сделанными как бы иглой на дереве рисунками представляются описание ночной поездки (в лодке) по морю Савушки или замечательная сцена ухода Дерсу. «На светлом фоне неба отчетливо вырисовывалась его фигура с котомкой за плечами, с сошками и с ружьем в руках. В этот момент яркое солнце взошло из-за гор и осветило гольда. Поднявшись на гривку, он остановился, повернулся к нам лицом, помахал рукой и скрылся за гребнем» (I, стр. 59).

Все такие страницы представляют собой замечательные поэтические изображения разнообразных дальневосточных пейзажей, но в то же время они являются и отчетами естествоиспытателя, стремящегося как можно тщательнее и подробнее передать все своеобразие местных ландшафтов вплоть до красок заката и цветовых оттенков воздуха. Великолепным примером такого сочетания ученого и поэта служит описание «сухой мглы», о которой он подробно рассказывает в одной из первых глав книги «По Уссурийскому краю» (I, стр. 84).

Сочетание научной точности с художественной образительностью определяет и характер его эпитетов, примеры их в большом количестве содержатся в приведенных цитатах; несколько иначе построены его сравнения, которые отличаются, как это и вполне естественно для данного приема, преобладанием художественных элементов: они очень выразительны, иногда импрессионистичны и всегда ярки и впечатляющи: «ночная мгла, как траурная вуаль» (IV, стр. 245), «черные тени деревьев, как гигантские часовые стрелки» (III, стр. 94), «могучие кедры, как исполинские часовые» (II, стр. 50); «ветер налетел порывами, свевая с гребней воду и сеял ею, как дож-

дем» (III, стр. 148); «вьюга злобно завывала в лесу, точно стая бешеных животных, которые с ревом неслись куда-то в пространство» (III, стр. 250); «густой туман, наподобие тяжелой скатерти, повис над морем и закрывал вершины гор» (III, стр. 154); «небо «казалось таким ясным и синим, словно его вымыли к празднику» (III, стр. 252), это сравнение повторяется дважды: небо чистое и безоблачное, «точно его вымыли дождями» (IV, стр. 98).

Подобно Пржевальскому, Арсеньев стремился уловить и передать разнообразный мир звуков в природе, что придает его пейзажам особую прелесть, делая их не только более оживленными, но и музыкальными. О своем, особом и повышенном внимании к звукам он сам неоднократно упоминает: «Я сел на камень и стал вслушиваться в тихие, как шопот, звуки, которыми всегда наполняется тайга в час сумерек» (II, стр. 132); «чем больше сгущается мрак, тем больше напрягаешь слух, и тогда улавливаешь такие звуки, которых днем обыкновенно не замечаешь: слышится подавленный вздох, сдержанный шопот и шорохи бесчисленных растений» (IV, стр. 133); звуковыми эффектами он пользуется иногда как концовками, завершающими какой-либо рассказ. Такой звуковой картинкой заканчивается памятная глава о встрече Дерсу с тигром и речь, с которой обратился он к грозному хищнику: «Через несколько минут в балагане уже воцарилась тишина. Слышно было только мерное дыханье спящих да треск горящих сучьев в костре. С поля доносилось пофыркиванье лошадей, в лесу ухал филин и где-то, далеко-далеко, кричал сыч-воробей» (I, стр. 226).

Однако не следует думать, что изображения звуков нужны ему лишь как художественный прием, — так же как и у Пржевальского, это напряженное внимание к звуковым элементам пейзажа дает возможность описать и раскрыть некоторые характерные моменты дальневосточной природы. Таково описание зимних звуков в уссурийской тайге: «В такие тихие дни воздух делается особенно звукопроницаемым. Тогда бывают слышны звонкие щелканья озябших деревьев, бег какого-то зверька по колоднику, тихий шум падающего на землю снега и шелест зябликов, лазающих по коре сухостоя» (III, стр. 186—187). В умении слышать и передавать звуки Арсеньев вполне сближается с Пржевальским, — и у них обоих могут учиться точности и четкости в изображении явлений природы и натуралист-биолог и писатель-беллетрист, стремящийся передать в своих произведениях разнообразные особенности края.

Большого мастерства достигает В. К. Арсеньев в передаче картин ночной тишины и связанных с ними своих переживаний. Для изображения таких моментов он умеет находить четкие формулировки и точно чеканные образы. Фразы его в таких случаях сжаты и лаконичны, и весь стиль приобретает какую-то прозрачную ясность. «Среди глубокой тишины, царившей в при-

роде, я слышал биение собственного сердца. На темной поверхности воды появились круги. Какая-то рыба хватала ртом воздух». (IV, стр. 72). Арсеньева иногда упрекали в анимизации природы, усматривая в этом проявление какого-то будто бы свойственного ему мистицизма. Один из критиков в качестве примера такого «мистического отношения» к природе приводил арсеньевское изображение пантеры: она «отлично понимает, что со стороны головы ее тело, прижатое к суку, менее заметно, чем сбоку»⁸². Нет надобности спорить с критиком, узревшим «мистицизм» в обычном для натуралистической литературы приеме описания. Но самый прием такого внесения человеческих чувств и настроений в природу очень характерен для Арсеньева; можно даже сказать, что это один из самых любимых приемов его. У него «деревья грезят предрассветным сном» (III, стр. 184); каменная голова «как будто всматривается в мертвящую тишину леса» (IV, стр. 136); камни «ропотом выражают свой протест» (III, стр. 105); кедры «словно жалуются на свою судьбу» (II, стр. 58); вода «с шумом бежит по долине, словно радуясь, что вырвалась из-под земли на свободу» (I, стр. 141); туманы «словно боятся солнца и стараются спрятаться в глубокие ложины» (I, стр. 193); дуб «сопротивляется осенним холодам и ни за что не хочет сбрасывать свой летний наряд» (IV, стр. 136). «Высоко на небе почти в самом зените стояла луна, обращенная последней четвертью к востоку. Она была такая посеребренная и имела такой ликующий вид, словно улыбалась солнцу, которое ей было видно с небесной высоты и которое для обитателей земли еще скрывалось за горизонтом» (III, стр. 182); «я поднял голову и при ярком пламени костра увидел кору на лиственнице. Деревянное человеческое лицо казалось ожило и как будто наблюдало за нами. В течение многих лет бурхан этот исправно нес свои обязанности на окраине балагана и теперь точно был недоволен дерзостью пришедшего» (IV, стр. 32). Примеры такого типа сравнений, уподоблений, олицетворений и оживлений изобильно рассыпаны на страницах книг Арсеньева, но, конечно, нельзя усматривать в этом излюбленном многими писателями литературном приеме проявление какого-либо мистического мирозерцания автора. Такой прием неоднократно встречается и у Пржевальского: «громадные горные хребты» Тибета представляются ему «великанами», которые «стерегут труднодоступный мир заоблачных нагорий», «неприветливых для человека» и «еще неведомых для науки»⁸³.

Приведу еще пример, относящийся как раз к изображениям дальневосточных пейзажей и заимствуемый из произведений писателя, которого едва ли кто решится упрекать в мистическом восприятии жизни: «... зеленели луга, сады. Пахло багульником, от которого сплошь посинели сопки. Только успела развернуться в лист черемуха, как брызнули за ней липкой глянцецветной листвой тополя, осокори. И вот уже лопнули твердень-

кие почки берез, потом дуба, распустились дикая яблоня, шиповник и боярка. Долго не верил в весну грецкий орех, но вдруг не выдержал, и его пышная сдвоенная листва на прямых длинных серозеленых ветках начала покрывать собой все; а его догоняли уже бархатное дерево, а там оживали плети и усики дикого винограда, и кишмиша, и лимонника...» Это прекрасное описание весеннего расцветания дальневосточной природы принадлежит А. А. Фадееву (см. седьмую главу четвертой части романа «Последний из Удэге»). Причем у Фадеева отсутствуют даже всякого рода соединительные члены предложения («словно», «точно», «как будто», «как бы») или слова-оговорки («казалось», «представлялось»), которыми почти всегда сопровождаются у Арсеньева анимирующие сравнения.

Разнообразна и неистощима кисть Арсеньева и в изображении мира живой природы. И здесь, как и в пейзажных картинах, поражает диапазон его творчества и сила его мастерства. Мощные и величавые картины чередуются с тихими идиллическими сценами, или со сценами, исполненными нежного и трогательного участия, или с грациозными, подчас шаловливыми эскизами. Незабываемы и потрясающи в своем диком величии картины боя изюбрей (I, стр. 282) или битвы орланов в воздухе (VI, стр. 43—45), а рядом с ними любовно, как будто с тихой улыбкой, описаны «нега сивучей» (I, стр. 297) или беспокорные хлопоты «большеголовой, пестрой и неуклюжей» кедровки, пронзительно кричавшей на весь лес: «словно хотела оповестить ему, что здесь есть человек» (I, стр. 115).

Изображения животных у Арсеньева ничуть не уступают по своему мастерству его пейзажным зарисовкам, а порой даже превосходят последние, ибо в них более органично сочетались научная точность и художественная выразительность. Он так умело комбинирует признаки и выбирает эпитеты, что его описания различных представителей животного мира — зверей птиц, насекомых, рыб — является одновременно и научным отчетом естествоиспытателя и художественным эскизом. Изображая буревестников, он применяет эпитет «длиннокрылые». Этот эпитет служит и цели научного, естественно-исторического описания и одновременно эмоционально раскрывает легкость и силу движений этих птиц.

А. М. Горький сравнил Арсеньева с Брэмом, быть может, более точным было бы сравнение его и в данном случае с Пржевальским. Сравнением с автором «Жизни животных» А. М. Горький хотел несомненно подчеркнуть широту охваченного Арсеньевым материала, живость и яркость его описаний и увлекательную форму изложения. Но Арсеньев, как и Пржевальский, превосходит Брэма глубиной содержания: их описания пронизаны философской мыслью и согреты (как уже было сказано выше) теплым человеческим чувством и подобно

тому как Пржевальский изображал тоску и скорбь журавля по погибшей подруге, так с теплым сочувствием зарисовывает Арсеньев трогательного маленького рысенка, бессмысленно и недоуменно бегающего вокруг убитой матери.

Тонкое мастерство В. К. Арсеньева сказалось и в изображении людей. Даже у самых лучших этнографов отдельные представители изучаемых народностей обычно — за очень немногим исключением — мало отличны друг от друга. В. К. Арсеньева интересует в каждом человеке не только общее, свойственное всей народности, но его индивидуальные черты, личная судьба, отдельные факты каждой биографии. Для него, как исследователя и писателя, характерен метод индивидуализации образа. Пленительная фигура Дерсу заслонила собой в сознании советского читателя других персонажей, упомянутых и тщательно зарисованных Арсеньевым: китаец Чжан-Бао, галерея орочей и удэхейцев — Чочо Бизанка, Савушка, Карпушка, Ванага, Миону и многие, многие другие — все они выступают со страниц книг В. К. Арсеньева в их индивидуальном своеобразии и неповторимости. И вместе с тем в своей совокупности они дают представление о народности в целом, ее нравственных качествах и физических свойствах.

В описании людей В. К. Арсеньев усвоил метод медленно-го, постепенного раскрытия образа. Яркий пример — изображение Дерсу. Сначала слышится чей-то голос, затем появляется какой-то неизвестный человек, — и перед читателем возникают его общие очертания, такие, какие может схватить и удержать в памяти первое впечатление: повязка на голове, куртка и штаны из оленьей кожи, унты, котомка за плечами, сошки и длинная старая берданка в руках. Вот первый абрис фигуры Дерсу. Затем постепенно и подробно, по мере того как все неведомый пришелец более и более входит в поле зрения автора и его товарищей, также зорко присматривающихся к незнакомцу, изображаются черты его лица, фигуры и особенно подробно глаза, в описании которых уже дается намек на основные черты характера: «в них сквозили решительность, прямота характера и добродушие».

Описание глаз явилось как бы переходом от внешних черт к внутренним — и постепенно читателю становятся известными и имя пришельца, и образ его жизни, и основные факты его биографии. И как-то незаметно для себя кажется, без какого бы то ни было нажима со стороны автора, читатель уже захвачен и покорен этим образом, который с каждой страницы делается все ближе, роднее и привлекательнее. Кульминационным моментом в этом последовательном и неторопливом изображении является определение Дерсу как следопыта, сразу вдвигающее его в мир определенных ассоциаций. «Я понял, что Дерсу не простой человек. Передо мной был следопыт, и

невольно мне вспомнились герои Купера и Майн-Рида» (I, стр. 17—18).

В. К. Арсеньев не ограничивается только описанием своих впечатлений от первой встречи и сделанных во время нее наблюдений. Портрет Дерсу рисуется им на протяжении почти всей книги, точнее сказать на протяжении двух книг. Каждая новая деталь, каждый новый факт дополняют наше представление о нем новыми чертами или углубляют уже известные. Сцена же прощания с Дерсу, когда он уходит, озаренный лучами восходящего солнца (I, стр. 59), воспринимается как некий апофеоз Дерсу, олицетворение светлого солнечного начала в его образе. Эта картина принадлежит к крупнейшим художественным удачам писателя.

Анализ портретного мастерства Арсеньева можно было бы иллюстрировать многочисленными примерами, остановимся на одном, особенно характерном для его писательской манеры. В девятнадцатой главе первого тома В. К. Арсеньев описывает содержание котомки Дерсу: «Чего тут только не было: порожний мешок из-под муки, две старенькие рубашки, свиток тонких ремней, пучок веревок, старые унты, гильзы от ружья, пороховница, свинец, коробочка с капсулями, полотнище палатки, козья шкура, кусок кирпичного чая вместе с листовым табаком, банка из-под консервов, шило, маленький топор, жестяная коробочка, спички, кремь, огниво, трут, смолье для растопки, береста, еще какая-то баночка, кружка, маленький котелок, туземный кривой ножик, жильные нитки, две иголки, пустая катушка, какая-то сухая трава, кабанья желчь, зубы и когти медведя, копытца кабарги и рысьи кости, нанизанные на веревочку, две медные пуговицы и множество разного хлама. Среди этих вещей я узнал такие, которые я раньше бросал по дороге. Очевидно, все это он подбирал и нес с собой» (I, стр. 229). Как будто только одно сухое перечисление разных предметов, а между тем это так сделано, что вызывает в читателе и улыбку, и умиление, и сострадание. Это описание — четкий и точный этнографический документ, и вместе с тем оно является яркой и выразительной художественной картиной, нарисованной уверенной кистью превосходного мастера.

5

Приведенные в предыдущих главах наблюдения и замечания, конечно, не охватывают всех сторон таланта В. К. Арсеньева и особенностей его стиля; такая задача должна составить предмет особого специального исследования. Данные же замечания имели целью показать ряд ярких и характерных примеров, как органически сочетались в творчестве В. К. Арсеньева ученый-натуралист и художник. Выдающийся писатель, мастер художественного слова, В. К. Арсеньев прежде всего

превосходный и тонкий наблюдатель естествоиспытатель, сочетающий внимательность и зоркость ученого с чуткостью художника. Поэтому совершенно очевидно, как глубоко неправильно отнесенные арсеневских «Путешествий» к литературно-художественным или беллетристическим произведениям. Книги В. К. Арсеньева, так же как и книги его великого предшественника Н. М. Пржевальского, являются безусловно памятниками научной литературы и как таковые должны рассматриваться и изучаться.

«Путешествия» В. К. Арсеньева уже потому не могут рассматриваться как произведения исключительно (или хотя бы даже преимущественно) литературно-художественные и беллетристические, что в них нет основного признака беллетристической литературы — свободного вымысла. Следует глубже вдуматься в то определение таланта В. К. Арсеньева, которое сделал А. М. Горький. Как нужно понимать его замечание, что В. К. Арсеневу «удалось объединить в себе Брэма и Купера»? Не означает ли названное в этой связи имя знаменитого американского романиста подчеркивания в творчестве Арсеньева именно беллетристического начала. Нам кажется, для такого вывода нет достаточных оснований. Брэм упомянут Горьким как один из самых замечательных изобразителей мира природы, но А. М. Горький не сумел найти аналогичное имя писателя-этнографа. Действительно, среди этнографов всего мира нельзя назвать писателя, который в этнографической литературе занимал бы такое же место, как Брэм в естественно-исторической. Таких писателей нет. Поэтому Горький привел имя писателя, в романах которого большое место занимают этнографические моменты. Имя Купера естественно возникало рядом с именем Арсеньева и потому, что вполне закономерно сближались и имена основных героев повествований того и другого: Дерсу Узала у Арсеньева и Натаниэль Бумбо («Следопыт») у Купера. Да Арсенев и сам назвал это имя, характеризуя Дерсу. Но Горький тут же делает знаменательную оговорку: «Гольд написан Вами отлично, — пишет он, — для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более художественная»⁸⁴. Смысл этих слов вполне понятен: Горький указывает на иное качество образа Дерсу, делающее для него этот образ живее, а потому и «художественнее» соответственного образа американского романиста. Алексей Максимович отчетливо понял реальную основу образа Дерсу, что и подчеркнул своим противопоставлением. Куперовского «Следопыта» как такового, то есть как реального человека, которого звали Натаниэлем и который совершил все те поступки, которые описаны в романе, и сказал все те слова, которые вложил в его уста автор, никогда не существовало. То, что рассказывает о своем герое Купер, не адекватно подлинной действительности, но является художественным обобщением ее. Не было именно этого «Сле-

допыта», но существовал кто-то похожий на него, существовали другие, сходные с ним по характеру и образу жизни люди, которые и послужили писателю материалом для создания того привлекательного образа, которым он обессмертил свое имя. Но Дерсу Арсеньева — фигура не выдуманная, а конкретная; в повествовании о нем нет вымысла и фантастики; речи Дерсу — его подлинные речи и совершенные им поступки — действительно существовавшие факты. Горький, кстати, никогда не именовал Арсеньева «русским Фенимором Купером», как, якобы по Горькому, иногда «величают» писателя. Наоборот, Горький очень настойчиво подчеркивает документальность книг В. К. Арсеньева: их «несомненную и крупную» «научную ценность»; он был восхищен и увлечен не какими-то беллетристическими качествами книг Арсеньева, но их живой правдой и «изобразительной силой» их автора. Дерсу написан с таким мастерством и силой, что производит впечатление обобщенного художественного образа. Поэтому в мировой литературе образ Дерсу действительно занял место рядом с куперовским «Следопытом», значительно превосходя его, однако, жизненной правдой изображения. Оба эти образа обладают огромной впечатляющей силой, оба служат замечательными художественными обобщениями, но Купер достиг этой цели средствами писателя-романиста, Арсеньев — средствами писателя-этнографа. И в этом сущность того исключительного — единственного и неповторимого — положения, какое занимает в этнографической литературе В. К. Арсеньев.

Нет никаких оснований и для романтической стилизации самого Арсеньева, которая, к сожалению, нередко встречается в различных критических очерках и мемуарной литературе о нем. Таким мечтателем-романтиком изображает В. К. Арсеньева писатель В. Лидин, книги же его характеризует как «романтические мечты о тайге». В нарочито романтической интерпретации воспроизводит он и свою беседу с путешественником. «Видите ли,— сказал В. К. Арсеньев,— мне в моей работе, то есть работе писателя, всегда помогало то, что я по обязанности должен был вести дневник экспедиции. А дневник,— он слегка улыбнулся, как бы извиняясь в слабости своей романтической натуры,— это и облака, и природа, и облик тайги... ведь, в ней каждое растение особенное. Ну, а из всех этих наблюдений потом при обработке оказывается сложилась книга»⁸⁵.

Таким образом, оказывается (по прямому смыслу данного воспоминания), что первое и основное условие работы каждого путешественника — ведение путевого дневника — являлось для Арсеньева лишь вынужденной необходимостью, а разносторонность этого дневника — романтической «слабостью», которой автор его даже немного «стыдился». Так искажается реальный облик писателя-путешественника. Глубоко неправильно суждение об его книгах, как «романтических мечтаниях о тайге».

В. К. Арсеньев никогда не был поклонником «таежного экзотизма», он сумел как никто изобразить и передать суровую и дикую красоту тайги, ее величественное и пленительное обаяние, но «мечтал» он и о другом: он неизменно мечтал о победе над ее неприступностью и суровостью, мечтал о будущем оживлении края и о приобщении огромных таежных районов и их обитателей к общей культуре страны.

Романтические стилизации облика писателя-путешественника отражаются и на оценке его произведений, которые также представляются вследствие этого в ложном свете. Впрочем, в последнее время как будто уже вполне прочно устанавливается более верный взгляд на творчество В. К. Арсеньева, вытекающий из правильно понятой оценки, данной А. М. Горьким. Примером таких суждений можно привести рецензии и очерки Ю. Шестаковой. В одном из них очень верно и тонко отмечено «ощущение тесной связи с автором», которое всегда «неизбежно возникает при чтении книг Арсеньева». «Это ощущение — в самом материале арсеньевских книг, в его строгой и доступной форме повествования, не оставляющей места для вымысла»⁸⁶.

Все сказанное относится всецело к основному труду В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» (который, напомним еще раз, составил из двух книг: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала»), относительно же книги о путешествии 1908—1910 гг. («В горах Сихотэ-Алиня») необходимо сделать ряд ограничительных замечаний. М. М. Пришвин приводит слова В. К. Арсеньева о том, как было трудно ему вносить ради художественной целиности произведения какие-либо изменения в фактическую сторону: например, переносит событие на другой день и т. п.⁸⁷ На первый взгляд может казаться, что эти слова В. К. Арсеньева следует рассматривать как исходящее от самого автора свидетельство о беллетризации своих произведений. Однако это не совсем так. Во-первых, данное признание относится лишь к позднейшим произведениям В. К. Арсеньева, главным образом к очеркам и этюдам, предназначавшимся им не для научной печати, а для литературных альманахов и журналов, преимущественно для юношества. Во-вторых, даже и в этих случаях речь идет не о каких-либо элементах вымысла или изобретательства, а исключительно лишь о тех или иных частичных изменениях, продиктованных, главным образом, композиционными соображениями, то есть лишь о некоторых элементах беллетризации, не разрушающих фактической основы повествования.

Беллетризирующие моменты имеют место и в книге «В горах Сихотэ-Алиня». Но вместе с тем благодаря наличию перепечатываемых в настоящем издании первичных очерков легко убедиться, как незначительны и малосущественны такого рода случаи. Они касаются лишь отдельных частных случаев, совершенно не затрагивая самого существа описываемых фактов. Нужно

иметь в виду еще и то обстоятельство, что эта книга осталась незавершенной, не доведенной до конца; и трудно сказать, какую форму приняла бы она при окончательной редакции. Но все же должно констатировать, что В. К. Арсеньев пытался применить в ней метод, несколько отличный от того, каким создавал он книги о путешествиях с Дерсу. Характерно, что уже в последующей книге «Сквозь тайгу» не замечается таких элементов беллетризации.

Сопоставление книги «В горах Сихотэ-Алиня» с путевыми очерками, печатавшимися в «Приамурье», дает некоторую возможность установить характер тех изменений, которые вносились В. К. Арсеньевым в его первоначальные записи. Соответственные материалы подобраны в печатаемых ниже примечаниях. Однако не всегда можно с уверенностью сказать, имеем ли мы дело действительно с изменениями или с дополнительными подробностями. Смысл и цель некоторых изменений не всегда представляются понятными. В одном из очерков упоминается о недовольстве орочей, вызванном небрежным отношением экспедиции к костям жертвенного животного. По тексту книги кости тронул Чжан-Бао, по тексту газетных очерков — кто-то из стрелков, участников экспедиции, что представляется более вероятным. Зачем понадобилось такое изменение непонятно: едва ли оно может быть объяснено какими-либо композиционными соображениями или стремлением к большей выразительности. Так как книга «В горах Сихотэ-Алиня» осталась (что уже было отмечено нами) неоконченной, то есть не вполне проверенной и уточненной, возможно, что в данном случае перед нами лишь случайная неточность. Гораздо сложнее для объяснения те расхождения, которые имеются между газетными очерками и книгой в описании голодовки на Хуту. Наиболее значительным из них является рассказ о встрече с принесшим спасение отрядом штаб-капитана Николаева. По редакции газетных очерков, Чжан-Бао покинул экспедиционный отряд, отделившись от него, и ему первому удалось встретить лодки Николаева, по тексту же книги: Чжан-Бао все время оставался в отряде; между тем в «Очерках» подробно рассказывается, как Чжан-Бао заболел и решил покинуть отряд, что и сделал. Он ушел вперед и ему первому удалось встретить группу Николаева, которому он указал точное местопребывание лагеря экспедиции. Точность и правильность газетной редакции подтверждается в полной мере рассказом И. А. Дзюля. Значение и смысл этого изменения — непонятны. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности найти удовлетворительное объяснение данного расхождения двух редакций. Но каковы бы ни были соображения Арсеньева в данном случае, сам по себе этот факт является малозначительным и не затрагивает основного содержания как рассказа о голодовке, так и всей книги в целом. Приведенные примеры поз-

воляют судить и о характере других, остающихся неучтенными и необнаруженными, изменений. Несомненно, и они также касаются лишь каких-то отдельных мелких частностей, а не затрагивают сути излагаемых событий и характеристик.

6

Чтобы правильнее оценить целостное значение книг Арсеньева и уяснить их сильные и слабые стороны, необходимо рассматривать их не только в связи с современной им научной литературой, но и на фоне настоящего. Почти полвека отделяет нас от экспедиций В. К. Арсеньева и его первых книг и очерков, но когда сопоставляешь ту жизнь, которая описана в его книгах, с той, участниками которой мы являемся теперь, кажется, что промежуток между ними определяется столетиями. Очень выразительно описывает эти перемены один из современных писателей Дальнего Востока и биограф В. К. Арсеньева Н. М. Рогаль: «За всю историю человечества не было отмечено столь быстрого превращения огромной мало обжитой территории в район современной передовой индустрии, транспорта и сельского хозяйства. Строительство на Дальнем Востоке не прекращалось и в годы Великой Отечественной войны. Новый, невиданный еще размах приобрело оно в послевоенные пятилетки...» «На пустынном прежде побережье от Посета до мыса Поворотного выросли десятки первоклассных предприятий рыбной промышленности, созданы питомники пушных зверей и пятиных оленей; развернуты крупные заготовки леса...⁸⁸ «Близ рек, где когда-то выслеживал тигров Арсеньев, построены новые механизированные шахты, работают врубовые машины, отбойные молотки, электрифицированные подъемники подают нагору превосходный сучанский уголь. Ярко светятся огни новой Артемовской государственной электростанции». Приханкайская низменность стала житницей Приморского края. Проложены новые железнодорожные пути, строятся новые порты, создаются крупнейшие индустриальные предприятия: «строятся корабли, производятся станки, транспортные машины, электрооборудование, высококачественный бензин и, наконец, свой дальневосточный металл»⁸⁹. На месте жалких стойбищ выросли просторные колхозные селения, построены школы, больницы, клубы и т. д. Арсеньев всю жизнь мечтал о новой жизни в тайге и пытался представить себе те изменения, которые должны совершенно преобразить лик ее, но какими бледными представляются эти мечтания при сопоставлении с тем, что создано там теперь силой и волей советского народа. Во многом представляются устарелыми и сочинения Арсеньева; немало в них и прямых ошибок, порой весьма крупных и значительных. Частично эти ошибки обусловлены состоянием науки того времени, но главным образом они являются результатом

общественного положения Арсеньева — офицера и чиновника — и неизбежно ограниченного его общественного мировоззрения. Особенно неправильными кажутся его рассуждения по вопросам социально-экономического характера, поэтому неправильно он решал и многие вопросы, касающиеся устройства края. Так, например, он с величайшей опаской относился к проекту железной дороги между Амуром и бывш. Императорской Гаванью (ныне Советская Гавань). Проектировавшийся железнодорожный путь, по его мнению, неминуемо ослабил бы обороноспособность края, так как — полагал он — в случае новой войны Гавань была бы неминуемо захвачена японцами, и железнодорожный путь дал бы им ключ к сердцу края⁹⁰. Это опасение, которое кажется сейчас столь наивным, было вызвано его законным неверием в силы правительства, только что проигравшего военную кампанию и несумевшего отстоять Порт-Артур. Впрочем, на долю В. К. Арсеньева выпало огромное счастье: возможность убедиться в своей ошибке; впоследствии он принимал живейшее участие в обсуждении железнодорожных вариантов, прекрасно поняв их значение и роль в новых политических и социальных условиях. Неправильно решал В. К. Арсеньев и вопрос о колонизационных возможностях края, опять-таки исходя всецело из организационных возможностей и способностей царского правительственного аппарата, и совершенно упуская из вида творческую мощь народного характера. Нельзя не преклоняться перед страстной и настойчивой защитой Арсеньевым прав малых народностей, но меры, которые он предлагал, формы помощи, которые он мыслил, кажутся нам сейчас также наивными и бесполезными.

Все эти ошибки вполне понятны: он умел мыслить лишь в пределах определенного социально-политического строя и не догадывался о тех возможностях, которые откроет всем народам России грядущая революция, неизбежность которой он смутно предчувствовал. Не мог он, конечно, понять и того, что судьба малых народностей может решительно измениться лишь на путях некапиталистического развития.

Февральскую революцию Арсеньев радушно приветствовал: он принял пост «комиссара по делам туземного населения», но очень быстро убедился в абсолютном бессилии буржуазного правительства изменить что-либо в жизни малых народностей и, не видя никакой возможности принести им действительную пользу и не желая тем самым «обманывать их» (его подлинные слова), подал в отставку и снова «ушел в тайгу». Только с установлением советской власти В. К. Арсеньев вновь вернулся к административным и общественным обязанностям. В новой власти он оценил прежде всего подлинную готовность создать новые условия для тех, кого он всегда называл «обездоленными судьбой людьми»; он сердцем понял смысл и правду ленинской национальной политики и явился ее проводником

среди малых народностей. Писатель Семен Бытовой воспроизводит знаменательную беседу В. К. Арсеньева с орочами, о которой поведали ему сами участники этой беседы: «Все будет, все будет! — говорил Арсеньев.— Советская власть, новый закон Ленина все дадут орочам...» «Наши экспедиции не зря через персвал ходили. Придет время, и там, где шумела тайга, где были скалистые сопки, вырастут новые города и села. Проложат железную дорогу. На Тумнин пойдут поезда»... «Все будет! Советская власть не только пробудит край, она даст жизнь новым народностям, живущим в нем. Русские люди помогут орочам, удэхейцам, нанайцам подняться из тьмы к свету. Они поведут их за собой по новому, счастливому пути»⁹¹. Быть может, в этом пересказе не совсем точно приведены слова В. К. Арсеньева, но мысли его переданы совершенно правильно. Таков был действительно строй его мысли в последние годы его жизни, и ими он неоднократно делился с многими из своих друзей.

В настоящее время накопилась уже значительная литература, дающая возможность в конкретных очертаниях представить себе эти новые формы жизни и все те изменения, которые так разительно изменили весь уклад жизни малых народностей. Таковы статьи М. А. Сергеева, А. М. Золотарева, очерки С. Бытового, Ю. Шестаковой, Н. Роголя, К. Майбогова, рассказы С. Холодного и др. М. А. Сергеев очень четко подводит итоги этой новой жизни и нового культурного строительства в Уссурийской тайге: «Таежные типичные охотники, не знавшие ни пашни, ни домашних животных (кроме собаки), в колхозе завели посева, фруктовые сады, коров. Исчезли навсегда постоянные лишения и нужда, возникла уверенность в завтрашнем дне. Прочно вошли в жизнь такие непонятные еще недавно явления, как школа и клуб, больница и ясли; с ростом культуры и зажиточности изменился и весь домашний уклад народа. Забила ключом общественная жизнь»⁹².

Новые производственные отношения, сложившиеся в Уссурийской тайге, в корне изменили весь строй жизни, повлияв буквально на все ее формы. Нет ни одной стороны в быту народа, которая бы не подверглась глубочайшим изменениям. Ушло в прошлое кочевание, сложились новые формы расселения, изменился семейный уклад, изменились взаимоотношения с другими народностями и в первую очередь с русским народом; изменения коснулись типа жилищ, формы одежды, характера пищи; появились культурные навыки, но более всего изменилось мировоззрение народа: вчерашние кочевники, стоящие на уровне первобытной культуры, ныне стали активными строителями социалистической культуры.

В свете этих новых форм жизни отчетливо выясняются и основные ошибки Арсеньева, о которых частично мы уже говорили выше. Арсеньев скептически относился к мысли и возмож-

ности приучения орочей к земледелию и скотоводству. Охоту и рыболовство он считал для них извечными занятиями, главную задачу улучшения быта этих народов видел в создании таких условий, при которых наиболее процветали бы эти основные их занятия. Современная действительность показывает, как глубоко он ошибался.

К земледельческим занятиям малые народности Приморья были приведены самой жизнью. Уже во время гражданской войны отдельные стойбища робко и неуверенно приступали к освоению земледелия. Этот момент нашел отражение и в художественной литературе. Герою романа Фадеева Сарлу удалось понудить женщин возделывать землю, но предложить это занятие мужчинам он не решился. Ныне сельское хозяйство прочно вошло в быт уссурийских и амурских малых народностей. «Никогда не знавшие сельского хозяйства удэгейцы,— пишет Ю. Шестакова,— научились обрабатывать землю. Теперь в лесной глуши поселился украинский подсолнух, растут помидоры, кавказская фасоль, муромские огурцы. Удэгейцы знают, как обращаться с домашними животными. А ведь еще не так давно доярка в их представлении была смелой женщиной, потому что не боялась рогатого зверя...»⁹³ Целый ряд удэгейских колхозов славится своим сельским хозяйством: «Сихотэ-Алинский колхозник» (селение Акша, у устья Самарги), «Красный удэгейец» (селение Санчихеза на Бикине), «Ударный охотник» (селение Гвасюги на реке Хор) — все это арсеньевские места. Особенно успешно развилось земледелие в колхозе «Ороч» (селение Уська-Орочская). По сообщению К. Майбогова, здесь в 1946 г. колхозом было засеяно 30 гектаров овощных культур, имелось 67 голов крупного рогатого скота, 23 лошади и 40 оленей⁹⁴. И в то же время ороческие колхозники продолжали успешно заниматься и своими прежними промыслами. В том же году членами колхоза было выловлено 3200 центнеров рыбы⁹⁵. А еще в 1939 г., то есть менее чем через 10 лет после смерти Арсеньева, гвасюгинские колхозники приняли участие в борьбе за рекордный урожай картофеля и получили право принять участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке⁹⁶.

В. К. Арсеньев, как и почти все современные ему этнографы, был убежден, что для малых народностей переход в русские избы был бы вреден и даже губителен; не представлял он себе возможности возникновения в уссурийской тайге и на побережье Амура больших национальных селений. Теперь расселение этих народностей приняло иные формы. Ушли в безвозвратное прошлое раскиданные на громадных пространствах ничтожные убогие стойбища. Ныне по всему Амуру протянулись колхозные селения нанайцев с прекрасными русскими избами. Орочи дали замечательный пример объединения в одном колхозе целого народа. Стянулись в колхозные селения и удэгейцы.

Все хорские удэ стянулись в селение Гвасюги, ашойские — в поселок Бира и т. д. Эти селения являются в полной мере очагами новой культуры: в них имеются школы, клубы, больницы, библиотеки, кино, звучит радио и горит электрический свет. Давно уже нет и прежних корьевых шалашей. Орочи и удэ-хейцы живут в русских рубленых домах, — лишь некоторые упорные старики не желают признавать новых жилищ, и кое-где рядом с новыми домами как своеобразные памятники старого ушедшего быта стоят ветхие шалаша, в которых коротают свои дни представители старейшего поколения. Изменились и формы организации труда: вместо примитивной простой кооперации появились правильно организованные бригады и распространились социалистические формы труда. В быт малых народностей прочно вошли ударничество, социалистическое соревнование⁹⁷.

В романе Фадеева темный и забытый крестьянин-переселенец, не освободившийся еще из-под власти кулацкой идеологии, Иосиф Шпак требует, чтобы партизанский штаб издал приказ о выселении из тайги *инородов*. Этот эпизод художественно отображает один из самых тяжелых и трагических моментов старой таежной жизни. Встречи орочей и удэ-хейцев с русскими крестьянами-переселенцами были не всегда дружественными. Арсеньев подробно рассказывает об этом в своих книгах, но разобраться в причинах этих столкновений он не сумел и принимал за национальный антагонизм то, что являлось следствием причин социально-экономических. Его отношение к староверческому, по преимуществу кулацкому, населению было двойственно. Его подкупали трудолюбие староверов, умение настойчиво и упорно работать, предприимчивая инициативность, заслонявшие в его глазах их хищническую сущность. Но вместе с тем он с глубоким негодованием относился к их эгоистической черствости, самомнению, ханжеству и особенно не мог им простить презрительно-пренебрежительного отношения к малым народностям. Любопытен эпизод, о котором он рассказывает в книге «Дерсу Узала». Однажды он разговорился с одним старовером, приятелем Дерсу:

— Хороший он человек, правдивый, — говорил старовер. — Одно только плохо — нехристь он, азиат, в бога не верует, а вот, поди-ка, живет на земле все равно так же, как и я. Чудно, право! И что с ним только на том свете будет?..

— Да то же, что со мной и с тобой, — ответил я ему.

— Оборони, царица небесная, — сказал старовер и перекрестился. Я истинный христианин по церкви апостольской, а он что? Нехристь. У него и души-то нет, а пар.

Старовер с пренебрежением плюнул и стал укладываться на ночь. Я распрощался с ним и пошел к своему биваку. У огня с солдатами сидел Дерсу. Взглянув на него, я сразу увидел, что он куда-то собирается.

— Ты куда? — спросил я его.

— На охоту, — отвечал он. — Моя хочу один косуля убей, надо старOVERу помогай, у него детей много. Моя считал — шесть есть.

«Не душа, а пар», — вспомнились мне слова старOVERа. Хотелось мне отговорить Дерсу ходить на охоту для этого «истинного христианина по церкви апостольской», но этим я доставил бы ему только огорчение и воздержался» (II, стр. 11—12).

Не понимая сущности сложившихся отношений, В. К. Арсеньев не мог найти и правильного выхода из создавшегося положения. Этим и объясняются некоторые его проекты устройства малых народностей.

Свою ошибку Арсеньев сумел осознать. В последние годы жизни он уже не сомневался в возможности дружной совместной работы всех народностей, обитающих в крае. Это содружество — основной признак и основная, характерная черта строительства новой жизни, создаваемой в былых таежных делянках. Многочисленные факты свидетельствуют об огромной помощи, которую оказывают русские люди малым народностям Приморья. А. Г. Абрамов подробно рассказывает, как украинцы-переселенцы помогали налаживать новый быт удэгейцам на санчихедской поляне: «...кипела работа. Семья Ловляги, переселившаяся в Санчихеду из Кортуна, заправляла всеми работами. Удэгейцы повиновались распоряжениям исконных хлеборобов — украинцев Ловляг. Вот Нюра Инсан, подавая к молотилке снопы, ловко перехватывает их из рук Дуни Сигдэ. Она, запыленная, с растрепанными черными волосами, что-то громко говорит, стараясь перекрыть шум молотилки, дородной украинке Василесе, заправлявшей снопы в молотилку.

Конным приводом управляли двое — Максим Ловляга и Федя Уксумин. Работа шла дружно»⁹⁸. Успешное развитие молочного хозяйства среди орочей и удэгейцев обязано в значительной степени огромной помощи, оказанной русскими женщинами. И совершенно исключительной, граничащей иногда с подвигом, была в этом процессе организации форм новой жизни роль русской советской интеллигенции. Имена русских учителей Николая Павловича Сидорова у орочей и Анатолия Масликова у удэгейцев стали почти легендарными⁹⁹. Сейчас уже возникла и выросла своя национальная интеллигенция, работающая в тесном содружестве с русскими врачами, учителями, агрономами...

Да, В. К. Арсеньев многого не предвидел и многого не учел, но по большей части эти ошибки были свойственны всему поколению ученых, к которому принадлежал В. К. Арсеньев. И, конечно, не ими определяется целостное значение книг и всего жизненного дела В. К. Арсеньева. Каковы бы ни были отдельные ошибки в его трудах, в целом они входят в золотой

фонд литературы о народностях Приморья, составляя неотъемлемую часть их духовной культуры, ибо именно в них с необычайной полнотой и выразительной силой раскрыты основные черты национального характера этих народностей. Во всех своих книгах В. К. Арсеньев выступал неустанным горячим пропагандистом высоких нравственных качеств этих «лесных людей» — именно он первый открыл, какие богатые творческие силы таят они в себе. Один пример особенно характерен и поучителен. Вопреки мнениям, господствовавшим в старой военной среде, В. К. Арсеньев всегда утверждал, что малые приморские народности обладают высокими воинскими качествами». Немало найдется орочей и удэхейцев, — писал он, — которые сделают честь самым лучшим стрелкам в армии»; он утверждал, что в будущей войне они могут сыграть важную и значительную роль «в качестве великолепных лодманов, проводников, разведчиков»¹⁰⁰.

Этот прогноз, продиктованный верой в великую духовную силу народа, блестяще подтвердился во время Великой Отечественной войны. Из среды орочей, удэхейцев, нанайцев, тазов действительно вышли великолепные воины, стойкие и мужественные защитники социалистической родины. Имена некоторых из них стали известны всему Советскому Союзу, как, например, имя погибшего в боях с фашистскими ордами замечательного снайпера ороча Кирилла Батума, к которому обращался с приветственным письмом И. Эренбург. Это письмо, появившееся первоначально во фронтовой газете, перепечатано в книге С. Бытового¹⁰¹. Как первоклассный снайпер прославился удэхеец Дункай из селения Сяин. Дункай окончил Ленинградский институт народов Севера и ныне работает учителем в родном селе¹⁰². Другой удэхеец Василий Кялундзюга был известен как выдающийся разведчик. Он участвовал во взятии Берлина, побывал в Румынии. На фронте ему, между прочим, пришлось встретиться и беседовать с Вандой Василевской, и он был назначен для ее сопровождения¹⁰³. Как знаменитый снайпер прославился и нанец Максим Пассар из селения Джари (на Амуре). Когда он был убит, на фронте в качестве добровольцев отправились «заменить Максима» его братья Иван и Павел¹⁰⁴.

Можно назвать и еще немало имен. Мы привели только наиболее выдающиеся примеры, но их достаточно, чтобы оценить вдумчивое предвидение Арсеньева. Подтверждением суждений В. К. Арсеньева о нравственных качествах и великих способностях орочей и удэхейцев (а также, конечно, нанайцев и других приморских народностей) служат и возникшие кадры национальной интеллигенции и пышный расцвет национального искусства. Песни Джанси Кимонко (удэхейца) стали народным достоянием, а его повесть прочно вошла в советскую литературу¹⁰⁵.

Арсеньев не знал и не представлял себе тех путей, какими пойдет народное развитие; он не мог еще понять, что всестороннее и полнокровное раскрытие заложенных в народе сил возможно лишь после социальной революции при победе социализма и демократии,— но в том, что такое раскрытие духовных сил свершится, он никогда не сомневался. Этой верой и теплой любовью овеяны все его книги и этими чувствами они заражают своих читателей. Великие художники Возрождения утверждали, что для того, чтобы стать подлинным мастером, недостаточно иметь точный глаз и уверенную руку. Нужно еще обладать чутким и отзывчивым сердцем. Это требование может быть полностью перенесено в мир науки, которая занимается изучением человека. Этнограф не может и не имеет права быть бесстрастным наблюдателем. Таким этнографом с великим сердцем был замечательный путешественник и писатель Владимир Клавдиевич Арсенев*.

М. К. Азадовский

* Настоящая статья, имеющая вполне самостоятельное значение, вышла отдельным изданием в Чите в 1955 г., а в конце 1956 г. была опубликована в сокращенном виде Детгизом в Москве (*Прим. ред.*).

ИЗ ПУТЕВОГО
ДНЕВНИКА

1908-1910 гг.

I

24 июня наш небольшой отряд тронулся в путь; легко и отрадно стало на душе, как только пароход отошел от пристани. Слава богу, самые большие препятствия, самые большие трудности преодолены, кончились.

Итак, мы в дороге! Все дальше и дальше позади остается Хабаровск. Широкой полосой расстилается Амур, и представляется он в виде длинного большого озера, в виде безбрежного моря и вовсе не похож на реку. Далеко на горизонте чуть видны острова, и кажутся они как бы висящими в воздухе. Уверенно идет пароход по изученному фарватеру, командир и рулевой руководствуются сигналами по створам и иногда близко подходят к берегу.

С момента отъезда из Хабаровска на пароходе начинают жить судовой жизнью. Вместе с нами ехала публика самая разнообразная: чиновники, играющие в винт «по маленькой», коммерсанты, говорящие о своих торговых спекуляциях, священники со своими семьями и крестьяне с детьми, возвращающиеся в деревни.

Кто читает, кто так сидит и смотрит вдаль на острова или на берег, а кто и просто забился в каюту и под ритмический шум машины уснул как убитый. В 3-м классе людно. Народу битком набито. Большая часть вплотную лежит на палубе и не встает, чтобы не потерять своего места.

Вечером пароход дошел до села Вятского. Так как здесь начали грузить дрова, то мы решили воспользоваться этим временем и осмотреть селение.

Прежде всего в глаза бросились бесчисленные штабели дров, а за ними, выше на берегу, и жилые постройки.

Невеселую картину мы увидели: дома давно пришли в ветхость, срубы большею частью сгнили; самые постройки покосились, тес с крыш съехал и оголил решетины, околицы, сде-

ланые на живую нитку, во многих местах повалились; на дво-рах развал, грязь, мусор.

Общее впечатление таково, как будто здесь давно был погром, люди ушли и все так оставили. Две тощие гнедые лошади лениво плелись вдоль села, хлопая губами, подбирали что-то на дороге, фыркали и подымали пыль. Большого развала, большей неряшливости мне никогда не приходилось видеть.

По дороге вдоль села нигде не видно следов колес. Оче-видно, здесь никто на телегах давно уже не ездил. Встречный мужик славянского типа, с светлорусой бородой, охотно стал с нами разговаривать. От него мы узнали, что крестьяне пере-селились сюда лет сорок тому назад из Вятской губернии, жи-вут с достатком, но неряшливо; хлебопашеством не зани-маются совершенно, и не все даже имеют огороды. Главное занятие крестьян села Вятского — заготовка и поставка дров в город и на пароходы, а также рыбная ловля. То и другое выгодное дело. Расчет простой: работнику за заготовку одной сажени дров хозяин платит 1 р. 10 к., а поставка той же сажени на пароход дает 5—5 р. 50 к. Заготовка дров производится зи-мой на снях; летом лошади на воле, отдыхают. Так как от села никуда никаких дорог нет, а сообщение в город произво-дится по Амуру на пароходах, то во всем селе Вятском едва ли найдется хоть одна телега.

Неуютно было в Вятском, и мы пошли к пароходу. Наш словоохотливый собеседник провожал нас до самой реки и все рассказывал о заготовке дров и усиленно размахивал руками.

На пароходе была большая суматоха, стоял невообразимый шум — грузили дрова. Я ушел к себе в каюту, но долго не мог уснуть, оделся и вышел на палубу. Была отличная лунная ночь. Вода серебрилась. Река казалась спокойной, величавой.

Бесчисленное множество мелких ночных бабочек носилось в воздухе; они кружились около фонарей и, обожженные, мас-сами падали на палубу.

Поздно ночью пароход пошел дальше и 25 июня около 8 час. утра мы были уже в селе Троицком. Здесь нас ждали гольды с лодками. Сделав спешно еще кое-какие закупки, мы тотчас же поехали с гольдами к реке Дондон.

Ехать вверх по протокам реки Амура пришлось целый день. Слева от нас тянулись обширные поемные луга, обильно зарос-шие злаками (*Calamagrostis billosa*) и осоками. Во многих мес-тах описываемые поемные луга стали подсыхать, кочки вырав-ниваться и чаще стали появляться травы широколистные.

Около берегов, как и везде, заросли тальников.

К вечеру мы вошли в протоку Дырен и остановились в мис-сионерской школе, около гольдского селения Найхин, располо-женного у устья одной из проток Дондона.

Велико было наше удивление, когда мы узнали, что такой реки Дондон вовсе нет, что Дондон это название острова, название находящегося на нем селения и название смежной протоки Амура и что река, по которой нам предстояло подыматься, называется Онью (Анью) ¹.

По ней-то и ходят китайские купцы со своими товарами через перевал хребта Сихотэ-Алинь к Императорской Гавани.

II

Были каникулы, в троицкой миссионерской школе никого из учеников не было. Там мы застали учителя. Он задержался здесь в ожидании комиссии, которая должна была осмотреть здания как самой школы, так равно и общежития учеников.

От учителя мы узнали, что в школе учится до 60 учеников-гольдов. Дети собираются из восьми окрестных стойбищ: Торгон, Дондон, Халан, Найхин, Дырга, Гордома, Дады и Юлан. Учитель жалуется, что не все родители посылают в школу своих детей, а если и посылают, то часто с большими пропусками, неаккуратно и рано берут их домой обратно, не дождав-шись окончания курса. Из разговора с гольдами я узнал, что учитель им не нравится, потому что он строг.

По словам учителя, дети учатся хорошо, охотно, легко усваивают русскую азбуку, счисление и особенно способны к рисованию. Во всем этом я имел случай лично убедиться: на другой же день ко мне пришли три ороchonки ¹, привели своих детей и просили освободить их от школы. При проверке знаний мальчиков я увидел, что они хорошо говорят по-русски, свободно читают (не по складам) и бегло пишут. В общем видно, что амурским гольдам упомянутых селений не нравится обучение детей в школах. Кажется, они опасаются, что впоследствии за это детей их привлекут к отбыванию воинской повинности.

Гольдское селение Найхин состоит из 17 фанз, живописно в ряд расположенных на самом берегу протоки Дырен. При входе в селение прежде всего бросается в глаза целый лес шестов, палок, жердей, укрепленных горизонтально на сошках. На них гольды сушат свою рыбу. Весь берег усеян лодками. Сотни собак встретили нас лаем. Гольды окликнули их, пригрозили, и собаки с неохотой снова улеглись на прежние свои места. Мошки и комары мучили их, и они зарывались в землю, забивались в траву, под корни деревьев или ложились в воду.

Порядок и чистота в селении были образцовые; такой же порядок был и в фанзах: стены чисто вымазаны, цыновки блестящие и полы выметены. Откровенно говоря, мы не ожидали встретить такой порядок. Совсем не то, что в селе Вятском. Найхинские гольды живут хорошо, зажиточно, никому ничего не должны и многие из них имеют лишнюю копейку про чер-ный день.

Когда гольды узнали, что мы хотим итти вверх по реке Анюй, они начали рассказывать нам всякие ужасы про эту реку, уверяли, что пройти невозможно, что летом даже орочи не поднимаются на лодках и итти к истокам ее наотрез отказались. Из расспросов я узнал, что по Анюю все же живут орочи и что их услугами можно будет воспользоваться². Видно было, что амурские гольды боятся Анюя. Оно и понятно. Привыкшие жить на Амуре, плавающие на своих досчатых лодках по чистым, тихим, широким протокам его, они отвыкли от быстрых горных рек и теряются, если лодку несет через порог к бурелому. Уговаривать их на это предприятие мы не стали, но все же условились, что они подымут нас по Анюю вверх, верст на 30, до фанзы Дуляля. Вечером мы возвратились в школу и в цей провели последнюю ночь у гостеприимного учителя.

29 июня утром гольды явились; мы сложили свое имущество, продовольствие и тронулись в путь, а на третий день были в фанзе Дуляля, в 35 верстах от устья.

Устье реки Анюй состоит из множества больших и малых рукавов и протоков. Дельта, образуемая рукавами Анюя, занимает площадь около 16 квадратных верст. Без проводятого протки их нельзя; многие из них завалены буреломом, нанесенным сюда рекой во время наводнений. Едва мы вступили в реку, как сразу убедились, что течение ее действительно очень быстрое (около шести футов в секунду). На веслах итти нельзя, надо упираться шестами. На каждой лодке должно быть три человека рабочих. Наши лодки постоянно лавировали от одного берега к другому: гольды выбирали где течение послабее. Итти на шестах против течения быстрой реки — это большой труд. Очень часто наши проводятые приставали к каменной отмели, чтобы отдохнуть и покурить трубку.

Было бы ошибочно думать, что река Анюй течет в виде одной реки, в виде одного потока, и что по берегам ее можно итти пешеходом. Вода идет по бесчисленному множеству рукавов и протоков, разветвляющихся в разные стороны и по всем направлениям. Многие из протков тоже завалены буреломом и корчами. Под ними сильно шумит, клокочет и пенится вода. Пока придержишься отмели, течение как будто тише, но вдруг за поворотом новая глубокая протока с такой силой выносит воду, что у сидящих в лодке начинает кружиться голова. Бывает, что вода с силой несется из двух протков, расположенных друг против друга, сталкивается и образует настоящий клокочущий водоворот. Бедные наши собаки (они бежали по берегу) страшно страдали. Мы видели, как течение уносило их под завалы, и они появлялись из воды лишь по другую сторону бурелома. Одна собака утонула на наших глазах, другая пропала без вести (вероятно тоже утонула). Медленно, с большим трудом мы поднимались вверх по течению, лавируя между островами и придерживаясь больше протков и мелких мест.

В сумерки отряд наш расположился биваком на косе из каменистой гальки.

Первой заботой было собрать собак, разбившихся поодиночке. Пришлось послать одну лодку. Едва собаки дошли до бивака, как упали на камни; не хотели есть от переутомления и в мгновение уснули. Лодки были вытасканы далеко на берег, засветились костры, забелели комарники. Недолго копошились и люди — все реже и реже показывалась чья-нибудь голова, все реже и реже слышался чей-нибудь голос и скоро весь бивак, убаюкиваемый шумом текущей воды, уснул сном, каким могут спать только усталые. А на небе собирались тучи.

III

Еще с вечера на северо-восточной стороне неба были видны тяжелые тучи, тучи эти все более и более заполняли небо. К утру уже накрапывал дождь, который не прекращался в течение пяти суток подряд.

Пошли дальше, и, несмотря на ненастье, мы к 3 июля достигли фанзы Тахсаля; здесь мы должны были задержаться вследствие значительной прибыли воды в реке. На основании собранных сведений мы узнали, что река Анюй течет совсем не так, как это показано на 40-верстовой карте, а имеет направление сначала вдоль хребта Сихотэ-Алинь, с юга к северо-востоку, потом поворачивает на север и далее течет к северо-западу; что течет она по правой, огибая истоки Верхнего Хора; что река протекает около 400—500 верст и что ороческие стойбища находятся только в нижней части ее течения.

Таковы были расспросные данные.

Узнав, что до моря при благоприятных условиях можно идти в 40—50 суток, и видя, что идут дожди, а потому, опасаясь застрять где-нибудь на неопределенное время, г-н Десулави, чтобы поспеть во-время в г. Хабаровск, решил оставить отряд 6 июля и вернулся на ороческой лодке к устью реки Анюй, где и намерен заняться коллектированием растений¹.

Все эти дни небо было покрыто дождевыми тучами. Дождь шел с перерывами. Вода в реке прибывала ежедневно и выходила из берегов. Скоро исчезли под водой все мели и острова.

Анюй имел грозный вид. Течение усилилось до 10 футов в секунду. Ехать дальше на лодках не представлялось возможным, и орочи категорически отказывались. Они говорили, что в мае и в июне вода небольшая, дождей не бывает, и тогда легко и не опасно плавать по Анюю. В июле же и августе, по их словам, всегда большая вода, всегда идут дожди и для того, чтобы добраться до хребта Сихотэ-Алинь, потребуется вдвое больше времени.

Трудно сказать, какой ширины река, так как, кроме главного русла, она всюду разбивается на множество рукавов и

проток; бассейн этих проток, считая в обе стороны от Анюя, занимает пространство от трех до пяти верст. Долина шириной от 10—20 верст.

Эта огромная низменная площадь лесов ежегодно затопляется водой, и тогда эти леса представляют из себя настоящие американские силвасы. Жители этих мест, орочи, в это время бросают свои затопленные балаганы и, пробираясь на лодках сквозь чащу леса, ищут сухого места, где бы можно было развести огонь и сварить себе пищу. По их рассказам, иногда не удается и этого сделать. Прибывающая вода заливает костер раньше, чем закипит вода в котле. На ночь остановиться негде и потому люди спят на лодках. Спасаясь от воды, они на лодках идут лесом до тех пор, пока не дойдут до края долины, где место возвышенное и где вода уже не может их достать.

Иногда вода идет очень быстро и сразу в одну ночь затопляет весь лес. Когда же вода начинает убывать, жители снова возвращаются на старое место и принимаются за исправление жилищ, размытых водой. Иногда вода бывает очень высока, иногда меньше, иногда наводнения бывают один раз в год, иногда и два, и три раза.

После наводнений картина печальная: поваленные деревья, трупы утонувших животных, снесенные человеческие жилища — балаганы, нанесенный водой, бог знает откуда, бурелом, слои ила, придавившие кусты, молодняк и траву, и всюду новые протоки. А река проложила себе уже новое русло и занесла коряжинами и песком место прежнего своего течения.

Такова река Анюй, и недаром гольды и даже орочи боятся ходить по ней, особенно если вода хоть немного подымется выше своего обыкновенного уровня².

Леса имеют здесь поемный характер. Всюду рытвины, ямы, промоины, нанесенные водой ил и мусор красноречиво говорят об этом. Мешанный лес³ в нижнем течении реки попадаетея пока только отдельными клиньями, большая часть лесов — лиственные породы: ясень, ильм, ольха, дуб, осина, липа, клен, бархат, орех и тальники. Подлесья — густые заросли таволги, сирени, бузины, а местами попадаетея малинник и виноград.

Орочи говорят, что в стороны, ближе к горам, лес исключительно березовый и пихтовый. В общем местные леса строевого и поделочного характера. Река Анюй сплавной быть не может.

Бешеная, суровая река и дикая природа этих мест наложили свою печать и на туземцев. Подавленное состояние духа, вечные опасения за свою участь и безотчетный страх перед этой огромной лесной пустыней подавляют их.

Отсутствие дорог и даже троп в этих местах, затопляемость долины, изрезанной вдоль и поперек протоками реки Анюй, бесконечность лесов, безжизненность тайги центральной части

хребта Сихотэ-Алинь не раз были причиной гибели смельчаков, рискующих бороться с природой там, где она наиболее сурова.

В силу изложенного никакого другого пути к Императорской Гавани здесь быть не может, кроме зимнего по льду реки.

Единственный способ передвижения есть тот, который принят местными инородцами. Это шарты, запряженные собаками. Постройка проектируемой дороги от Малмыжа на Хор и Бикин к Иману, при переходе через реку Анюю и ее долину, вызовет немало затруднений — придется, вероятно, отодвинуть ее дальше в горы, верст на 100 от Амура.

IV

Пять дней нам пришлось просидеть в фанзе Тахсале. Вода в реке все прибывала, а дожди не переставали. Несмотря на уверения орочей, что во время большой воды ехать в лодках по Анюю опасно, мы, наскучившись сидеть без дела на одном месте, решили попытаться счастья и вскоре раскаялись.

Так как плыть по главной реке действительно было очень рискованно, мы пошли по протокам Анюя. Первые две версты все шло хорошо, но на одном из поворотов лодку прибило течением к бурелому, а люди не могли справиться с напором воды. Вода сразу поднялась выше борта лодки и в одно мгновение затопила ее и перевернула. К счастью, вблизи была отмель. Из соседних лодок люди бросились в воду и начали спасать плывущее имущество. С большим трудом удалось нам вытащить из-под бурелома лодку и перевернуть ее. При проверке оказалось, что среди разной мелочи погибло четыре ружья. Сухари, чумиза подмокли, а мука превратилась в тесто, которое мы и съели на первых же днях после крушения. Долго мы еще возились, стоя по пояс в воде, стараясь достать утонувшие винтовки. Наконец, нам удалось разыскать три ружья, и то уже в стороне от бурелома, ниже по течению. А дождь лил ручьями не переставая, вода все прибывала и прибывала, люди промокли до костей: нервная дрожь и шелканье зубами говорили за то, что поиски пора кончить и надо обогреться. Не выходя из воды, мы выпили по глотку спирта, сложили мокрое имущество в лодку и быстро поплыли вниз по течению обратно к фанзе Тахсале.

Ночью встречный ветер разорвал тучи, и к утру все небо очистилось совершенно. На другой день, пока на солнце сушилось наше имущество, мне удалось определиться, удалось произвести полный цикл наблюдений и вычислить поправку хронометра по абсолютным и по соответственным высотам солнца.

8-го числа мы готовы были уже итти дальше, но узнали, что верхние орочи (последнее стойбище) едут на лодках книзу.

Чтобы не разъехаться с ними в протоках реки, я решил обождать их в фанзе, которой они миновать и объехать никак не могли. День этот и вечер провели в беседе с орочами и с гольдами, расспрашивали их о их житье, и каждый по своей специальности делал записи. Беседа эта затянулась далеко за полночь. Наутро действительно приехали орочи; мы стоворились с ними и на другой день 10 июля тронулись в дорогу. Орочи шли протоками, умело лавировали на перекатах и проводили лодки там, где, казалось, и оморочка пройти не может. Мы невольно любовались их ловкостью, искусством, проворством и знанием места. Иногда приходилось прорубаться сквозь кусты и заросли леса; через узенький проход протаскивали лодки и сразу попадали в тихое, широкое не то озеро, не то старицу — протоку. Испуганные птицы с криком поднимались от воды, улетали вдоль по протоке и скрывались за поворотом. В этих местах много рыбы, особенно линька¹ и тайменя. Судивительной ловкостью орочи били их острогами и сбрасывали живую, трепещущую рыбу в переднюю часть лодки. Мало уметь попасть острогой в рыбу — надо иметь еще и большой навык, чтобы увидеть ее на более или менее значительной глубине и при быстром течении реки.

Низко к воде свесились ветви прибрежных деревьев и кустов. Картины самые разнообразные часто сменялись одна другой. Порой они принимали великолепный декоративный вид. Художники-пейзажисты нашли бы здесь неистощимый запас дивных красот для своих произведений. Забылись вчерашние невзгоды, забылись дожди, каждый отрешился от неприятных воспоминаний своей жизни и жил только настоящим прекрасным. Все были веселы, бодры и довольны.

Одна только мошкара часто отравляла нам все лучшее, что могла дать хорошая солнечная погода. Каждый занят своим делом. Время летит незаметно.

Полдень близко. Люди устали; пора обедать. На каменистой прибрежной отмели приютился небольшой отряд. Лодки подальше вытащены на берег, чтобы их не унесло течением. Люди закрыли лицо черными сетками, чтобы защитить себя хоть немного от мучительно докучливого гнуса. Горят костры, на сошках и на угловатых камнях поставлены чайники и котелки. Орочи расположились в стороне и, в ожидании пока закипит вода, лежа курят свои трубки. Они, видимо, привыкли индифферентно относиться к мошкаре и потому не обращают на нее внимания.

Высоко в небе парит орел, медленно описывая круги над протокой. Ему все видно. Зорко он смотрит вниз; заметил и людей, расположившихся на отдых... Но вот люди снова закопошились, заходили, сели опять в лодки, поплыли еще дальше в пустыню и скоро скрылись в новой протоке, а на месте их стоянки остались только догорающие костры: синие струйки

дыма поднимаются кверху. Едва ушли люди, как тотчас же неизвестно откуда появились вороны и стали ходить по бывшему «табору», подбирая остатки и брошенные кости.

Через три дня пути мы, наконец, достигли последнего ороцкого стойбища Улему.

Дальше людей нет. Орочи нам сообщили, что до устья реки Гобилли (правый приток Анюя) надо ехать еще пять суток и столько же времени подыматься по этой последней, а затем в течение двух дней сухопутьем можно достигнуть до самого перевала через хребет Сихотэ-Алинь².

На стойбище Улему мы снова вынуждены были потерять одни сутки. Дожди шли не переставая. Из 14 дней путешествия едва ли наберется дня два или три сравнительно светлых, солнечных. Туманы сменялись дождями, дожди — туманами; эти туманы моросили, обильно смачивали и траву, и деревья, и кусты, и землю и по количеству отдаваемой влаги не уступали дождям и одинаково были докучливы. В такое время дни проходят непроизводительно. Съемку делать нельзя — мокнет планшет, птицы и насекомые прячутся, растения не высыхают; одежда, снаряжение, продовольствие мокнул; имущество портится и само дело страдает. Лучше переждать непогоду и в солнечный день выступить пораньше. Тем более что за время пути «канцелярской работы» (вычерчивание маршрутов, вычисления астрономических пунктов, сбор статистических сведений, ведение записок, отчетность и т. д.) накапливается всегда достаточно.

Все же мы, хотя и с трудом, но шли и в дни дождливые, прикрывая планшеты березовой корой.

V

Мы опять в стойбище Улему: совершенно неожиданно пришлось нам продневать здесь. Один из орочей, ведущих наши лодки, заболел.

Без орочей ехать невозможно. Если бы мы рискнули итти самостоятельно, то давно разбились бы лодки, потопили бы имущество и остались бы без хлеба.

Все остальные орочи отнеслись к больному очень сочувственно. Всю почти ночь они шаманили и изгоняли злого духа. Наш больной оказался просто эпилептиком. Припадок длился около восьми часов подряд. Он бесновался, неистово кричал, метался, царапал себе грудь, рвал на себе одежду и с пеной у рта бился головой о землю. На другое утро он немного успокоился, но страшно исхудал и изменился в лице.

13 июля мы пошли дальше, а 17-го достигли устья реки Гобилли, где и решили отдохнуть.

Дожди шли почти непрерывно. Вода в реке все время была на прибыли. Чем выше мы подымались по Анюю, тем итти ста-

новилось все труднее и труднее. Шум воды на перекатах слышен издали. Мы вступили в область порогов. Там, в городе Хабаровске, нельзя всего этого перечувствовать. Надо видеть, какую борьбу приходится выдержать, чтобы «взять эти рифы». Глаза людей испуганы и лица искажены от чрезмерных усилий. Малейший промах (сломался шест или шест соскользнул с камня), и лодка, подхваченная водоворотом, неминуемо погибнет. Итти против течения очень тяжело. У нас у всех на руках образовались мозоли и водяные пузыри. У всех болят руки и плечи. Пальцы руки отказываются держать карандаш, и вся кисть как-то онемела, какая-то тяжелая, точно мешает, точно не своя, а чужая. Я считаю, что третью часть пути мы уже прошли. До сих пор были цветочки — ягодки еще впереди, ибо окончена легчайшая часть пути, теперь только начнутся трудности и лишения. Я думаю, что, перевалив хребет Сихотэ-Алинь и спустившись книзу, дней через 10 мы станем долбить лодки и в них спустимся вниз по течению реки Хуту. Вероятно там, в реке, мы найдем достаточно рыбы и избежим голодовки.

Как и раньше я говорил, рассчитывать только на одну охоту — неблагоразумно. По крайней мере, до сего времени нам не удалось увидеть ни одного животного, изредка удается убить рябчика или утку.

Непроницаемые заросли тайги скрывают от глаз охотника то, что делается в трех шагах от него. Один из моих товарищей, страстный охотник, воочию убедился в этом¹. Орочи и те в это время не охотничают, а бьют зверя случайно с лодки на протоках реки, в то время, когда он осторожно выходит из варослей, чтобы полакомиться водяной растительностью и утолить свою жажду.

Чем дальше мы уходим в горы, тем природа становится угрюмее.

Мешанные леса все чаще и чаще сменяются еловыми и пихтовыми. Все реже и реже попадаются кедры. Из лиственных только жидкие тальники густо растут по каменистым отменяям, теснятся к воде и вытесняют собой все другие деревья.

Дальше по Анюю еще теснее сжимают горы с обеих сторон. Дикая река, суровая природа, высокие, крутые горы и хмурое дождливое небо создают чрезвычайно грустные и унылые картины. Из всех девятнадцати проведенных здесь суток — едва ли наберется два-три дня таких, в которые не было дождя. Если ветер дует со стороны северо-восточной — низкие серые тучи несут с большим постоянством сильные дожди. Грозовые тучи всегда идут с юга. Один раз была очень сильная гроза. Эта гроза застала нас в дороге. Надо было переждать непогоду.

У берега, под крутым скалистым обрывом, приютились четыре лодки. Люди спешно прикрывают имущество и сами накрываются: кто палатками, кто шинелью, а кто и просто бере-

зовой корой. Дождь накрапывает крупными каплями. Исчерна синие тучи быстро заволакивают все небо. Первая ослепительно яркая молния. Раскатисто по горам передается удар грома; несется по ущельям и замирает, бог знает, где-то вдали. Дождь хлынул сразу. Такой ливень не бывает продолжительным. После молнии и удара грома, после сотрясения воздуха дождь еще более усиливается. Гроза продолжалась около часа. Так же быстро, как начался, сразу прекратился дождь, выглянуло солнце, осветило намокшую землю, и все в природе повеселело. На лодках заметно движение — люди откачивают воду из лодок, и через несколько минут, упираясь шестами, мы снова идем вверх по течению Анюя.

17 июля отряд достиг устья реки Гобилли. Мутная вода Гобилли резко отличалась от чистой прозрачной воды Анюя. Мы и раньше слышали, что Гобилли река очень быстрая. Действительно, течение ее достигает до $8\frac{1}{2}$ верст в час. Я полагал заняться определением астрономического пункта в устье реки и вычислить поправку хронометра, но дожди не переставали ни на минуту. Небо все время было покрыто серой пеленой и туч, и тумана. Приходилось ожидать погоды. Два дня мы просто стояли напрасно. Солнце не показывалось, и мы решили ехать дальше.

Здесь у нас едва не забастовали орочи. Они начали жаловаться, что у них дома остались семьи, что дома нет продовольствия; говорили, что им надо ехать в город за покупками, что скоро пойдет рыба, что по Гобилли ехать опасно, что они боются и за лодки, и за себя.

В справедливости последнего их довода мы скоро могли лично убедиться. С трудом удалось нам уговорить орочей, и мы поехали. Для Гобилли выражение «поехали» — неуместно. Правильнее сказать «мы стали карабкаться и цепляться за прибрежные кусты, камни и бурелом». Надо удивляться, как мы так счастливо проскочили все опасные места! ²

Случалось так, что мы попадали в такие ловушки, что нельзя было спускаться, ни вперед идти, ни назад. Малейшая оплошность — и не только имущество, но и люди неминуемо погибли бы в этом хаосе воды и пены.

Представьте себе узкий, изломанный коридор, загроможденный камнями, величиной в кубическую сажень. Палки не достают дна. Вода идет со страшной силой и при переходе через камни образует огромные пенящиеся валы. Упирается надо в эти камни и в боковые скалы. Шесты гнутся, дрожат и ломаются. Только уменьше орочей управляться с лодкой на быстрине, риск, нечеловеческие усилия всех людей вывели нас благополучно на чистое место, где можно было отдохнуть и оправиться.

В другом месте водопад в метр вышиной преграждал дорогу. Сбоку орочи нашли узенькую лазейку, где вода по

наклонной плоскости с дьявольской быстротой стремительно неслась сквозь эту узкую горловину. Я никогда не рискнул бы вести здесь лодку. Надо быстро разогнать лодку и быстро проскочить, чтобы вода не затопила ее с носа. И еще раз я повторяю то же, что говорил и в своем прошлом сообщении: «Без орочей я не поеду на лодке и особенно там, где быстрое течение и где много порогов».

Так мы плыли по Гобилли трое суток и 21 июля достигли устья небольшой речки Бира. Здесь нам предстояло бросить лодки, отпустить орочей и пешком с котомками за плечами идти на хребет Сихотэ-Алинь и далее на Хуту и Тумнин, к морю.

Начинаются самые большие трудности. С возвращающимися назад орочами я посылаю этот свой «Отрывок из путевого дневника».

Новые о себе сведения я могу дать только из Императорской Гавани, куда, как я думаю, мы прибудем, вероятно, в середине августа месяца.

VI

Уссурийский край — это море лесов¹. Весь наш путь от Амура и вплоть до Императорской Гавани был лесом. Целыми неделями, месяцами мы не видели мест открытых и чистых. Глаз утомляется и ищет простора. Тесно стоящие друг к другу заросли, чаща гнетуще действуют на душу. Напрасно вы будете искать здесь простора. Чуть-чуть, только кое-где, виден маленький клочок неба. Время рассвета и сумерек не совпадает. Солнце взошло давно и высоко уже поднялось на небе, а в лесу еще темно, неясно. Вечером сумерки наступают тоже рано, да и днем-то солнце не проникает сквозь хвой, а потому внизу всегда полумрак; даже и в самую солнечную погоду ясный день кажется серым, пасмурным. Надо было видеть, с каким наслаждением люди смотрели на море, не могли оторвать глаз от горизонта и подолгу упивались беспредельным простором его после двухмесячного путешествия по лесу, болотам и бурелому.

Долина нижнего течения Анюя покрыта исключительно лиственными лесами: дуб, ясень, тополь, бархат, клен, осина, береза, ильм и др. По словам орочей, на расстоянии одного дня пути в сторону, вправо от реки, белая береза растет сплошными лесами, занимая значительные пространства. Около реки черемуха, боярышник, ольшаники и тальники образуют сплошные заросли. Тонкие, длинные, высокоствольные растут они чрезвычайно густо и покрывают собой все сырые берега, каменистые, галечниковые отмели и острова. Сирень, растущая в Южно-Уссурийском крае в виде дерева, иногда с довольно солидным стволом, здесь растет в виде небольшого корявого

деревца, а чаще всего в виде крупного кустарника. Так как все леса исключительно поемные, то подлесье все завалено сырым буреломом и мусором. Вода всюду оставила следы: пригнутый к земле кустарник, поломанный молодняк и пучки сухой травы, застрявшие на сучках деревьев. Ил, оставляемый водой, очень плодороден, отчего подлесье всюду образует густые заросли, непроницаемую чащу. По этим зарослям итти без ножа в руках положительно невозможно. Главные представители подлесья: таволга, затем виноград, смородина, шиповник, боярышник и бузина. По берегам проток в изобилии растет барбарис.

Травы местами сплошь покрывают собой высохшие русла, доставляя медведю лакомую пищу весной. И теперь еще видны следы медведей, протоптанные тропы и обведенные мясистые корни растений. Хвойного леса нет, и только в области среднего течения смешанный лес начинает клиньями входить к реке и главным образом по правому ее берегу. Чем дальше подвигаться вверх по реке, тем мешанные леса снова начинают вытесняться лиственными и главным образом березником и осиной. Чаще и чаще мелькают среди их бледной зелени длинные стволы сухостойной лиственницы. Видно, что давно был здесь лесной пожар. Появился молодой березняк. Там и сям снова проросли молодые лиственницы и в будущем, вероятно, снова появится лес, если не хвойный, то, во всяком случае, мешанный. Таковы же леса и по реке Гобилли. Здесь уже начинают попадаться и черная смородина, и голубица, и кусты жимолости. Вследствие высоты места (420 м по анероидным измерениям) многие растения хотя уже и отцвели, но плоды и семена их еще не созрели. Так, например, в нижней части реки Анюй (мы там ехали в середине июля) черемуха была совершенно зрелой, а по реке Гобилли спустя две недели черемуха еще была совершенно зеленой. Переходя к хвойным, прежде всего остановимся на кедре. Кедр, изредка растущий в нижнем течении реки Анюй, сразу прекращается около реки Тормасунь (левый приток). Выше реки Тормасунь кедр встречается как редкое явление. Также редок и тис, причем здесь он имеет скорее вид стланца, чем правильно растущего деревца. Орочи горевали, что много тису встречается в верховьях реки Тормасунь, а равно и в истоках самого Анюя.

Чем выше мы поднимались по рекам Анюй и Гобилли, тем чаще и чаще попадалась лиственница, сперва одиночными деревьями, а затем и группами. Она резко выделялась из среды других деревьев своим стройным видом, красноватой корой и бледным цветом листвы-хвои. В горах, где не было пожара, сохранился лес исключительно хвойный, с большим процентом пихты в отношении к ели. Центральная часть хребта Сихотэ-Алинь вся сплошь покрыта густым хвойным лесом. Вечные сумерки, мхи, обилие влаги и почти полное отсутствие травянистой растительности придают какой-то особый угрюмый

характер. Такие леса скорее похожи на тундры². В самые жаркие летние дни в них сыро и холодно. Несмотря на конец июля месяца, под мхом и под камнями мы нашли лед. Вероятно, еще ниже будет вечная мерзлота. Вот почему в самых истоках горных ручьев температура воды очень близится к точке замерзания. Из многих измерений температура воды в среднем оказалась 1,5—2° по Цельсию. Такой тундровый лес будет и по склонам гор и только на вершине хребта, там, где попадают гольцы,— сырые желто-зеленые мхи сменяются белесоватыми сухими.

На границе тех и других — густые заросли ползучих кустарников. Ползучий кедровник издали похож на зеленую «травку»; взбираясь на вершину, неопытный путник торопится поскорее пройти лесную зону. Велико бывает его разочарование, когда вместо мягкого, травяного ковра он сразу же вступает в лес кедрового стланца. Толстые ветви его, спускаясь с вершины, стелятся по земле, отделяют от себя мелкие ветви, которые торчат как раз навстречу идущему человеку. Только с топором в руках можно еще с затратой больших усилий пройти эти заросли и выйти к голой вершине. Таковы леса по рекам Аной и Гобилли и на вершине хребта Сихотэ-Алинь. Отпустив лодки, мы сразу почувствовали себя отрезанными, предоставленными самим себе. Теперь наступила для нас страдная пора, начиналась самая тяжелая часть путешествия.

На всякий случай мы оставили при себе продовольственных съестных припасов недели на три. Орочи нам сообщили, что до хребта мы дойдем в 2—3 дня и от перевала через 6—10 суток дойдем до реки Хуту, где и найдем людей. Так как нести на себе много нельзя (не более 1½ пудов) за один раз, то имущество, продовольствие и инструменты мы переносили от бивака до бивака в два-три приема, вследствие чего общее движение наше было очень медленное, и потому мы только на пятый день достигли хребта Сихотэ-Алинь.

Речка Бира, по которой мы шли, не более как горный ручей, текущий по широкой, но короткой долине, поросшей смешанным лесом внизу и исключительно хвойным в верхней ее части.

Местами березняки образовали как бы отдельные острова среди других пород деревьев. Меня поразило положение, в котором росли эти деревья. Длинные, тонкие стволы их совершенно пригнулись к земле, образовав всюду как бы живые арки. Тем более это было странно, что корни деревьев не были расшатаны, а сидели в земле глубоко.

Долго я не мог найти объяснения этому явлению, пока не наткнулся на затески на деревьях, сделанные рукой человека так высоко, что, стоя на земле даже на подставке, достать топором до места затесины было нельзя. При внимательном осмотре места вокруг деревьев с затесинами все стало понят-

ным. Затесину делал человек топором на лыжах, стоя на глубоком снегу. Глубокий снег — вот причина погнутых деревьев. Снег, упавший на ветви деревьев, погнул дерево слегка своей тяжестью, продержав его в таком положении до самой весны. Если из года в год большой снег будет падать на погнутые уже вершины и ветки тонкого дерева, естественно, что в конце концов оно должно будет согнуться и опуститься вершиной до самой земли. Вот почему и ветви елей более пригнуты к стволу, более опущены книзу, чем ветви тех же хвойных, растущих в Южно-Уссурийском крае. Там ветки растут более горизонтально и даже концы их загибаются несколько кверху. Такое же действие больших снегов заметно в различной форме и на всех остальных породах леса, особенно если деревцо молодое, не успевшее еще окрепнуть как следует.

VII

Если отметить цветной краской распространение животных в Уссурийском крае, причем более густой тон ее положить там, где зверя больше, то окрашенная таким образом карта представилась бы в таком виде: более густой тон краски лег бы 1) на Южно-Уссурийский край, на места незаселенные; 2) по нижнему течению рек, впадающих в Уссури и Амур, вдоль железной дороги и 3) по нижнему течению рек, впадающих в Японское море и Татарский пролив¹.

Вся же центральная часть хребта Сихотэ-Алинь, начиная от 44° сев. широты и вплоть до Мариинска и Софийского, представляет из себя лесную пустыню в полном смысле этого слова.

В отношении распространения животных оба бассейна рек Анюя и Тумнина водораздельным хребтом Сихотэ-Алинь разделяются на две области, довольно резко отличающиеся еще друг от друга. Гроза Уссурийского края — тигр, хотя и редко, но все же встречается по реке Анюй. Там орочи часто видят следы его, а равно и самого зверя. Случается, что свирепый хищник смело подходит к орочским балаганам и безнаказанно уносит собак от человеческих жилищ. Орочи жаловались, что в прошлую зиму «куты-амба» (так они называют тигра) унес у них всех собак, чем они были поставлены в затруднительное положение. Далее реки Гобилли он не заходит; в области хребта Сихотэ-Алинь его нет совершенно, к востоку же от перевала, по реке Хуту, следы тигра составляют уже редкость, а самого зверя никто не видел, а в районе Императорской Гавани многие орочи не видывали никогда и следа тигрового.

К западу от хребта Сихотэ-Алинь довольно много изюбрей и очень мало лося. Этот последний держится в верхней части реки Анюй, где меньше гнуса. С перевалом через водораздел изюбря нет совершенно, зато лосей много, но только ниже по среднему течению реки Хуту, ближе к ее устью, и по реке Тум-

нину до самого моря. Хотя изредка старые следы его видны и на самом хребте Сихотэ-Алинь, но это случайные, проходные. Лось тут долго не держится и спускается вниз, туда, где он может найти себе достаточно корму.

Кабан держится по обе стороны водораздела, но только там, где растет кедр: к западу, значит не выше реки Тормасунь, и к востоку, начиная от реки Хуту. В центральной части предгорий Сихотэ-Алиня кабана нет нигде, и следов его не видно. Причину этого надо искать исключительно в отсутствии кедра и дуба, плодами которых он так любит лакомиться. По той же причине нет и белки. Там где много белок, там больше и соболя. Местная белка, хотя и черного цвета, но все же сверху имеет буроватую окраску, в особенности голова и ноги часто бывают красновато-желтые. В Южно-Уссурийском крае все белки без исключения пепельно-черного цвета и шкурки их ценятся выше.

Что касается соболя, то вся область бассейна реки Аня, а равно к востоку по Буту и Хуту, богата этим ценным хищником. Здесь царство уссурийского соболя (*Mustela zibellina*). Амурские гольды в погоне за его ценным мехом зимой далеко проникают в горы и даже переваливают хребет Сихотэ-Алинь, однако не рискуют опускаться далеко книзу, а район их соболевания ограничивается рекой Наргами, впадающей в реку Буту. Следы этих соболевщиков видны всюду по обе стороны водораздела: старые порубки, брошенные зимние балаганы, поломанные старые лыжи и нарты — красноречиво свидетельствуют об этом. Ниже по реке Буту следов этих уже нигде не встречается, а приморские орочи, в свою очередь, дальше реки Буту не проникают, и вообще сведения их о самом хребте Сихотэ-Алинь, а тем более о реках по ту сторону водораздела крайне скудны и ошибочны.

Там, где мешанные леса заменяются хвойными, всюду видны в изобилии следы кабарги. Особенно много кабарги по реке Буту. Много врагов у этого жвачного. И соболю, и орел, и рысь нападают на кабаргу при всяком удобном случае. Самым же опасным неумолимым врагом ее является росомаха. Нам не раз приходилось находить кабаргу, наполовину съеденную этими хищниками. А однажды удалось застать и самих росомах на месте преступления. В общем росомах по реке Буту очень много.

Дикая коза держится по луговым низинам Аня, близ Амура, дальше в лесах и горах коза весьма редкое явление, а к востоку от хребта Сихотэ-Алинь ее нет совершенно.

В заключение остается сказать о медведе. К западу от водораздела, ближе к Амуру, там, где леса мешанные, где растет кедр и есть дикие пчелы, медведь устраивает свои берлоги в дуплах тополя и липы и лакомится кедровыми орехами и медом. Выше реки Тормасунь его не видели, а к востоку от пере-

вала через хребет его нет совершенно. Что же касается до родича его, муравьеда, то этот представитель стопоходящих довольно редко забирается по реке Гобилли к хребту Сихотэ-Алинь; зато часто попадаетея ниже по реке Хуту и далее вплоть до моря.

В общем почти все животные держатся там, где растет кедр. Граница произрастания кедра является границей обитания многих животных и птиц².

Выше было сказано, что центральная часть хребта Сихотэ-Алинь — мертвая лесная пустыня. Здесь тишина тайги не нарушается ни ревом зверя, ни голосом гурана, ни резким криком кедрянки³, нигде не видно и не слышно. Одно журчанье воды в горном ручье да шелест и свист ветра в пихтах и ельнике, однообразные и постоянные, усугубляют мертвящую тишину лесной пустыни. Удивительную тоску нагоняют эти безжизненные леса. Невольно спешишь, торопишься поскорее пройти их.

Во время плавания на лодках по реке Анюй нас поражало обилие крохалей и уток. Особенно много первых. Эти целыми выводками перелетали с места на место, с одной протоки на другую. Как раз было время линяния. Испуганные птицы не могли подняться на воздух и, несмотря на быстроту течения реки, удивительно скоро перебегали вверх по воде (даже и на порогах), так что лодки не могли догнать их даже на расстоянии ружейного выстрела. После перевала к морю, в нижнем течении Хуту, наблюдателя поражает обилие уток и разнообразие в их породах. Здесь вы видите тех же крохалей и крякву, и чирков, и чернеть и шилохвость.

Орлы (*Haliaeetus albicilla*) держатся только в среднем и верхнем течении реки Анюй, часто встречаются и по Гобилли; их можно видеть парящими и над хребтом Сихотэ-Алинь, и даже по горным рекам, входящим в систему Хуту и бассейна реки Тумнина. На страшную высоту поднимаются эти царственные птицы, и, медленно описывая большие круги, они скоро становятся едва заметными для простого глаза. Трудно допустить, чтобы они совершили такие заоблачные полеты в поисках за кормом, трудно допустить, чтобы оттуда они могли разглядеть свою добычу. Кто знает, чем они здесь питаются, где и как находят себе пищу.

Там же, где водятся орлы, живут и вороны. Чем глубже уходишь в горы, тем чаще и чаще приходится слышать крик ворона. Ворон живет в самых глухих местах. Там, где кричит эта птица, вблизи есть какое-нибудь живое существо. Ворон зря кричать не будет. Ниже по Анюю и по Хуту крика его не слышно, и сама птица попадаетея очень редко.

Чем ниже спускаешься с хребта и в ту и в другую сторону, все больше и больше попадаетея ворон.

Обыкновенно присутствие ворон на реке говорит за то, что в протоках есть много рыбы — это всегда безошибочно.

В горах, по горным ручьям, обыкновенно около смородины, черемухи, малины много рябчиков; они встречаются часто и на самом хребте Сихотэ-Алинь. Орочи утверждают, что птицу эту стрелять не следует, потому что она позволяет надеть на себя петлю, человека не боится и не улетает. Петлю привязывают к концу длинной палки, которую охотник держит в руках и, не торопясь, надевает на птицу. Сапасы очень похожи на рябчика, но крупнее его, общая окраска темнее и белые рябки на оперении выделяются резче. У убитой птицы в зобу найдены были нами ягоды черной смородины и хвои ельника.

Горные реки, текущие с гольцов хребта Сихотэ-Алинь, кажутся совершенно безжизненными. Ниже начинают попадаться зимородки и оляпки. Изредка мелькнет синяя спинка зимородка; чуть услышишь его слабый крик, едва успеешь разглядеть его, как зимородка, красивая птица уже исчезла где-нибудь в зарослях под крутым яром. Как раз там, где пенится вода на порогах, можно на камнях увидеть бурых оляпок. Быстро перебега с камня на камень, испуская резкий крик и делая порывистые движения своим вздернутым кверху хвостиком, этот оригинальный водяной воробей испуганно срывается с места и, пролетев шагов около сотни, падает в воду камнем и исчезает в пенящемся водовороте реки.

Ронжа-кедровка встречается только там, где много кедра. Здесь всюду в лесу слышен ее резкий, сильный и неприятный крик. Тут же можно найти и сизоворонку. Зато в области Анюя больше дятлов. Около моря есть глухари. Орочи показали, что глухарей по реке Аней нет и что по ту сторону хребта Сихотэ-Алинь эта птица встречается чаще. То же самое подтвердили и приморские орочи, причем добавили, что по мере удаления от моря в горы, глухарей становится все меньше и меньше. Вот все птицы, какие встречаются на пути от Амура к Императорской Гавани.

Река Аней богата рыбой. Близ устья ее рыба разнообразная: таймень, щука, сом, угорь, сазан и др. Выше только таймень, ленок и неопределенная рыбка, похожая на форель, но несколько шире и крупнее, и вместо красных пятнышек вдоль тела ее идут тонкие красные полоски. Кега идет хорошо. Гольды и орочи утверждают, что во время хода рыбы нигде не бывает так много кеты, как в Анею.

Дальше реки Тормасунь и особенно около реки Гобилли много ленка. Интересно, что эта рыба здесь достигает довольно крупных размеров. Смеренный мной крупный экземпляр имел 21 дюйм длины и 5½ фунтов веса.

Ход кеты нам видеть не удалось. Первую кету-зубатку после весеннего ее хода мы впервые встретили в протоках реки Хуту и то в очень ограниченном количестве. Как раз во время ее

хода в реках была большая вода; орочи поймали очень много рыбы, а осеннего хода еще не было до сего времени. Опасаются голодовки. Только те орочи, что живут у моря в самом устье рек, кое-как с трудом поймали еще немного рыбы, но и этой, по их соображениям, нехватит на зиму. Если осенний ход рыбы будет так же слаб, как и весенний,— голодовка у инородцев вполне обеспечена.

Теперь перейдем снова к устью Анюя. Обилие поемных лугов и болот по обе стороны Амура, поемные леса Анюя являются причиной колоссального появления гнуса ежегодно летом. В июне, июле, августе и сентябре гнус появляется здесь в огромном количестве. По мере того как подымаешься по рекам все выше и выше в горы — гнуса становится все меньше и меньше, но тем не менее было бы ошибочно думать, что гнуса совершенно нет в хребте Сихотэ-Алинь. От него в тихую теплую солнечную погоду не избавлен будет путешественник и на высоте 1320 метров. И здесь тучи докучливых насекомых засыпают глаза, лезут в уши, забираются за воротники, в рукава и нестерпимо кусают руки. После укуса сразу остается кровоточивая ранка и появляется зуд. Необходимо закрывать уши, затылок, шею, руки, а главное необходимо запастись терпением. Сетка не спасет, потому что после первого же часа пути по тайге от сетки останутся только одни клочки. После перевала, по мере того как приходится спускаться все ниже и ниже, гнуса опять становится все больше и больше. Особенно его много по реке Хуту; такого подавляющего количества мне никогда не приходилось видеть. У людей лицо все покрылось маленькими язвками и опухло, в ушах и за ушами образовались сплошные язвы. Нет слов описать те мучения, которым мы ежедневно подвергались, едва солнце подымалось и пригревало землю и вплоть до вечера, пока не наступали полные сумерки. Только ночь приносила нам отдых и успокоение. Вот почему весь зверь уходит из тайги и держится около моря вплоть до осени.

В бассейне рек Тумнина и Хуту диких пчел нет. Зато ос и шмелей очень много. Эти последние встречаются и на хребте Сихотэ-Алинь. На Анюе дикие пчелы есть, но только в нижнем его течении, то есть там, где растут липа и кормовые травы, дающие им возможность кормиться и собирать мед и воск с растений.

В заключение остается сказать несколько слов о пресмыкающихся и гадах. По сведениям от орочей, ни змей, ни лягушек, ни ящериц в нижней части Анюя нет. Их вообще мало и в верхнем его течении. Действительно, за все время пути нам удалось увидеть и поймать только два экземпляра уссурийских черных ужей и одну гадюку. На всем пути до моря после перевала нигде земноводных и пресмыкающихся мы уже не встречали ⁴.

VIII

Река Анюй течет по широкой, продольной тектонической долине и только дважды на пути своем образует пороги с очень крутым падением тальвега. Здесь она на пути своем размывает горные кряжи вкрест их простираения и, стесненная скалами с обеих сторон, проложила себе узкие ворота, пройти которые на лодках в ту или другую сторону очень затруднительно. Верхняя часть Анюя, а равно и приток ее Гобилли текут вдоль хребта Сихотэ-Алинь друг другу навстречу. Казалось бы, что эти долины должны быть в таком случае продольными, но бесчисленное множество порогов, извилистое течение реки, размываемые горные кряжи с той и другой стороны говорят за то, что долина эта складывается из ряда поперечных долин, размываемых в свою очередь, в местах, наиболее слабых. Пока мы шли по реке Анюй, где горы далеко отходят в сторону, приходилось внимание свое сосредоточивать исключительно на галечниковых аллювиальных отложениях. Здесь на всем протяжении до горы Обо-Ханкони попадаются во множестве окатанные водой кусочки красно-бурого базальта, темного кварцевого песчаника и зеленокаменной породы, среди них немало и вулканических туфов. Дальше базальты становятся реже и их место занимают серые граниты. Хребет Сихотэ-Алинь имеет здесь направление строго широтное и только около реки Дынми (приток Анюя по течению значительно выше Гобилли) направление хребта склоняется к югу. Перевал с реки Дзагза Бира (приток Гобилли) в бассейн реки Тумнина (река Наргами) — низкая глубокая седловина вышиной 940 метров над уровнем моря, принимая во внимание поправку на температуру воздуха и инструмента. Географическое положение этого перевала $48^{\circ}55,2'$ северной широты и $138^{\circ}18,5'$ восточной долготы от Гринвича. К западу от седловины хребет понижается, только одинокие плоские вершины подымаются до высоты 910 метров. К востоку хребет сразу сильно повышается. Верхние покровы его — глинистые сланцы, сильно окрашенные бурым железняком. Наивысшая точка хребта во всем этом районе — резко выделяющийся пик, который экспедиция окрестила именем графа Муравьева-Амурского. Абсолютная высота «пика» 1340 метров. Местами хребет расширяется в виде больших, пологих плато, местами понижается и суживается в виде тонкого ребра. Западные склоны его везде значительно круче восточных. Многих трудов стоило нам добраться до упомянутого «пика». Но за труды эти мы были вполне вознаграждены великолепным видом, открывшимся перед нами. Дальние горы тонули в синевато-молочной мгле. Некоторые вершины их были очень высоки, и низко идущие тучи обходили их с той и другой стороны. Казалось, будто это все когда-то кипело, волновалось и, вдруг, как бы по манов-

вению какой-то высшей силы, сразу замерло, окаменело, застыло, да так и осталось на веки вечные...

Был конец июля месяца. Все было в зелени. Температура воздуха была 21°С. Целый день мы были без воды, жажда мучила нас. У подножия «пика» на высоте 100 метров мы стали разбирать камни в надежде найти воду. Где-то глубоко под землей журчал ручей. Разбросав камни не более как на один аршин глубины, мы натолкнулись на лед. В виде небольших (вершка в 1,5—2) сталактитов лед держался на камнях. Этим объясняется очень низкая температура воды всех горных рек, и в особенности в их истоках. Из ряда многих наблюдений, средняя температура воды горных ручьев колеблется от 2, 5 до 3,1° по Цельсию. Чем ниже, тем температура воды подымается, и близ устья она подымается до предела 13,1—15° по Цельсию. Я не думаю, чтобы это была вечная мерзлота почвы. Это просто особая форма мерзлой почвы, поддерживаемая вообще довольно низкой температурой хвойных лесов: мхи и обилие задерживаемой ими влаги не дают возможности проникнуть ниже их в камни теплему летнему воздуху, а солнечные лучи не в силах преодолеть густые заросли ельника и пихты.

IX

Еще накануне наш ороц-проводник стал жаловаться на ноги и настойчиво просить, чтобы его отпустили обратно. Дальше с нами итти он не хотел, говорил, что боится, что здесь он не бывал, места не знает и т. д. 30 июля мы покончили обследование ближайшей части хребта Сихотэ-Алинь и на другой день тронулись в путь. Наш проводник окончательно забастовал и решил уйти, хотя бы даже без денег.

Нечего делать — пришлось его рассчитать и итти дальше самостоятельно. С утра небо хмурилось и предвещало непогоду. Действительно, как только мы снялись с бивака, пошел дождь. Несмотря на это, у всех на душе было хорошо. Сознание, что мы перевалили хребет и теперь спускаемся по воде, текущей к морю, радовало всех. Радость была преждевременной. В сущности, теперь-то для нас и наступила самая страшная пора, — самая тяжелая и опасная часть пути. Все будет зависеть от того, когда мы увидим первых орочей-охотников. Каждый это понимал, и тем не менее все шли весело и с надеждой на благополучное окончание путешествия. Между тем дождь все усиливался и к полудню превратился в настоящий ливень. Производить съемку становилось все труднее и труднее. Чтобы защитить от дождя планшет, приходилось чаще останавливаться, прикрываться берестой и таким образом работать. Но скоро и это стало невозможным. Вода потекла с намокших рукавов, стала капать с фуражки и заливала бумагу. Пришлось остановиться. Было страшно холодно, люди промокли до костей и

очень озябли. Никто не сидел сложа руки. Все дружно припились устраиваться на ночь, носить дрова и ставить палатку. И было пора. От холода до того окоченели руки и ноги, что с трудом можно было разжать пальцы и снять обувь. Только тот, кому знакома таежная жизнь, может понять, какое удовольствие во время непогоды доставляет путнику палатка, хороший огонь и сухая одежда. И правы орочи, говоря: «хороший огонь — лучший праздник!» Пока грелся чай на огне, я по обыкновению вел свои путевые заметки.

Спуск с хребта Сихотэ-Алинь, сначала пологий, становился все круче и круче. Река Паргами, по которой мы спускались, — горный ручей в полном смысле этого слова. Долина реки — узкая расщелина, с очень крутым падением тальвега. Русло Паргами сплошь завалено буреломом и огромными глыбами камней. Вода с шумом стремится книзу, перескакивает с камня на камень, сочится под мхом, образует местами настоящие водопады и пенится, и бурлит там, где скопилось много бурелому. Спускаться с кручи в такую погоду довольно рискованно. Нога скользит, срывая мох и оголяя камни. Приходится держаться за деревья и острые выступы камней. Эти последние часто сами держатся очень непрочном и от малейшего толчка скатываются книзу. Вся обстановка имеет какой-то фантастический, декоративный характер, свойственный только девственной, дикой тайге, не тронутой еще рукой человека.

Леса, одевающие восточные склоны Сихотэ-Алиня, таковы же, как и на западной стороне. Ель и пихта — преобладающие породы, но они не достигают, однако, больших размеров. Около воды изредка попадает тощая береза, жиденький клен и корявая ольха. Лиственные и печеночные мхи густо покрывают и камни, и поваленные деревья. Из мшистого ковра кое-где торчат головки плауна, в сообществе с ними поросли одиночными листьями на тонких, хрупких стебельках папоротника (главным образом *Pteris*), а ближе к воде пышно распустились *Osmunda* и изредка *Aspidium*. Обнаженные скалы, вечно находящиеся в тени, покрыты влажными лишаями. Эти *Lichenes* на ощупь мягки и жирны — видно, что здесь они никогда не бывают в такой степени сухими, как это замечается на камнях, ежедневно подверженных действию солнечных лучей.

Дождь не переставал всю ночь и продолжался весь следующий день. Дождь в лесу — это двойной дождь. Итти по густой траве или в зарослях леса — то же самое, что окунуться с головой в воду. С первых же шагов все сразу становится мокрым. Незвестность предстоящего пути и ограниченное количество продовольствия, которое мы могли снести на себе, заставляли нас итти вперед, несмотря на непогоду. 2 августа мы достигли устья реки Паргами. Перед нами открылась огромная котловинообразная болотистая долина реки Бугу (узнали впоследствии). Едва ли, пожалуй, менее болотиста будет и

Паргами, в особенности в нижней части своего течения. Болота эти не случайные, не временные — видно, что вода здесь собралась не от дождей; видно, что болота эти вечные, никогда не высыхающие. Горы отошли далеко от реки, котловина частью наполнилась наносами с гольцов Сихотэ-Алиня, и бывшее когда-то озеро превратилось в марь и болото. Еще издали были видны высокие сухостой лиственницы. Лиственницы эти имеют вид строевых деревьев, но засохшие в верхней своей части, полугнилые и сучковатые от самого низу, они слабо держатся на торфяной почве и качаются, если наступить ногой на их корни. Нога скользит и проваливается в решетины оголенных корней, тонет в глубоком мху и вязнет в торфяниковой жидкой грязи. Ниже мха — вода, местами она выступает наружу и образует большие лужи. Во многих местах вся почва качается под давлением ноги, мох в стороне выпучивается и бурлит — это зыбуны. На релках, где посуше, нашли себе приют молодые елочки и пихты. Лося протоптали тропы в разных направлениях. Мы шли иногда этими тропами, а чаще всего целиной по колено, а то и по пояс в воде. Тучи комаров и мошек нестерпимо кусали лицо и руки и слепили глаза. Здесь решено было сделать дневку и заняться охотой. Охота дала нам две россомахи и половину кабарги, отнятой собаками у этих стопоходящих. Продовольствие наше быстро уменьшалось, надо было его расходовать экономнее и вообще быть осмотрительнее, а, кроме того, нам нельзя было теперь задерживаться^а на одном месте, следовало торопиться пройти реку Буту, так как близ устья ее и на реке Хуту, по словам орочей, мы должны будем встретить людей, а следовательно и избегнуть голодовки.

После дождей река Буту разлилась и частью затопила болотистую низину. Грязная, желтая вода с шумом стремилась к низу и несла смытый с берегов мусор, валежник и вырванные с корнем деревья.

С трудом мы перешли зыбучее болото, достигли края долины и, придерживаясь подножия гор, пошли вниз по течению Буту. Следующие дни нашего путешествия были таковы, что едва ли кто из участников его когда-нибудь их забудет. Как ужасный кошмар встают страшные картины одна за другой*. Лучше будет, если вместо такого «покойного» изложения последующих событий, я целиком возьму записи из своего путевого дневника и передам их читателям в том виде, в каком они были сделаны мной тогда же и там же, на месте¹.

3 августа 1908 г. Непогода затихла. День ясный, сухой, теплый. Чем ниже мы спускаемся с гор, тем мошкары становятся

* В настоящее время, находясь в теплом шатре и имея вдоволь продовольствия и все необходимое под рукой, я пишу свои письма из «Путевого дневника» покойно, вспоминая все прошлое шаг за шагом, день за днем.

все больше и больше. После каждого укуса их образуются кровоточивые ранки; производить съемку при этих условиях очень тяжело. Днем съели остатки кабарги. К вечеру дошли до утесов, которые отвесно падали прямо в воду и преграждали нам дорогу. Река подмывала высокий скалистый берег. Пришлось остановиться. Решено было завтра со свежими силами итти горами. Приведено в наличность количество оставшихся продуктов. На всякий случай приказано расходовать их меньше и вместо каши варить кашницу. Около полуночи начал накрапывать дождь, продолжавшийся до самого рассвета.

4 августа 1908 г. С восходом солнца небо стало очищаться; с невероятными усилиями мы лезли в гору, имея за спиной тяжелые «бейтузы» (котомки), цеплялись руками, хватались за траву, кусты и, вернее, ползли на коленях, чем шли на ногах. Все выбивались из сил и отдыхали через каждые 5—10 шагов. Подъем продолжался до самого полудня. Обойдя скалы, мы снова спустились к реке, где и заночевали. Наш маршрут за целый день — $1\frac{1}{2}$ — 1 верста. Масла у нас нет уже давно. Кашницу варим с одной солью. Соли тоже остается мало. Приказано расходовать ее очень бережно и каждый раз пищу не досаливать.

5 августа 1908 г. Чувствуется недоед. Утром была пустая кашница. Мы думали, что теперь пойдем быстро вдоль реки по ее течению, но скоро увидели, что снова придется карабкаться на гору. Опять вода и скалы преграждали путь. Надо было видеть, с какими трудностями мы поднимались вверх. Расходовалось сил больше, чем приобреталось их на отдыхах. Это давало себя чувствовать. После обеда мы прошли немного больше, чем вчера, зато страшно устали. Мошкары становятся все больше и больше. Особенно мы страдаем от нее во второй половине дня перед вечером. Чтобы сохранить продовольствие, приказано по вечерам варить суп из чумизы с грибами.

Х

*6 августа 1908 г.*¹ Утром холодный туман. Все встали усталые. Итти берегом дальше, карабкаться снова в гору — сил нехватает. Осмотр реки дал благоприятные результаты. Вода в реке шла, хотя и быстро, но покойно, камней и бурелому нет. На общем совете решили делать лодки и в них спускаться вниз по течению. Два человека были посланы вперед на два дня пути: узнать, далеко ли устье и нет ли вблизи балаганов орочей. До полудня выбирали новое место бивака и подыскивали лес для лодок. Скоро подходящий тополь был найден. Сегодня убили двух рябчиков и собрали немного грибов. После обеда тополь был повален, перерублен и оголен от коры. Работали с дымокурами. По берегу реки кое-где попадаются очень старые порубки. Видно, что люди очень давно здесь не

бывали. Где и как мы идем, на какую реку вышли? — Вот вопросы, сильно нас интересующие. Вечером сварили остатки гороху — получился жиденький гороховый суп с грибами.

7 августа. День серый. Торопимся делать лодки. Люди работают дружно и быстро. Судя по рассказам орочей, от места, где мы делаем лодки, орочи должны быть в двух-трех днях пути. Неизвестность будущего, сомнения в верности пути, по которому мы идем, так как, быть может, орочи указали нам дорогу не там, где следует, а также видимый недостаток съестных припасов, которые мы могли снести на своих плечах, — дают мне право сделать допуск мысли, что мы быть может и не доберемся до людей и жилья, раньше застигнет нас голодовка, силы быстро иссякнут и... Кто знает будущее???!! На всякий случай я решил разобраться, перенумеровать свои съемки и вообще привести в порядок и систему все свои работы, чтобы потом (мало ли что случится) кто-нибудь другой и без моей помощи мог бы в них разобраться. Я сильно сомневаюсь, чтобы мы скоро встретили людей. Дневную дачу продовольствия сегодня еще более сократили. Все, что мы имеем — это немного чумизы и еще меньше соли. В довершение несчастья, от постоянных дождей патроны отсырели и стали давать осечки. Сегодня мы только заметили, что все сильно похудели. Я всю ночь не спал и мучился мыслями: «Что как дальше река разобьется на протоки, которые будут завалены буреломом? Что если на лодках ехать будет нельзя? Если лодки у нас не выйдут? Если лодки разобьются и т. д.? Тогда мы только потеряем время, и положение наше станет в сто раз худшим!»

8 августа. Утром над рекой стал подниматься туман, а с восходом солнца пошел дождь. Несмотря на непогоду, люди взялись за лодки Дзен-Пау (китаец) взялся за вторую лодку². Дело у него идет умело и хорошо. Осталось несколько кружечек чумизы, маленький кусочек чаю и горсть соли в узелке. — Что все это значит для 8 человек? Чувствуется недоед все сильнее и сильнее. Думаем заваривать чумизу вместо чая. Вечером варили суп из одних грибов — чумизы подсыпали в грибы только как приправу. Сомнения все больше и больше закрадываются в душу: что, если лодки эти только отнимут у нас время и оголодают нас? Все это понимают и все молчат. Было не до разговора! Нервное состояние повышенное.

9 августа. Сегодня мне удалось убить одного рябчика и собрать немного грибов. Одну лодку кончаем, другая готова наполовину. Какие-то новости принесут нам посланные на разведку? Печальную картину по вечерам представляет из себя наш бивак. У огня все молча сидят унылые — разные мысли, предположения и расчеты гонят сон прочь.

У каждого невесело на душе. Время от времени слышен только чей-нибудь вздох. Который уже день собакам ничего

не даем есть. Они страшно похудели, все время лежат и спят. Ночь теплая — облачное небо.

10 августа. Каждую ночь с востока ползет густой туман; он держится в верхних слоях атмосферы. С восходом солнца утренний ветер гонит туман обратно. Это бризы. Значит, море недалеко. Как и следовало ожидать, посланные сегодня вернулись и сообщили, что на два дня пути вперед нигде человеческого жилья нет (что) река разбивается на протоки, заваленные буреломом, что дальше берегом идти нельзя, так как река часто подмывает крутые горы и что с верху этих гор устья реки не видно. Оставалось что-нибудь из двух: или ехать на лодках и, где много бурелому, перетаскивать лодки берегом, или, переправившись на другой берег реки, продолжать идти пешком вниз по ее течению. Решено попытать счастья на лодках. После обеда, то есть после грибного супа с чумизой, все с лихорадочной поспешностью взялись за распаривание и за распираание бортов лодки. Крик ужаса вырвался сразу у всех. Борт лодки треснул во всю длину и дал широкую сквозную щель. Сразу все замолчали; у всех опустились руки. Что теперь делать? Неужели бросить лодку? Сколько времени и сил потрачено? Надо починять! Кожей, веревками, смолой пихты мы принялись заделывать треснувшее дерево. На скрепы пошли винты и гвозди, взятые из ящиков, в которых лежали ценные вещи и инструменты. К вечеру лодка была починена и спущена в воду. Другую лодку кончали Дзен-Пау и переводчик. Так как вместо сахара чай пили с солью, то чтобы сэкономить соль, приказано не давать ее к чаю, и чай пить пустой.

11 августа. Едва успели отъехать, как тотчас же одна лодка перевернулась. Водой унесло две палатки. Утонуло три ружья. К счастью, крушение произошло на мелком месте, и потому скоро ружья достали. Остатки чумизы промокли — пришлось ее сушить в котле на огне. Подмокли ценные вещи и в том числе фотографический аппарат, кассеты. Полдня потеряли мы, пока приводили все в порядок. После полудня большая часть людей шла пешком, а в лодках остались лишь по два человека и все имущество. Плохо сделанные лодки, быстрота течения, извивающееся русло и неуменье управлять шестами — все это вместе привело к тому, что в тот же день у одной лодки сломался нос (она ударилась со всего размаху в берег), ехавшие на ней Дзюль и казак Крылов едва не погибли. В результате люди промокли, простудились, рисковали жизнью и все-таки прошли очень мало. Идущие по берегу собирали по дороге всякие грибы, которые и ели вечером. Начинает сказываться недостаток соли и кислот в организме. Чтобы чем-нибудь заменить пресный вкус грибов, мы постоянно едим черемуху.

12 августа. Ежедневно утренний туман разгоняется встречным ветром с восходом солнца. Едва отошли лодки, едва они

проехали одну или две версты, как уже два раза на одном месте произошло крушение. Лодку забило течением под бурелом и почти целый день ушел на то, чтобы ее оттуда вытащить. Многие вещи совершенно вымокли и пропали (фотографический аппарат и негативы). От соли осталась одна щепотка — девять десятых ее смыло водой, то же стало и с табаком, и со спичками, вторично промочены остатки чумизы. Идущие по берегу ушли далеко. Когда они вернулись к месту крушения, пришлось тут же остановиться биваком. Было поздно, солнце садилось. Вечером ели грибы. Так как за день собрали грибов мало, то ели какой-то лишайник — не то мох, не то грибы из семейства Clavariaceae. Все больше и больше чувствуем недоед. Питаясь одним грибным супом, мы едва ли уйдем далеко. Одна из собак — Джек Дзюля итти не могла от слабости и осталась на половине дороги. Нет сомнения, она погибла от голода, — лучше бы мы ее съели. Вечером Дзюль с собаками опять нашел часть кабарги, заеденной рососомами. Небольшой кусочек мяса подкрепил каждого. Что-то завтра?

13 августа. Сегодня бросили одну лодку и пошли налегке правым берегом реки. На другую лодку сложили более тяжелые вещи. Первая половина дня прошла благополучно, но в полдень произошло крушение второй лодки. Больше часу мы вынимали ее из воды. Хорошо, что инструменты и хронометр я нес на себе. Новое несчастье: утонули все топоры, только один небольшой топор остался у китайца. Долго мы сушили свои вещи, многое побросали и лишь самое ценное и необходимое понесли с собой в котомках. Лодку бросили и решили итти пешком; заметно, что люди сразу как-то осунулись... Усталые ноги едва передвигаются, есть нечего, последнюю горсть чумизы приказано держать в запасе для больных, вместо чая. Не надо допускать собак до издыхания — следует заблаговременно их убивать и питаться их мясом. Опять варили грибы, которые собрали с пней перед сумерками. Вечером собаки нашли дохлую рыбу. От нее сильно пахло, но они с жадностью ее съели. Как-то особенно быстро смеркалось. Сумерки опускались на землю. Огонь на биваке горел все ярче и ярче. По обыкновению, люди молчали. Вдруг все насторожили свой слух. «Ворона!» Действительно, где-то на реке каркала ворона. Надежда появилась в сердцах наших. Должно быть близко есть зубатка. Если завтра не найдем рыбы, убьем одну собаку.

XI

*14 августа 1908 г.*¹ Сегодня выступили с бивака голодные. День серый, пасмурный. Чтобы перейти на другую сторону реки Буты, мы с большим трудом повалили кедр и перебрались на отмель. Идя берегом, спугнули лося. Гольд стрелял в зверя,

но не попал. Преследовать напуганное животное было бесполезно. Только бы добраться до устья реки, а там, быть может, мы найдем людей и лодки. Быть может, штабс-капитан Николаев там нас ожидает, а, может быть, там, где-нибудь на видном месте, он сложил для нас продукты, а сам возвратился. Во всяком случае, в устье реки Буту мы видели конец нашим страданиям, имели надежду на спасение. Мы ужасно страдаем от мошкары. У людей в ушах появились сплошные раны, на лице — экзема. Особенно много мошкары перед вечером. Неносные насекомые лезут в глаза и в уши, и в волосы, и в рукава, и за воротник рубашки. С какой радостью мы встречаем солнечный закат! Сумерки и ночь дают отдых от ужасного гнуса. В одном месте на песке около реки увидели свежие следы тигра, но интересоваться этим никто не хочет. Все идет апатично, голодные, усталые и обессиленные. Часа в четыре дня мы попали в чрезвычайно топкое и зыбучее болото: с трудом мы перешли его, более чем по пояс в воде. Перед сумерками еще одна собака (моя любимая Альпа) итти отказалась. Боясь, что она, подобно Джеку, зря погибнет, я велел донести (ее) до бивака. Уже стемнело, когда мы остановились. Тотчас же Альпа была пристрелена и разделена на части. Тогда ее сварили и ею накормили других собак в целях сохранения их на будущее. Сердце, печень и легкое ели люди. Остальное мясо разделили на части для носки. Собачину приказано беречь и есть понемногу, чтобы ее хватило подольше.

15 августа. Утром поели немного собачины и двинулись дальше. Скоро мы попали в болото и в бурелом. Весь отряд разбился на части. Тучи мошкары сопровождали людей, не давали дышать, лезли в рот и попадали в горло. Все нервничали. Что, если мы не туда попали; что будет с нами, если мы съедем всех собак, а к морю еще не выйдем? В полдень опять варили немного мяса. Я начинаю бояться появления цинги или голодного тифа. Страшно страдаем от отсутствия соли. Перед вечером три человека наткнулись на медведя, ранили его, но обессиленные люди и собаки не могли догнать его, и зверь ушел за реку. Ночевали кто где попало. Сегодня на привалах (которые были очень часты) люди не садились отдыхать, а прямо, как подкошенные, падали с ног в траву и лежали, закрыв лицо руками. Вечером съели по маленькому кусочку собачьего мяса и легли спать. Ночью шел дождь и не давал сомкнуть глаз. Шелест падающего дождя и шум воды в реке били по нервам. Собаки хватят еще на 1½—2 суток. Придется бить вторую. Положение становилось отчаянным.

16 августа. Немного поели мяса и пошли. Дождь. На душе крайне тоскливо. На берегу реки нашли ороцкий амбар. В надежде, что там найдется что-нибудь съестное, мы бросились к нему. Амбар оказался брошенным, пустым. Неужели мы погибнем? Еще вчера вечером собаки куда-то бегали и вернулись

сытые, животы у них были полные Дзюль пошел утром с собаками в сторону от реки. Вдруг мы услышали его выстрел. «Рыба! Рыба!» — радостный крик единодушно вырвался из уст каждого. «Рыба! Рыба! Слава богу, мы спасены!» Мы все бросились и ели с жадностью без соли сырую рыбу. Как бы сговорившись, все стали снимать котомки. Все понимали, что здесь будет отдых и дневка. В протоке рыбы было много. Это была кета весеннего хода. Посыпались разговоры, смех, шутки; тяжелая дорога, голодовки, нравственные страдания — все это было забыто, все осталось позади! Забыли даже про дождь и про мошкарку: все видели только рыбу и больше ничего. Сразу наше положение изменилось к лучшему. Весь день ели рыбу и печеной, и вареной, и сырой. Когда первые приступы голода были утолены, мы принялись устраивать палатку и пошли на охоту за рыбой. Всю ночь сушили на огне разделанную на пласты кету, которую намевались взять с собой как неприкосновенный запас на всякий случай. Долго не спали люди, далеко за полночь затянулись разговоры — все делились своими впечатлениями.

17 августа. Проснулись все усталые. Совершенно неожиданно все вдруг как-то обессилели. Какая тому причина? Переутомление и недостаток питания или потому, что после голодовки мы сразу с жадностью набросились на рыбу. Объяснить состояние довольно трудно. Чувствуется ломота в пояснице, общее бессилие, тяжесть в ногах, ломота в костях. Переводчик-гольд скоро лег и уже не вставал до вечера. Ощущается сильная потребность в соли. Целый день сушили рыбу. Чтобы заглушить ее пресный вкус, едим все время черемуху. День и ночь — холодные, дождливые! К вечеру всех разломило еще больше.

18 августа. С восходом солнца мы были уже в дороге. Едва мы отошли от бивака с версту, как путь нам преградила большая река. Где мы? Что делать? Тут на мыску стоял старый зимний балаган орочей. Благодарение богу! Мы достигли устья реки, на которой так голодали. Принялись искать продовольствия в надежде, что «наши» были здесь и оставили его нам где-нибудь на видном месте. Поиски дали отрицательные результаты. Надежда на помощь со стороны встречного отряда рухнула, и мы к ней более не возвращаемся. Через большую реку переправиться нельзя; надо переправляться через ту, по которой мы шли раньше. С выступлением с бивака опять началась несчастья.

Китаец Дзен-Пау сильно заболел и совершенно свалился с ног. Все время он лежал на камнях и стонал. Целый день мы провели в поисках места, удобного для переправы. Тщетно. Обе реки были широки, поваленные деревья нехватили до другого берега, быстрое течение подхватывало их и уносило в мгновение ока. И все это делалось усталыми руками, одним тупым

топором! — Успех работы не согласовался с расходуемыми усилиями. Вместо движения вперед мы заночевали на мысу-стрелке, что у слияния той и другой рек, вблизи ороцкого балагана. На всякий случай тут на дереве мы вырезали надпись такого содержания: «Утомлены; обессилены; есть нечего; пошли дальше вниз по реке правым берегом», ниже указали месяц и число и перечислили свои фамилии ².

19 августа. Дзен-Пау попрежнему болен; сегодня ему еще хуже. В одну ночь он страшно изменился в лице. Переводчик гольд тоже лежит и не поднимает головы. Что за причина, что все сразу обессилели? Можно судить, насколько все были слабы, что впятером на протяжении 20 шагов с большим трудом могли едва-едва протащить тонкую жердь, чтобы устроить переправу. Еще больших усилий нам стоило перетолкнуть две жерди с бурелома на галечниковую отмель другого берега. Только к вечеру нам удалось переправиться через реку. Теперь мы шли по берегу большой реки. Новый бивак был не далее 1—1,5 верст от предыдущего. Нигде нет заметок, что штабс-капитан Николаев был здесь. Вид больных, их стоны просто надрывают душу. Что делать? Больные итти не могут — нести их нельзя (мы сами едва волочим ноги); бросить их в тайге — эта мысль ни у кого в голове не имеет места, это было бы предательством, убийством, подлостью. Остаться с ними — значит всех подвергнуть верной гибели! У людей замечается упадок духа, сомнения, опасения за жизнь! Я, как могу, успокаиваю и подбадриваю людей: «Ничего! Пока есть рыба и собаки, мы не умрем с голоду». Хорошо, не умрем, — но далеко ли мы уйдем? Спутник голода — тиф раньше подкосит ноги. Недостаток соляной кислоты в кишках и желудке не пополняется ничем, и тем более, что соли у нас давно уже нет ни крошки ³. Пресная рыба начала сильно приедаться. Каждый ушел в свои мысли — все унылы: кто лежит, кто сидя склонил голову на колени и безучастно, апатично смотрит на реку. Неужели помощи не будет?! Чем все это кончится? Одна надежда на бога!

20 августа. Густой туман разогнало чрезвычайно сильным холодным порывистым ветром. Мы по утрам очень зябнем. Легкая летняя одежда, взятая нами еще из Хабаровска, износилась и изорвалась в клочья. Починять ее нечем. Еще большая нужда в обуви. Из старых, рваных уж по частям составляем одну пару. Починка обуви идет вечером, когда мошкарка исчезает. Дзен-Пау и переводчик гольд через каждые 100 шагов падают на землю со стоном. Они совершенно не могут итти. Люди страшно исхудали: шеи вытянулись, глаза впали, носы заострились и скулы выдвинулись вперед. Они употребляют остатки своих усилий, и я с минуты на минуту ожидаю, что они скоро итти далее откажутся. Наши котомки не тяжелы, но кажутся ужасно тяжелыми. Лямки сильно нарезали плечи. Ве-

роятно, мы вышли на реку Хуту, а может быть, и на Копи. Прошли очень мало. Особенно тяжело перелезть через валежник. В одном месте, на повороте, река разбилась на множество протоков, сплошь заваленных буреломом. Здесь Дзен-Пау лег на камнях и начал говорить, что он скоро умрет. Это худо подействовало на людей. Среди них тоже начались разговоры о смерти, только казак Крылов не соглашался с ними. Я тоже убежден, что не следует сдаваться без борьбы, пока еще силы есть хотя немного; в крайнем случае, более крепкие будут служить более слабым.

XII

*21 августа*¹. Сегодня люди не шли, а тащились, поминутно отдыхали, часто падали и не вставали. Мы нестерпимо страдаем от гнуса. С каждым днем, с каждой верстой мошкары становится все больше и больше. Нет слов описать наши страдания. Сухой рыбы осталось очень мало. Надо во что бы то ни стало добиться до такой протоки, где есть рыба: что если мы рыбы больше не увидим? Тогда убьем еще одну собаку. К полудню мы отошли так недалеко, что с места, где мы отдыхали, старый наш бивак был хорошо виден. Крутая гора подошла к реке и преградила дорогу — надо лезть на кручу. Все опустили головы и с мольбой смотрели на реку. Вода быстро, но бесшумно шла к морю, и ни одной лодки, ни малейшего признака жилья нигде не видно! «Глядите: собака!?» радостный шопот пробежал между людьми и тихо передается из уст в уста! Надо было видеть, какое действие произвели эти два слова. Все сразу преобразилось. Усталости как не бывало. Действительно, на другой стороне реки сидела орочьская собака и внимательно на нас смотрела. Никто с такой лаской и с такой любовью не смотрел на собаку, как мы в это время. И было отчего. Присутствие собаки говорило за то, что вблизи есть люди. Тихо, без шума, мы пошли дальше и внимательно осматривали реку. Скоро радость наша сменилась отчаянием. Надежда увидеть орочей рухнула. Перед вечером мы увидели бивак, где орочи ночевали. Стало очевидным, что они или проехали какой-либо протокой у другого берега реки, или умышленно скрылись от нас в чаще леса². К вечеру мы дошли до протоки, но в ней рыбы не оказалось. Ночевали на галечниковой отмели. Наши больные не поправляются и попрежнему лежат и стонут.

22 августа. Сухую рыбу съели всю, надо итти вперед и искать рыбу. Пошли. Дзен-Пау мучился, всю ночь не спал и рано пошел вперед один. Гольд так ослабел, что не мог нести своей котомки. Мы разобрали его вещи. Люди еле-еле волочат ноги. Я тоже начинаю чувствовать тяжесть в ногах и дрожание в коленях. Чуть солнце начинает пригревать землю,

миллиарды мошкеры тучами набрасываются на нас и нестерпимо кусают лицо и руки. Надо иметь или ангельское или дьявольское терпение, чтобы не нервничать. От укусов у людей мстами лицо и руки запачканы кровью. К полудню мы опять подошли к горам. Дальше итти совершенно нельзя. Отвесные порфиновые скалы обрывами падали в реку и вверх подымались на огромную высоту. Река делает здесь поворот. Вода с шумом бьет под эти утесы и подмывает их. К счастью, здесь в протоке оказалось немного рыбы. Так как больной гольд решительно итти не может, а люди так устали и обессилели, что едва ли будут в состоянии итти дальше,— решено сделать маленькую оморочку и на ней послать двух человек за помощью к орочам. По течению легкая лодочка должна скоро дойти до моря и, вероятно, еще на дороге встретит орочские стойбища. Остальные, если не в силах будут итти вперед, останутся на месте ждать помощи или своей участи. Хоть два человека да спасутся! В этот же день свалили тополь и начали долбить оморочку.

23 августа. Ночевали одни. Дзен-Пау не приходил к нам. Где он, что с ним, жив ли? Быть может придет сегодня. Все встали разбитые. Это не люди, а тени их. Все нервничают и придираются друг к другу из-за всякого пустяка. Все нервно-душевнобольные. Рыба опротивела. Я побежал на охоту и убил три белки и три ронжи. Дзюль собирал зеленые ягоды «кишмиша». Ягоды эти дали немного кислоты. Черемухи больше нет — она осыпалась. Вместо чая пьем горячую воду. Насколько позволяют силы, долбим лодку. Кругом дымокуры. Усталые, слабые руки едва поднимают топор. Один только топор, да и тот тупой. Гольд лежит и стонет. И к вечеру Дзен-Пау не пришел на бивак. Что-нибудь с ним случилось, где его искать? Последняя наша надежда, единственное спасение — это лодка. Надо убить еще одну собаку. Надежда на встречных орочей тоже исчезла, очевидно они боятся нас, избегают, прячутся. Чем-то все это кончится!? На лодке поедут гольд и казак, а мы переправимся предварительно на другой берег, выберемся на отмель и там в протоках [будем] искать рыбу и хоть по одной версте в сутки, все же будем вперед подвигаться понемногу.

24 августа. Утром густой туман — все прозябли. Все чаще и чаще люди начинают болеть желудками. Я боюсь появления страшного гостя — голодного тифа. Все стали суеверные. Каждый начал придавать значение всякому сну, всякой примете. Торопимся делать оморочку. В протоке нет больше рыбы. Я бегал на охоту. На горе я нашел горсть брусники — ее нельзя есть одному, надо снести товарищам. Целый день я проходил и убил только три ронжи и одну белку. Пожалуй, завтра лодку окончим. Ее долбит один казак Крылов. Или Дзен-Пау ушел вперед или, больной, где-нибудь завалился и покончил рас-

четы с жизнью. Всю ночь гольд не спал, ворочался и стонал. Вечером лодку кончили. Итак, двое уедут: самых слабых отправить нельзя — они не доедут, сами утонут и нам помощи не подадут. Если бы мимо ехали орочи, я отправил бы с ними наиболее слабых, а потом бы остальных нижних чинов, сам я и более крепкие остались бы последними. Ночью мы долго не спали — все мучились животами. Вдруг по реке далеко-далеко (внизу) прокатились выстрелы. Мы насчитали четыре выстрела. Решили не отвечать — вероятно, это орочи охотятся за медведем на протоках реки. Не надо их пугать. Новая искра надежды зародилась в душе.

25 августа. Никто не спал всю ночь — все страдали животами. Особенно мучился гольд. К рассвету боли его усилились и дошли чуть не до обмороков. Он корчился и обливался потом. Сегодня двое должны уехать. В протоке нет рыбы. Надо торопиться переправляться на другую сторону и отпустить уезжающих. Невыносимая тоска легла на душу. Начали рубить шести для лодки. Лихорадочная деятельность кипела на биваке. Вдруг совсем близко послышались выстрелы. Слух не обманывал нас — это выстрелы из трехлинейных винтовок. Несколько ответных выстрелов было тотчас же сделано людьми без всякого приказа. Все бросились к реке и с жадностью впились глазами вниз по течению. Еще две-три минуты, и из-за поворота реки появилась лодка. Люди на ней быстро и усиленно работали шестью. То штабс-капитан Николаев со встречным отрядом и с орочами торопился на помощь. Все ликовали.

Оказывается, что Дзен-Пау с громадными усилиями в два дня обошел гору, снова вышел на реку и больной, расслабленный тащился берегом. Его издали заметил штабс-капитан Николаев и был уверен, что тут весь отряд. Как только он увидел китайца и узнал у него, что наш отряд в самом критическом положении, он, наскоро захватив немного продовольствия и побросав на берег все лишние грузы, на одной небольшой легкой лодочке с орочами бросился к нам навстречу. Поздняя ночь остановила его верстах в 10 от нашего голодного бивака. Желая дать знать нам, что он недалеко, он ночью сделал четыре выстрела. Эти-то выстрелы мы и слышали, приняв их за охотничьи выстрелы орочей. Чуть стало брезжить, он был уже в дороге, а в 9 ч. утра был у нашего голодного бивака. Великая была радость. Маленький глоток спирта подкрепил наши совершенно упавшие силы. Тотчас же сварили кофе. Чашка его с молоком и с сахаром, две-три ложки вареного рису, кусочек белого хлеба подняли на ноги и ослабевших. Совершенно противоположное действие произвела на меня подоспевшая помощь. Как только я увидел, что мы спасены — я сразу почувствовал полнейший упадок сил. Я не мог стоять на ногах и лег на землю. Тут только я

почувствовал себя измученным и обессиленным, тут только почувствовал я, что устал и что дальше идти не в состоянии. В двое суток доехали мы до устья реки Хуту, где и остановились у орочей, а на другой день, 27-го вечером, были уже и на берегу моря. Три недели после этого мы все болели: 1) истощенный организм и отвыкший желудок отказывались принимать пищу; 2) люди имели вид больных, только что поднявшихся с постели после тяжкого брюшного тифа; 3) только во второй половине сентября мы немного собрались с силами и могли тронуться в новую дорогу; 4) для некоторых такая голодовка была очень тяжела. Они так и не могли оправиться в Императорской Гавани, и я вынужден был отправить их (одного стрелка и одного казака) обратно в Хабаровск.

XIII

При тех условиях, при которых нам пришлось пройти реки Буту и Хуту, трудно было интересоваться природой. Было не до того! Главная наша цель была — скорее добиться до людей и найти себе пропитание. Апатично мы подвигались вперед и равнодушно, без интереса смотрели на все окружающее. Только некоторые факты запомнились случайно, запомнилось то, что случайно бросилось в глаза и случайно же запечатлелось в памяти.

Течение реки Буту строго широтное. Долина ее то суживается там, где горы близко подходят к реке, то расширяется в тех местах, где в нее впадают многочисленные ее притоки. Она скорее имеет характер поперечной долины размыва, нежели долины продольной. Сама река очень извилиста: то она походит на горный ручей, то становится широкой и производит полное впечатление реки. Мы шли больше левым берегом. Если наблюдатель подыметя на горный хребет, окаймляющий нижнюю часть долины с северной стороны, и взойдет на одну из многочисленных горных вершин, покрытых осыпями, — ему откроется далекий вид на реку Буту. Куда ни кинешь взор — всюду лес, бесконечный лес, всюду горы, бесконечные горы! Разнообразные острые и тупые вершины их поднимаются до самого горизонта. Ближайшие хребты видны ясно, дальше трудно рассмотреть их контуры и складки, а еще дальше — чуть виднеются причудливые, «как мечты», горные хребты Сихотэ-Алинь. Зубчатый гребень их тонет в синевато-белой мгле летнего воздуха, и от этого кажется он еще более далеким. Темные леса, одевающие склоны гор, исключительно хвойные: ель, пихта и лиственница — главные представители. Только около самой реки, прихотливо извиваясь по течению ее, тянется узенькая полоса яркой зелени пород лиственных: тополь, береза, ясень, ольха, тальники и черемуха. Около осыпей разрослись кусты жимолости и багульника, а рядом в

стороне, под покровом лучей солнечных, нашли себе приют низкорослый корявый дубок, в виде поросли, и тощие осинники. Кора осинника обглоданная, и сучья все объедены почти до самого верху. Это лоси. Тут зимой было стойбище. Они кормились здесь во время глубокого снега. Маревые болота видны хорошо: редкие сухостои, растущие на них, резко выделяются из темной зелени Coniferae. Тихо. Ни один звук не нарушает мертвящей тишины этих мест; можно подумать, что здесь все живое вымерло сразу, как бы по мановению какой-то неведомой высшей силы. Кажется, будто в этих горах всякая жизнь давным-давно исчезла, прекратилась, и с тех пор она уже более не возобновлялась. Эта вечная тишина как-то особенно гнетуще действует на душу человека.

Насколько Южно-Уссурийский край и долина реки Уссури богаты зверем, настолько бедна и не разнообразна фауна северной части края: лось, медведь, россомаха, рысь, белки, кабарга, соболь — единственные и немногочисленные ее представители.

Кажется, выше я говорил, что летом лоси держатся у берега моря. Там на прибрежных песках они находят защиту от гнуса и лакомятся низкорослыми сочными Grassulaceae. Редко который из них останется в горах. Из медведей распространен *Ursus torquatus* [гималайский медведь — белогруд]. Как и в других местах Уссурийского края, весной медведи держатся по низинам и старицам рек — здесь они питаются жирными сочными листьями подбела (*Petasites*), позже — ищут ягоды и лакомятся черемушником. Мы застали медведей на протоках, где они в поисках рыбы протоптали вдоль берегов свои торные тропы. Стрельба по рыбе разогнала животных очень скоро, а преследовать их — сил не хватало. Кабарга попадает чаще других животных, хвойные леса и мхи всегда являются условиями, весьма благоприятными для ее обитания. У кабарги много врагов; бедному животному приходится всегда быть настороже: хитрая лисица не пропускает напасть на нее при всяком удобном случае; волки по несколько вместе устраивают на нее настоящие облавы; рысь, притаившаяся где-нибудь на дереве, схватывает мимо проходящую кабаргу наверняка и без промаха; соболь и тот решается делать на нее нападения. Самым же злейшим врагом ее является россомаха. Это стопоходящее хорьковое¹ специально выискивает кабаргу и охотится за нею. Средство защиты у кабарги — ее ноги. Большие верхние клыки, торчащие изо рта книзу, не могут служить ей защитой. На правом берегу реки Буту в нижней части ее течения есть много разрушенных ловушек — петель, расставленных на кабарговых тропках. Сущность ловли кабарги этими петлями заключается в следующем. Тропку преграждают забором, который наскоро устраивают из подручного хвороста и бурелома. Иногда нарочно для сего надрубают и валят деревья. На тропе в заборе

оставляют узкое отверстие с петлей: петля эта прикреплена к ближайшему нагнутому дереву. Не найдя прохода, кабарга идет в отверстие, задевает петлю, срывает узелок с зарубки, и петля, подхватив животное за голову или за ногу, поднимает его разогнувшимся деревом кверху. Охотник не каждый день обходит свои ловушки, и несчастная кабарга мучается иногда очень долго. Виденные нами ловушки были старые, разрушенные: очевидно давно уже никто здесь не занимался этого рода охотой. Орочи считают, что и соболей на реке Буту тоже мало, хотя амурские гольды именно сюда и ходят на соболевание. Судя по тому, что и по реке Буту и по реке Хуту нигде орочи не живут, леса сохранились и не выгорели, охотников тоже немного — можно предположить, что в этих местах соболей должно быть больше, чем думают орочи.

Птицы на берегу реки Буту почти не видно. Даже такие обычные пернатые, как рябчики, утки, ронжи, дятлы и поползны — отсутствуют. Если они и есть, то очень мало. За всю дорогу мы только и видели двух черных уток. Впрочем, на самом хребте Сихотэ-Алинь мы нашли несколько штук «сапаса» — род рябчика, только более крупного по размерам и с более темной окраской оперения. Земноводных и пресмыкающихся, по словам орочей, совершенно нет. Действительно, за всю дорогу мы ни разу не видели ни одной лягушки, не заметили ни одной ящерицы и не встретили ни одной змеи. Из рыбы видели ленков, головлей и зубатку весеннего хода. Что же касается до насекомых, то Буту и в особенности р. Хуту — царство комаров, мошек, оводов, слепней и паута. Много ос, мало шмелей и вовсе нет пчел диких.

Скажу несколько слов о реке Хуту. Здесь, среди остроко-
нечных вершин ели, пихты и лиственницы все чаще и чаще мелькают высокие, тупые вершины кедра. Где кедр — там больше жизни. Всюду в лесу слышны резкие крики кедровки, слышно, как долбит дерево дятел, чаще попадаются белки, на сухостоях заметны суетливые поползны, по кустам около проток видны сойки, а у самых берегов реки, там, где пышно разрослись кусты смородины, можно найти и рябчика. Чаще и чаще замечаются утки, и остроносые крохали быстро перелетали вдоль реки с одного места на другой. Эта жизнь влечет за собой и другую жизнь: на песке у самой воды следы выдры, изредка попадаются глубокие следы кабана, среди которых выделяются иногда большие отпечатки и сохатиного копыта.

В воздухе тоже жизнь. Высоко над лесом, описывая правильные круги, парят орлы и коршуны. Как жаль, что этих живых мест, где все же возможно было бы найти себе пропитание охотой, мы достигли обессиленные голодовкой и измученные дальней дорогой, к тому же и мошकारа не менее изнуряла нас, чем самая голодовка и тяжелая дорога.

На сорокаверстной карте Уссурийского края река Хуту показана текущей с запада-юго-запада к северо-востоку; это совершенно неправильно. Река Хуту течет с севера и только в нижней части своего течения меняет меридиональное направление на широтное, сохраняя такое вплоть до своего впадения в реку Тумнин. Красивая и спокойная в среднем течении, Хуту становится бурливой и быстрой в низовьях, около устья. Здесь она часто разбивается на протоки, иногда такие узкие (но глубокие), что лодки наши едва могли в них повернуться, иногда очень широкие, но мелководные, порожистые. Черные утки и пестрые крохали то и дело поднимались из травы, кружились в воздухе, торопливо пронеслись мимо лодок над самой водой и, мелькнув около прибрежных кустарников, быстро исчезали за поворотом реки.

Острова между протоками заросли тонкоствольными тальниками, пригнутой к земле черемухой и корявой ольхой. Следы наводнений видны всюду: все занесено мусором и буреломом; молодняк пригнут к земле и тоже занесен песком и илом; пучки сухой травы застряли на ветвях деревьев: видно, что вода здесь шла быстро и чрезвычайно высоко. Картина разрушений, оставленных здесь последними наводнениями, невольно вызывает удивление и безотчетный страх перед стихийными силами природы. Чувствуется полнейшее бессилие, и у человека остается единственное спасение — это бегство.

Теперь несколько слов о геологических наблюдениях в этой местности. Начиная от самого хребта Сихотэ-Алинь по всей долине рек Паргами и Буту развиты глинистые, аспидоподобные сланцы. Особенного развития они достигают в нижнем течении реки Паргами с левой стороны ее близ устья. Пласты этих сланцев сильно нарушены. Здесь можно наблюдать пласты искривленные, поставленные на голову и даже опрокинутые. Под влиянием атмосферных агентов, выходы пластов на дневную поверхность подверглись местами сильному разрушению и превратились в россыпи (или в «осыпи», как их называют в Приамурском крае, что совершенно неправильно)¹. Обломки, составляющие эти россыпи, очень малы; в руке под давлением пальцев они легко рассыпаются на мельчайшие частицы. Сама по себе россыпь очень подвижна, несмотря на то что откос ее находится под естественным углом падения свободно скатывающегося обломочного материала. Нечего и думать, что по ней можно подняться и она выдержит давление ноги человека — достаточно ее немного пошевелить палкой, чтобы она вся пришла в движение.

В самом устье реки Буту, как раз против впадения ее в Хуту, с левой стороны последней можно наблюдать прекрасные образцы красно-бурого базальта, с характерным для него

столбчатым распадением. Ниже, в 15—20 верстах по течению с правой стороны реки видны колоссальные обнажения порфира; мощные дилювиальные образования — в среднем течении реки Буту. Здесь с левой стороны река отмыла часть высокого нагорного берега; рыхлый дилювий не выдержал давления сверху и обвалился, образовав обрыв в несколько десятков метров вышиной. Рыхлая, песчанистая красно-желтая глина перемешана с окатанной водой галькой. Интересно, что среди круглой гальки попадаются и угловатые обломки. Никогда еще не приходилось мне наблюдать столь грандиозные дилювиальные отложения. Глядя на них, невольно родится мысль о тех многих веках, которые понадобились для создания этой массы дилювия². И это в геологии называется позднейшими образованиями и относится к недавнему прошлому земли!

Устья реки Хуту не видно с Тумнина. Последний, как и все вообще реки Уссурийского края, по сторонам главного русла своего образует целый лабиринт больших и малых протоков.

Руководимые опытной рукой орочей, лодки наши быстро плеслись из протоки в протоку³, берега быстро мелькали мимо, и дивные картины, как в калейдоскопе, непрерывно сменялись одна за другою.

Было около полудня. Тяжелые массы кучево-дождевых облаков теснились на крайнем западном горизонте. Яркое солнце горячими лучами своими заливало и реку, и берега, и лес, и прибрежные кустарники. В воздухе стояла удивительная тишина. Вода в реке казалась неподвижной, гладкой и блестяла, как зеркало. Несколько длинноносых куликов стояли на песке у самой воды. Наше присутствие нисколько их не пугало, не смотря на то что лодки прошли очень близко. Белая, как первый утренний снег, одинокая чайка мелькала в воздухе. Медленно и тяжело махая своими неуклюжими крыльями, поднялась испуганная цапля и, пролетев немного вдоль реки, снова опустилась в болото... а лодки наши, увлекаемые течением, незаметно неслись все далее и далее, протоки становились необъятнее, шире и походили на озеро. Но вот и сам Тумнин. Аюйские орочи называют его Томди, приморские — Тумни. К последнему названию русские прибавили окончание «н». Большая величественная река спокойно несла свои темные воды к морю. Левый берег — нагорный, скалистый, правый — равнинный, низменный, темный. Небольшие островки, густо заросшие лесом, как-то особенно красиво гармонируют со спокойной гладью реки. Художники-пейзажисты нашли бы здесь неистощимый материал для своих произведений.

Мы отдыхали, упиваясь и наслаждаясь красотой природы: широкий водный простор и даль, открывающаяся в ту и другую стороны, после двухмесячного тяжелого путешествия по

лесу давали утомленному глазу отдых и вызывали нервную дремоту.

Проехав версты две-три по Тумнину, мы снова свернули в крайний правый приток его. Скоро за поворотом реки стали видны ороческие домики и балаганы с бесконечными вереницами стеллажей, стоек и загородей из жердей, приспособленных для сушки рыбы. Несколько оморочек сновало по воде в разных направлениях: это ороческие дети забавлялись на лодках. Веселые крики и смех оглашали воздух. Мальчики с острогами в руках приучались колоть рыбу. Самые маленькие стояли на берегу; в лохмотьях, полуодетые, они, стоя по колено в грязи, что-то доставали из воды. Завидев нас, дети оставили все свои занятия и, разинув рты, с любопытством и недоумением смотрели на наши лодки. Через несколько минут мы подъехали и к самому селению. Женщины, а за ними и несколько мужчин, вышли на берег и некоторое время, так же как и дети их, смотрели на нас молча и равнодушно, а затем вдруг как бы сговорившись, все сразу пошли к нам навстречу. «Ну, здравствуй!» — говорит каждый из них, протягивая свою загорелую, мозолистую, сухую руку. Пока разгружались лодки и все имущество вносилось в помещения, я стал осматривать деревушку.

Селение Хуту-Дата (что значит устье Хуту) расположено по обе стороны протоки и состоит из семи небольших деревянных домиков и из восьми берестяных балаганов. Ороческие домики имеют вид русских построек, но сколочены плохо, небрежно; как дома, так и балаганы стоят без всякого порядка, где попало, где владельцу это казалось удобнее. Несколько в стороне, ближе к лесу, амбары — это типичные ороческие постройки с остроконечными или полукруглыми крышами, крытые еловой корой или берестой. Амбары ставятся всегда на столбах, чтобы собаки и крысы не могли в них забраться. Тут орочи держат и муку, и рыбу, и рис, и шкуры зверей, пушнину, дорожную одежду и все, что у них есть более или менее ценного. Множество худотелых собак, опустив головы и высунув изо рта длинные языки свои, бродило по берегу, выискивая себе добычу. Более ценные собаки были на привязи. Тучи мошкары, как серый туман, вились над ними. Стараясь укрыться от гнуса, собаки выкопали себе глубокие, длинные ямы в земле и залезли в них так, что только хвост да зад видны наружу. От укусов мошкары и от пыли у них гноятся глаза. Они постоянно лапами трут себе морду, отчего вокруг глаз вся шерсть вылезла и от этого сами собаки имеют какой-то странный, смешной вид. Несколько старых дырявых лодок валялось на берегу.

Скоро все в селении Хуту-Дата приняло свой обычный вид. Люди ушли в дома и балаганы, собаки забились в ямы еще глубже и только с реки попрежнему неслись детский смех

и крики. Глядя на этих 5—8-летних ребятшек, невольно изумляешься их искусству, с каким они уже теперь, в малом возрасте, владеют острой и оморочкой. Если бы наш ребенок очутился бы в лодке посредине реки, наши матери в испуге потеряли бы голову и не знали бы, что делать; а здесь орочки спокойно покуривают свои трубки, не обращая никакого внимания на забавляющихся детей, разве только изредка какая-нибудь из них, выйдя из балагана, крикнет своему мальчику, чтоб он съездил за чем-нибудь на другую сторону реки к орочу родственнику или соседу. Несколько торных троп мимо амбаров вело к лесу. По одной из этих тропинок шла маленькая девочка лет семи и на спине своей несла большую связку хвороста, значительно превосходящую размерами ее самое. Так с малых лет ороческие дети приучаются к труду и к той деятельности, которые их ожидают впоследствии, когда они станут взрослыми. Мы пошли к старшине. Внутренность ороческого жилища такова: в углу стоит железная печь; с обеих сторон у стен деревянные нары, на которых в беспорядке лежат постель, одежда и куча всякого хлама. Простая скамейка и стол, покрытый черной размалеванной клеенчатой скатертью, поставленные к окну два табурета, дешевая висячая лампа, две-три фотографические карточки неизвестных лиц, повешенные на стенах без всякой симметрии, сундучки, коробки, лук, стрелы, ружья, зверовые шкуры дополняют убранство помещения. Пол и потолок сколочены плохо — много щелей. Множество слепней и мух ползало по окнам и с жужжанием билось в стекла.

Как только мы вошли, на стол был подан медный чайник, толстого стекла граненые стаканы, глиняные белые блюда, тоненькие металлические чайные ложки, сахар, белый хлеб, купленный у русских, и банка консервированного молока. Орочи тихо сидели в стороне и молча смотрели на нас, ожидая, когда кончим мы чаепитие. Все орочи, живущие по реке Тумнину и в окрестностях Императорской Гавани, хорошо говорят по-русски. Некоторые говорят чисто и очень хорошо. Мы разговорились ⁴.

XV

Ожидался ход рыбы. Орочи беспокоились. Весенний ход кеты был очень слабый и, на несчастье, совпал еще с большой водой. Некоторые орочи поймали не более 7—10 рыб, другие ни одной. Горбуши шло много, но так как на заготовку для зимы она не годится, и сушка ее на огне требует много хлопот и времени, орочи ловили ее мало. Естественно, что осенний ход кеты теперь для них был вопросом чрезвычайно важным. В случае новой неудачи, их ожидала серьезная голодовка. Юкола (илакитали-намихта) для орочей то же самое, что для русских хлеб. Без юколы ороч будет терпеть такую же голодовку, как и русский пахарь, если год будет неурожайный. Ороч рыбой кормится сам со своей семьей, ею же он кормит

и своих собак. Известно, что эти орочи часто переезжают с одного места на другое и на вопросы о причине такого перекочевывания всегда отвечают одно и то же: «рыбы мало!» Наконец, и самые селения и стойбища их располагаются всегда в таких местах реки, около таких протоков и заводей, где много идет кеты и где легко ее можно ловить сетями и колоть острогой с лодки.

Глядя на все это, невольно напрашивается вопрос: что было бы с этим краем, если б не было здесь рыбы? Орочи, эти немногочисленные представители тунгусской семьи, не жили бы здесь вовсе, и большая часть Уссурийского края, все почти побережье моря, а равно и бассейны рек Хора, Бикина, Хунгари и Ашюя были бы такими же лесными пустынями, какой в настоящее время является центральная часть хребта Сихотэ-Алинь.

«Наша шибко боится,— говорили орочи Хуту-Дата,— рыба нет, чего наша кушай? Какой люди деньги есть, мука, рис, покупай — ничего! Какой люди деньги нет, соболя поймай, не могу — пропади! Собака скоро кончай!» Наш разговор перешел на тему о соболях. Как и везде, около инородцев живут скупщики этой ценной пушнины: в южной части побережья китайцы, к северу от реки Нахтоху и коло Императорской Гавани — русские. Основав свои фактории там и сям и выделив от себя небольшие отделения на соседние реки, они хозяйничают там произвольно и без всякого контроля. Правда, по высокой цене, но все же они снабжают инородцев и оружием и патронами, запасами продовольствия и прочими предметами первой необходимости. Система и приемы в этих случаях обычные. Они стараются вести дело так, чтобы ороч непременно залез в долги. Раз это достигнуто — ороч его работник, и вся пушнина переходит уже в руки кредитора по цене, какая ему покажется подходящей. Все орочи с реки Тумнина получают все необходимое у г-на Клок, поселившегося в селении Дата близ моря; все инородцы Императорской Гавани, Копи и даже Ботчи находятся в ведении Марцинкевича; южнее от Нимми до реки Нахтоху и весь район Самарги близ мыса Золотого захватил скупщик Степанов, прибывший туда года четыре тому назад из г. Владивостока. Наши собеседники не жаловались ни на Клока, ни на Марцинкевича, но говорили, что цена на все очень высокая. Принимая во внимание трудность доставки грузов на реку Тумнин (правильные пароходные рейсы между Владивостоком и Императорской Гаванью установились только в последнее время) нельзя сказать, чтобы цены были безобразны. Сами орочи дали следующие цифры:

Один пуд муки . . .	3—4 руб.	Одна плитка чаю	50—70 коп.
Один пуд рису . . .	3 р. 50 к.	Пачка спичек	25 коп.
Один пуд соли . . .	— —	Один пуд маньчжурского табаку	15 руб.
Один фунт сахару . .	30—35 коп.	Кусок дрели в 35 аршин	12 руб.

Другое дело оружие и патроны. Эти вещи продаются инородцам по цене в два, в три и даже в четыре раза превосходящей магазинную. Объяснить это очень просто: сами скупщики соболей, если не имеют разрешительных документов на покупку оружия и огнестрельных припасов, все же покупают то и другое в тех же магазинах, но по цене значительно больше той, какую они заплатили бы, если бы имели разрешительные на то от полиции свидетельства, так что и в этом случае ороческие деньги переходят не только в руки русских соболевщиков, но и в карманы хозяев и приказчиков различных лавок и магазинов.

Все орочи единогласно хвалили зрителя маяка Св. Николая, Майдона. В случае нужды, они постоянно обращаются именно к нему, и он всегда помогает им, дешево уступая все то, что дорого стоит у Клока и Марцинкевича. Осенью прошлого, 1907 г., ввиду ожидаемой зимней голодовки областное управление из Владивостока препроводило Майдону 200 пудов муки, 100 пудов рису, два места чаю, 20 пудов сахару и т. д. с просьбой помочь инородцам в трудную минуту. Зато сколько у них жалоб к русским рабочим лесной концессии и к русским переселенцам, появившимся в Императорской Гавани в 1908 г. Наши колонисты не хотят признавать в инородцах людей, имеющих больше права на жизнь в Уссурийском крае, чем русские. Ни инородцы наши, ни крестьяне переселенцы совершенно не были подготовлены к этому вопросу. Вот почему встреча их была не дружественной, а скорее враждебной. Теснимые переселенцами на каждом шагу, орочи оставляют родные, веками насиженные ими места и все дальше и дальше уходят в горы. Еще в худшем положении очутились южноуссурийские тазы (ассимилированные китайцами те же орочи), которые волею судеб на несчастье свое стали оседлыми, и без клочка земли, удобной для хлебопашества, они теперь более существовать уже не могут. Только опытный глаз исследователя или старожила подметит в костюме таза или в домашней обстановке его такую мелочь, которая легко ускользнет от неопытного новичка чиновника, только что приехавшего из Европейской России. Что же остается тогда сказать про какого-нибудь невежественного переселенца? Помню как то раз (это было на р. Санхобэ в 1907 году) я хотел убедить крестьян в том, что они обижают не китайцев, а орочей. Переселенцы (бывшие рабочие, состоявшие ранее на службе у лесопромышленника Гляссера) замахали руками и не хотели меня слушать.

С другой стороны, и китайцы, пользуясь этой двойственностью, постараются называть себя «тазами», лишь бы остаться на месте и не быть изгнанными из Приамурского края. И легко может статься, что бывший ороч должен будет уступить место русскому переселенцу, тогда как чистокровный китаец

будет благодушествовать на правах инородца-таза только потому, что ловко сумел «втереть очки» новичку чиновнику. Есть еще и другой вопрос: везде около этих тазов (и даже около орочей — «кяка» на реках Такэма, Кусуне, Нахтоху и др.) поселились китайцы — кто в качестве компаньона, кто в качестве работника, советника или даже просто в качестве жильца. Впоследствии, когда задолжавшийся «таза» не может уплатить своему сожителю денег за муку, опий, ханшин и чумизу, последний становится полновластным хозяином, а туземец — простым рабочим. Не только дом и пашня, но и жена должника и вся семья его переходит в руки кредитора. Китайцы иногда и просто силой отбирают женщин от инородцев. От такого брака китайцев с «тазками» получаются так называемые «джачубай», то есть кровосмешанные. Является вопрос: как считать этих джачубай? Должны ли они быть наделены землей наравне с прочими инородцами? Китайцы, когда скопят достаточно денег, уезжают к себе на родину и, конечно, семью свою бросают здесь, в Уссурийском крае, так как там, в Китае, у них есть законная, первая семья. Вместе с тем и выселить куда-нибудь джачубай тоже не представляется возможным. Теперь, если таза похож на китайца, что же можно сказать про джачубай? Они еще дальше отстоят от орочей, и потому ошибки еще более возможны. Разобраться в этом вопросе нелегко. Не полицейские власти, не пристава, не урядники, а лишь старые опытные переселенческие чиновники, вроде Рубинского, могут лучше всего установить, кто китаец, кто таза, кто джачубай, кто из них должен получить землю, кто должен оставить ее и передать прибывающим русским переселенцам¹ и кто должен быть выселен за пределы Российской империи.

Напрасно исследователь стал бы теперь искать орочей на реках Уй, Ма и Хади. С тех пор, как в окрестных лесах застучали топоры рабочих австралийской лесной концессии, орочи эти навсегда оставили колыбель своего происхождения — Императорскую Гавань и переселились кто на реку Копи, кто в верховья реки Тумнина и даже через перевал в бассейн реки Хунгари и др. Орочи с Тумнина считают себя чистыми «орочами» и называют себя именно этим именем, а не «ороченами», как это обыкновенно произносят русские и что совершенно неправильно. Про своих родичей, живущих к югу от реки Копи, а также и в бассейнах рек Имана, Бикина, Хора и Анюя они отзываются с насмешками, орочами их не считают и называют их «кяка» или «кякари». Они смеются над их обычаями носить расшитые цветные одежды, серьги в ушах и две косы с бисерной перемычкой на шее ниже затылка. «Кяка орочи нету, — говорили они, — его все равно бабы: рубашка один, два коса — тоже все равно бабы. Наша так нету. Наша женщина такой рубашка есть, мужчина орочи другой рубашка ходи!». Действительно было бы ошибочно думать, что орочи Императорской

Гавани носят одежду такую же цветную и пеструю, как и их родичи, которых они называют «кяка». Покрой одежды тот же самый: та же длинная косоворотная рубашка (тэга), но без вышивок, узкие штаны, наколенники и унты. Впрочем, последние носятся теперь редко. Обыкновенно все они ходят в сапогах, часто даже в лакированных и носят галоши. Расшитую шапочку с белчиным хвостом и узорное покрывало на голову и плечи не носит никто. У всех на головах большей частью русские суконные шляпы или фуражка с суконными или с лакированными кожаными козырьками, а чаще всего голова их остается открытой, и только в сырую дождливую погоду они прикрывают ее полотенцем, обертывая концы его вокруг шеи. Все это при косе, спускающейся по спине до поясницы, имеет вид очень странный².

Рассказывая об орочах, как удэ, джачубаях и тазах, орочи упомянули и еще о своих сородичах, называя их ульчи. По их словам, «ульчи» эти ходят с оленями и живут где-то далеко к северу дальше Николаевска-на-Амуре. Не те ли это ульчи и ольчи, о которых упоминает Шренк в своем сочинении?³

Все орочи с Тумнина, Императорской Гавани и реки Копи носят русские имена и прозвища вместо фамилий. Последние отмечают только местность, где живет та или другая семья постоянно. Например «Намунка», то есть приморский, «Копинка» — с реки Копи, «Бизанка», то есть горный и т. д. В зависимости от числа лет, от положения, которое они занимают у себя в обществе, и от солидности, с которой они себя держат, имена их произносятся или с отчеством, или просто без отчества, иногда ласкательно, а иногда и с оттенком унижительным, например: Иван Михайлович, Николай, Савушка, Карпуша и т. д. На Тумнине орочи живут хорошо, зажиточно и с большим достатком: у них есть хорошие запасы сахара, русского масла, муки и рису. Некоторые из них очень богаты. Так, у старосты Федора, помимо других дорогих вещей, есть много золотых колец, золотые часы, цинковая ванна с печкой для нагревания воды и золотой массивный браслет стоимостью около 500 рублей.

XVI

За разговорами день прошел незаметно. К вечеру в жилище старшины собрались все почти орочи. Среди них было много стариков. Поджав под себя ноги, как говорят, «по-турецки», они неподвижно и молча сидели на нарах и, казалось, равнодушно слушали нашу беседу. Мы стали их спрашивать о том, как жили они раньше, что рассказывали им отцы и деды, когда они были еще маленькими, и т. д. Сначала разговор наш не клеился, а потом старики оживились, начали вспоминать свою молодость, свое детство — время давно минувшее, давно прошедшее...

Вот что они рассказали. «Раньше орочей было много. Жили они одни и никого не знали. Они слышали, что где-то за морем и за горами есть другая земля и живут другие люди (вероятно, японцы и китайцы). Эта другая земля, казалось им, была так далеко, что добраться до нее простому смертному человеку никогда невозможно. Орочи ловили рыбу, охотились со стрелами, а зимой на лыжах догоняли зверей и кололи их копьями. Одевались они в зверовые шкуры и шили одежду себе из рыбьей кожи. Самые старые селения были на реках Хади и на Тумнине — Хуту-Дата (где мы стояли) и Дата в самом устье реки, около моря. В то время в Императорской Гавани царила полная тишина, изредка нарушаемая только печальными криками гагары. Не было слышно там, как теперь, ни гудков, ни свистков пароходов, ни шума машин лесопилки, ни топора дровосека. Вода в заливе была покойной, неподвижной; порой только одинокая лодка ороча-охотника черной точкой мелькнет где-нибудь у берега и снова быстро скроется за поворотом около мыса. И так жили они до тех пор, пока эти чужие люди не пришли к ним сами. Первые явились гиляки. От них орочи научились курить табак. За гиляками пришли гольды. Они зимой с нартами перевалили водораздел и спустились по льду реки Тумнина до самого моря. Спустя лет десять, после гольдов явились сюда и китайские торговцы, скупщики пушнины. Эти последние привезли с собой ханшин, но мало. Спиртом они не торговали, а только понемногу угощали орочей и дарили им его без денег. Прибытие китайцев наделало много шума. Весть об этом разнеслась по всему побережью. Орочи съезжались и с Копи, и из Императорской Гавани, чтобы посмотреть на новых невиданных людей. С тех пор у орочей стали появляться фитильные ружья — старые, изношенные, купленные за большую цену. Китайцы жадно набрасывались на соболя. Орочи не знали еще его стоимости и больше ценили мех росомахи. Прошло много лет. К гольдам и к китайцам привыкли, привыкли они ожидать их ежегодно зимой и начали даже брать у них в кредит порох, свинец, бусы, пуговицы, иголки и проч. Но вот однажды с берега прибежал испуганный человек и сообщил, что в море что-то неладно. Это было рано утром. Орочи столпились на прибрежном песке и, прикрыв рукой глаза от солнца, смотрели в море. Там что-то двигалось: большое, безобразное, странное — не то рыба, не то птица, не то морское животное, чудовище. Это страшное прошло мимо и скрылось за горизонтом. Всю ночь они шаманили и отгоняли злого духа. На другой день повторилось то же самое, а на третий день орочи с ужасом увидели, что крылатое чудовище шло прямо к берегу.

Это была большая парусная лодка — это были первые русские моряки! Орочи видели, как от большой лодки отделилась маленькая лодка, в которую сели шесть человек гребцов. Они испугались, убежали в свои балаганы и тогда только успоко-

ились, когда увидели, что пришельцы — люди, и люди такие же, как и они, но только из другой земли и говорят на языке, им не известном. У русских был переводчик тунгус. Новые люди объяснили орочам, что хотят купить у них рыбы. Орочи дали им много кеты; русские стали расплачиваться с ними деньгами. Не имея никакого понятия о деньгах, орочи повертели монеты в руках и побросали их на землю, как вещи совершенно ненужные и бесполезные. Тогда русские подарили им несколько кусков цветного мыла. Не зная, что с ним делать, орочи попробовали его есть, но, видя, что это невкусно, побросали мыло собакам. Собаки также отказались от этого лакомства. Между тем на море разыгралась буря; парусное судно ушло в Хади (Императорская Гавань), а приезжавшие русские остались ночевать у орочей в балаганах. Страхи прошли — люди присмотрелись друг к другу, однако орочи снова не спали всю ночь. Утром буря начала стихать, море стало успокаиваться; русские забрали еще рыбы у орочей и на этот раз совсем ушли в море. Вскоре в Императорскую Гавань пришел большой корабль и долго стоял в бухте Константиновской. После этого русские моряки стали заходить сюда все чаще и чаще, прибытие их уже не пугало так орочей, как раньше. Далее они рассказывали о том, как русские потопили свое судно (фрегат «Паллада») ¹. Рассказы их об этом событии полны интересных подробностей. Это было зимой. Они видели, как вокруг судна обрубали лед, как рубили мачты и жгли их на палубе и как затем судно пошло ко дну. Как народ, совершенно чуждый войне, они никак не могли уяснить себе, зачем это одни люди хотят убить других и зачем это русские ломают, жгут и топят свое, еще совершенно крепкое судно. Все это произошло очень скоро. Моряки ушли, и на том месте, где раньше красовался корабль, виднелась одна только черная большая промоина. По ней плавал еще лед и куски несгоревшего дерева. Весной пришли англичане (11 судов), сожгли русские постройки в заливе Константиновском и, постояв немного, снова ушли в море».

Время шло незаметно, часы летели за часами, а старики все рассказывали и вспоминали прошлое. По лицам их видно было, что в эти минуты они совсем ушли в свои воспоминания и как бы снова переживали свою молодость и детство. Голос их стал звучнее и вид моложавее, бодрее. Но вот кто-то зевнул, кто-то начал шевелиться в углу на нарах, слать свою постель и укладываться на ночь. Старики очнулись, гипноз исчез — воспоминания о прежней счастливой жизни отдалились, ушли в вечность, и на этот раз, может быть, навсегда.

Они опять увидели себя стариками; опять для них Императорская Гавань стала такой, какой они видят ее в настоящее время: русские рабочие, рубка лесов, брошенные орочские жилища и т. д. Медленно поднялись они с нар, грустно вздохнули и потихоньку начали расходиться по своим балаганам.

Еще с вечера все небо стало заволакиваться тучами, и начал моросить дождь. На другой день утром было то же самое. Чтобы не терять времени, мы решили ехать к морю, где около маяка Св. Николая на определенном астрономическом пункте генерала Жданко я решил закончить свой первый астрономический рейс и вычислить последнюю поправку хронометра.

Ветер дул с моря нам навстречу, и поэтому, чтобы поспеть к вечеру до устья, орочи шли на шестах, придерживаясь отмелей и берегов, где было не так глубоко. Ширина реки и простор ветрам позволяют орочам ходить по Тумнину и под парусами. Обыкновенно парусом у них в этих случаях служит полотнище полотна, всегда носимое с собой, куда бы они ни ехали: на охоту, рыбную ловлю или просто навестить своего родственника соседа.

От устья реки Тумнина до моря верст около сорока. В течении своем Тумнин крутых изгибов не делает и только дважды понемногу принимает направление от одного края долины к другому. Местами горы далеко отходят в сторону, отчего долина реки кажется очень широкой. Почвы¹, образующие низменные берега, слагаются большей частью из песка и ила вперемежку с прослойками мелкой гальки и крупного гравия. Все эти низины заливаются водой во время наводнений. Особенно интересны в этом отношении берега реки в самой нижней части ее течения и около моря. Тут (особенно вся левая сторона) берега состоят исключительно из почвы торфяниковой, сильно размытой во время последних наводнений. Пласт торфа возвышается над поверхностью воды метра на два. Прослойки черной илистой земли чередуются с мощными буро-желтыми слоями торфа недавнего образования. Во многих местах из красноватой темной массы его торчат ветки и стволы лесных гигантов, почерневших от времени и, бог знает откуда, снесенных водой. Вся поверхность низины изборождена рытвинами, ямами и завалена буреломом. Растущие на берегах лиственные, тощие, полусохшие, низкорослые, корявые, дряwnого характера, имеют какой-то особенно тоскливый, болезненный вид. Большая часть торфяников — пустыри. Болотистая, малопитательная почва эта и не могла бы произрастить ничего другого, кроме кислых осок да низкорослых кустов голубицы. Зато сфагновый мох и *Vaccinium vitis idaea* [брусника], находясь здесь в особо благоприятных условиях, образуют влажный, пышный, густой ковер красивого, блестящего темнозеленого цвета. Низовья реки Тумнина представляют очень глубокую и широкую заводь, похожую скорее на длинное озеро, нежели на реку. Ширина этой заводи близ устья около трех верст. Здесь вода кажется неподвижной и от большой глубины в массе имеет черный цвет.

Не доходя версты три до упомянутой заводи, река разбивается на рукава и протоки. В устьях проток образовались большие отмели и острова из чистого песка, голые и незаросшие еще никакой растительностью. Это и надо считать прежним устьем Тумнина. Дальше следует уже бухта, составляющая теперь только часть того обширного подковообразного залива, который далеко когда-то вдавался в сушу и границами которого были: с юга та длинная гряда базальтового массива, которая в настоящее время образует правый берег реки, с севера — такие же возвышенности, оканчивающиеся обрывами около селения Дата, близ устья реки Улики. Эта последняя тоже когда-то сама непосредственно вливалась в море, а теперь впадает в Тумнин, около современного его устья. Все эти обрывы, выступы и мысы, омываемые ранее волнами моря, видны еще и теперь очень ясно. Окатанные валуны, сглаженные поверхности больших камней и вообще следы берегового прибоя свидетельствуют об этом особенно красноречиво. С течением времени огромный залив наполнился песком и илом, приносимыми сюда в изобилии рекой Тумнином. Море узкой полосой отделило в свою очередь залив от берегового прибоя и образовало лагуну (лагунный берег по Рихтгофену) ². Этот лиман сперва превратился в мелкое пресноводное озеро, а затем и в болото. Болото стало зарастать мхами и впоследствии, будучи дренажировано протоками, медленно осыхало, образовав ту именно торфяниковую почву, о которой говорилось выше.

На пути нам встретилось несколько человек русских, которые бечевой тащили вверх по реке тяжело нагруженные лодки. Они везли продовольствие для рабочих на приисковые рудники Павлова ³. Лодки подвигались медленно, часто останавливались, задевали за коряжины и сносились назад течением около перекатов. По запотелым и измученным лицам людей видно было, что они напрягают все свои силы, чтобы хоть немного продвинуть вперед свои лодки. Помимо тяжелого физического труда, этим рабочим приходится терпеть и много лишений. Они целыми днями мокнут и зябнут в холодной воде, особенно если погода холодная, пасмурная, дождливая. Веревка цепляется за прибрежные кусты и задевает за деревья на каждом шагу. Дойдя до такого места, люди обходят их по колено, и по пояс в воде там, где глубина позволяет это сделать; где обойти нельзя, они нагибаются, стараются охватить наклонившееся дерево руками и передают бечеву из левой руки в правую. Ведь можно было бы протоптать тропы, порубить кое-где деревья, очистить берега от кустов и т. д. Ничего этого нет! Глядя на все это, невольно выносишь такое впечатление: кажется, будто лодки эти идут здесь первый раз и люди тащат их тоже впервые, в виде опыта. Как-то не верится, что при таких условиях работают здесь ежедневно и уже несколько

лет! Кроме русских бурлачников, таскают грузы и корейцы, и китайцы. Все они получают плату в зависимости от количества груза, который доставят на рудник, вследствие чего провоз одного пуда груза от моря до прииска на протяжении 120 верст обходится предпринимателю по 2 руб. 50 коп. По расчету администрации доставка грузов зимой на лошадях по льду реки обойдется еще дороже.

На подъем грузовой лодки вверх по реке до Мули-Дата (прииск) при небольшой воде требуется шесть-восемь суток. Во время наводнений всякое движение по реке на лодках совершенно прекращается. Даже порожние лодки не рискуют спускаться вниз по течению в большую воду. Летом прошлого года, когда от продолжительных дождей вода в реке стояла очень высоко, китайцы, сдавшие грузы на руднике, не хотели ждать убыли воды и решили спускаться книзу. В одном месте, верстах в 80 от моря, лодку нанесло на коряжину. Китайцы, полагая, что лодка перевернется, бросились на эту коряжину и кое-как взобрались на ее вершину. Но лодка не погибла: ударившись о дерево, она отскочила в сторону и снова, подхваченная течением, быстро была унесена дальше. Стояла чрезвычайно холодная погода; дул резкий ветер; дождь лил не переставая, и несчастные шесть человек китайцев восемь суток сидели на коряжине. Измученные, промокшие, озябшие и голодные они едва держались руками за единственный, торчащий из реки сук. Вода все время прибывала. Двое не выдержали и умерли, остальные полуживые, закоченевшие, полупомешанные и в почти бессознательном состоянии были сняты с дерева, когда вода начала уже спадать настолько, что явилась возможность подать им помощь.

XVIII

Уже совсем смеркалось, когда лодки наши достигли моря. На песке в устье реки Улики с правой стороны ее и с левой стороны Тумнина длинную полосу вытянулось ороческое селение Дата. В нем была полная тишина: природа собиралась на покой; люди отдыхали тоже. Ночные тени быстро опускались на землю, и все предметы: горы, деревья, кусты и ороческие балаганы — все это принимало какие-то неясные очертания и формы. Вода в заливе стояла покойная и светлая. В ней отражались еще последние вспышки вечернего заката. От реки подымался туман. В воздухе было сыро, прохладно. Слышался запах моря.

Лодки наши подошли к берегу. Встревоженный одинокий куличок испуганно поднялся из травы и с криком низко полетел над водой. Долго он не мог успокоиться и найти себе место для отдыха. Где-то глухо стонала выпь. Неизвестно откуда неслись эти неясные звуки. Какая-то большая ночная птица

пролетела мимо бесшумно, тихо, мелькнула в воздухе и снова быстро исчезла около леса.

Едва мы вступили на землю, как проснувшиеся собаки подняли неистовый лай. Из одного балагана вышла какая-то фигура. Судя по звуку медяшек, колец, бубенчиков и пуговиц, которыми орочки украшают свою одежду,— это была женщина. Посмотрев на нас, она быстро снова ушла в помещение. Мы пошли вдоль деревни. На самом краю, около домика, сложенного из тонких бревен, стояла маленькая, совершенно седая старушка. В зубах у нее была длинная трубка. Увидев нас, она тоже ушла в свое жилище. Через минуту оттуда вышел мужчина. Это был ороцкий старшина селения Дата. И здесь, как и в Хуту-Дата, он подошел к нам с таким видом, как будто бы мы давно с ним были знакомы, торопливо, как-то неловко, протянул руку и приветствовал нас словами: «Ну, здравствуй!»¹.

Мы вошли в дом старшины. Та же старушка, с лицом сморщенным, как старый лимон, молча поставила перед нами полированный, красного дерева столик японской работы, чашку с сухой горбушей, два размалеванных стакана с чаем и, отойдя в сторону, села около двери и стала нас рассматривать с видом совершенно равнодушным. От старшины я узнал, что все орочи ушли на охоту, дома остались одни старики, женщины и дети.

Скоро ороц и старушка ушли: они ночевали в соседнем балагане. Наши люди тоже нуждались в отдыхе. Часа через два все уже спали. В домике воцарилась тишина. Слышалось только мерное глубокое дыхание спящих да стрекотанье домового кузнечика, забившегося где-то в щель около печки. В селении тоже все снова стало попрежнему тихо. С улицы доносился шум морского прибоя. Где-то далеко еще лаяла собака и совсем уже близко мычала и стонала выпь...

На другой день мы хотели ехать с орочами на лодке в Императорскую Гавань, но администрация тумнинской золото-промышленной компании любезно предложила нам проехать на их паровой катере, который должен был итти туда на следующий день за грузом. Предложение это было кстати, и мы остались в Дата.

Самый Дата состоит из 7 домов и из 10 берестяных балаганов. Балаганы приморских орочей Императорской Гавани значительно выше, длиннее и шире балаганов «Кяка» и «Удэ», живущих к западу от Сихотэ-Алиня. Едва ли стоит описывать эти постройки. Описание внутреннего устройства и обстановки их так прекрасно сделано Маргаритовым, что, войдя в один из таких балаганов, я видел именно то, что читал в его «Орочи Императорской Гавани»². Глядя на всю обстановку ороцкого жилища, мне казалось, что я снова перечитываю его описание. Ко всему сказанному Маргаритовым позволю себе добавить

только два-три слова. При той копоти, пыли и грязи, какая окружает женщин и детей, нельзя не удивляться той заботливости, с которой они всегда подметают полы и нары своих балаганов. Орочки положительно не выносят мусора, все время, через каждые полчаса подметают пол, употребляя для этого или веник, сплетенный из жесткой, сухой травы, или крыло какой-нибудь большой птицы. Мусор бросается в огонь. Есть у них и еще один замечательно гигиенический обычай: и мужчины, и женщины, и дети плюют только на огонь и никогда в угол или на пол.

Орочские женщины меланхоличны. Целыми часами они способны сидеть на корточках, курить трубку и молча, равнодушно, не проронив ни одного слова, смотреть на вошедшего человека, будет ли это близкий ее родственник или знакомый, пришедший издалека, которого она давно не видела, или это совершенно новое лицо, которое она видит первый раз в жизни. И только тогда, когда мужчина задает ей какой-нибудь вопрос, она, не торопясь, лаконически ответит ему что-нибудь и снова погрузится в прежнее свое безразлично равнодушное созерцание посетителя. На лице ее не видно ни радости, ни удивления. Деревянная физиономия! Ни один мускул лица не шевельнется, не дрогнет. Полное отсутствие мимики. Даже испуг и гнев выражаются редко.

XIX

Орочи любят держать около своих жилищ разных птиц и животных. Отчасти это основано на шаманстве, отчасти так, ради забавы и потехи.

В Дата был настоящий маленький зверинец: около одного балагана сидел на цепи медведь. Он нетерпеливо мотал головой, мычал и царапал когтями землю. Тут же на свободе ходил и щелкал клыками огромный дикий кабан, пойманный молодым и одомашненный. Около другого балагана к стеллажам, предназначенным для сушки рыбы, прикован был орел. Царь-птица имела скучный вид. Орел давно уже свикся с своей неволей, привык к людям и равнодушно поглядывал и на прохожих, и на собак. Вероятно, его поймали еще очень молодым птенчиком. Дальше в стороне огромный филин таращил свои большие, желтые глаза, подымал свои «уши» и, взъерошиваясь, испуганно поворачивал голову в сторону шума, который при дневном свете почему-то казался ему особенно опасным. Молодой сокол кричал и бился на привязи. Расправляя свои стройные крылья, он быстро поглядывал то в море, то к небу. Около одного дома в тесной деревянной клетке держались только что пойманные дикие молодые утки. Они пищали, просовывали свои неуклюжие головы сквозь тонкие палочки решетины и, видимо, старались вырваться на свободу; там же

внутри балагана у самой двери на полу по обе ее стороны сидели привязанные за ноги кожаными ремешками две сойки. Они все время прыгали с места на место, испускали резкие крики и, согнув набок свои головки, поглядывали в дымовое отверстие балагана, где виднелось и небо, и солнце ¹.

Около балаганов на прибрежном песке красовались большие морские лодки (аккэна). Датанские орочи не имеют речных лодок (улимагда), эти последние им не нужны вовсе: для моря они не годятся, а по рекам в них плавать не приходится ². Устройство морских лодок очень простое. Сколачиваются они из пяти тонких досок, нос и корма приделываются дополнительно. На скрепы идут деревянные колышки и крученное лыко. Вместо пакли и вара для законопачивания идет сухой мох, пазы прикрываются тонкими полукруглыми рейками. Большая аккэна при четырех гребцах и одном рулевом подымает около 50 пудов груза, малая — пудов 30 или 20. Такую лодку два ороча могут сделать в течение шести суток, на предварительную заготовку материала потребуется дней восемь. Стоимость лодки колеблется от 20—70 рублей, в зависимости от ее размеров. Не все орочи умеют делать морские лодки — есть специальные мастера и знатоки. Особенным знатоком этого дела считается старик Иван Михайлович с реки Копи ³. Груз располагается главным образом в корме и частью в самом носу лодки; когда лодки нагружены и спущены в воду, середина их сидит глубже, а нос и корма подняты кверху, вследствие чего грузы подмокнуть не могут, так как вся вода на дне постоянно стекает в среднюю, более углубленную часть судна. Аккэна очень легки, поэтому, если случится ехать без груза, на дно их непременно всегда надо класть камни (отнюдь не окатанные и не круглые). Имея центр тяжести приподнятым, без такого балласта во время волнения положение их будет мало устойчивым. Достоинство этих морских лодок заключается в том, что, будучи легкими и плоскодонными, они свободно могут приставать к берегу моря (конечно, если только берег не скалистый) и легко вытаскиваются из воды, если погода неожиданно застанет орочей где-нибудь на дороге.

И вот, на таких-то утлых суденышках приморские орочи Копи, Императорской Гавани и Тумнина рискуют плавать по морю и бороться с волнением и с прибрежными бурунами. Особенно хорошими моряками славятся орочи селения Дата.

Самое устье реки Тумнина, то есть выход его в море, очень узок. Огромное количество воды, выносимое рекой, не может вместиться в узкие ворота. С берега видно, как сильная струя пресной воды далеко врзается в море и, кажется, будто и в море еще продолжает течь Тумнин. Навстречу ему идут волны: темные, с острыми гребнями, вздымаются они все выше и выше, и вдруг, столкнувшись с стремительным течением реки, сразу превращаются в бешеные пенистые буруны.

Теперь пусть читатель представит себе, что делается в устье Тумнина, когда в море непогода и свежий ветер дует со стороны острова Сахалина. И вот в такую-то погоду орочи селения Дата смело выходят в море и, не обращая внимания на прибой и буруны, снова входят в реку. Рассказывают, что однажды 17 человек орочей на трех лодках отправились на охоту за нерпами. Это было весной в марте месяце. Надо было дойти до сплошного льда, где, по расчетам, можно было найти богатую добычу. Погода стояла тихая. Было далеко за полдень, когда они увидели лед. Мыс, где ныне стоит маяк Св. Николая, чуть виднелся сзади на горизонте. Расчет орочей оправдался: они действительно нашли на льду много нерп и принялись за охоту с горячностью и увлечением. В короткий промежуток времени было убито 91 животное. Между тем со стороны северо-восточной надвигался не то туман, не то снег, не то тучи. Старики уговаривали молодых бросить часть убитых животных и спешно итти назад к «мысу», которого теперь уже не было видно. Тяжело нагруженные лодки скоро итти не могли, да и все равно они не успели бы уйти от непогоды. Пошел снег, начало смеркаться, а орочи все еще плыли по морю, пльми всю ночь и на утро, когда стало светать, они увидели снова перед собой ледяное поле. Между тем ветер стал усиливаться, и на волнах появились беляки. Тогда они вытащили на лед лодки, взяли весла, натянули палатки и стали выжидать конца бури. Двое суток бушевало море. Опасаясь, что волнением взломает лед, старики велели людям не расходиться и держаться около лодок. За неимением дров жгли нерпичье сало. На растопки шли отрываемые от лодок палки и доски. Огонь раскладывали только тогда, когда надо было растопить лед и согреть для питья воду. На третий день ветер начал стихать, море стало успокаиваться, туман поднялся, и орочи увидели землю. Уезжая со льдины, они бросили нерп в глубоком убеждении, что совершили большой грех, убив столько ценных животных. Море за это рассердилось и едва не поглотило их вместе с добычей и с лодками. Орочи эти дали обет не бить на будущее время так много нерп, если даже предстант к тому и полная возможность. Велика была радость жителей селения Дата, когда они увидели возвращающихся своих мужей, отцов и братьев, которых считали погибшими безвозвратно.

XX

Низовья реки Улики представляют те же пески и ил, покрытые торфом и мхами, что и низовья реки Тумнина. Во многих местах процесс осыхания болот еще не окончился вполне: среди мохового покрова кое-где виднеются лужи стоячей воды.

Выше было говорено о малой питательности почвы. Обилие влаги, сильные ветры и густые туманы с моря гораздо более

губительно действуют на растительность, чем недостаток питания. Прибрежные леса, состоящие исключительно из ели, лиственницы и пихты, по меткому выражению Иванова, действительно напоминают «мшистую корковую щетку», которая, напоминая густой шетины, густо одевает все горы и спускается по склонам их до самых берегов обрывов¹. Особенно деформированы и даже обезображены деревья, растущие по опушкам леса, и, следовательно, наиболее подверженные действию ветра: ветви их загнуты в одну сторону (большею частью к северо-западу), так что все деревцо производит впечатление «колоса-метелки» луговых злаков.

Ledum palustre [багульник] не достигает здесь такого роскошного развития, как это наблюдается вдали от моря на более высоких горизонтах и в особенности в горах хребта Сихотэ-Алинь. Около моря он не более одного фута, тогда как там он достигает пяти-шести футов. Даже самый запах его не так ароматичен и силен. Очень часто на горных вершинах в местах, защищенных от ветра, во время жарких летних дней запах этих Ericaceae [вересковых] бывает настолько силен, что у неприученного человека способен вызвать головокружение.

Кусты *Rosa daurica* имеют также жалкий вид; *Rosa rugosa* [шиповника], которого так много вообще растет на берегу моря, здесь нет совершенно. Орочи говорили, что этот шиповник есть около реки Ботчи и южнее ее, к северу же от упомянутой реки его не встречается вовсе. Особенно интересна поросль *Pirus aucuraria* [рябина]; это даже не куст, это — тонкий прутик вышиной не более двух-трех футов; две-три веточки с листьями и несколько совершенно безвкусовых водянистых ягод составляют все растение, похожее скорее на траву, чем на дерево, каким его можно видеть в горах на высоте 900—1100 метров над уровнем моря.

Был конец лета и приближалась осень. Южные и юго-восточные муссоны кончились, и их место сменяли тихие ветры, слабо дующие с материка на море. Это было как раз переменное время, когда атмосфера на море и суше находится в сравнительном равновесии. Несколько позже, а именно в конце сентября и в октябре месяце, наступает период равноденственных бурь и крайне переменная неустойчивая погода. То же самое только в обратном порядке происходит и весной: те же сильные ветры и бури, что и осенью, имеют место в марте и апреле, та же тишина и продолжительный штиль наблюдаются в мае и июне.

Вопрос о муссонах, дующих с моря со стороны юго-востока к берегам Уссурийского края в течение весны и лета и противоположных им северных и северо-западных ветров, дующих поздней осенью и зимой со стороны суши, — явление вполне естественное. Если мы обратимся к картам изобар, указывающим положение барометрического максимума (770—780) и

минимума (740—748) по полугодиям на материке и в море и если примем еще во внимание и неравномерное нагревание (летом) и остывание (зимой) огромного азиатского материка и обширного водного пространства Великого океана, то вопрос об упомянутых ветрах разрешается вполне определенно. Зимой вся Восточная Азия лежит по левую сторону «депрессии» и по правую сторону области высокого давления, находящегося около Якутска, а так как по закону Бейс-Балло² движение ветров должно быть циклонического характера, то есть обратно движению часовой стрелки, то направление ветра должно быть от севера и северо-запада к югу и юго-востоку, что и на самом деле наблюдается.

Кроме этих господствующих ветров, по всему побережью Уссурийского края, как и везде, дуют бризы. При слове бризы почему-то всегда является представление о небольших прохладных ветрах, дующих то с моря на сушу, то с суши на море. На самом деле проявление их более разнообразно, чем кажется это с первого взгляда. Иногда бризы бывают так слабы, что совершенно незаметны и не ощутительны: море покойно, волнения нет, и только слабая рябь свидетельствует о том, что ветер дует. Иногда они бывают настолько сильны и порывисты, что становятся похожими на бурю. В это время море сильно бушует и неистово бьется о берег; ветер гнет и треплет деревья, ломает их мелкие сучья, срывает листву и вместе с обрывками пены далеко несет их от берега в горы. Осенью при безоблачном небе местная суточная амплитуда температуры наибольшая. Ночи делаются довольно холодными, и земля через лучеиспускание быстро теряет теплоту свою. Днем же инсоляция солнца еще настолько велика, что земля снова недостаточно нагревается (средняя температура на поверхности земли +10,8 по Цельсию). Вследствие таких резких колебаний температуры и деятельность бризов проявляется сильнее. Вот почему в августе бризы начинают дуть с моря около 11 часов утра, в сентябре — после полудня, а в октябре уже в 2—3 часа дня. Эти то последние и бывают наиболее сильными.

В августе и в сентябре лучше всего наблюдать бризы. Обыкновенно в это время стоит хорошая тихая погода. Цвет неба густой, синий; большие округленные массы снежно-белых кучевых облаков толпятся на крайнем западном горизонте. Прохладный ветер дует с моря. К вечеру небо становится чистым, бледным и совершенно безоблачным. На востоке из-за моря темной полосой подымается теневой сегмент земли с нежной пурпуровой окраской по наружному его краю. С заходом солнца отблески вечерней зари исчезнут за горизонтом и длинные сумерки сменяются ночным мраком, небо постепенно начинает заволакиваться какою-то мглой: звезды становятся видны неясно; скоро остаются заметными только звезды первой величины, наконец, и те исчезают совершенно. Кажется, будто собираются тучи и

назавтра надо ждать ненастья. Если внимательно всмотреться в движение этого тумана, то видно, что он идет от моря. На рассвете следующего дня небо кажется серым, пасмурным, дождливым. Туман неподвижно держится над землей и густой завесой окутывает вершины гор. Часов около 10 он приходит в движение, начинает клубиться и снова ползет обратно к морю: сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Небо очищается, яркие лучи солнца быстро согревают землю, и через какие-нибудь полчаса от этого тумана нет и помину, как будто бы его и не было вовсе. Объяснить это явление возможно таким образом. Ночью, когда сухой и более прохладный ветер дует на море, теплый морской воздух подымается кверху и идет к материку, чтобы восстановить равновесие. Этот последний, будучи влажным, несет с собой пары, которые, охлаждаясь над землей, сгущаются, превращаются в туман и перед утренней зарей опускаются в горы. Вот почему вечерами (наблюдается очень часто на берегу моря) на вершинах гор теплее, чем внизу в долинах. Так как бризы имеют место в сравнительно узкой полосе прибрежной, то туманы эти далеко на материк не проникают. Поэтому лишь только взошедшее солнце станет пригревать землю и прохладный ветер начинает тянуть с моря, теплый воздух подымается от земли кверху и идет к нему навстречу, уносит с собой ночные туманы и очищает небо.

Характерной особенностью Японского моря и в особенности Татарского пролива является то обстоятельство, что вода морская в массе не имеет того красивого изумрудного цвета, какой наблюдается на юге. Должно быть, это происходит потому, что здешнее небо постоянно покрыто облаками, тучами и туманом. Даже в такие дни, когда небо безоблачно, оно все-таки не бывает совершенно чистым: в воздухе содержится много паров, подымающихся и от моря и от земли в изобилии. От этих испарений атмосфера становится мутной, линия горизонта видна неявно, как бы в дыму, дальние мысы тонут во мгле (haze*), складки гор и контуры их расплывчаты, неопределенны. Иногда эти испарения бывают так велики, что кажется будто где-то происходит лесной пожар и воздух наполнен дымом. В это время на солнце можно смотреть невооруженным глазом; цвет его становится желтоватым, вокруг диска замечается оранжевая «корона», даже тени, бросаемые на землю всеми предметами, принимают красноватый оттенок. Орочи говорят, что такое явление — верный признак дождя. Действительно, мгла эта каждый раз является предвестником непогоды. Коль скоро испарения эти начинают подыматься кверху, они быстро конденсируются в тучи и разряжаются или грозой, или сильными дождями².

На всем побережье Татарского пролива район реки Тумпина и Императорской Гавани является местом, где береговая линия наиболее сильно развита. Некоторые мысы (Лессепс-

* Дымка, легкий туман (англ.).

Дата и Св. Николая) далеко выдвигаются в море. Между мысами образовались более или менее значительные бухты и заливы: Труженик (по-орочски Аю-онгои), Японская (Уккэ), Фальшивая (Бязача), Императорская Гавань (Хади), Кошка (Ваия), далее следует бухта, не имеющая русского названия и именуемая орочами Суума, потом бухта Ванина (Уй), Мучка (Мочко), затем опять четыре бухты только с ороческими названиями: Онектоичи-Туггами, Джунко, Аггэ и Тумниен-Дата. Из этих заливов Императорская Гавань и Ванина наиболее глубоко вдаются в сушу и похожи на фьорды.

Здесь высоких гор с резко очерченными вершинами нет. Берега слагаются исключительно из базальтов и туфа. Последний преимущественно залегает в виде отдельного пласта в четыре метра толщиной между двумя лавовыми потоками, причем один поток является подстилающим туф, другой — кроющим его. Верхний слой лавы достигает местами мощности до 20 метров. Впрочем, утесистый мыс около селения Дата состоит из одних только туфов. Берега эти круто обрываются в море: намывная полоса прибою отсутствует. Разрушение лавы глыбное — полиэдрическое, со слабым намеком на столбчатую отдельность⁴. Подстилающей породой всего лавового покрова, вероятно, будет серый гранит, обнажения которого можно видеть на мысе Св. Николая.

Местами базальтовые туфы под влиянием атмосферных агентов и главным образом под влиянием всеразрушающей деятельности моря подверглись сильной метаморфизации и превратились в рыхлую глинистую массу красноватого цвета. Вода, просачивающаяся сквозь эти туфы, так сильно окрашивается, что становится похожей на разведенный сурик. Лучшие места, где можно видеть эту метаморфизацию базальтовых туфов, находятся в бухте Труженик с северной ее стороны и в середине Императорской Гавани, близ того места, где построен склад для маяка и начинается ведущая к нему колесная дорога.

XXI

На другой день мы уехали.

На дворе стояла свежая погода и довольно большое волнение.

На пути к Императорской Гавани представился прекрасный случай познакомиться с нравами «каменушек» и других нырков.

Бесчисленное множество нырков *Fuligula (histrionica?)*, по-орочски «холока», плавало на воде и летало по воздуху. Сильное волнение с «беляками» несколько их не смущало: напротив, они как будто нарочно шли к бурунам берегового прибоия и, видимо, ни мало не опасались быть ушибленными о камни. Они держались головой против воды и, как только сильная волна собиралась накрыть их своим пенистым гребнем, камешки эти каждый раз с удивительной быстротой ныряли навстречу ей и

выплывали на поверхность уже по другую ее сторону, отряхивались, оправлялись и снова ныряли в волны, и ни разу не промахнулись, не ошиблись в расчете, хотя внимание их и было сосредоточено на совершенно другом предмете: они опасались приближения нашей лодки. Такое занятие, казалось, не было для них утомительным. Невольно удивляешься приспособленности этих уток жить и выскивать себе корм в такой стихии, которая постоянно находится в сильном движении. Большая же часть нырков избегает моря (за исключением глубоких бухт, лагун и заливов) и предпочитает такие места, где вода находится в спокойном состоянии.

Окраска этих нырков чернобурая, вернее совсем черная. Самка несколько крупнее самца (длина птицы 45 см, ширина размаха крыльев 62 см). Европейские нырки отличаются от местных серо-стальным цветом с ржавчиной по бокам. У нашей камешки клюв черный, а ноги красные.

Камешки летают хорошо и подолгу могут держаться в воздухе, но тяжело поднимаются от воды и долго хлопают по поверхности крыльями, волоча некоторое время зад и ноги. При полете они мало соблюдают порядок, часто сбиваются в кучу, перегоняют друг друга и летят в разных горизонтальных плоскостях. Не совершая осенью далекого пути к тропикам и весной обратно к берегам Уссурийского края, они не нуждаются потому в известном линейном строе треугольником, который значительно облегчает стойкое путешествие перелетных птиц.

Камешки вполне оправдывают свое название. Если они не плавают, то сидят обыкновенно на прибрежных камнях парами (самец и самка) или по несколько вместе, или же поднимаются на скалы, садятся на карнизы и на выступы их, иногда очень высоко над водой. У них есть излюбленные места, где они постоянно держатся и гнездуются. В углублениях и трещинах породы они кладут свои яйца, выводят птенцов, натаскивают туда сухой травы, перьев и пуху и считают такое гнездо своим постоянным жилищем и разве только какая-нибудь особенная причина может заставить камешку перекочевать на другое место.

Говорят, что они питаются рыбой, хотя мясо их совершенно не имеет этого запаха. Они любят держаться у таких берегов, где мелкое морское дно густо поросло бурыми водорослями и пузырьчаткой. Здесь рыбы оставляют свою икру во время нереста. Это привлекает камешек, и они слетаются сюда в большом количестве. Среди них «моумэ» и другие утки. Вид поднимающейся от воды стая способна вызвать удивление наблюдателя.

Неизвестная мне порода уток, которую орочи называют «моумэ», очень многочисленна. У Силантьева и Холодковского я не нашел представителей, похожих на упомянутую «моумэ». Мы убили их несколько штук. Величиной эти утки такие же, как

и каменушки, но хвост у них длинный, клиновидный. Оперение их очень оригинальное. Общая окраска черная. Самки однообразного цвета. Самцы пестрые. У последних передний край оперения щек белый и вдается в сторону клюва изогнутой линией. Позади глаз небольшие белые пятна, ниже около головы, ближе к шее, продолговатое, тоже белое пятно. Темя и затылок очень красивы. Сверху от основания клюва назад на шею спускается трехцветная стреловидная полоса, состоящая из чередующихся черного, белого и ржаво-желтого цветов. На шее ровное снежно-белое кольцо, затем два больших, опять-таки белых, пятна располагаются на плечах птицы и два коричнево-красных крупных пятна находятся по сторонам тела; сбоку под крыльями, ближе к концам их, зеркал нет. Клюв и ноги черные. Осенью такое оперение имеют только немногие самцы, весной же все без исключения. Интересно, почему брачную окраску эти пернатые приобретают и осенью и почему только некоторые из них!? Такое оперение как нельзя лучше скрывает «моумэ» от взоров врага и является для них в полном смысле слова окраской защитного цвета.

И действительно, будут ли утки эти плавать по темным волнам, окаймленным белой пеной, или будут сидеть на черных камнях (на которых их часто можно видеть), опачканных белым птичьим пометом, и в том и другом случае они едва заметны, и только движения их могут выдать их присутствие.

Как и каменушки, они хорошо ныряют, но не могут так долго держаться под водой, как первые... Они менее пугливы, чем другие им родственные породы, и легко поддаются обману. «Моумэ» не кричат, но свистят. Орочи-охотники, заметив пролетающую мимо стайку, подражают их свисту и тем заставляют свернуть их с дороги и опуститься около лодки на расстоянии ружейного выстрела.

Я собрал «Fuligula» [нырков] и «моумэ» по несколько экземпляров. Шкурки их хорошо препарированы. По окончании экспедиции я намерен по вопросам меня интересующим обратиться за разъяснениями к опытным орнитологам и по получении от них этих сведений мною будут сделаны дополнительные описания¹.

Но вот и Императорская Гавань.

Несколько японских шхун стояло на якоре в заливе Константиновском. Стройные, изящные, с высокими мачтами, они тихо покачивались на легкой зыби, проникающей сюда с моря. Там и сям с правой стороны около «кошки» виднелись японские рыбалки. Они бездействовали. Кета не шла; японцы решили переждать еще одну-две недели и затем итти на родину с тем, что поймали сами и что скупили у орочей и русских рыболовов в бухте Ванина. По берегам кое-где виднелись бревна, унесенные наводнением из лесной концессии. Морским прибоем их высоко выбросило на камни, где они и застряли. Рассказывают, что по ночам японцы подбирали этот лес, делали из него рейки, пилили

доски и увозили их в Японию. Едва ли такое хищничество было в широких размерах. Быть может одна или две шхуны и стащили несколько бревен, остальные же занимались исключительно рыболовством. Дальше, в глубине бухты, против острова Устрицы и в устье реки Хади виднелись одинокие домики русских торговцев, скупщиков соболей, рыбаков и т. п.

Лесной концессии не было видно. И только, когда катер дошел до конца залива и повернул влево за последний мыс, вдруг сразу появились постройки. Белые, новенькие, только что выстроенные домики были разбросаны по всему левому берегу. Кругом местность совершенно оголена от леса пожарами: молодняк лиственицы, как бы стараясь прикрыть собой наготу сухостоев, густо разросся среди горы. За постройками и рядом с ними виднелись палатки: новые белые и пестрые, рваные, старые — они были очень живописны в своем беспорядке. Около палаток дымились костры и копошились люди. Это тоже рабочие, для которых не было места в бараках, вследствие ограниченного количества последних. Множество оцепленных бревен плавало на воде около берега. Несколько человек с шестами в руках ходили по бревнам и что-то делали около одного места, действуя палками, как рычагами. Два буксира — один большой, другой маленький, стояли в стороне около пристани. Посредине бухты на якоре стояла небольшая шхуна, конфискованная у японцев в бухте Ванина.

Рабочие, среди которых было немало и пьяных, в грязной одежде, в засаленных картузах и шляпах, медленно расхаживали по берегу, стояли кучками, о чем-то громко говорили и нестерпимо ругались между собой. Другие лежали на траве, курили или спали. Чистенькие, опрятные китайцы, повара или бойки, состоящие на службе у администрации в качестве прислуги, торопливо бегали по дороге от одного дома к другому.

Несколько баб с засученными рукавами и с подоткнутыми юбками занималось стиркой белья около барачков.

Два полицейских и один лесник стояли в стороне и о чем-то говорили вполголоса.

Японец, с лицом озабоченным, вероятно с ближайшей рыбалки, убеждал в чем-то двух равнодушных корейцев, одетых в одежду наполовину русскую, наполовину свою национальную.

Свист лесопилки, говор, крики людей, беготня — стояли невообразимые. Ожидалось прибытие парохода, на котором должны были уехать рабочие, которых только что рассчитали в концессии.

Или привычка к тишине и одиночеству, или после странствования по тайге отвыкнешь от городской жизни, от общества людей — но только суета, эта беготня, этот шум и ругань в особенности страшно режут глаз и ухо.

Мы встали в палатке.

В отношении расчисления берега в зависимости от рельефа суши все побережье от залива Св. Владимира до устья реки Амура в общем представляет из себя «продольный берег» (по Рихтгофену), в частности же Императорская Гавань является типом «долматинским»¹. Здесь море сделало захват материка и заполнило водой продольную долину. Продолжением этой заполненной долины будет служить долина реки Хади (см. ниже). Непокрытый водой горный хребет с восточной стороны гавани образовал длинный полуостров, идущий параллельно наружному берегу. Оконечностью этого полуострова является мыс Пуяттина и остров Рулло. Гранитный мыс, наиболее других выдающийся в море, известен тем, что лет 13—14 тому назад здесь разбился пароход Добровольного флота «Владимир».

Самой большой рекой, впадающей в Императорскую Гавань, будет река Императорская, или Хади, как ее называют орочи. Положение этой реки, равно как и ее размер и направление течения реки Тутто, совершенно неправильно показано на карте. Ни та, ни другая не берут начало с хребта Сихотэ-Алинь, и никакой дороги по реке Тутто нет.

Длина реки Хади около 60 верст, направление течения ее с востока-юго-востока, но только в нижней своей части, после принятия слева притока своего Тутто, она поворачивает на север-северо-восток и сохраняет это направление вплоть до впадения своего в Императорскую Гавань.

Все более или менее значительные притоки река Хади принимает с левой стороны. Самым большим притоком будет река Тутто, о которой говорилось выше. У русских рабочих в Императорской Гавани она известна под именем «Первой речки». Верст на 28 выше ее устья в Хади впадает река Сипали, текущая с северо-северо-запада. Здесь, собственно говоря, реку Хади надо считать состоящей из слияния двух рек одинаковой величины: Безымянной, именуемой Хади, и Сипали. Верстах в трех с половиной от устья последней и в стороне от нее слева есть небольшое мелководное озеро. Раньше оно было значительно больше, но с течением времени мхи и торф сделали свое дело. В недалеком будущем здесь будет одно только мшистое болото, покрытое низкорослой елью и сухостойной корявой лиственницей.

Если пройти от реки Сипали вверх по реке Хади еще верст 6, и дойти до ключа Абаче [?], покрытого редколесьем, то тут уже недалеко и до перевала (6 верст 400 саж.). Перевал на реке Копи как раз против ороцкого стойбища Улема (от Улема до моря по реке Копи один день ходу). Из всего сказанного видно, что направление течения Хади идет вдоль берега моря, характеризуя тип «продольного берега», о котором только что гово-

рилось выше. С реки Тутто можно перевалить на реку Хутту, но никак не в бассейны рек Хора или Анюя.

Вернусь опять к маяку Св. Николая.

Здесь имеется хорошо оборудованная метеорологическая станция, существующая лет пятнадцать. Во время войны она была разрушена и вследствие этого производство наблюдений прекратилось года на два, и лишь с 1 сентября 1907 года наблюдения возобновились снова.

Не лишены интереса средние температуры за 1908 год, полученные из наблюдений на этой станции. Эти данные довольно красноречиво показывают ход температуры летом и зимой в прибрежном районе. Они характерны низкой температурой для лета и низкой же температурой для зимы.

Если бы в Императорской Гавани было хоть одно опытное поле, то эти цифры в сельскохозяйственной метеорологии приобрели бы гораздо большее значение, чем в настоящее время.

Месяцы 1908 г.	Место наблю- дения	Средние местные температуры					
		температу- ра воздуха за весь месяц	максимум	минимум	на поверхности земли		
					максимум	мини- мум	
Январь	Им- ператор- ская Гавань	- 18,5	- 4,4	- 31,7	- 2,7	- 6,5	Температуры взяты по тер- мометру Цельсия с точностью до 0,5°
Февраль		- 12,4	- 3,0	- 19,6	- 2,5	- 15,5	
Март		- 2,8	+ 5,5	- 10,3	+ 2,5	- 8,0	
Апрель		+ 1,9	+ 8,4	- 1,7	+ 9,0	- 2,0	
Май		+ 3,9	+ 10,2	- 0,8	+ 9,5	- 0,5	
Июнь		+ 7,4	+ 18,5	+ 6,6	+ 9,8	+ 3,0	
Июль		+ 16,4	+ 19,5	+ 13,0	+ 18,5	+ 5,0	
Август		+ 18,2	+ 20,0	+ 16,0	+ 15,5	+ 8,5	

Высота маяка (фундамент здания) над уровнем моря равна 87 метрам.

По прямой линии расстояние от маяка Св. Николая до острова Сахалина равно 105 верстам, и в то время этот остров виден с маяка весной и летом очень редко и притом крайне слабо, неопределенно. Это объясняется исключительно сильным насыщением водяными парами нижних слоев атмосферы. Летом она [температура воды] ниже температуры воздуха; чем более происходит конденсация пара, тем менее воздух прозрачен. Осенью же и зимой, когда сухие ветры дуют с материка на море, очертания острова Сахалина видны чаще, иногда очень ясно и отчетливо.

10 сентября мы стали собираться: собранные коллекции этикетировались и укладывались в ящики для хранения их на зиму, отбиралось все необходимое для осеннего пути морем, люди шили палатки, снаряжали себе обувь; переводчик пошел нанимать у орочей лодки. «Мобилизация», — говорили стрелки и

казаки. День выступления был назначен 14-го числа, независимо от погоды. В таких случаях на погоду не смотришь. И в самом деле, если идешь на один день или на два, можно выбрать для экскурсии день получше, а когда идешь в дорогу на несколько месяцев, то не все ли равно, в какой день и в какую погоду ни выступать. Сегодня вымокнешь, завтра высохнешь, после опять вымокнешь... и так изо дня в день, вплоть до тех пор, пока не возвратишься в Хабаровск. Тут и важно не потерять время. Начало дела — половина дела сделано!

Дня за два до выступления из Императорской Гавани в отряд пришел ороц; тихо он вошел в палатку и спросил разрешения сесть на ящик. На вид ему было лет 35, он был невысокого роста, коренаст и крепко сложен. Короткая голова, плоское темя, широкий затылок, невысокий лоб, сильно выдающиеся скулы и редкая растительность на его лице были характерными для его монгольского происхождения. Головного убора он не имел вовсе; густые, черные, как смоль, волосы, заплетенные сзади в одну косичку, служили ему шапкой и прикрывали голову и от дождя, и от солнца. Он постоянно прищуривал один правый глаз — это была его привычка, как мы узнали впоследствии. Одет он был в длинную косоворотную рубашку (отега) из черного сукна, но без всяких узоров и украшений. На тонком ремennom пояске его, сбоку, с правой стороны, висело два ножа (кусога и апилле), с которыми ороци никогда не расстаются. Тонкие суконные штаны, наколенники из синей дрели, нарукавники и унты из рыбьей кожи дополняли его простой, но вполне типичный ороцкий костюм. На вопросы он отвечал тихим, кротким голосом, но лаконически и каждый раз как будто обдумывал сперва свою фразу, прежде чем дать ответ. Из его слов мы узнали, что зовут его Карпом, что живет он на реке Копи и в Императорскую Гавань пришел пешком нарочно, потому что услышал о нашем приезде и что он хочет провожать нас до Копи и даже далее, если это будет нужно.

Так вот этот самый Карпушка!? Это и есть тот знаменитый каюр, слышущий лучшим мореходом, лучшим ходоком на лыжах, о котором говорят даже и क्या (кекари) на реках Нахтоху и Кусуне. Никто лучше Карпушки не знает окрестностей Императорской Гавани, Копи, Самарги и Ботчи. Он хаживал и на Хор, и на Де-Кастри, был и на Анюе, ходил и на Амур и на вершину Тумнина; никто лучше его не умеет ходить под парусами на досчатых углых «аккэна»; он отлично знает все побережье, где могут приставать лодки, где есть камни, где есть бухты, удобные для ночевки, где можно было бы наколоть острогой рыбы на ужин. У Карпушки своя метеорология, свои наблюдения, свои приметы; он знает, какая завтра будет погода, какой будет вал, откуда будет дуть ветер и можно ли выходить в море. Говорят, что он с особенным искусством управляется с длинной упряжкой собак и лихо ездит по лесу нартовой доро-

гой. У другого собаки бегут лениво или бегут сперва очень скоро, а на второй половине пути идут уже шагом и еле волочат ноги. Сами орочи удивляются, отчего это у Карпушки собаки всю дорогу бегут ровно, дружно, как возьмут от дому и так до вечера, до конца дороги. Какое-то особенное влияние имеет он на собак; снн с первого же знакомства сразу привыкают к нему и не боятся и не грызутся между собой, и бегут охотно, точно они понимают, что управляет ими каюр Карпушка.

XXIII

Прежде чем продолжать свои заметки, считаю нужным сделать маленькую оговорку. Посылаемые мною статьи под заглавием «Из путевого дневника» есть действительно только заметки, обрывки из дневника, написанные наскоро, без всякой обработки и притом только во время дневок. А дневки у нас случайные: или проливной дождь, или починка одежды и обуви не позволят продолжать маршрут безостановочно. Писать ежедневно во время пути нет никакой возможности. За день накопается столько работы, что к сумеркам едва успеваешь только вычертить пройденный путь и сделать краткие записки в рабочие тетради. Черчение, препарировка отнимают очень много времени. К вечеру так уходишься, что еле доберешься до палатки, и к 9 часам становишься совершенно бессильным к какой бы то ни было работе, а завтра опять надо вставать рано, часов в 5 утра, а то и того раньше. Где же тут заниматься еще литературой. В своих статьях «Из путевого дневника» я сам вижу недостатки: нет связанности, перескакиваю с одного пункта на другой, на одних вопросах останавливаюсь подробнее, на других короче. Что же сделать? — Приходится выполнять то, что возможно, а не то, что желаешь сделать. По окончании экспедиции, когда вернусь в Хабаровск, я с удовольствием буду продолжать свои статьи, только более полные, более подробные, чем настоящие коротенькие заметки ¹.

14 сентября мы оставили Императорскую Гавань. День был серый, пасмурный, собирался дождь. Еще с вечера туман, лежавший неподвижно на мысах в виде скатерти, стал подыматься, клубиться и собираться в тучи. Тучи эти низко шли над землей, скрывая горы более чем наполовину. Барометр быстро падал. К вечеру можно было ожидать непогоды. Лодки с грузом еще накануне пошли морем и должны были дойти до небольшой горной речки Мафаца, где и ожидать нашего прихода сухопутьем. Все указания давал Карпушка. «Однако будет худо!» — говорил он, то и дело поглядывая в горы и на небо.

Путь наш лежал лесом по долине реки Аггэ. Тропка шла просекой. По этой дороге обыкновенно лесная концессия в Императорской Гавани доставляет продовольствие своим рабочим на вершину реки Хади. Ити этой тропкой очень тяжело.

Растоптанный в мелкую грязь мох всюду оголил корни деревьев. Решетины корней, острые угловатые камни, кочки и глубокие ямы с водой делают дорогу эту тернистым путем. Люди итти еще могут, перепрыгивая от дерева к дереву и пробираясь закраинами просеки, но лошадям — трудно. Вскоре навстречу нам попались двое лесовщиков, которые с вьючными худотелыми конями шли в концессию за продовольствием. Лошади то и дело оступались, ноги у них подвертывались, срывались, скользили, и каждый раз, как только какая-нибудь из них проваливалась ногой в яму между корней и камнями, она тяжело вздыхала, стонала, падала на колени, подымалась и снова шла дальше. В этот день мы дошли только до зимовья. Зимовье было старое, полуразрушенное. Внутри его было сыро, грязно, пахло плесенью. Делать нечего — остановились. Охалка полыни и несколько веток лиственницы, брошенные под бок на жердевые нарты, составили обычное для спанья ложе, знакомое всякому путнику, которого застигла непогода в дороге и который рад, что добился хотя бы до зимовья даже. Ночью пошел дождь. Плохо сколоченное зимовье с пологой крышей, сложенной из накатника, протекало всюду. Люди не спали всю ночь, переходили с места на место, искали, где посуше, смеялись, острили. Протерпели до рассвета, и чуть только стало светать, мы были уже снова в дороге. Дождь шел не переставая. Теперь просеку и дорогу бросили и пошли целиной в гору. Карпушка уверенно шел вперед и с легкостью взбирался на кручу. Вода текла по его черным волосам на спину и на плечи, но он мало обращал внимания на это. Впрочем, и все-то мы были не суше Карпушки. Было за полдень, когда мы вышли к морю, где около реки Мафаца ждали нас лодки.

Между тем в природе творилось что-то неладное. Одни тучи шли с юго-востока, другие с северо-востока, ветер налетал то с юга, то с востока, то со стороны совершенно противоположной. Скоро дождь и туман густой завесой покрыли и лес, и горы. В нескольких шагах нельзя было рассмотреть человека. Море тоже не видно, только белая пена прибрежных бурунов и сильный шум прибоя выдавали его присутствие. Порывистый ветер с северо-востока начал дуть с большой силой. Шел тайфун. Цепляясь за кусты, за траву, держась за выступы камней и корни деревьев, мы с трудом спустились с берегового обрыва к морю. Редко кому в такую пору удается видеть морской прибой у берега.

Величественная картина — грозный вид! Одна за другой с белыми гребнями огромные волны с ревом налетают на берег, заливают всю полосу прибоя, снова скатываются назад и в отступательном течении своем с рокотом увлекают бульжник. Новая волна, встреченная отливным течением предыдущей, сразу вспенивается, как кипяток в котле, вновь бросается на берег и вновь разбивается о камни. Каким ничтожным, маленьким,

беспомощным чувствует себя человек перед такой стихийной силой природы. В такие мгновения в нем нет эгоистического гордого самомнения и самонадеянности, и в голове его в это время не шевельнется мысль назвать себя царем природы! В такую погоду быстро темнеет. Пока светло, надо натаскать на ночь дров. Тут уже все работают, тут уже нет различия ни в чинах, ни в положении, ни в звании; тут все рабочие, все товарищи!

Если бы в это время посторонний наблюдатель посмотрел бы со стороны на устье реки Мафаца, то он увидел бы такую картину: на морском берегу подалее от воды вытянуты две лодки: повыше у обрыва из весел и жердей наскоро поставлена палатка — на крышку ее пошли паруса от лодок. Мокрые дрова горят плохо и сильно дымят. Несколько человек стараются наложить побольше дров, чтобы ими прикрыть от дождя горящие внизу уголья: другие окапывают и оправляют палатку, чтобы сбегаящая по склону горы вода не заливала бы бивака. Но вот все работы покончены, люди спрятались под спасительные полотнища. Редко кто выйдет из палатки, разве только за водой, чтобы сварить чай или ужин. Собаки и те забились под лодки: они все время лежат свернувшись, согревая себя дыханием, дремлют и не подымают голов.

Ночью в такую погоду становится особенно тоскливо: темнота и буря, дождь и шум прибоя всегда ролят в душе человека чувство жуткое. «Хорошо, что мы не в море! — говорили стрелки между собой. — Худо теперь тому, кого непогода эта застала в дороге!» И как бы ответом на эти слова людей с моря донесся протяжный свисток парохода. Люди вышли из палатки и, повернув головы, приоткрыв рот и насторожив слух, стали всматриваться в темную ночь. Снова донесся свисток. Донесся и замер... Вероятно, какое-нибудь судно искало входа в Императорскую Гавань и, опасаясь темноты и столкновения с другим встречным судном, подавало эти сигналы время от времени; а может быть, люди на пароходе заметили наш огонь, подали свистки и пошли мимо.

«Хорошо, что мы не в море» — снова говорили стрелки между собой.

К ночи ветер немного стих, но дождь пошел с удвоенной силой. Речка Мафаца превратилась в бурный многоводный поток. Холодно, сыро... Зато как хорошо спится в такую погоду, особенно если знаешь, что палатка не промокнет. Дождевые капли часто барабаният в туго натянутое, намокшее полотнище и всегда действуют гипнотически: сон быстро смежает веки и, завернувшись поплотнее в одеяло, ложишься на бок и засыпаешь как убитый. На другой день дождь немного стих, но ветер опять задул с северо-востока. По морю ходили беляки.

На грех мы забыли в Императорской Гавани походную аптечку с перевязочными материалами и банку с формалином, столь необходимую для коллектирования. Приходилось или воз-

вращаться за ними прежней тропой, или ехать морем на лодке. В последнем случае приходилось выжидать, когда утихнет погода и море успокоится; если же идти обратно — придется потерять несколько суток. Выручить нас взялся Карпушка. Он решил ехать морем немедленно, не взирая на ветер и волнение. Вместе с ним поехал и унтер-офицер Вихров.

Явился вопрос, как спустить лодку, как отойти от берега, не будучи залитым прибойными волнами? Приготовления его для этого были просты и оригинальны. Он собирал большие камни весом около пуда, но не окатанные и круглые, а угловатые, неровные, рубил деревья и сносил их к лодкам. Скоро все разъяснилось; дело в том, что пустая лодка первой же волной непременно будет или перевернута вверх дном, если рискнет отойти от берега во время прибоя, или же будет выброшена на камни и разбита в щепки. Необходимо ее сначала загрузить с тем, чтобы придать ей положение более устойчивое и с тем, чтобы по выходе в море груз этот немедленно выбросить за борт. Карпушка уложил в лодку камни, приготовил вальки, посадил орочей на места к веслам, а сам остался на берегу и долго пристально смотрел на воду. Выждав момент, когда самый большой вал с ревом и с пеной разлился на прибрежной гальке и вслед за ним наступило временное затишье, он вдруг сразу ослабил канат и толкнул лодку. Вследствие своей тяжести она быстро покатила по валькам к воде. Тревожные ожидания... Лодка вошла уже в воду и несколько отделилась от берега, привычные гребцы орочи налегли уже на весла. В этот момент, с ловкостью кошки, Карпушка прыгнул на корму ее. Нашла очередная волна и высоко подбросила вверх углую «аккэна». Был момент, когда лодка находилась под углом в 40°. Ничего! Руль был в умелых, опытных руках. Несмотря на сильный толчок, Карпушка устоял на ногах (орочи правят кормовым веслом стоя, особенно во время свежей погоды). Ветер трепал его длинные волосы, брызги и пена заливали ему лицо, а он как будто и не замечает этого. Он весело махнул нам рукой на прощанье и что-то стал говорить с гребцами. Один из орочей начал выбрасывать из лодки камни. Вслед за первой волной прошла вторая, за нею третья, и пошла легкая лодка, словно утка в море, нырять от одного гребня к другому. С берега хорошо было видно, как лодка и Карпушка, и гребцы его то высоко вздымались кверху, то совсем пропадали в выемках между волнами. Лодка все удалялась, она становилась все меньше и меньше, а Карпушка все еще стоял на руле.

Мы забыли про бурю, все внимание, мысли и зрение были сосредоточены на лодке. Начавший накрапывать дождь заставил нас вернуться к палатке. К вечеру буря успокоилась. Дождь снова начал лить потоками.

Успел ли Карпушка обогнуть мыс. Св. Николая до маяка? Море бушевало всю ночь.

20 сентября мы дошли до озера Гыджу. Здесь было очень много птиц.

Шла рыба... Большие морские чайки стаями сопровождали ее. Они с криками подолгу кружились в воздухе, опускались разом все на воду, опять подымались и то и дело перелетали с одного места на другое. Их было так много, что там, где они садились стаями, поверхность моря белела, как бы от пены или снега. Все вообще чайки удивительно стройные птицы. Как легко они садятся на воду, снимаются и подымаются снова на воздух! Как хорошо они летают и подобно хищным могут парить, не производя движений крыльями! Они удивительно изящны, когда сидят на воде: чуть только одно брюшко касается водной поверхности, весь корпус наверху; хвост приподнят; снежно-белое оперение резко выделяется на темном фоне воды. Как красивы, когда на своих высоких, сравнительно, ногах, они стоят на вершине черной каменной глыбы и своими выразительными черными глазами равнодушно и без опасения поглядывают на людей и на проходящие мимо лодки. Большой ястреб гонялся почему-то за одной чайкой, и как только она садилась на воду он не трогал ее, подымался кверху и парил над нею неподвижно, но, едва чайка снималась и пробовала лететь, он стремительно бросался на нее, стараясь нанести ей сильные удары своим клювом. Чайка снова опускалась на воду и снова ястреб подымался на воздух. Мы ушли далеко; так и не удалось узнать, чем кончилось это преследование и почему ястреб преследовал только одну чайку, хотя у нее ничего не было в клюве? Почему он не трогал других чаек и почему все остальные чайки не выражали ни испуга, ни беспокойства? Они свободно без опаски перелетали за рыбой, нисколько не опасаясь крылатого хищника. Очень может быть, что они понимали, что в данном случае орлан бессилён и что в конце концов он устанет и волею-неволею должен будет оставить преследуемую чайку в покое.

Мартыны садились несколько поодаль — они сидели спокойно и, казалось, мало интересовались рыбой. Эти большие птицы на воде и в воздухе кажутся птицами средней величины и только, когда они убиты и взяты в руки, поражают своими размерами. Из шести измеренных экземпляров получились в среднем выводе следующие цифры. Длина птицы от конца клюва до конца хвоста 52 см, ширина размаха крыльев 1 м 20 см, длина хвоста — 14 см и расстояние от корня хвоста до конца крыльев, когда они сложены сбоку, по сторонам тела птицы — 21 см.

Среди этих птиц мелькали и чистики и буревестники.

Это последние — *Fulmarus* — с удивительной легкостью держались в воздухе и при полете своим постоянно поворачивали свою красивую голову то в ту, то в другую сторону. Для этих

«длиннокрылых», казалось, и встречный свежий ветер не может служить помехой. Буревестников что-то влекло к югу. В течение целого дня они летели вдоль берега и именно только в этом направлении — и не было видно ни одной птицы, которая шла бы на север.

На мысах около камней держались бакланы. Длинные, с вытянутыми шеями они сидели на камнях, зорко всматривались в приближающегося врага — человека и ни разу не подпускали к себе на расстояние обыкновенного ружейного выстрела. От воды они поднимаются еще тяжелее, чем нырки, но летают хорошо и подолгу могут держаться в воздухе. Эти «веслоногие» в стае придерживаются порядка и при полете выстраиваются вереницей, как гуси, но никогда не поднимаются так высоко, как последние, чаще же всего они летают над самой поверхностью воды и, когда снимаются, то подолгу хлопают по ней своими крыльями. Если одинокий баклан обгоняет лодку, он непременно над ней станет описывать большие круги, то залетая далеко вперед, то возвращаясь назад до тех пор, пока где-нибудь в стороне не покажется другая такая же или похожая на него птица. При полете он сильно машет крыльями. Когда он летит над головой, и если в это время смотреть на него снизу, то видно, как при каждом взмахе крыльями весь корпус его тела вздрагивает, и это вздрагивание передается и на вытянутую его шею. Когда баклан плывет, все тело его погружено в воду так, что только верхняя часть спины, шея и голова находятся над поверхностью. Поэтому дробью трудно убить баклана, и нетерпеливый охотник будет вынужден выпустить много зарядов в подраненную птицу, пока случайная дробинка не попадет ей в голову и не остановит ее бегства и нырянья в воду.

Из винтовки с дальнего расстояния нам удалось убить двух птиц. Это оказались *Phalacrocorax carbo*. Этих птиц, как и камешек, можно было бы назвать «бакланами-каменщиками». Хотя они, подобно первым, и не устраивают своих гнезд в камнях, в расщелинах между ними, зато они постоянно в большом количестве держатся на мысах, далеко выдающихся в море. Тут они сидят и на карнизах, и иногда очень высоко над водой во время прилива. Тут же у них и гнезда, где-нибудь на выступе, но непременно на таком месте, чтобы ни снизу, ни сверху хищные четвероногие не могли бы его достать и разорить. Однако ниже той границы, до которой достигают волны во время самого большого волнения, бакланы гнезд себе не устраивают. Такие места заметны еще издали; вся скала белеет от помета, точно вымазанная известью.

Часто можно видеть, как птицы эти подолгу кружатся около мысов. Они то поднимаются на воздух, выше, чем при обыкновенном полете, то опускаются низко к воде, летят над самой ее поверхностью, едва не задевая волны и, описав большой круг, снова подлетают к скале, начинают ушащенно махать своими

крыльями и, видимо, хотят сесть на место, но вдруг неожиданно быстро отлетают в сторону, опять несутся от берега, опять описывают огромный круг, вновь подлетают к той же скале и снова, как бы оборвавшись, летят обратно в море. При самом внимательном осмотре моря, неба, самой скалы и всей вообще окружающей обстановки нельзя заметить ничего такого, что могло бы им внушать чувство страха и не позволяло бы им сесть на камни. Ни орлов, ни других каких-либо мелких хищных животных, вроде лисицы, хорька или ласки, нигде не видно. А так как некоторые из них после долгого летанья по воздуху все же садились на свое место для отдыха, то отсюда можно вывести только одно заключение — такие странные полеты бакланов около своего жилища доставляют им, видимо, просто удовольствие и забаву.

Охотничья ли страсть или просто вандализм, свойственный вообще человеческой природе по отношению ко всем прочим обитателям земного шара, побудили наших людей сделать несколько выстрелов по сидящим в гнездах бакланам.

Раскатистые звуки выстрелов гулко раздались по всему побережью и несколько раз с перекатом пронеслись от одной горы к другой и из распадка в распадок. Пули ударились о камни... Испуганные птицы тучей поднялись со скалы и общей массой полетели в море. Чайки тоже с криком начали кружиться над лодкой. Что выражал их крик? Испуг или гнев, недоумение или любопытство? Встревоженные стрижи, каменушки, топорки и «моумэ» с торопливой быстротой стали бороздить воздух по всем направлениям. С одинокой скалы снялся орлан-белохвост. Медленно и плавно махая своими большими крыльями, царственная птица не торопясь полетела вдоль берега и скоро скрылась за поворотом.

Лодки ушли уже далеко, а пернатое царство долго еще не могло успокоиться. Раньше других вернулись к гнездам каменушки, а за ними топорки и бакланы. Одни только чайки все еще продолжали кружиться над камнями около берега. Стремительные, порывистые движения их и резкие пронзительные крики раздавались в воздухе. Возбужденное настроение их передавалось и тем чайкам, которые случайно в это время пролетали мимо. Они тотчас же присоединились к общей стае и также начинали кружиться и кричать, как будто бы здесь и их были гнезда, как будто бы и они были пострадавшими от руки человека.

XXV

Если подняться на мыс Св. Николая и посмотреть на побережье моря по направлению к Тумнину и затем перенести свой взор к устью Копи, наблюдателю бросится резкая разница в строении берега по отношению к рельефу суши: к северу от Императорской Гавани тянутся берега, слагаемые из базальта.

Отсюда они кажутся пологими, низменными; береговая линия развита очень хорошо; мысы выступают в море; между мысами обширные, глубоко вдающиеся в материк заливы и бухты. К югу представляется иная картина: большой горный хребет Доко тянется вдоль самого берега, отделяя бассейн реки Аггэ от моря. Хребет размыт вдоль оси своего простирания, вследствие чего образовались берега высокие, скалистые с обрывами, круто падающими в море и с резкими очертаниями мысов и вертикальных утесов, иногда очень причудливой формы. Горы состоят исключительно из пород массивных кристаллических¹. Выходы гранита и порфира на дневную поверхность видны со стороны западной по склонам к Аггэ.

Граница, где базальтовые берега соединяются с гористым берегом, будет бухта Труженик близ маяка Св. Николая. Здесь серый гранит выступает в виде мощного штока метров около 100 вышиной. Дальше к югу гранитных обнажений нет, но вплоть до мыса Мафаца (орочское название, по-русски оно означает «почтенный старичок») огромные гранитные валуны сплошь усеивают все побережье. Сверху с высоты мысов и обрывов, насколько позволяет прозрачность воды и сила зрения, видно, что дно моря на большом протяжении покрыто теми же гранитными валунами. Однообразно белесоватый цвет этой породы и на поверхности суши, и в воде настолько типичен и руководящ, что ошибиться невозможно. Известно, что большие глыбы камней не могут быть выброшенными на берег силой морского прилива и что они являются только результатом проплавления льдин, бороздящих дно во время прилива зимой, а потому самое нахождение гранитных валунов в таком большом количестве около береговых обрывов свидетельствует о том, что граниты эти здесь залегают глубоко и во всяком случае ниже поверхности воды в море. Исключение составляют мыс Св. Николая и гора Охровая, о которой будет сказано ниже².

Слой глины и чернозема³, покрывающий мыс Св. Николая, настолько тонок, что, глядя на общую массу гранитного штока, он кажется не толще листа папиросной бумаги. Тощая, чахлая растительность едва находит в земле себе пищу. Корни деревьев стелятся поверху, оголяются и подсыхают. Сильные ветры раскачивают деревья, отчего они рано гибнут и в таком виде остаются стоять на корне, венчая всякую прибрежную опушку леса широкой полосой сухостоя. Острые гранитные глыбы всюду торчат на поверхности, отчего вся площадка имеет вид «карстового поля» в миниатюре⁴.

С другой стороны мыса Св. Николая находится небольшой изгиб береговой линии, носящий название залива «Базарного». Здесь, в обрывах поверх гранита, видны в виде бесформенной массы пласты конгломерата общей мощностью около 100 метров. Валуну этого конгломерата хорошо окатаны и состоят главным образом из вулканических туфов чрезвычайной твердо-

сти. Туфы эти мелкопористые и обломки их величиной с кулак и с куриное яйцо. Цемент очень твердый и состоит из раздробленного вещества пород изверженных. Выше этого конгломерата залегают тоже слои конгломерата, но рыхлые с песчаным цементом и с ясно выраженной слоистостью. Главная масса — порфиры: валуны и плоские величиной с человеческую голову. Среди этих последних встречаются и граниты; они размерами превосходят конскую голову; края их хотя и хорошо окатаны, но форма заметно несколько угловатая.

Кроющим пластом над конгломератами является базальтовая лава. Мощность ее не более 1,5 метра. Судя по ее структуре, по ровному цвету и микроскопически мелкому зерну видно, что остывание происходило очень быстро. Более грубая по строению лава находится внизу, у воды, более тонкая — в верхних слоях покрова. Взятые три образца одной и той же лавы из различных горизонтов очень разнятся даже на глаз друг от друга. Эти образцы должны заинтересовать геолога. И конгломерат и базальт выклиниваются на поверхности гранитного штока. Это ясно видно в профиле берегового обрыва. Здесь они были уничтожены денудационными процессами и оголили материковую почву⁵.

Дальше от мыса Мафаца вплоть до реки Гыджу массивные кристаллические породы сменяются красивыми пестрыми песчаниками, брекчиями и конгломератами. Все слои лежат горизонтально и параллельно поверхности моря и только местами имеют весьма слабый уклон в ту или другую сторону вдоль берега. Вследствие резкости их окраски по слоям всякое малейшее нарушение в их залегании резко бросается в глаза. Так, например, не доезжая реки Гыджу, можно видеть сброс — классический образец сбросовой впадины⁶.

На половине пути между Императорской Гаванью и озером Гыджу выделяется гора Охровая, состоящая, как и мыс Св. Николая, из серого гранита. Под влиянием туманов, дождей и ветров гранит сильно подвергся метаморфизации, превратился в дресвяник и принял желтую окраску, отчего гора и получила свое настоящее название⁷.

Несмотря на прочность и твердость пород, составляющих берег, он все-таки подмывается и обрушивается. По словам орочей, сразу исчезают целые участки суши. О том, что берег обваливается в воду, свидетельствуют каменные береговые ворота недавнего образования. Их трое: двое ворот около реки Мафа; одни на берегу, не доходя речки; другие — в воде в 10 саж. от берега, несколько южнее; третьи ворота, большие по размерам и состоящие из гранита, находятся также в воде около горы Охровой, против самого мыса.

Около устья реки Гыджу гранитные валуны на побережье сменяются такими же громадными валунами зеленокаменной породы. Несколько южнее мысы, окаймляющие маленькую бух-

точку, не имеющую названия, состоит именно из этой глубинной породы. Распадение глыбное — полиэдрическое.

Орочи с рек Самарги, Ботчи, Копи, Тумнина и Императорской Гавани показали, что года три тому назад было довольно большое землетрясение. Явление это произошло днем и, как всегда, сопровождалось подземным шумом. Они рассказывают, что не только они ощущали сотрясение почвы, но даже и видели самое колебание земли. Реки залили низменные берега; вода в котлах, повешенных на огонь, расплескалась и залила уголья; люди не могли стоять на ногах и падали на землю. Землетрясение это охватило большой район и замечалось даже на реке Такэме и около мыса Лессепса. Весьма возможно, что оно распространилось и далее к северу, но так как после реки Тумнина к заливу Де-Кастри на берегу моря никто не живет, то указать эту границу, где землетрясение уже не замечалось, никто не мог. Хотя Уссурийский край и находится в области сейсмических явлений, тем не менее такие землетрясения здесь большая редкость. Там, где они редки и очень слабы, люди склонны их преувеличивать. Хотя, с другой стороны, орочам нет смысла сгущать краски. Во всяком случае, описываемое землетрясение на побережье моря было самое большое из всех, какие только помнят старожилы.

XXVI

Область, заключенная между Амуром, Уссури, Японским морем и Татарским проливом¹, представляет страну, сплошь покрытую густыми лесами. Бесчисленное множество больших и малых рек бороздят Уссурийский край по всем направлениям. Стоит лишь спуститься с любой горной вершины в первый попавшийся распадок, чтобы найти обильный водой источник, и достаточно пройти по этому ключу один только день, чтобы достигнуть такой речки, по которой возможно уже плавание и на лодках. Все реки богаты водой даже и в сухое зимнее время года. Множество болот, густой бархатный ковер мхов, сильно пропитанный водой, создают полнейшую формацию тундры². Такова в общих чертах тайга Уссурийского края.

Большое количество воды, задерживаемой растительностью на поверхности почвы, не могло не отозваться и на климате всей страны. Таким образом, обилием влаги климат этой области обязан не только своему географическому прибрежному положению около моря, но и тому обстоятельству, что нижние слои воздуха постоянно и непосредственно соприкасаются с огромной испаряющей поверхностью бесконечных лесов и бесчисленного множества болот, находящихся не только по низинам в долинах рек, но и по склонам гор и даже на самых перевалах.

Летом сырость климата усугубляется еще и деятельностью муссонов, дующих с моря со стороны юга и юго-востока и несущих

щих с собой всегда дожди и туманы. Зимой же сухой северо-западный ветер, пробегая над сырыми лесами Уссурийского края, быстро поглощает всю влагу и уносит ее в море. Вот почему одну половину года (весна и лето) климат чрезвычайно влажен, другую (осень и зима) — он чересчур уже сух. В первом случае климат будет сырым, морским, во втором — сухим, континентальным³.

Туманы в Уссурийском крае, и в особенности в прибрежном районе, обычное явление, но образование их и условия, при которых они появляются, настолько разнообразны и интересны, что вопрос этот заслуживает того, чтобы ему было отведено здесь несколько строк для описания.

Чаще всего появляются туманы при ветрах с юга и юго-юго-запада, реже со стороны востока и юго-востока, еще реже с северо-востока и никогда не бывают от запада, северо-запада и севера. Оно и понятно: достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что по отношению к Уссурийскому краю со стороны северо-востока — юго-запада раскинулся Великий океан со своими краевыми морями около восточных берегов Азии, противоположная же сторона (северо-запад) занята обширным материком с пустынями и с великой Сибирской низменностью, обращенной к Ледовитому океану⁴.

Итак, если ветер начал дуть с моря, надо ждать тумана. В таких случаях действительно резко очерченная линия горизонта постепенно становится неясной, расплывчатой, неопределенной. Кажется, будто она затянута мглой. Мгла эта двигается к берегу и как будто подымается все выше и выше, постепенно становится гуще и, наконец, превращается в туман. Иногда туман образуется на горизонте сразу и в таком случае он движется стеной. Медленно ползет он к берегу, взбирается по распадкам в горы, заволакивает мысы и заполняет собой долины. Горные вершины кажутся разобщенными одинокими островами, а самый туман... наводнением. Впечатление это настолько сильно, что неохотно и с робостью спускаешься с озаренного солнца возвышенного места и с опаской погружаешься в море тумана.

Другой раз, несмотря на сильный попутный ветер, туман долго держится в море и крайне медленно надвигается на берег. Часто туман неподвижно лежит на самой поверхности воды, так что верхушки мачт судов остаются им не закрыты. Это хорошо бывает видно, если судно проходит близко от берега. Бывает и обратно: туман идет поверху и задевает только вершины гор. В последнем случае он похож на тяжелые дождевые тучи циклонического характера.

Туманы в Уссурийском крае редко бывают сухими, часто они влажны и сыры настолько, что трава становится мокрой, как бы от росы, иногда же туман моросит и обильно смачивает землю, как бы дождем, подряд в течение нескольких суток

до тех пор, пока не переменится ветер и не угонит его обратно в море.

Наконец, бывает и так, хотя очень редко, что несмотря на сильный ветер с той стороны, откуда постоянно бывают туманы, тумана нет. Это совсем идет в разрез с вышеприведенными описаниями.

Начальник гидрографической экспедиции Великого океана генерал-майор Жданко отрицает существование холодного течения из Охотского моря в Японское через Татарский пролив около острова Сахалина, а между тем в обществе и в литературе существует мнение, что именно это-то течение является источником дождей и туманов. Из сказанного видно, что условия появления туманов на побережье моря в Уссурийском крае и самое их образование относится к очень запутанным вопросам климатологии, разобраться в которых возможно только после продолжительного их изучения и целого ряда многолетних специальных наблюдений⁵.

Из физики известно, что конденсация водяного пара в воздухе происходит тогда, когда температура воздуха быстро понижается ниже «точки росы», то есть той температуры, при которой свободный пар в воздухе имеет наибольшую упругость. На основании этого закона можно объяснить некоторые местные явления, находящиеся в тесной связи с образованием туманов на побережье моря. Например, при появлении туманов около самого берега обстановка такова: небо над материком покрыто слоистыми тучами в виде «скатерти»; дальше от берега небо чистое, безоблачное. Море освещено солнцем. На крайнем востоке по горизонту видны белые кучевые облака; края их закруглены. Утренний штиль сменяется ветром со стороны моря. В это время вдруг, совершенно неожиданно, у самого берега, где-нибудь около скалистого утеса, начинает образовываться маленькое облачко. Оно быстро увеличивается в размере, и скоро все побережье затягивается туманом тогда, как в море совершенно чисто. В данном случае образование тумана происходит от соприкосновения влажного, теплого воздуха с холодной поверхностью камней и с поверхностью мысов, с низкой температурой лесной тундры⁶.

Явление это нам удалось воспроизвести и экспериментальным путем, хотя и совершенно нечаянно. Надо было найти воду, поэтому приказано было копать яму. Рабочие углубились на три с половиной фута и вскоре достигли до мерзлоты. Едва яма была очищена от мусора и щебня и тем самым был дан свободный доступ наружному воздуху, как тотчас же она наполнилась паром, а через минуту густой туман покрывал и всю местность вблизи самой ямы. Температура воздуха в стороне на открытой местности в тени была плюс 21° по Цельсию и на поверхности земли плюс 14° по Цельсию; небо чистое, безоблачное; день светлый, солнечный, теплый, и ни в море, ни у

берега — нигде тумана не было видно. Трудно даже допустить водяной пар в таком чистом воздухе, а между тем конденсация его в холодной яме красноречиво говорила за то, что воздух был действительно насыщен парами⁷.

Случается, что туман образуется около берега и при другой обстановке. Небо и над морем, и над материком совершенно безоблачное. Воздух вполне чист и прозрачен: отдаленные мысы и мельчайшие складки гор с поразительной ясностью видны отчетливо ясно на большом расстоянии (это последнее обстоятельство указывает на то, что воздух сильно насыщен парами). Температура воздуха плюс 22° по Цельсию, гидрометр = 100, штиль. Но вот слабый ветерок потянул с моря, и вдруг между лодкой и берегом быстро начинает образовываться белое облачко. Через несколько секунд в разных местах около мысов камней и утесов появились такие же полоски пара. Они быстро увеличивались в размерах, и не успели люди сделать и несколько взмахов веслами, как весь уже берег утонул в густом тумане, а море попрежнему было чистое, и линия горизонта видна так же ясно, отчетливо, как и раньше. В этом случае конденсация водяного пара в атмосфере произошла от смешения воздуха различных температур: теплого — с материка и холодного — с моря. И тот и другой были насыщены парами. Этим и объясняется то поднятие тумана (восходящее течение), то опускание его и перемещение местообразования: то у берега близ материка, то вдали на линии горизонта. Отчасти туман действительно переносится ветром, но главным образом он «указывает лишь место, где происходит постоянное сгущение и охлаждение паров воздуха» (Ганн)⁸. Вот почему часто можно видеть, как во время сильного, ровного ветра, дующего на материк с моря, туман в виде густого облака неподвижно лежит на высоких мысах, более других выдающихся в море. Влажный воздух гонится ветром с моря, и когда коснется холодного сравнительно воздуха, находящегося над мысом (лесная тундра), он быстро и сильно конденсирует пар; но, пронесясь дальше, он опять выходит из области пониженной температуры, и потому пар опять становится невидимым для глаза. Между тем все новые и новые слои воздуха надвигаются на мыс с моря; водяной пар все время сгущается, проходит и испаряется без перерыва и, кажется, будто одно и то же облако тумана все время держится около одного и того же места.

Туманы с моря не проникают далеко на сушу, если условия для образования их там неблагоприятны. В таких случаях они едва ли проникают более одной-полтора верст с моря.

В то время, как метеорологической станцией на маяке Св. Николая облачность была в течение 18 суток отмечена 10 баллами и знаком тумана, в полтора верстах от берега тумана не было вовсе — это обычное явление, хорошо знакомое

местным инородцам и тем русским старожилам, кои живут около самого берега моря.

Естественно, что воздух, насыщенный парами и охлажденный водами Татарского пролива ниже точки росы, конденсирует пар в туман и в таком виде достигает берега, но едва он успевает отойти от береговой линии на одну-две версты, как он начинает нагреваться сам от соприкосновения с нагретой поверхностью земли (преимущественно на местах горелых, сухих или каменных), и потому пар становится опять невидимым для глаза.

Ночные туманы несколько не изменяют вышеприведенных положений. Вследствие лучеиспускания земля остывает очень быстро, а вместе с ней охлаждается и воздух, находящийся над ее поверхностью. Над морем воздух сохраняет более высокую температуру. Соприкасаясь с холодными берегами, туманы сгущаются сильнее, и если ветер с моря сильнее и преодолевает бризы, дующие с суши, туманы ползут по самой земле и далеко проникают в горы. В противном случае они поднимаются выше и становятся видимыми лишь во вторую половину ночи, перед рассветом (см. статью о бризах).

XXVII

А вот и Копи. Издали устья реки не видно — оно хорошо маскируется лесом, только прибой волн о песчаные наносы бара указывает место, где пресная вода вливается в море. Со стороны залива, если можно только назвать заливом небольшое углубление береговой линии в суше, берег кажется пустынным, и только, когда лодки войдут в самую реку, можно увидеть шесть ороческих балаганов, построенных с той и с другой стороны реки около самой воды. Балаганы крыты корьем и видно, что они сделаны на скорую руку. Вытащенные из воды и опрокинутые вверх дном лодки, жерди и стеллажи для сушки рыбы, весла, остроги и сети — все это указывает на то, что здесь орочи живут только летом, ловят рыбу, сушат ее и вообще делают себе запасы ююлы на год.

Осенью же с наступлением холодов они поднимаются вверх по реке на лодках: там у них свои зимние жилища, там они занимаются охотой и соболеваньем.

Несколько дальше, с правой стороны реки и (с левой руки, если смотреть вверх по течению) около гор, в одной версте от устья, виднеются старые, полуразрушенные деревянные домики. Они брошены, теперь там никто не живет. Несколько лет тому назад здесь от какой-то повальной болезни умерло много народу. Вся обстановка внутри этих домиков сохранилась в том виде, в каком она была еще при жизни их обитателей. Есть болезни, которым орочи чрезвычайно подвержены. Особенно сильно свирепствует среди них оспа. От оспы они быстро вымирают. В течение одних или двух суток от целого стойбища не

остается ни одного живого человека¹. Главные распространители заразы — вода, грязь в жилище и грязь на теле самого ороча, и то обстоятельство, что здоровые люди, находясь под одной кровлей с больными, имеют постоянное с ним общение.

Орочи с Тумнина, Хади и Копи ведут более оседлый образ жизни, чем родственные им орочи с рек Имана, Бикина, Хора, Самарги и Ботчи. Они подолгу живут на одних и тех же местах, где родились и выросли и где жили их отцы и деды; самые постройки их прочнее, балаганы обширнее, и ставятся они с большими удобствами, чем у «кяка» (кекари). Многие из них имеют настоящие деревянные домики, хотя сами строить их не умеют, для чего всегда нанимают плотников корейцев или русских. Орочи Императорской Гавани* считают орочей, живущих на реке Копи, настоящими орочами. Действительно, даже глаз самого опытного исследователя не нашел бы разницы между теми и другими. Однако орочи с Тумнина и с реки Уй говорят, что язык копинских орочей хотя и такой же, как и у них, но все же он немного отличается от языка чистых орочей. Это отличие так ничтожно, что от слуха европейца оно совершенно ускользает, и разницу в произношении того или другого слова подметить может только сам ороч. Поэтому орочей с реки Копи они считают «другими» орочами и называют их «Орочи-копинка».

На Копи орочи ждали рыбы и не торопились уходить в горы. Погода нам не благоприятствовала, море снова разбушевалось; грузовые лодки не могли итти при таком волнении, потому мы снова были вынуждены ждать, когда непогода утихнет и море успокоится. Можно было воспользоваться случаем и поэкспериментировать по окрестностям.

Весь морской берег состоит из песка. Море наметало широкий пологий вал и отделило этим валом обширную заводь Копи от залива, оставив только узкий проход для выхода пресной воды в море. Песок мелкий, сыпучий, приходящий в движение от ветра. Там, куда вода не достигает даже и во время самых больших волнений, пески находятся в состоянии покоя, они заросли крупной жесткой осокой и низкорослыми кустами шиповника. Дальше весь береговой вал покрыт корявым низкоствольным листовичным лесом. На берегу врыты в песок два столба с японскими письменами. Это могилы японских рыбаков, умерших на чужбине. Орочи рассказывают, что покойники были закопаны в сидячем положении, лицом к востоку в сторону далекой родины. Тощий вид деревьев, шум ветра по вершинам хвои, листопад, полужасохшая, пожелтевшая трава и пасмурное небо,

* Хотя в Императорской Гавани на реке Хади и нет уже более орочей, тем не менее чистые орочи с рек Тумнина и Уй, в отличие от орочей копинских и самаргинских, в настоящих статьях будут называться «орочами Императорской Гавани», так как залив этот является в полном смысле слова колыбелью ороческого происхождения.

брошенные ороцские жилища и японские могилы — все это создает очень печальную картину. От созерцания этой картины смерти и разрушения невольно хочешь скорее отделаться, стараешься перенести свои мысли, слух и зрение на что-нибудь другое, что говорило бы о жизни, о красоте природы³. На отдели валялось много буреломного леса, вынесенного рекой во время половодья в море и выброшенного морем опять на берег. Частью этот валежник занесло уже песком, кое-где засыпало мелкой галькой и завалило морской травой. Среди этого хлама сухого дерева белели кости кита: огромные ребра величиной более сажени, шейные позвонки весом около пуда и т. д. Один из стрелков поднял такую кость и с любопытством начал ее рассматривать. Сопровождавшие нас орочи с испугом и тревогой на лице начали просить его, чтобы он положил кость на место. Не понимая в чем дело, солдат бросил кость в сторону. Орочи бережно взяли ее в руки и осторожно положили на прежнее место, старательно придав ей то именно положение, в котором она находилась ранее. На вопрос по этому поводу, они серьезно отвечали, что костями мертвого кита нельзя играть, нельзя их даже трогать, потому что море рассердится, подымет сильный ветер и большое волнение, море будет бушевать несколько суток и непременно, если не теперь, то потом накажет виновного.

К вечеру свежий ветер превратился в жестокий шторм. Море забелело от пены, небо покрылось тяжелыми тучами циклонического характера, пошел сильный дождь — непогода разгулялась как следует. Орочи были убеждены, что причиной этому было то обстоятельство, что солдат трогал кости кита⁴.

У орочей вообще много предрассудков и разных примет. Многие из них убеждены, что нож, которым случилось свежевать медведя (а другие говорят, сивуча и нерпу), не может быть употребляем в дело и носим при себе на охоте, в сопках и в особенности при охоте на медведя. Они считают сивуча морским медведем и убеждены, что сухопутный и морской медведь живут в вечной вражде между собой. Охотнику, который не соблюдает этого правила, грозит смертельная опасность или в горах или на море.

Экономическое благосостояние орочей на реке Копи находится в упадке. Раньше они жили лучше. Причина обеднения — плохое соболевание и недостаток рыбы. Они с трудом перебиваются и за работу просят дать им вместо денег муки и рису. Редко у которых есть небольшие запасы продовольствия. Особенно тяжелым для них был 1907 год. Безрыбица прошлого года — это общее явление по всему краю.

По подсчету самого ороча, на семью, состоящую из пяти человек (его самого, жены, старухи-матери и двух детей), для круглого оборота на весь год надо 15 пудов муки, пять пудов рису и два пуда соли. Кроме того, ему надо купить еще порох, дробь, патроны, спички, табак, одежду и мыло. Считая покупку

и продовольствие и все то, что было сказано выше, чтобы ороц чувствовал себя в достатке и не терпел нужды, ему ежегодно надо около 200 рублей. Эти 200 рублей он должен добыть охотой и главным образом соболеваньем.

XXVIII

Главная масса прибрежного леса состоит из пихты, приблизительно 50 %, затем ели — около 30 %, лиственницы — 15 % и березы — остальные 5 %. Этот лес густой, корявый, низкорослый. Особенно часто растут деревья около опушки. Ветви их сильно искривлены и изогнуты в сторону леса. Более крупные ветки в свою очередь дают от себя во все стороны густые кусты мельчайших веточек с хвоей. Эти последние произрастают в огромном числе и сидят настолько плотно и густо, что издали становятся очень похожими на паразитирующие кусты омелы. Вся эта масса ветвей и деревьев образует сплошную стену зарослей. Пробраться сквозь нее человеку не везде возможно. Природа, так сказать, позаботилась о том, чтобы воспрепятствовать проникновению губительных морских туманов в глубь леса, пожертвовав для сего краевыми [то есть растущими по краям] деревьями и вместе с тем из них же создав преграду и против ветра. Под прикрытием такой опушки молодые деревья растут спокойно, прямо, и только другие причины, о которых будет сказано ниже, ломают и уродуют некоторые из них в раннем их возрасте.

Если наблюдатель будет идти лесом около берега, то он невольно обратит внимание на то обстоятельство, что чем ближе он будет подходить к береговым обрывам, тем чаще и чаще будут встречаться деревья с кривыми, изогнутыми стволами, причем эта уродливость в строении ствола во всех случаях донельзя однообразна, а следовательно, и причины, вызывающие такие искривления, одни и те же, а судя потому, что изуродованные деревья попадаются и молодые и старые, сила, вызывающая эти уродства, действует временно и случайно, отнюдь не постоянно и притом не на каждое дерево.

Стволы деревьев искривлены тройным способом: или изогнутие произошло в сторону (см. ниже), или ствол изогнут так, что он образует дугу, равную половине окружности, или же он совершенно загнут так, что образует полный круг и снова подымается кверху. Несмотря на такое изогнутие, деревцо не гибнет. Жизненная сила его очень велика. Оно снова стремится выпрямить ствол, насколько это возможно. В крайнем случае деревцо старается поднять только свою вершину, если нижняя часть уже одеревенела и не в состоянии выпрямиться. Это последнее чаще всего и наблюдается.

1. Более 70 % встречаются деревья, у которых ствол на грудной высоте человека резко, под углом в 90°, изогнут в

сторону. В изгибе иногда замечаются следы поломки, покрытые наростами и смолой. Величина колена около 3 футов. Затем ствол снова под прямым углом изгибается кверху, и дерево растет уже в этом направлении. 2. Реже встречаются стволы, которые после нормального роста вдруг изгибаются по кривой, описывая полукругность кверху и, выйдя в прежнее свое положение, снова делают излом и поднимаются уже вертикально. 3. Наконец, встречаются и такие стволы, которые на высоте 3—4 футов круто изгибаются по спирали книзу и, описав полную окружность, снова поднимаются кверху, сохраняя это последнее направление уже без отклонений в сторону. Во всех этих случаях уродливые изменения в росте деревьев объясняются тем обстоятельством, что гибкий молодой пригибается к земле тем мощным слоем снега (первый случай), то придавливается случайно повалившимся деревом (второй случай), то пригибается и снегом и упавшим деревом одновременно, так что вершина его загнетса настолько, что до вертикального подъема ее остается меньше расстояния в ту сторону, куда дерево изогнулось, чем в обратную сторону, откуда действовала сила, изуродовавшая его (третий случай). Все это можно видеть во всех стадиях развития: там молоденькая пихточка придавлена деревом, там другая освободилась от валежника и стала выправляться, там загнулаь так, что вершина ее совсем скрылась в мху и в хвое и т. д.

На другой день к полудню дождь перестал; ветер начал стихать. Море заметно успокаивалось: беляков уже не было видно, и волны не так уже неистово метались на песчаный берег. К вечеру сильный верховой ветер разорвал тучи. Кое-где проглянуло небо. Около жилищ показались люди: орочам надоело сидеть около дымных костров в балаганах — они вышли подышать свежим воздухом и расправить онемевшие от долгого лежания и сидения члены. Вышел и Карпушка. Он потянулся, посмотрел на небо, поглядел в море и объявил, что завтра утром будет совсем тихо, но после обеда снова задует «пунела» (то есть ветер со стороны юга) и потому надо выезжать раненько до восхода солнца, чтобы заблаговременно поспеть к мысу Успения, где и ожидать непогоды.

Через несколько минут он уже копошился около лодок, закреплял доски, делал новые уключины из сучков деревьев и замазывал щели смолой, которую набрал тут же, поблизости, из лесу. Через час работа была окончена. Карпушка решил посмотреть, не течет ли где-нибудь лодка, а кстати ему надо было съездить и за дровами к старой японской рыбалке. Уезжая, японские рыбаки оставили на берегу много заготовленных дров. Около балаганов сухого леса нет вовсе. Здесь уже давно все сожгли орочи. Он смело один поплыл в море. Его лодка то совсем скрывалась в волнах около устья, то вдруг вся сразу подымалась кверху и казалась висящей в воздухе

над водой, и чем дальше удалялась она от берега, тем труднее было ее заметить. Карпушка направился к южному мысу. В сумерки он воротился обратно. Лодка его была до половины наполнена водой, в которой плавали дрова и палки. По его словам, в то время, когда он проходил буруны в устье, огромный вал обрушился на лодку сзади. Ладно, что груз был дрова, а не что-нибудь другое, а то лодку затопило бы наверное. Каждый раз, глядя на «орочей-намука» (то есть приморских), невольно удивляешься их бесстрашию и привычке рисковать жизнью на море. Тем более это удивительно, что среди этих людей нет ни одного человека, который умел бы плавать или хотя немного мог бы держаться на воде. Если ороч попал в воду, он как камень пойдет ко дну. Вот почему орочи никогда не купаются — боятся. Его никогда нельзя уговорить войти в реку, если ее надо перейти вброд и она более или менее глубока. А между тем в море на лодке, несмотря на явную, грозящую опасность, он покоен, не теряет головы даже и в таких случаях, когда и хороший, опытный пловец почувствовал бы страх и не рискнул бы ехать. Действительно, море приучает человека спокойно смотреть в глаза смерти, приучает к храбрости, родит энергию и закаляет характер.

Между тем солнце закатилось. На земле было уже темно, а на западном горизонте все еще светилось небо: это были последние проблески вечерней зари. Дальние горы приняли темнофиолетовую окраску. Разорванные тучи казались горной цепью с дикими и угловатыми очертаниями вершин. Они принимали причудливые, фантастические формы: то казались в виде великана с протянутыми руками и одетого в какую-то мантию, то — в виде зверя, корабля и птицы и, бог весть, чего не создаст фантазия, если долго станешь рассматривать облака на небе. Ветер стих окончательно. Вода в лагуне в массе казалась черной, как чернила. В чистом влажном воздухе отчетливо был слышен каждый звук. Вверху над головами быстро пронеслись один за другими два табунка уток. Их не видно... Слышно только, как одна стайка с шумом опустилась на воду совсем близко от берега. Кто-то охотился... Это подхватило и широко разнесло звуки выстрела. Испуганно поднялись две цапли и, оглашая криками, полетели по направлению к болоту. Последняя полоска угасающей зари становилась все тоньше, все краснее и слабее, а в воздухе и на земле — все темнее и темнее...

Но вот, далеко, на той стороне лагуны на воде мелькнул огонек. Мелькнул и пропал... и снова вспыхнул. Он то замирал, то горел ярким пламенем и длинной светлой полосой отражался в воде через всю лагуну. Отблеск огня начинался внизу, дрожал, волновался и как будто по ступенькам взбирался вверх. Огонек этот двигался вдоль берега и медленно приближался к устью. Прошло много времени, прежде чем

можно было различить улимагду (орочская речная лодка), яркий факел сбоку и человеческую фигуру на носу ее. Человек держал в руках острогу и опирался ею в дно реки¹. Через несколько минут подошла лодка. При свете горящего смолья и бересты обрисовалась коренастая фигура Карпушки. Это он лучил рыбу. На дне улимагды лежало два тайменя и несколько штук зубатки.

Удивительный человек! Когда он успел все это сделать: и починить лодки, и съездить за дровами на японскую рыбалку, сделать факелы для лученья и наколоть рыбу?

На другой день мы поехали дальше...

XXIX

В воздухе было еще темно, а на востоке небо уже светилось и бледнело.

Месяц был на исходе. В чистом утреннем воздухе неполный диск его серебрился и, казалось, тоже становился прозрачнее и светлее. Ярко блестели большие звезды и быстро угасали одна за другой, точно опасаясь, что солнечные лучи могут застигнуть их еще на небе. Обильная роса пала на землю и сильно смочила водой и траву, и кусты, и деревья. Всюду кругом царила удивительная тишина... Люди еще спали тем сладким утренним сном, который в эти часы всегда особенно крепок, и с которым так не хочется расставаться. Костры давно уже погасли и не давали более тепла, спящие жались друг к другу и плотнее заворачивались в одеяла.

Но вот на крайнем восточном горизонте появилась тоненькая багрово-красная полоска света, предвещавшая скорое появление солнца.

Кому приходилось бывать в это время в поле, в лесу и на море, тот, вероятно, видел, как радостно встречает рассвет все живое. Две камешки копошились в воде около берега, они постоянно ныряли и доставали что-то со дна реки. На стрежне плескалась рыба... С дальней сухой лиственницы красиво снялся большой орел. Широко распластав свои могучие крылья, он медленно полетел над рекой в поисках за добычей. Особенную жизнь проявляют мелкие птицы: давно уже длиннохвостые синицы бегали у воды, прыгали с камня на камень и грациозно покачивали своими долгими хвостиками. Не в меру суетились и поползни; они быстро лазали по стволам деревьев в разных направлениях и торопливо, внимательно заглядывали под кору, за каждый сучок или листик. В лесу застучали дятлы; появились пеночки, камышовки и свистели...

На биваке заметно тоже движение. Первым всегда просыпается очередной артельщик. Стряхнув с одеяла налетевший от костра пепел, он наскоро обулся и, ежась от холода, стал усиленно раздувать ртом уголья и подкладывать дрова в

костер. Тотчас появился дымок, а через несколько мгновений дрова уже горели ярким пламенем. Артельщик повесил над огнем чайник и стал будить товарищей...

Услышав шум и заметив людей, уточки перестали нырять. Оглядываясь назад и по сторонам, они торопливо поплыли на другую сторону реки, где опять занялись купаньем, но уже не так беззаботно, как раньше: вынырнув из воды, они каждый раз встряхивались, приготавливались к полету и с беспокойством озирались, не грозит ли им опасность с противоположного берега.

Люди идут мыться прямо к реке. Среди них слышны смех и шутки. Орочи давно уже не спали. Из дымовых отверстий, сделанных в крыше их балаганов, подымался дымок. Около одного ближнего балагана на земле, сидя на корточках, орочка чистила на доске рыбу. Две молодые собаки сидели против нее, и, наклонив набок свои востроухие головки, внимательно следили за движениями рук орочки и ловко подхватывали на лету брошенные им подачки.

Дальше с нами Карпушка не поехал, а послал вместо себя другого ороча — Савушку, человека уже немолодого, очень молчаливого и тихого¹. Все грузы были уложены в лодки еще накануне вечером, чтобы утром не было проволочки. Наскоро напившись с сухарями чаю, мы не мешкая тронулись в путь, памятуя совет Карпушки: добраться до мыса Успения поскорее.

Когда солнце взошло, мы были уже далеко от Копи и, не подходя к берегу, остановились на короткий отдых. Море «дышало», как выражаются моряки. Широкая, пологая зыб чуть заметно колебала спокойную поверхность воды и медленно и плавно подымала и опускала лодки на одном и том же месте.

Люди стали закуривать и оправляться, начали передвигать сиденья, перекладывать поудобнее груз и меняться веслами.

В свежем воздухе дышалось легко, свободно...

При утреннем восходе солнца, морское побережье было очень красиво: как в колоссальном kaleйдоскопе одни картины безостановочно сменялись другими... Днем этого не увидишь. Описать их нельзя. Не всякий художник сумеет и передать их красками.

Взошедшее солнце разом осветило и воду, и берег, и лес, и горы. Кое-где по долинам держался еще туман. Точно злой дух, застигнутый на месте преступления, он жался, клубился и прятался в тень, стараясь поскорее укрыться от страшного, непримиримого и сильного врага своего — солнца.

Ороч не обращал внимания на красоты природы; чувство эстетики в нем было мало развито². Он давно уже привык и к морю, и к горам, и к туману — все это для него было так обыкновенно и естественно, и он никак не мог понять, чем мы восхищались и на что смотрим с таким удовольствием. Его за-

нимало другое. Он молча стоял на руле и, прикрыв рукой глаза от солнца, пылливо всматривался в чернобурую полосу на море. Около 9 час. утра лодки пришли на мыс Песчаный, а к 12 часам достигли и реки Аку — до мыса Успения было недалеко.

Между тем виденная на горизонте черная полоска постепенно все увеличивалась в размере и все более и более захватывала спокойную гладь моря. Ороч объяснил нам, что черная полоска — это волнение и ветер, дующий навстречу, и потому надобно торопиться. В этом месте морской берег представляет скалистые обрывы. Кое-где у подножия их есть узенькая намывная полоса прибоя, но она заливается водой даже и во время небольшого волнения. Рассчитывать пристать к ней нельзя. Люди могли бы еще взобраться по круче на берег, но лодки и грузы должны были бы немедленно погибнуть.

Стрелки налегли на весла, и лодки пошли быстрее. Через полчаса ветер начал дуть гребцам в затылок, и появившаяся беспорядочная зыбь давала знать, что и самое волнение уже недалеко. Действительно, скоро нос лодки стал бить по воде, сбоку у бортов стали вздыматься острые гребни волн. Грести становилось все труднее — встречный ветер все усиливался, становился порывистым и задерживал лодку. Море почернело. Кое-где по волнам замелькали уже белые, пенистые султаны. Вот и мыс Успения! Еще несколько сот шагов и мы в безопасности. Люди употребляли все усилия, чтобы пройти это расстояние, обогнуть мыс и войти в бухту. Становилось плохо. Отбойная волна от берега, встречая волны, идущие с моря, сталкивалась с ними и образывала в этом месте «толчею». Лодку стало захлестывать, пришлось откачивать воду. Наш ороч попрежнему стоял на руле и, видимо, нисколько не волновался: ни один мускул не дрогнул на его неподвижном, бесстрастном лице. Эти люди удивительно умеют владеть собой! Наконец, мыс пройден... Вдруг нашим глазам представилась странная картина — огромный, разбитый пароход был около самого берега. Волны неистово бились о его нос, бока и высоко вздымались кверху. Еще несколько минут, еще несколько взмахов веслами, и лодки наши подошли к погибшему судну и встали под его прикрытием с подветренной стороны к борту. Люди облегченно вздохнули. Опасность миновала...

Пароход стоял носом к северо-востоку, несколько под углом к берегу, прибой за ним был не так силен, и потому вытащить лодку на берег удалось нам без особых затруднений.

Карпушка был прав. Ветер поворачивал с юга, становился очень резким и порывистым. После полудня небо заволкло тучами, и пошел крупный дождь. Время было осеннее — люди промокли и сильно озябли. На берегу валялось много железа, снятого с разбитого парохода. Наскоро была поставлена маленькая палатка. В защиту от дождя пошли листы железа,

доски и т. д. Люди стояли у костра, протянув к огню руки, другие, расставив ноги и поворотившись спиной к костру, старались обогреться и обсушить рубашку. Сухое белье и кружка горячего чая в таких случаях доставляют неизъяснимое наслаждение: приятная теплота согревает ооченевшие члены, зубы перестают стучать, лихорадочная дрожь исчезает сразу и пережитые невзгоды забываются тотчас.

К вечеру дождь перестал, но ветер дул с прежней силой. Приходилось волей-неволей оставаться здесь на ночь и ожидать, когда стихнет непогода.

«Хедвинг» разбился лет 15 тому назад. Это был норвежский пароход совершенно новый, только что спущенный на воду и только что прибывший на нашу дальневосточную окраину. Зафрахтованный торговым домом Чурина и К°, он с различными грузами шел из Владивостока в Николаевск. В непогоду, во время густого тумана «Хедвинг» сбился с пути и выскочил на камни около мыса Успения. Попытки снять его с камней не привели ни к чему, и судно осталось стоять около берега и по сие время, частые бури и сильное волнение довершили его разрушение.

В прошлом, 1908 г., пароход еще раз пытались снять Гепнер и Карпушевский; затратили на это дело около 10—12 тыс. руб. и вынуждены были бросить судно в том виде и на том же самом месте, как оно стояло и раньше.

И немудрено! 15 лет пароход брошен в море на камнях близ берега. Днище его занесло песком и камнями. Уж не говоря о сильном разрушении его корпуса деятельностью волн во время прибоа, так и химическое действие морской соленой воды не могло не отозваться разрушительно на листах железа, давным-давно лишенных всякой окраски. С виду корпус еще крепок, но внизу, там, где были машины, дно пробито, протерто. Оно проржавело и развалилось. Судно стоит, накренившись набок. Две мачты без верхних частей и с обрывками снастей, вскрытая палуба, оторванные листы железа, гремящие при каждом порыве ветра, всюду разбросанный каменный уголь, поломки и общий развал и хаос, царящий на всем судне,—придают ему очень печальный облик.

Каждый раз, глядя на такое разбитое судно, невольно жалеешь погибших капитанов; становится жутко при мысли о самой катастрофе... Разбитое брошенное судно! Ни души людей... Точно гигантский труп, выброшенный морем на берег! Люди ушли, оставив его на произвол стихии. Явились хищники и все, что можно было разграбить, унесли с собой.

На берегу валяются части машин. Они заросли травой; многие из них занесены песком. Видно, что судно старались облегчить, торопились снять все тяжелое. Грузы и уголь бросались прямо в воду. Впоследствии уже и машины были свезены на берег, да так и оставлены около самой воды под при-

смотром дождя, морских брызг и туманов. Теперь они проржавели и никуда уже не годятся.

Более мелкое имущество (гайки, болты, шестерни, поршни, насосы и станины) было сложено в наскоро сделанные из подручного материала сараи. Но это было очень давно: давно уже сюда никто не заходил и не поправлял разрушающихся построек.

Сараи развалились, заросли травой и погребли под своими обломками проржавевшие материалы.

Несмотря на большую и ровную глубину Японского моря и Татарского пролива, плавание около русского побережья вдоль берегов Уссурийского края не только в то отдаленное время, к которому относится гибель парохода «Хедвинг», но даже и теперь еще сопряжено с большими затруднениями и риском. Особенно тяжело приходится морякам во время ночных штормов; если таковые сопровождаются еще и туманами, необходимо укрыться в какую-нибудь гавань от разбушевавшейся непогоды и в то же время опасно подходить наугад к берегу. Приходится руководствоваться указаниями часов и лага, а эти показания сплошь и рядом бывают ошибочны, приходится, делать предположения и угадывать по карте свое местонахождение, приходится «щупать» берег до тех пор, пока не наткнешься на искомые, желанные «ворота». Тут нужно быть до крайности осторожным. Даже тому моряку, которому приходилось много раз совершать рейсы между Владивостоком и заливом Де-Кастри, которому хорошо знакомо все побережье, и то случалось ошибаться — он не мог ориентироваться, и при всем желании зайти в гавань он вынужден был проходить мимо того или другого залива. Теперь представьте себе положение командира судна, который попал в эти места первый раз в жизни и на беду которого в дороге застигли пароход туман и непогода. Капитан 2-го ранга Тигерстедт, много лет проживший на Дальнем Востоке и хорошо знающий условия плавания вдоль берегов Уссурийского края, полагает, что на склонение судового компаса немалое влияние оказывают магнитные железные руды, находящиеся близ берега моря. Этому обстоятельству тоже надо отвести должное место в истории гибели судов у русского побережья³.

Наконец, и самые карты, которыми руководствуются моряки, в некоторых местах составлены неправильно. Например, часть побережья севернее залива Опричник более выдается в море, чем это показано на карте, а мыс Туманный (около мыса Золотой Суфрен), наоборот, на картах более выдвигается к востоку, чем это есть на самом деле.

Прочитав все вышеизложенное, гибель «Хедвинга» и других пароходов становится понятной... Нужны маяки.

На всем протяжении от Владивостока до Императорской Гавани на обычном пути следования пароходов построены

три маяка (Аскольдский, Поворотный и Низменный), и все они находятся между Владивостоком и заливом Св. Ольги и ни одного нет между этим последним пунктом и Императорской Гаванью. Гибель парохода добровольного флота «Владимир» принудила Главное гидрографическое управление ассигновать деньги на постройку маяка Св. Николая, но гибель трех судов в районе между заливом Св. Ольги и Императорской Гаванью осталась забытой.

В самом деле, кроме упомянутого «Хедвинга», в 1906 г. пароход «Викинг» выскочил на берег немного южнее залива Опричник, другой пароход приблизительно в то же время, когда погиб и «Хедвинг», разбился о береговые утесы севернее бухты Терней, недалеко от устья реки Адими и реки Худя (фанза Дун-Тавайза).

Этот перечень погибших трех пароходов красноречиво говорит о необходимости поставить хоть какой-нибудь маяк, где-нибудь около мыса Туманного или в другом месте, на половине пути к Императорской Гавани.

Отсутствие сирен, колоколов или пушек у входа в залив Св. Ольги, Владимира, Джигит и в Императорскую Гавань также доставляет морякам немало хлопот в разыскивании этих пунктов во время туманов. Постройка маленьких деревянных домиков при одном стороже и постанковка колокола в этих местах у самого входа в гавань стоит гроши, а между тем это очень облегчило бы плавание и, быть может, предотвратило бы случайную аварию с судном, могущую произойти так близко от стоянки.

Устройство механизма, который при помощи сильной спиральной пружины, заводимой раз или два в сутки, сам бы мог автоматически делать известное число ударов по подвешенному рядом колоколу с известными промежутками времени, очень несложно и особых денежных затрат на это не требуется.

В частном разговоре жалобы моряков на отсутствие таких звуковых сигналов у входа в гавани и заливы приходится слышать постоянно.

XXX

Около самого мыса Успения есть небольшое мелководное озеро с топкими и болотистыми берегами, отделенное от моря только узкой намывной косой, состоящей из песка и гальки. Орочи называют его Аку. Оно не более версты в окружности. Две маленькие горные речки впадают в дальнем углу его: одна из них течет с юго-запада, а другая с севера. Густые хвойные леса спускаются с гор в низины, тянутся по долинам и теснятся к самой воде так, что речек совершенно не видно, только у болот, что с левой стороны озера, ель и пихта

уступают место тощей и корявой лиственнице с засохшими вершинами, имеющими какой-то тоскливый и болезненный вид¹.

Летом на Аку никого нет, осенью же и зимой сюда приезжают орочи. Здесь условия для жизни их благоприятные. В озере в глубоких ямах всю зиму держится кета и кунжа; охота на лосей, медведей и кабарожку, обилие морской птицы, убой морского зверя и добычливое соболевание издавна привлекают сюда инородцев даже с Тумнина.

Когда мы приехали, здесь была уже одна их семья. Орочи тоже только что прибыли и жили еще временно в палатке. Мы пошли к ним в надежде найти у них мясо или купить рыбу. Как только мы стали подходить к стойбищу, привязанные на цепи ездовые и охотничьи собаки встретили нас так недружелюбно и таким неистовым лаем, что можно было подумать, что они никогда, должно быть, не видели никого другого, кроме своего хозяина. Из палатки поспешно выбежал человек. Это был старик лет 60, невысокого роста и с большой для ороча седой бородой. Одет он в типичный ороцкий халат (тэга) и унты из рыбьей кожи, на голове старика не было никакого покрывала. Халат его не был застегнут и он, запахнувши полы одна на другую, придерживал его на груди левой рукой. На красивом лице его была выражена тревога, но, узнав в чем дело, он прикрикнул на собак, лицо его улыбнулось, беспокойство исчезло, и он с любопытством начал нас рассматривать. Еще более пронзительный лай неся из палатки. Старик предложил пройти в его временное жилище. Мы вошли, вернее, вползли на руках и коленях под намокшие от дождя полотнища, сшитые из китайской дрели и натянутые на поставленные кое-как доски и палки. Посередине палатки горел огонь. Дым не успевал выходить в отверстие, нарочно для этого оставленное вверху; клубился, ел глаза и потому сразу принудил нас опуститься на землю. В котле, подвешенном над костром на сучковатой палке, варилась жидкая рисовая кашка с икрой (любимое ороцкое блюдо). Штук шесть маленьких белых гладкошерстных комнатных собачонок выходили из себя, лаяли, задыхались, хрипели, бросались на людей и хватали зубами за полы одежды и за обувь. Орочки держали их на руках и старались успокоить ласками. Наконец, собаки утомонились, и явилась возможность разговаривать людям.

Вся семья состояла из четырех человек: самого старика Игнатия (так звали нашего нового знакомого), его сына и двух женщин, из которых одна приходилась матерью, а другая женой молодого ороча, ушедшего на охоту.

Старик оказался очень разговорчив. Из его слов выяснилось, что они были последними чистыми орочами, что далее к югу живут уже «кяка» и что первые кекари — это отпрыски орочей, близко к ним родственные, многочисленные, но мало известные — живут на реке Ботчи. Он охотно говорил нам о

рыбной ловле, об охоте, рассказывал, как раньше они жили хорошо, что теперь стало жить труднее и что поэтому он хочет навсегда перебраться на Аку и жить здесь постоянно.

«Наша раньше Хади * живи,— говорил Игнатий.— Твоя понимай: Хади? Теперь совсем не могу так живи: рыбы мало, соболя нету, бую (лось, сохатый) русские далеко гоняй; золото ищай, лес тоже руби. Совсем наша люди ходили другое место. Какой люди Тумнин ходи, какой Уй ходи, какой Хоюль, какой Хунгари — моя сюда ходи. Теперь моя гоняй — куда наша ходу!».

Старик задумался и покачал головою, грусть выразилась на его лице: детство, дом, могила отцов — все это брошено, оставлено там без призора на произвол судьбы, на расхищение!..

Разговор постепенно перешел на другую тему.

На вопрос, зачем они завели себе таких собачонок, которые никакой пользы им принести не могут, женщины поспешно отвечали, что собак этих им подарили японцы и что они их очень любят, потому что они очень маленькие, больше не растут, что они боятся дождя, холоду и т. д.

«Другой орочи такой собака нету» — (они делали ударение на последнем слог); говоря это, орочки гладили собачонок, ласкали их и прикрывали полами своих халатов.

«Такой собака живи, кушай, спи мало, мало. Такой собака работай не надо».

Напившись чаю, мы все вместе вышли из палатки на свежий воздух. Цепные собаки не могли выносить нашего присутствия; они ворчали, рвались с привязи, скалили зубы и, не обращая внимания на присутствие своего хозяина, продолжали лаять.

Стрелки стали проситься на охоту. Игнатий начал отговаривать. Он предупреждал, чтобы они не ходили близко к озеру или по берегам речек, потому что там у него поставлено много лочков (самострелы) на медведей, которые приходят каждую ночь к воде лакомиться мертвой рыбой. Говорил ли он правду или ему просто не хотелось, чтобы русские распугивали дичь «в его собственных заповедниках», но только благоразумие требовало воздержаться и обуздать свои охотничьи страсти, а поэтому вместо охоты на зверя решили пойти по птице.

На озере держалось много уток; они постоянно перелетали с места на место: то они улетали так далеко, что казалось более не вернуться, то вдруг неожиданно снова возвращались обратно, кружились в воздухе и с шумом опускались опять на воду. Это подзадоривало людей. Они взяли у орочей лодку и поехали на охоту. Но утки не допускали их близко, и едва лодка подходила на расстояние ружейного выстрела, они спер-

* Императорская Гавань.

ва отплывали, затем снимались все разом и, отлетев немного, снова садились около противоположного берега.

Охотники выпускали один за другим заряды, и чем более они горячились, тем более «мазали» и тем менее шансов было на успех. Наконец, одна из уток была ранена. Она поднялась, полетела было к морю, но скоро опустилась в озере недалеко от берега. Бросив остальную стаю, стрелки поплыли за ней, но она постоянно ныряла и не подпускала близко лодку. Неизвестно, долго ли продолжалась бы эта стрельба и погоня за подранком, если бы на выручку не явился Игнатий.

Заметив, куда плывет утка, он, схватив острогу, побежал по кустам к протоке. Как только утка ныряла, он подвигался вперед, как только она всплывала на поверхность воды, он приседал на одно колено, ждал и не шевелился. Раненая птица направлялась в протоку, намереваясь уйти в море. Тут и ждал ее Игнатий. Заметив врага, утка нырнула в последний раз и быстро с течением пошла под водой. Сверху с крутого берега, сквозь чистую прозрачную воду хорошо было видно, как утка, вытянув голову и шею и сложив крылья вдоль тела, управляя только одними ногами, торопилось перескочить опасное место. Она думала, что вода прикроет и спасет ее от человека. Вдруг ороц поднял руку, коротко взмахнул ею назад и с силой бросил острогу в воду. Булькнула острога, мелкие пузыри вспенились на поверхности. Острога всплыла и на острие ее беспомощно билась птица.

Пришлось довольствоваться одной рыбой, благо в ней не было недостатка.

XXXI

На другой день утром ороци не решились ехать. Старик Игнатий советовал обождать восхода солнца. Приметы были какие-то неопределенные, сбивчивые: облака как-то шли вразброд, одни шли к востоку, другие им навстречу, иные казались совсем неподвижны; по морю кое-где темнели полоски ветра, кружились вихри... Нечего делать, приходилось подчиняться и ждать погоды...

Известно, что ничего нет хуже, когда пригодишься к отъезду, снимешь палатку, уберешь все, уложишь вещи и вдруг тебе объявляют, что надо подождать чего-то. Ждешь... Время тянется удивительно долго; чувствуешь себя выбитым из колеи, начинаешь высказывать свои предположения, делать расчеты, в десятый раз принимаешься расспрашивать вожатых о причине задержки. Поэтому можно себе представить, с какой радостью мы приняли объявление, что скоро можно будет ехать, что к вечеру море будет тихое и что придется плыть и ночью, потому что, кто знает, какая завтра погода.

Наконец, мы тронулись. Было около четырех часов полудни. Так как одна из наших лодок была очень стара и силь-

но текла, мы оставили ее Игнатию, а взамен ее взяли у него такую же другую лодку, но и она оказалась не лучше первой: рассохшаяся она цедила, как решето, — приходилось постоянно откачивать воду и законопачивать щели тряпкой.

Море было сравнительно спокойно, только сильные и короткие порывы ветра сразу и неожиданно набегали то спереди, то сбоку и мешали грести.

Издали кое-где показывались нерпы. Выставив на поверхность воды блестящие на солнце гладкие и мокрые свои головы, они с любопытством разглядывали лодки, иногда плыли сзади, ныряли и вновь появлялись уже совсем близко.

— Раньше нерпа здесь много было, — говорил ороц Савушка. — Наша постоянно сюда ходи — стреляй. Теперь мало: один, два есть — много нету!

— Отчего же теперь нерп мало? — спросил кто-то из стрелков.

— Не знаю... Так! — отвечал он равнодушно. — Я думаю постоянно люди ходи, люди постоянно стреляй, гоняй, постоянно пугай. — Его не хочу тут живи. Сюркум * нерпа много. Твоя понимай. Сюркум? — он указал рукою на север. — Наша орочи туда каждый год ходи. Много убей; один лодка сто, больше, таскай!

Он весь оживился, глаза его заискрились — врожденная охотничья страсть в нем заговорила.

Вдруг одна из нерп вынырнула так близко от лодки, что люди едва не задели ее веслом по голове. Сильно испугалась она и снова проворно нырнула в воду. Стрелок схватил ружье и выстрелил в то место, где только что была голова животного, — пуля булькнула и всплеснула воду...

А нерпа снова всплыла и появилась уже дальше от лодки: с недоумением глядела она своими большими черными глазами и, казалось, не понимала, в чем дело.

Снова выстрел и снова промах... На этот раз нерпа исчезла совсем: она поняла опасность, которая ей угрожала.

Стрельба по нерпе — очень тонкая стрельба. С берега стрелять несравненно легче; с лодки попасть в голову ее очень трудно, трудно потому, что и цель, и стрелок постоянно качаются, и много выпустит зарядов опытный стрелок прежде чем удастся ему убить или ранить животное. Кстати, несколько слов о нерпе.

Встречающиеся у берегов Уссурийского края нерпы, порочски «хоота» (буквы «о» произносятся глухо с оттенком буквы «ы»), относятся к семейству так называемых «ушастых тюленей». Взрослое животное чаще всего весит пуда два-три, не более, но некоторые экземпляры достигают и пяти-шести пудов. Орочи говорят, что сильный человек один такое живот-

* Мыс Сюркум на пути к заливу Де-Кастри.

ное поднять не может. Измерения, сделанные с двух убитых нерп обыкновенного среднего размера, дали следующие цифры:

№ п. п	Длина тела	Наибольшая окружность	Окружность тела	Окружность головы	Длина головы	Длина хвоста
1	4 ф. 9 д.	3 ф. 4 д.	2 ф. 1 д.	1 ф. 9 д.	11 д.	6 д.
2	4 ф. 1 д.	2 ф. 8 д.	1 ф. 11 д.	1 ф. 5 д.	9 д.	5 д.

Дополнительные сведения, касающиеся главным образом конечностей, таковы: длина переднего лапа 8,5 дюйма, длина заднего 1 фут 2,5 дюйма; ширина переднего лапа, когда он развернут, 6,5 дюйма; ширина заднего 1 фут 2 дюйма. Затем длина шеи 2,5 дюйма; окружность тела у хвоста 1 фут 4 дюйма; окружность под передними лапами 2 фута 6,5 дюйма и, наконец, окружность головы на конце морды 8 дюймов. В настоящее время в Южноуссурийском крае нерп действительно стало очень мало. Главная причина исчезновения этого животного — массовое его избиение без разбора возраста и пола до и после спаривания (см. ниже). Теперь эти ластоногие держатся по побережью Татарского пролива, севернее Императорской Гавани.

Тонкие кишки нерп очень длинны. У первой нерпы они были 28 м 75 см, у другой 20 м 10 см. Орочи рассказывают, что у большой нерпы кишки бывают длиной более 30 сажен. Вероятно, цифра эта преувеличенная.

Тело молодых (новорожденных) нерп покрыто шерстью белого цвета. Шерсть эта, длиной в $\frac{3}{4}$ дюйма, густая, мягкая, похожая на пух. Если ее выщипать, внизу становится видной блестящая пятнистая шкура животного, покрытая гладкой, но грубой и жесткой шерстью. Приблизительно через месяц белая пушистая шерсть вылезает; к этому времени под кожей нерпы образуется достаточно толстый слой жира, предохраняющий тело от холода.

В погоне за рыбой нерпы входят и в устья рек. Особенно часто их можно видеть в реках в то время, когда лососевые рыбы идут в пресные воды метать икру.

Если в море буря, нерпы стараются укрыться в бухтах, защищенных от ветра и волнения, в противном случае они погружаются на дно, изредка всплывают на поверхность, высоко поднимаются из воды, задрав кверху свою морду, стараются побольше набрать в себя воздуха, побольше надышаться.

Если нерпа будет убита в морской соленой воде, она будет плавать на поверхности, если же ее убить в опресненной воде (лагуны или близ устьев больших рек), она тонет.

Вполне понятно: тело нерпы приспособлено к жизни в такой плотной среде, какой является соленая морская вода;

поэтому вес ее тела к весу такого же объема воды будет в таком состоянии, что животное находится, так сказать, постоянно во взвешенном положении.

Изменение веса тела нерпы в ту или другую сторону было бы крайне невыгодно для животного, потому что оно не могло бы с такою легкостью плавать, подыматься на поверхность и опускаться опять в глубину, как это мы видим теперь.

Когда животное будет убито, в его легких всегда остается немного воздуха, и потому оно плавает; в пресной же, менее плотной воде равновесие сильно нарушается и нерпа тонет¹.

Орочи знают это и потому, если им приходится охотиться в устье реки, то они стараются бить зверя тогда, когда он будет на мелком месте, поближе к берегу,— в таком случае убитое животное поднимают со дна острогой, нарочно для этого с собой взятой.

Охота за нерпами начинается с марта месяца. В это время нерпы выходят из воды «гоняться»; они взбираются на лед и греются на солнце. Такая охота бывает очень добычливой. Еще издали, заметив животных на белом онегу, орочи скрадывают их, обходят, прикрываясь неровностями льда, и в этом случае бьют наверняка. Рев нерпы очень неприятен — он похож на сильное звучное хрипение. Орочи с удивительным искусством подражают ему, заставляя этим животное дольше держаться на воде, пока товарищ целится из ружья, а иногда даже удается приманить ее и поближе. Лучшие места охоты: Бохи («х» с оттенком «г»), Хоне, Удзунгари и бухта Старика. Туда ежегодно весной отправляются орочи на своих лодках и бьют нерп в большом количестве. Если охота была удачной, одна лодка привезет до 100—150 голов зверя и более.

Мясо нерп совершенно черного цвета с фиолетовым оттенком. Иногородцы употребляют его в пищу только тогда, когда нет другого; обыкновенно же они берут от убитого животного только жир и шкуру, а мясо бросают. Разрезая нерпу вдоль по брюху, они снимают с нее кожу вместе с жиром, стараясь вынуть только тушу. Уже дома ороческие женщины очищают кожу, снимают жир кусками и топят его в котле. Когда он немного остынет, его сливают * в нерпичий желудок, взятый от того же убитого животного и завязанный с одного конца. Шкварки пожираются людьми. Именно «пожираются!» Глядя с какой жадностью они на них набрасываются, другой термин, право, подыскать трудно.

Орочи чрезвычайно суеверный народ. Вся жизнь их наполнена разными приметами, условностями и описаниями. Этим они себе отравляют жизнь. Так, например, когда ороч снимает шкуру с нерпы, нос обходят, оставляя его на туше (то же

* Нерпичий топленый жир не стынет даже и во время больших морозов.

самое некоторые делают и с соболем); тронуть нос животного — худая примета; охотник, позволивший себе это, мало того, что сам лишается в будущем добычи, но он принесет непоправимое зло и своим товарищам — односельчанам. Нерпы совсем уйдут из этих мест навсегда и ни за что не будут жить там, где они нашли убитое животное с отрезанным носом. Жир идет в пищу, а кожа на продажу от двух до трех рублей за штуку. Кожи скупают больше китайцы и русские, японцы их не берут. Орочи употребляют кожу на торбаза, унты (обувь) на чехлы к ружьям и на шаманскую короткую юбку — единственный костюм, надеваемый ими поверх обыкновенной одежды в таких случаях.

XXXII

Было далеко за полдень... Несмотря на это, наши проводники орочи объявили, что нужно укладывать лодки и собираться в дорогу. Или они торопились возвратиться поскорее обратно на реку Копи, или у них были другие свои какие-нибудь соображения и расчеты (кто их знает), но, во всяком случае, они настаивали на том, чтобы не задерживаться и ночью.

Через четверть часа лодки наши были уже в дороге...

Погода стояла удивительно тихая. Море дремало... Дальние мысы, затянутые слабой синевато-белой мглой казалось отделились от земли и повисли в воздухе; казалось, будто небо узкой полосой вклинилось в берег и отделило его от моря.

Часа через три пути решено было сделать небольшой привал в одной из маленьких бухточек, которыми изобилует эта часть побережья. Наши собаки, как только заметили, что лодки подходят к берегу, стали выказывать беспокойство: они подымались на скамейки, вставали на борты лодок и визгом, и лаем выражали свое нетерпение. Наконец, они не выдержали, прыгнули в воду, поплыли к берегу и, выбравшись на отмель, стали носиться по песку, как сумасшедшие. Людям тоже надоело сидеть в лодке. Все с удовольствием вышли на берег, чтобы размять онемевшие от долгого сиденья члены. Кто начал играть с собаками, кто стал бросать вдоль по воде плоские камни и любоваться всплесками, которые оставляла позади себя ловко пущенная галька; некоторые просто растянулись на песке и беспечно поглядывали в бесконечную даль моря и беспрельдно глубокое небо...

«Садись!» — раздается команда; люди поднимаются, окликают собак и идут к лодкам...

Было уже под вечер. Солнце быстро склонялось к горизонту... На воду от гор легли длинные тени. Сразу стало прохладнее...

Морские птицы все вообще рано садятся на ночь. Первыми успокаиваются топорки, чистики и каменушки. Как-то вдруг их

не стало видно. Они забились в трещины камней и завтра рано на заре проснутся первыми. После нырков перестают летать бакланы. Они садятся на окруженные водой камни и на карнизы мысов, на такие места, куда не могли бы проникать хищники вроде соболя, хорька или лисицы. Этих птиц очень много. Кажется, будто камни кто-нибудь нарочно устали кеглями или длинногорлыми кувшинами. Тут же среди бакланов можно видеть и чаек. Своей снежной белизной они резко выделяются из среды черных птиц. Бакланы их не трогают и как будто совершенно не замечают их присутствия. Одни только стрижи все еще с криками носились около берега, и чем ниже опускалось солнце, тем выше они поднимались в воздух. Для них еще не скоро настанет ночь, они еще не скоро успокоятся.

Был один из тех чудесных вечеров, которые в это время так редко бывают в прибрежном районе. Внизу, на земле было уже темно, а сверху небо все еще не скрылось за горизонтом; робко, нерешительно, одна за другой стали показываться звезды.

Часов в восемь вечера сделали привал снова — лодки вошли в маленькую бухточку и пристали к берегу. В таких случаях людям не надо говорить, что делать: они сами знают, что нужно разложить костер и варить чай возможно скорее.

Через минуту вспыхнуло веселое пламя и сразу осветило все то, что было от него поблизости: лица людей, собак, прибрежные утесы, нос лодки, вытащенной немного на берег, и конец бревна, бог знает откуда сюда занесенного водой. Кругом стало как будто вдвое темнее...

Все хотят пить и потому смотрят на чайник. Более нетерпеливые, стоя на коленях и прикрыв рукой лицо от жары, подкладывают сучки и мелкий хворост и ртом стараются раздуть уголья сильнее.

— Кипит! — торжественно заявляет один из жаждущих.

— Где сахар? Кто укладывал? — волнуется артельщик.

— Тащи хлеб, — кричит другой кому-то в темноте, кто роется в лодке, не может что-то найти и потому бранится.

Наконец, все уладилось. Люди пьют чай. Настроение сразу изменяется к лучшему.

Едва чаепитие было кончено, как приказано было тотчас же снова укладывать все на свое место. Нижние чины, ослепленные резким переходом от света к тьме, идут, выткнув вперед руки, и ощупывают ногами землю, чтобы не оступиться и не попасть в воду. Лодки стали отходить от берега. Некоторое время слышны разговоры и шум разбираемых весел, и затем все опять погрузилось в величайшую тишину ночи. На месте прежнего костра остались одни только красные уголья. Откуда-то налетел короткий порыв ветра, снова раздул пламя, подхватил искры и понес их наискось к морю.

Скоро лодки завернули за угол мыса, и огня не стало видно...

Мы шли вдоль берега, не желая очень к нему приближаться из риска разбить лодки о камни и опасаясь далеко уходить в море, чтобы не заблудиться.

Морской берег ночью!

Какая мрачная таинственная картина! Краски исчезли. Темные силуэты скал слабо проектируются на сравнительно светлом фоне неба. И утесы, и горы, и море, и берег — все это приняло одну общую не то черную, не то серую окраску. Прибрежные камни кажутся живыми, и кажется, будто они шевелятся и тихонько передвигаются с одного места на другое. Море тоже кажется темной бездной, пропастью. Горизонта нет — он исчез: в нескольких шагах от лодки вода незаметно сливается с небом. Какая знакомая картина!.. Где-то раньше удавалось все это видеть? Невольно вспоминаются Густав Дорэ, «Божественная комедия» Данте Алигиери и «Потерянный рай» Мильтона¹.

Звезды разом отражаются в воде, мигают, колеблются, как будто тонут, уходят вглубь и как будто снова всплывают на поверхность.

По небу мелькнула падающая звезда, оставив позади себя длинную полосу яркого света. Несмотря на то что небо было совершенно безоблачным, в воздухе вспыхивали едва уловимые глазом зарницы. При такой обстановке все кажется таинственным.

Наш проводник ороч, как мраморное изваяние, неподвижно стоял на руле и, «вперив глаза во тьму ночи», казалось, совсем не замечал того, что вокруг него происходило. Неужели чувство эстетики, способность наслаждаться природой свойственны только культурному человеку?! Неужели у этих людей нет чувства и фантазии!².. Бесстрастное лицо рулевого, вся фигура ороча, лодка, сидящие на ней люди — все это удивительно гармонировало с окружающей обстановкой, с мрачными береговыми скалами и с темной водой моря... Как все это опять знакомо?! Невольно вспоминается подземная река Стикс, Харон и души умерших...

В стороне вспыхнул огонек. Это вторая лодка. Кто-то там закуривает трубку. Зажженная спичка осветила на мгновение лицо и руки курящего. Огонь пропал, и лодка снова утонула во мраке.

В такие тихие темные ночи всегда можно наблюдать свечение моря. По мере того, как становилось темнее, вода фосфоресцировала все больше и больше. Как клубы светящегося пара, бежала вода от весел; позади лодки тоже оставалась светлая полоса. Она замирала, вспыхивала и точно вспыхивало разом все море. В тех местах, где вода приходила в быстрое вращательное движение и образовывались маленькие водово-

роты, фосфоресценция была особенно интенсивной. Точно светящиеся насекомые, яркие синие искры кружились с непонятной быстротой, гасли и замирали, как будто тонули в море и исчезали бесследно, и вдруг снова появлялись около лодки, где-нибудь в стороне и снова разгорались еще с большей силой.

Все очарованы этой картиной — у каждого свои думы, свои мысли, свои воспоминания...

«Отчего это светится вода», — спрашивает один из стрелков, но видя, что никто ему не отвечает, он молчит и усиленно налегает на весла. Начала всходить луна. Из-за туч, столпившихся на горизонте, появился сперва красноватый свет, точно зарево от пожара. Наконец, выглянула и сама она, по мере того как подымалась она все выше и выше, светлее и яснее становилась ее задумчивый лик, светлее и веселее становилось в природе... А лодка все еще шла около берега...

XXXIII

Река Бутчи была недалеко. Там, где она впадает в море, береговая линия немного вдавалась в сушу и, если бы не мыс Крестовоздвиженский, бухты не было бы. Это углубление берега носит название бухты Гроссевица. Так это вот та самая бухта, в которой в 1872 г. военный топограф Гроссевиц едва не погиб от голода!..¹

Мы сидели на камнях и смотрели в море. Наше внимание было привлечено двумя предметами: это были две черные точки. Одна из них — дальняя, была на воде, другая — ближняя — на берегу; первая казалась неподвижной, вторая передвигалась в нашу сторону. Через несколько минут стало ясно, что это человек, идущий к нам по берегу. Пока мы варили чай, человек этот подошел настолько близко, что в нем без труда можно было узнать китайца, одетого по-дорожному. В руках у него были палка и топор.

Он объяснил, что он единственный из китайцев, который проник в эти места, что в краю он живет давно, уже более 30 лет, что он все время занимается скупкой пушнины у инородцев, что он подолгу живет среди орочей, знаком с их языком, снабжает их продовольствием, которое завозит сюда на лодке, а подсчет с ними производит зимой по окончании соболевания.

Поговорив немного с переводчиком, китаец встал, взял топор и собрался было итти.

— Куда ты? — спросил его мой переводчик.

— Осмотреть ловушки, — отвечал китаец нехотя.

— Разве ты и сам занимаешься звероловством? — спросил я.

— Да, занимаюсь, — сказал он, — у меня есть билет.

Он полез за пазуху и достал оттуда кожаный самодельный бумажник. Открыв его, он вытянул документ, сложенный в не-

сколько раз и завернутый в бумагу, не торопясь, осторожно развернул он его и подал мне. Это было промысловое свидетельство, выданное владивостокской городской управой на право скупки пушнины и пантов в пределах Приморской области.

Странно! Какое отношение имеет городская управа ко всей Приморской области вообще и к бухте Гроссевица в частности!?

— Приехал я сюда,— продолжал рассказывать китаец,— рано; делать нечего; орочи пошли на охоту, а назад возвратятся они только зимой, к Новому году; вот я и сделал себе ловушки тут недалеко. Чего напрасно терять времени?..

— А много у тебя ловушек? — спросил опять я китайца.

— Нет, немного — ответил он.— Восемьсот будет, а может немного и больше.

Сказав это, китаец поднял свою палку и быстро пошел по направлению к лесу. Видно было, что расспросы эти были ему не по душе.

Вслед за китайцем и мы тронулись в дорогу.

Другая черная точка та, что была на воде, все время находилась на одном и том же месте. По мере приближения к ней она увеличилась в размере и становилась яснее. Казалось, что она как будто немного подвигалась вперед, кружилась и вновь возвращалась обратно. Через час можно было уже ясно различить оморочку и в ней одного человека.

Наконец, мы поровнялись с ней. Это был ороч. Он сидел в лодке на дне ее по-турецки и длинной острогой ощупывал дно моря.

— Что ты здесь делаешь? — окликнули мы его.

— Нерпу ищу,— отвечал ороч.— Моя стрельяй попади — его утонула...

— Может быть, она только ранена, жива и ушла в море,— сказал кто-то из сидящих в нашей лодке.

— Нет, моя хорошо понимай, его пропади есть,— говоря это, указал на большое кровавое пятно, расстилавшееся по поверхности воды позади его лодки.

Мы предложили ему ехать с нами. Ороч тотчас же согласился. У него было одно весло с двумя лопастями с обеих сторон. Держа его перед собой двумя руками, он работал им то правой, то левой рукой по очереди. С поразительной ловкостью он управлялся с лодкой. Легкая, как перышко, она быстро скользила по воде. Надо было видеть, как искусно он увертывался от волн, взбирался на них, нырял между ними, останавливался, дождал нас, опять, словно птица, летел вперед. Он ехал, говорил с нами, а сам все время следил за волной, чтобы она не опрокинула бы его и не накрыла случайно. Наконец, мы подошли к реке. Белая пена отмечала линию бара, отмечала то место, где быстро бегущая пресная вода смешивалась

с морскими волнами. Ороч не пошел в устье, а направился прямо к берегу. Не доходя нескольких саженей до прибоя, он остановился и стал глядеть назад. Наконец, уловив момент затишья, он быстро двинулся вперед и в мгновение ока лодка его вместе с пеной была выброшена на гальку, и в тот момент, когда отливное течение волны готово было утащить лодку назад в море, он выскочил из оморочки, схватил ее за носовую часть, как перышко, поднял ее на плечо, снес в траву и положил на катки дном кверху. Все это было сделано с удивительной быстротой и ловкостью. Неопытный пловец непременно поломал бы оморочку, разбил бы себе колени о камни и вымок бы до последней нитки. Мы подошли к устью, не без труда преодолели буруны — правда, черпнули воды, но все же вошли в реку.

XXXIV

Ботчи была первая наша база, первый пункт к югу, где сложены были наши запасы продовольствия.

Надо было отпустить капинских орочей и нанять другие лодки, поэтому здесь была назначена дневка.

Реку Ботчи орочи называют «Ыкки». Слово «ботчи» есть искаженное название одного из орочских родов «боса» («с» следует произнести с оттенком «ц»). По их рассказам, при устье «Ыкки» давно жили орочи рода «боса». Один раз они поехали в море на охоту за нерпами. В море их застигла буря и они заблудились. Ехали до ночи и в темноте наткнулись на пловучий лед. Тогда они высадились на него и стали ждать, когда стихнет непогода. Ветром их унесло на остров Сахалин, где они живут и по сие время.

Предание говорит дальше: случилось так, что с Сахалина в свою очередь бурей тоже занесло в Уссурийский край двух чужих людей из племени «куйни», похожих на орочей, но говорящих на другом языке*. От них-то они и узнали, что орочи «боса» там за морем живут на чужой земле хорошо и ни в чем не нуждаются. Эти «куйни» (окончание «ни» означает — «человек») не захотели остаться на новом месте и потому, придерживаясь берегов, кружно поехали на Сахалин обратно. Как только доехали они до дому, так сразу заболели и умерли. Тогда все люди поняли, что это бог менял людей. «Боса» послушались бога и стали жить хорошо, а два «куйни» не захотели жить там, где им было указано, и потому были наказаны смертью.

Раньше при устье реки Ботчи японцы постоянно хищничали, ловили рыбу, рубили лес и отправляли его в Японию. Но в один прекрасный день они были пойманы шхуной «Сторож»; часть японцев бежала в горы, а остальные были аресто-

* Вероятно — ороки.

ваны, шхуна их и рыболовные снасти были конфискованы, а лес и все постройки сожжены. Следы этого пожара видны там и по сие время.

К югу от Императорской Гавани риасовый тип берега создал при устьях всех рек лагунные образования. Эти лагуны можно видеть во всех стадиях развития. На Ботчи, например, такая лагуна заполнилась наносами реки, дренажировалась ее притоками и обсохла. Процесс закончен. Река текла вдоль береговой плотины и имела выход в море у левого края долины, пока сильное наводнение не прорвало этот вал около мыса Крестовоздвиженского. В прежнем устье течение ослабло и море тотчас заметало его песком. Эта часть реки превратилась в слепой рукав, отчего береговой вал стал выступать еще яснее. Быть может, река несколько раз уже меняла место своего выхода в море, вероятно и впредь она будет еще блуждать то к правому, то к левому краю долины. Горы, окаймляющие долину реки Ботчи, покрыты густым хвойным лесом. Около моря он корявый, замшистый. Внизу по болотистым местам — длинные тощие лиственницы и березняки, около реки растут в изобилии ольшаники в виде отдельных деревьев и густая кустарниковая поросль. На картах сорокаверстного масштаба река Ботчи показана большой рекой, берущей начало с водораздельного хребта Сихотэ-Алинь. Это неверно, она не так велика. Бассейн ее охватывается со всех сторон притоками рек Самарги и Копи. Поэтому с Ботчи перевалить непосредственно к Уссури и Амуру никак нельзя.

Река Ботчи имеет следующие притоки: Большая Иоаса, Малая Иоаса, Кукчи и Дулингья. Длина всей реки 68 верст; ширина в нижнем течении 15 сажен и средняя глубина 6 футов; течение быстрое — 10 верст в час; вода чистая, холодная; дно каменистое. Вверх по воде в лодке на шестах можно подняться шесть дней, считая по 10 верст в сутки. Далее до водораздела итти пешком с котомкой еще один день. На спуск по воде к морю потребуются только одни сутки. В средней части ее течения, в трех днях пути от моря, есть теплый источник химического происхождения. Температура воды +28° С. Вода насыщена сероводородом, отчего на вкус она противная, вонючая. Горный инженер Петров полагает, что источник этот вулканического происхождения, и столь незначительную температуру его он объясняет тем, что источник этот находится в состоянии медленного остывания вследствие общего угасания в стране тектонических процессов¹.

С реки Ботчи на Самарги и на Копи не всегда можно попасть, то есть не всегда есть дорога. Летом нет никакой дороги. Зимой же, если снег выпадает небольшой, орочи идут с нартами на собаках. Обычными путями их будут: один путь — на Копи. Сперва надо итти по реке Ботчи до притока ее Мукпа, затем по этой реке через перевал реки Тепты и уже по

этой последней спускаться на реку Копи. Берегом моря никто не ходит, потому что около устья Копи зимой никто не живет. Все люди уходят вверх на охоту. Кроме того, местность здесь чрезвычайно пересеченная: все время приходится то подыматься в гору, то спускаться вниз, что сильно утомляет собак и человека. Другой путь — на реку Самарги. Сперва надо идти по правому верхнему притоку Ботчи по реке Дулинга через водораздел на реку Исими и по ней спускаться до ороцкого стойбища того же имени. На тот и другой путь нужно времени от трех до четырех дней, в зависимости от сил собак и от состояния дороги.

Лет десять тому назад на Ботчи жило еще много орочей, в 1909 г. там мы застали уже только шесть юрт с населением в 46 человек (15 мужчин, 11 женщин, 8 мальчиков и 12 девочек). В 1909 г. туда переселились староверы с реки Кузнецовой. Один из них, Долганов, привез с собой человек 12 корейцев и пустил их соболевать в горы². Орочи разбежались: кто — на Копи, кто — на Нельму, Самарги и даже на хребет Сихотэ-Алинь в верховья Хора. В настоящее время на Ботчи нет ни одного инородца. По слухам, и сами староверы не намерены там засиживаться и хотят подыскивать себе уже другое место. Вышло так, что как будто староверы нарочно пришли на Ботчи лишь для того, чтобы разогнать людей, живших там испокон веку. Можно ожидать, что в недалеком будущем река Ботчи будет такой же пустынной, как и река Холонку, Сунерл, Свайн и др.

Несколько в стороне от нашего бивака, на самом берегу протоки, стояла небольшая палатка. Здесь жил наш новый знакомый ороц Вандага. Обыкновенно в течение всего лета орочи живут около моря, при устьях рек в юртах, сделанных из корья. Здесь они ловят рыбу и заготавливают запасы юколы на год. С наступлением же осени они оставляют морские берега и уходят в горы для охоты и соболеванья. Вандага задержался здесь случайно — ради нас. У него хранилось наше имущество и запасы продовольствия, он знал, что осенью мы должны приехать на Ботчи и потому решил нас дожидаться. Мы пошли к его палатке. Навстречу нам вышел сам хозяин и двое его сыновей, лет по 20 каждому. Вслед за ними из палатки появилась жена его и трое маленьких ребятешек. Они тотчас же нас окружили. На вид Вандаге было лет сорок. Он был среднего роста. Немного скуластое лицо его было слегка желтовато-оливкового цвета, темнокарие глаза с небольшой монгольской складкой век смотрели умно и выразительно, нижняя часть его лица была покрыта густой черной бородой, что вообще довольно редко встречается даже и у орочей Императорской Гавани. Волосы его были зачесаны в две косы, плотно закрученные красными шнурами. Косы лежали спереди на плечах, по обе стороны головы, а чтобы они не лезли в лицо и не

мешали, сзади на шее ниже затылка они были связаны бисерной перемычкой, украшены мелкими раковинами и блестящими бусами. Присматриваясь к нему поближе, мы заметили, что одежда его жены и старших сыновей состояла из смеси черных японских костюмов с нашитыми ороческими халатами (тэга). В палатке тоже всюду виднелись вещи японского производства. Это было отраднo!

Из расспросов скоро выяснилось, что не только сам Вандага, но и отец его и дед всегда жили на Ботчи, что он не ороч, а Удэ [he] (he произносится чуть слышно), то есть что он принадлежит к тому когда-то многочисленному народу, который орочи Императорской Гавани называют Кяка, Кекари и что сами себя они называют «Удэ [he] ени намука», то есть народ «Удэ [he] приморский» и что еще три семьи их народа живут на реке Копи, в среднем ее течении³. На побережье моря река Ботчи и отчасти река Копи будут, следовательно, северной границей обитания этой интересной, но мало известной народности.

XXXV

Из разговоров с орочем Вандага мы узнали много интересного. Оказалось, что он имеет японскую медаль и документ на право ношения ее. Дело в том, что однажды в 1906 г. Вандага спас двух японцев. Охотясь в море за нерпами, он увидел, как одна какая-то японская лодка перевернулась. Ороч был в оморочке. Подъехав к утопающим, он помог японцам добраться до берега. Результатом этого было то, что весной на следующий год японцы привезли Вандаге медаль, грамоту и подарки. Это так на него повлияло, что он тотчас же стал учиться говорить по-японски и принудил детей своих тоже изучать японский язык на соседней рыбалке. Осенью 1907 г. Вандага владел японским языком отлично, носил японскую одежду, два раза ездил в Японию и тем окончательно закрепил с японцами дружбу. Совсем другое видят орочи со стороны русских (властей). Вот один характерный случай. При устье реки Копи живет старик ороч Иван Михайлович Бизанка (Ванька-кузнец — в молодости). Этот старик имеет огромное влияние на своих сородичей. За свою прямоту характера и честность орочи выбрали его пожизненным судьей (чжанге): ни одно судное дело не разбирается без его участия. Все окрестные жители прислушиваются к его голосу и исполняют все, что им прикажет. Этот самый Бизанка от юных дней своих до старости был горячим сторонником русских. Он первый научился говорить по-русски, первый построил себе русский дом, первый крестился и принял русское имя.

Полезная деятельность этого человека особенно ярко проявилась во время несчастья, постигшего пароход Добровольного флота «Владивосток», разбившийся 16 лет назад около мыса Св. Николая.

Чтобы облегчить пароход, в надежде снять его с камней, командир судна приказал выбрасывать в море уголь, весь груз и даже продовольствие. Но это не спасло судна. На другой день налетел тайфун, и пароход разбило вдребезги. Все пассажиры, в том числе и женщины и дети, были высажены на совершенно пустынный берег. Уже на следующие сутки начал ощущаться недостаток в продовольствии; как раз в это время возвращался с охоты Иван Михайлович Бизанка. С двумя товарищами он ехал на лодке около берега. Орочи везли с собой мясо сохатого. Подъехав к берегу и узнав в чем дело, Иван Михайлович тотчас же отдал пассажирам все, что имел с собою, затем отправился в Императорскую Гавань; здесь, по его распоряжению, все окрестные орочи съехались к месту крушения и привезли для пассажиров мясо, рыбу и сало. Затем он снарядил лодку и отправил ее в Де-Кастри. Это был в то время ближайший пункт, где находилась телеграфная станция.

Орочи ехали днем, ехали ночью, отдыхали урывками, ели и спали в лодке, торопились дать знать о происшедшем несчастье; наконец, они достигли мыса Клостер Камп.

Если бы не Иван Михайлович Бизанка никто бы из орочей не тронулся с места, и среди пассажиров, высадившихся на берег, началась бы страшная голодовка. В 1910 г. я видел этого ороча и говорил с ним. Не получая поощрения, он начал уставать и стал просить, чтобы его освободили от звания старшины. «Не хочу больше,— говорил он мне.— Моя много работал — спасибо нету. Моя напрасно сорок года работал!»

По возвращении в Хабаровск, мною было об этом доложено бывшему в то время приамурскому генерал-губернатору сенатору Унтербергу. Бизанка тотчас же был награжден золотой медалью на шею¹. Можно было бы еще привести несколько таких примеров, но, к сожалению, место и время не позволяют мне этого сделать, и я думаю, что и эти два случая ярко иллюстрируют отношение русских и японцев к нашим инородцам.

На другой день мы решили плыть дальше. Полдня прошло за починкой лодок. Они текли, и потому следовало их хорошенько осмотреть и проконопатить. Около часу дня было уже все в порядке.

Копинских орочей мы отпустили, и теперь с нами пошел Вандага и еще один ороч-удэхе с реки Нимми. Сначала наши проводники не соглашались было итти, они о чем-то совещались между собою и часто поглядывали в море, потом вдруг оба сорвались с места, побежали к лодкам, столкнули их в воду и стали торопить нас садиться. Такой быстрый переход от апатии к делу несколько нас не удивил... Это так в характере орочей! Они экспансивны: переход от мысли к делу — моментален...

Мы поехали...

Обогнув мыс Крестовоздвиженский, мы направились к югу. Здесь береговая линия развита слабо — мысов много, но

они мало выдаются в море, а потому бухты и заливы совершенно отсутствуют. Когда едешь на лодке вдоль берега, то кажется, что мысы эти выступают кулисами, кажется, что обогнешь сейчас первый мыс и войдешь в бухточку, но вот доходишь до мыса и — печальное разочарование. Бухты нет — это просто слабо изогнутая линия берега. Дальше такой же мыс, опять кулисы, за вторым мысом виден во мгле третий, четвертый и т. д.

В общем здесь весь берег высокий, скалистый. Намывная полоса завалена глыбами, свалившимися сверху. Глыбы эти так велики, что в щели между ними свободно может проходить человек и лошадь. Такое разрушение берегов происходит главным образом от действия пресной воды. Ручьи стекают сверху в виде маленьких водопадов. Вода тонкими струйками падает вниз с высоты 60—80 метров, но, не достигая подошвы, превращается в мелкий дождь, развеваемый ветром в ту и другую сторону. Дальше, верст на пять южнее бухты Гроссевича, выступает мыс Базальтовый. Он действительно слагается из базальтов с характерным для них столбчатым распадением. С левой стороны столбы стоят прямо, вертикально, но с правой они все однообразно изогнуты внутрь. Интересно, что во всем Уссурийском крае, кажется, нигде не наблюдается вторичного распадения столбчатости базальтов в горизонтальном направлении на шестигранные призмы. Обыкновенно столбы разрушаются полиэдрически².

Так было и в данном случае: прекрасные образцы столбчатости в обнажении, и ничего, кроме неправильных глыбных обломков, внизу, около воды. Часа через два лодки наши дошли до реки Ампи и вслед за сим — доехали и до мыса Бакланьего. Судя по названию мыса, здесь должно было быть много птиц. И действительно, весь мыс был покрыт ими. От помета вся скала была белой, как будто бы ее нарочно побелили известью. Грузные черно-серые гагары и длинношеие с черно-синим металлическим отливом большие и малые бакланы сидели по карнизам, по выступам, в трещинах между камнями и всюду, где только можно было поставить ноги. Птицы были настороже: подавшись вперед всем корпусом, вытянув шеи, слегка согнув ноги и распутив немного крылья, они готовы были слететь при малейшем намеке на опасность. Мы поровнялись, птицы сидели все в том же положении, лодки прошли мимо, и вдруг все птицы рванулись вниз и полетели в море.

XXXVI

Миновали мыс Бигней. Это нейтральный низменный берег, образовавшийся из наносов реки того же имени. Площадь мыса величиной около трех квадратных верст покрыта редколесьем корявого дуба и низкорослой березы. Дальше версты на четыре будет река Гинугу¹. На русских картах она названа Быстрой.

Гинугу длиной в восемь верст, орочи поднимаются по ней на своих долбленных лодках версты на три. Река рыбная — идет только одна горбуша, но зато в большом количестве. Вследствие этого река Гинугу является излюбленным охотничьим местом орочей с реки Ботчи. Заготовив здесь себе запасы юколы на год, они складывают ее в амбары и оставляют здесь в тайге до зимы. С наступлением холодов орочи перекочевывают к Гинугу, расходятся по окрестностям и занимаются охотой и соболеваньем.

После полудня погода стала заметно портиться, небо приняло серый оттенок; начали налетать маленькие шквалы; в море появились беляки...

На половине пути между реками Гинугу и Луговой есть одиноко стоящая гора в виде сахарной головы². С правой стороны ее, если стоять лицом к берегу, небольшой, но красивый водопад, а слева широкая полоса прибоя, заваленная огромными глыбами, скатившимися сверху. Эти глыбы настолько велики, что человек перед ними кажется пигмеем. В щелях между глыбами можно ходить как в коридорах — это целый лабиринт пещер, которые посещать небезопасно. Достаточно малейшего сотрясения, чтобы глыбы, чуть-чуть державшиеся друг за друга, сдвинулись бы со своего места и обвалились бы вторично.

Несколько глыб скатилось в море и образовало вроде маленькой бухточки, защищенной от волнения. Непогода принудила нас высадиться на берег как раз в этом месте. Легкие лодки были вытаснены из воды и на руках подальше оттянуты от морского прибоя. К полудню погода заметно ухудшилась: барометр быстро падал. Тучи спустились ниже — горизонт исчез. Нельзя было рассмотреть, где кончается вода и где начинается небо. Часа в два дня буря разразилась с полной силой. Вода в море приняла грязно-желтую окраску; она пенилась, как в котле; волны неистово бились о берег и вздымали водяную пыль.

Вдруг завеса туч разом разорвалась. На мгновение показался неясный диск солнца. Вслед затем сильным порывом ветра сорвало нашу палатку. В этот момент с юга вдоль берега быстро двигалась какая-то мгла — не то дым, не то пар, не то мелкий песок с пылью. Через несколько секунд налетел сильный вихрь. Трудно было рассмотреть, что делается вокруг. Крупный песок нестерпимо хлестал по лицу. Закрыв голову чем попало, люди бежали спрятаться за скалы. Подхваченные с камней слоевища морской капусты, мелкие ветки, сухая трава, листья и морская пена — все это кружилось в воздухе и несло куда-то с сумасшедшей быстротой. Одинокaя молодая чайка тщетно пыталась сохранить равновесие и удержаться в воздухе. Она приняла было в сторону, вновь повернула и опять было направилась против ветра, но ее снова отнесло назад и на этот раз еще более, чем прежде. Наконец, она устала, круто повернула на север и быстро вместе с ветром понеслась вдоль берега. В это время раздался крик: «лодки, лодки, держите лодки!» Произошло

нечто невероятное. Лодки двигались. Сильный ветер, несмотря на то что они поставлены были без катков на песок и гальку, тащил их к морю.

«Держите лодки! давайте скорее веревки! кладите камни!..»

Люди бегут, падают, опять бегут и спешно исполняют приказание. Наконец, лодки удалось привязать. Все снова побежали и укрылись за скалы.

В той стороне, где берег был загроможден большими глыбами, творилось что-то невероятное. Огромные волны с шумом разбивались о камни; вода с грохотом вырывалась наружу. Сверху сыпались камни. Они прыгали точно живые и перегоняли друг друга. Некоторые из них, ударившись о землю, рассыпались на мелкие части. На месте падения, как от взрыва, тотчас же образовалось облако пыли. Ветром сейчас же относило их в сторону...

Через полчаса ветер достиг наивысшей силы. Анемометр показывал 19 метров в секунду. По шкале Ганна это был настоящий ураган.

Так вот почему утренняя и вечерняя зори были необыкновенно красными, вот почему при восходе солнце было такое деформированное.

Вечером буря стала стихать понемногу.

XXXVII

Трое суток море не могло успокоиться...

Это предвидел Вандага: еще за несколько часов до бури он говорил, что волна разольется большая.

Направление волнения в море очень часто не совпадает с направлением ветра, а иногда бывает и совершенно ему противоположное. На маяках, где ведутся метеорологические наблюдения и отмечается направление ветра, следовало бы записывать и направление, в котором идет волнение, а также и продолжительность его и величину по пятибалльной системе. Насколько мне известно, таких наблюдений нигде не ведется, а между тем это чрезвычайно интересное явление и выводы из этих наблюдений могут дать совершенно неожиданные результаты. У моряков есть примета: «Раз только неожиданно появилось волнение, с той стороны нужно ждать ветра».

Волнение распространяется по воде очень быстро и всегда обгоняет ветер, как бы он силен ни был.

В данном случае было несколько иначе. Море разволновалось после бури. Нужно было бы, чтобы появилась другая волна сбоку, но отнюдь не с противоположной стороны, только такая волна могла бы разбить эту мертвую зыбь и море успокоилось бы. Теперь резкий ветер дул с юго-запада, а волны шли с востока. Интересно было наблюдать, как сильные порывы ветра

срывали гребни волн и сносили их назад в море. Получалось впечатление, что волны как будто дымятся...

Вандага отлично знал, что на этом месте мы будем сидеть очень долго, а это было не в их расчетах. Он и так уже потерял много времени, ожидая нас на Ботчи и потому естественно торопился. Он хотел поскорее сдать нас другим орочам, а сам возвратиться назад для охоты и соболевания. Поэтому в тот же самый день, как мы пристали к этому берегу, он сейчас же стал проситься итти пешком на реку Нимми, взять там новых проводников и привести их с собой. Он полагал пройти туда пешком берегом моря, а назад возвратиться на лодке. Получив разрешение, Вандага в тот же день выступил в дорогу. Где он был во время бури, что делал — неизвестно. Но вот уже прошло три дня, а Вандага все еще не возвращался. Мы начали беспокоиться. Без дела всем надоело сидеть на одном месте. Все знали, что река Нимми близко, что там живут орочи и что от туда уже недалеко и до мыса Туманного.

Время было позднее, осеннее: в горах выпали снега, по утрам стали появляться крепкие заморозки; вода в лужах начала мерзнуть. Одетые по-летнему люди начали зябнуть и потому торопились добраться поскорее до реки Самарги, где была сложена наша теплая одежда и новые запасы продовольствия.

Мы ждали Вандагу с нетерпением. Подолгу сидели на камнях и подолгу смотрели на воду. После бури в море была огромная мертвая зыбь, которая создавала у берега чрезвычайно сильный прибой.

Точно живые, двигались волны одна за другой — тихо, беззвучно, но настойчиво и грозно они шли в атаку на береговые обрывы. Достигнув мелководья, эта мертвая зыбь сразу превращалась в крупную волну. Волна эта втягивала и собирала в себя всю воду с намывной полосы прибоя, взбиралась все выше и выше и вдруг, как разъяренное чудовище, с неистовым шумом бросалась на берег.

С рокотом отступала вода назад в море, но, подхваченная новой волной, пенилась и вновь взбегала наверх по гальке.

Теперь по морю ехать было бы можно, но как отойти от берега и, если удастся отойти, то как опять пристать к нему, когда придет время останавливаться биваком на ночь?

Хотелось ехать, а ехать было нельзя...

— Надоело сидеть на одном месте,— говорил один из стрелков.

— Хоть бы пешком итти,— отвечает другой.

— Ничего не поделаешь,— возражал казак-уссуриец.— Никуда, брат, не денешься. С богом спорить не будешь.

— Право, море точно вздурело,— говорил солдатик опять свое.

— А ты думал, что это пруд,— отвечал ему снова казак.

— По морю надо ездить с умом, а то как раз вон на том

мысу... Он не закончил фразы, вскочил на ноги и, прикрыв рукой глаза от солнца, стал напряженно смотреть в море.

— Лодка! — закричал он, — я вижу парус.

Все стали смотреть в ту сторону, куда указывал казак.

Действительно, в море около мыса Туманного чуть-чуть виднелась маленькая белая точка. До нее было верст десять. Она то совсем исчезала в воде, то снова мелькала на волнах. Через полчаса стало ясно, что это была ороцкая лодка (улимагда), лодка эта шла в нашу сторону. В ней было четыре человека.

«Это Вандага едет» — радовались стрелки. Слава богу, наконец-то! Все ожили — можно было подумать, что Вандага может успокоить море и позволить нам ехать дальше, точно это от него зависело. Между тем лодка поровнялась с нами. Сидевшие в ней начали спускать парус. Лодка остановилась; рулевой повернул ее носом к берегу.

Легкое суденышко сильно качалось на волнах: то оно вздымалось носом, то ныряло, то круто подымалось вверх кормой. Человек, сидящий на корме, встал на ноги: это был Вандага. Он напряженно смотрел на прибой у берега и что-то говорил своим товарищам. Орочи зашевелились и стали приводить в порядок свои вещи, чтобы все было под рукой; каждый из них клал около себя шест и весло.

Сумасшедшие! Ехать морем на маленьком плоскодонном челноке да еще приставать к каменистому берегу во время прибоя — какой риск!?

Как они пристанут? Как высадятся? Неужели их не перевернет? Это казалось невероятным.

Но приставать так или иначе надо было. День клонился к вечеру, назад против ветра ехать было нельзя. Это понимал и Вандага и потому делал соответствующие распоряжения. Наконец, у них видимо было все готово: гребцы снова взялись за весла. Они употребляли все усилия, чтобы развить наибольший ход. Очевидно, их план был таков: возможно сильнее разогнать лодку и вместе с прибоем как можно дальше выброситься на берег.

Стоящие на берегу замерли в ожидательной позе.

Как птица понеслась легонькая лодочка. Два-три раза она как будто совсем исчезала в воде, один раз высоко взлетела на воздух и подошла к месту прибоя. В это время огромный вал, украшенный белым пенистым султаном, обрушился на лодку сзади. Вандага заметил опасность во-время и с удивительной быстротой поставил лодку по отношению к валу под углом в 45°.

В следующий момент произошло что-то такое, что трудно поддается описанию: крики, пена, лодка набоку, люди в воде, плавающие около берега шесты и весла — все это смешалось в одну общую кучу. Дружно все бросились помогать: кто ловил имущество, кто тянул лодку, которую отличное течение волны

готово было снова утащить обратно в море. В это время нашла новая волна. Все в один миг очутились по пояс в воде и в пене; людей сильно толкнуло и вместе с лодкой выбросило их далеко на берег.

Вандага был весь мокрый с головы до ног. Длинные волосы его растрепались; в густой бороде были клочки морской травы. Стоя по колено в пене, он держал в руках трехзубую острогу, только что вытащенную им из воды. Заходящее солнце яркими пурпуровыми лучами сразу осветило весь берег и осветило Вандагу. В этот момент он очень был похож на того сказочного старика, властителя морей, который вместе с пеной прибоя при вечерней заре выходит на пустынный берег.

Но не все обошлось благополучно: тоненькая долбленая лодочка дала широкую трещину по всему левому борту.

Много было криков, много было шуму! Кричали больше всего нижние чины, — именно те, кто был на берегу. Ко всему происшедшему орачи отнеслись совершенно равнодушно. Они молча подошли к огню, неторопясь подбросили в него дров, неторопясь стали раздеваться и молча начали сушить свою одежду.

XXXVIII

Наконец, в октябре мы снова тронулись в путь... Разбитую лодку бросили на месте. Часть людей и вновь прибывшие орачи пошли на лодках, а я с двумя казаками решил итти берегом. Расставаясь, мы условились, что сойдемся на реке Нимми. Вандага ушел еще накануне вечером, несмотря на позднее время. Видимо, он очень торопился. Ему не хотелось упустить осеннего соболевания, которое он считал самым добычливым.

Пока мы увязывали свои котомки, лодки успели уже далеко уйти, а когда мы поднялись на гору, они уже обогнули мыс и скрылись за его поворотом.

Мы пошли по хребту вдоль берега моря. Влево от нас были крутые обрывы, вправо — пологие скаты к рекам Луговой и Быстрой. Горы, по которым мы теперь шли, слагаются из известняков и серых песчаников. Кроющим пластом поверх песчаников является базальтовая лава с чередующимися мощными прослойками красно-бурых туфов. Вершина хребта представляется в виде слабовсхолмленной площадки, так что когда идешь по ней, то совершенно забываешь, что находишься на горах, и только когда мы начали спускаться к реке Луговой, то увидели, как высоко от воды мы были.

Внизу около моря массы упавших сверху камней образовали целые завалы. Внизу в известняке вода промыла глубокие пещеры. Некоторые из них были до шести-семи сажен длины, сажени четыре ширины и около двух сажен высотой. В пещерах этих холодно и сыро. И, как всегда, со стен спускаются наплывы, с потолка сталактиты.

По хребту итти было довольно легко. Лесу нет, он давно уже здесь уничтожен пожарами, из старых деревьев сохранился только один дубняк, но и он уже подсох, вершины его омертвели. На месте пожара вырос березняк, но его стволы около корней уже опалены и закопчены дымом. Очевидно, новый пал был здесь уже после того, как вырос этот березняк. Этот пал окончательно уничтожил тот валежник, который остался от прежнего пожарища. Кто бы мог думать, что обвалы эти тянутся на протяжении двенадцати верст до самой реки Нимми... И мы остановились и стали совещаться: назад возвращаться не хотелось и потому решили опять итти дальше.

Солнце низко опустилось к горизонту, когда мы вошли в эти камни. День клонился к вечеру; стало заметно прохладнее; от гор со стороны востока медленно поднимался темносиний тeneвой сегмент земли с пурпуровой окраской по наружному краю.

Итти по таким обломкам скал очень трудно. Надо иметь большую сноровку. Приходится все время прыгать с одной глыбы на другую. Нога становится то на острое ребро камня, то на сильно наклонную его плоскость. Является положение крайне неустойчивое; задерживаться нельзя, потому что больно и потому что тотчас же теряется равновесие, надо скорее переносить ногу на другой камень и, чуть только коснувшись его, прыгать дальше и дальше, пока не устанут ноги. Минутный отдых и опять прыжки. По сторонам нельзя смотреть, надо внимательно смотреть вперед и под ноги. Сперва это кажется интересным; люди увлекаются, смеются. Им забавно, что они прыгают через глубокие ямы и щели, но скоро смех прекращается, люди идут молча, а затем начинают ругаться:

— Ишь ты! Чорт в свайку играл,— высказывает вслух свои мысли один из моих провожатых.

— А ты ногу-то долго на камне не держи,— отвечает ему другой казак.— Ты ступай на него легонько, как будто бы он хрупкий, стеклянный.

— Я и так ногу отдергиваю, как от горячего железа,— говорит начавший разговор.

— Лучше бы я лишних пять верст кружной дорогой прошел,— отвечает ему опять второй.

Часам к четырем дня мы дошли до реки Луговой. Орочи называют ее Кинэо. Это маленькая горная речка, длиной около восьми верст. Узкая лесистая долина около моря сразу расширяется. По всему видно, что раньше это была маленькая, но довольно глубокая бухточка и что она сравнительно очень недавно превратилась в долину. У берега наметен вал из песка и гальки. Раньше здесь была лагуна; она заполнилась наносами и образовала болотистую низину, изрезанную извилинами и протоками реки и густо поросшую высокой травой (вейником). Маленькое озеро около берегового вала с сильно заболочен-

ными берегами было самым глубоким местом этой лагуны, и потому вода сохранилась здесь по сие время.

На берегу стояла пустая ороочская юрта; она была брошена. В 1895 г. здесь жили три семьи орочей.

Теперь на реке Луговой никого нет.

Около устья речка оказалась и глубокой, и широкой — с трудом нам удалось перейти на другую сторону.

Отсюда берег поворачивает к югу и далеко выступает в море. Это место: Омодуони. Нам казалось, что мы успеем его обойти и к сумеркам дойти до бивака. Не хотелось ночевать отдельно от людей, тем более что все наше имущество было в лодках, да вообще, выступая с бивака, мы не рассчитывали на ночевку и потому бодро пошли дальше.

Скоро мы нашли тропинку, но она поворачивала в сторону и шла в горы. По виду она не была похожа на дорожку, проложенную людьми, а скорее напоминала зверовую тропу, и потому мы оставили ее и пошли по намывной полосе прибоя. Теперь слева от нас было море, а с другой стороны совершенно отвесная каменная стена высотой до двухсот метров. Узенькая полоска земли между морем и той стеной, по которой нам предстояло теперь идти, была вся сплошь завалена огромными каменными глыбами, значительно превышающими рост человеческий. Мы полагали, что эти груды камней, обвалившиеся сверху, тянутся недалеко, что за следующей «кулисой», мы вновь выйдем на песок и гальку.

Так можно пройти одну-две версты, но затем начинаешь сильно уставать и чем больше устаешь, тем неправильнее становится нога и все чаще и чаще срываешься. Люди оступаются, падают, ушибаются. Острые края камней сильно режут подошву ноги. Ближе к воде есть окатанные гладкие камни, но по ним идти еще хуже, так как они всегда покрыты мелкими зелеными водорослями и потому чрезвычайно скользкие. Обычно после такой дороги все руки и все ноги покрыты ссадинами и синяками. Через час мы дошли до первого мыса. Любопытство, что за ним мы увидим, надежда, что камней уже больше не будет и что река Нимми близко, придавали нам силы — мы торопились. Еще шагов с полсотни — и мы на мысу. Не без труда мы взобрались на скалу и стали смотреть. Впереди был тот же берег, те же камни, дальше опять кулиса, за ней другая, третья, четвертая и т. д.

XXXIX

Между тем солнце скрылось за горизонтом — начало смеркаться...

Пора была остановиться на бивак, но где? Для бивака нужны были прежде всего дрова, а затем пресная вода, но здесь среди этих скал не было ни того, ни другого. Если бы еще было лето, то можно было бы как-нибудь с грехом пополам скоротать

ночь, но теперь в октябре, когда по ночам уже стала замерзать вода, без теплой одежды, в одних легких рубашках — это было немислимо. Мы поняли свою ошибку: надо было ночевать на реке Луговой. Теперь же оставалось только одно—это итти вперед, итти до тех пор, пока где-нибудь мы не встретим буреломный лес, выброшенный волнением на берег. Обыкновенно в бухтах, на песчаных наносах и около устьев рек его всегда бывает очень много; здесь же как на грех, не было ни одной щепки, ни одной палки — одни камни, голые камни...

Мы начали уставать, пробовали садиться и отдыхать, но тотчас же холод и сырость давали себя чувствовать. Это принуждало нас итти дальше. Прыгая с одной глыбы на другую, мы согревались, а согреваясь, зябли еще более, если останавливались хоть на минуту.

Через час мы добрались до второй «кулисы». За ней были опять скалы, все тот же едва заметный изгиб берега и все та же пустынная полоса прибоя, заваленная камнями.

Недалеко от берега, несколько в стороне, на большом плоском камне сидело множество бакланов. Птицы собрались на ночлег, но, услышав шум, они все повернули головы в нашу сторону и приготовились слетать при малейшем намеке на опасность. Теперь они плохо видели и потому еще более насторожились. Наконец, один баклан не выдержал, тяжело взмахнул крыльями и взлетел на воздух и тотчас же вслед за ним, как по команде, сразу снялись все птицы и полетели стороной вдоль берега к тому мысу, который остался у нас позади.

Чем больше сгущались сумерки, тем итти становилось все труднее и труднее. Глаза стали плохо уже различать, где грани камней, где щели. Люди все чаще и чаще оступались и падали...

Камни быстрее лучеиспускали свою теплоту — становилось все холоднее и холоднее. Стоячая вода стала покрываться тонким слоем льда; мокрые водоросли замерзли и хрустели под ногами. На небе кое-где зажглись крупные звезды. Море было тихое-тихое — волнение улеглось совсем так, что даже у берега совершенно не было слышно всплесков прибоя. В природе воцарилась какая-то особенная мертвящая тишина. Такая тишина как-то особенно гнетуще действует на душу.

С неимоверным трудом мы дотащились до третьего мыса. Здесь отвесная стена преградила нам дорогу. Мы попали в тупик, скалы прямо обрывались в море. С каким бы удовольствием мы остались здесь на ночь. Казаки начали шарить в камнях руками в надежде найти дрова ошупью, но дров не было.

Что делать? Собрали маленький совет. Было только два выхода: или надо было возвращаться назад к реке Луговой, или же надо было обойти мыс вброд по воде и итти вперед до тех пор, пока мы не найдем дров или пока не дойдем до своих лодок, то есть до бивака.

У всех у нас у троих ноги сильно болели, руки были исцарапаны, колени разбиты. А что, если дальше мы опять не найдем дров, если до бивака еще далеко, что если нам всю ночь придется лазить по этим ужасным камням?! Да мы и не выдержим! Усталость возьмет свое, тогда не только можно будет простудиться, а прямо-таки замерзнуть. Обидно итти назад, когда с таким трудом пройдено так много. А может быть, наш бивак находится тут сейчас же за этим мысом. Неизвестность того, что находится впереди, надежда на счастье и риск решили вопрос в пользу последнего предположения, и мы пошли опять.

Скалу можно было обойти только вброд. Мы начали раздеваться.

Прибрежные камни уже обледенели. В темноте не видно, какой глубины вода. С опаской мы вошли в нее по колени — она сразу охватила голое тело; кости заныли от холода и боли. Придерживаясь за выступы скалы, медленно и осторожно мы подвигались вперед, ощупывая дно ногами. На дне были такие же глыбы, с такими же острыми краями, такие же щели и провалы, как и на берегу. Черная, как чернила, вода казалась страшной. В одном месте было очень глубоко — это была большая выбоина, яма. Нам удалось обойти ее после долгих поисков и обоюдных усилий, помогая друг другу. По мере того как мы подвигались вперед, вода поднималась все выше и выше, и, наконец, дошла до пояса, теперь нам оставалось пройти шагов тридцать.

Впереди в темноте виднелось два огромных камня, сложенных друг на друга, еще дальше — острый край мыса, за которым сразу начинался пологий берег. Другой один из камней — верхний — шевельнулся и вслед затем с сильным шумом и всплеском рухнул в воду. Большая круговая волна разошлась во все стороны и обдала нас до самой груди. Мы все разом вскрикнули, как это всегда бывает при неожиданной холодной ванне, и остановились на месте испуганные. Это оказался сивуч. Он спал на камне, но разбуженный нашим приближением, бросился в воду и обдал нас водой. Одежда наша была подмочена.

Еще десять шагов и мы обогнули мыс и вышли на берег. Все тело горело, как в огне. На воздухе было еще холоднее, чем в воде. Мокрая одежда шуршала — она начинала замерзать; надо было одеваться как можно скорее. Люди дрожали, как в лихорадке, и шелкали зубами. Меньше чем через пять минут мы были уже готовы, быстро без проволочек захватили свои котомки и снова полезли на камни.

Стало совсем темно, так темно, что в нескольких шагах нельзя было разглядеть ни скал, ни человека. Ночь обещала быть морозной. Яркие звезды горели на небе, они искрились и переливались всеми цветами радуги. И вода, и камни, и береговые обрывы — все это слилось в один общий тон вместе с темнотой ночи.

Вдруг мы опять натолкнулись на камни. В темноте их не видно, мы ощупывали их руками, куда-то лезли, куда-то опускались, падали, теряли друг друга, опять подымались, вновь падали и, наконец, взобрались на главный мыс.

Жуткое чувство стало закрадываться в душу: неужели и за этим мысом мы не найдем дров?! Хоть бы немного, хоть бы только просушить одежду?!

— Я вижу огонь! — закричал казак Крылов радостным, не своим голосом.

— Огонь! Огонь! — Он указывал рукой на юг.

Действительно, в той стороне, далеко-далеко, как маленькая звездочка, мигал огонь. Он то замирал и, казалось, угасал совсем, то вновь вспыхивал и разгорался ярким пламенем.

— Идем скорее, — торопили мы друг друга и начали спускаться вниз. Крылов шел впереди. Он полз на руках и на ногах. Вдруг он на что-то споткнулся и упал.

— Дрова! — закричал он, — дрова есть, давайте скорее спички!

Через несколько минут мы весело стояли вокруг большого костра, грелись и сушили свою одежду.

XL

Судя по расстоянию, на котором мы видели огонь, до реки Нимми было, вероятно, версты четыре. Поэтому мы решили остаться на том месте, где нашли дрова, а идти дальше только тогда, когда взойдет солнце. За мысом, который мы только что обошли, море наметало много плавникового леса. Мы могли, следовательно, жечь дров сколько угодно — их хватило бы на несколько суток.

Скоро из одного огня казаки разложили три. Они то и дело подбрасывали в костры охапки сухого хвороста. Пламя разом охватывало сухие сучья и ярко освещало усталые лица людей, одежду, развешанную для просушки, завалы морской травы, выброшенной на берег, и в беспорядке нагроможденные камни.

Кругом стало как будто вдвое темнее. Светлые полосы от огня и черные тени ночи плясали вокруг костра, дрожали в воздухе, ползали по земле, исчезали где-то в пространстве и затем вновь появлялись откуда-то со стороны моря...

Казаки стояли у костра и, отвернувшись в сторону от огня свои лица, сушили на руках тельные рубашки. Они делились впечатлениями пройденного пути.

— Ну и поход! — говорил один из них.

— А плохо было бы нам сегодня, если бы мы не нашли дров, — отвечал ему другой.

— Очень просто, пропадешь — беда! Теперь я рад погреться у огонька, — говорил опять первый. — Я рад, что рубашка просохла, зато сейчас простыл больше, чем в походе...

Он не договорил фразы — сильный шум, похожий на треск ружейной пальбы и грохот орудийной канонады, донесся до нашего бивака. Произошел где-то обвал.

Спать было негде. Всю ночь мы просидели на камнях, дремали и, как говорится, клевали носом.

Наконец, начало светать. Не дожидаясь восхода солнца, мы тронулись в путь. Красной полосой зажигалась заря на востоке. От воды подымался пар. Ночью был крепкий мороз. Все камни покрылись белым матовым налетом, сухая трава заиндевела. Вода, скопившаяся в трещинах и в углублениях между камнями, замерзла.

Берег моря, сплошь заваленный камнями, казался совершенно пустынным и безжизненным, только в одном месте на берегу сидело несколько каменушек. Заметив людей, уточки прыгнули в воду и, оглядываясь назад, быстро поплыли прочь от берега.

Сегодня мы чувствовали себя еще более разбитыми и усталыми, чем накануне: кружилась голова, болели ноги, ломило спину. Однако утренний мороз подбадривал нас; мы знали, что река Нимми недалеко, и это заставило нас итти скорее.

Недалеко от реки Нимми мы увидели одну кабаргу. По чрезвычайно крутому оврагу она спускалась к морю. Земля ехала у нее под ногами и дождем сыпалась книзу. Каждый раз, глядя на этих двукопытных, когда они бродят по кручам среди скал и осыпей, невольно удивляешься, до какой степени они приспособились не терять равновесия? И это делается легко, непринужденно, без всякого страха, как будто бы она была не на обрывах, а внизу на земле, на ровном месте.

Услышав посторонний шум, кабарга остановилась и, настрожив свои уши, стала пристально смотреть в нашу сторону. Сообразив в чем дело, она вдруг круто повернула назад и сильными прыжками стала подыматься обратно в гору. Достигнув вершины, она опять остановилась, еще раз посмотрела вниз, два раза крикнула пронзительно и скрылась в лесу.

Один из казаков хотел было стрелять — я остановил его. Правда, у нас не было мяса, но убитую кабаргу пришлось бы нести на себе, а мы сами едва тащили ноги.

К восьми часам утра мы обогнули последний мыс и подошли к Нимми. На другом берегу реки стояла большая ороцская юрта. Из отверстия, сделанного в крыше ее, подымался дым. Рядом с юртой на песке лежали опрокинутые вверх дном две лодки, а в стороне, шагах в двадцати, на берегу моря тлелся угасающий костер. Очевидно, этот огонь был сигнал, нарочно для нас разложенный на самом видном месте, — его-то мы и видели сегодня ночью.

Из юрты вышел ороц и направился к реке. Лево́й рукой он за жабры держал большую рыбину, в правой руке у него был

пож; хвост рыбы волочился по земле. Ороч, видимо, собирался ее чистить...

Мы окликнули его. Он остановился, посмотрел на нас, узнал, бросил рыбу и побежал к юрте. Тотчас же из нее поспешно вышли два других ороча и подали нам лодку.

В юрте оказалось много народа. Тут были и наши стрелки и сопровождающие нас орочи, два китайца-соболевщика, прибывшие в эти места, как они говорили, для сбора долгов и для скупки пушнины; был один кореец, неизвестно зачем сюда приехавший, и человек восемь орочей-удэхе, спустившихся с гор к морю вместе со своими женами и детьми, — всего было человек тридцать.

О нашем приезде орочи узнали от Вандаги дня два тому назад, когда он ходил за проводниками себе на смену. Вот почему они все собрались к устью реки в эту единственную юрту. Дела у них никакого к нам не было. В этом сказывалось гостеприимство, уважение и внимание к посетителям — этого требовала орочская этика.

С каким наслаждением мы переоделись, умылись, напились чаю и легли спать. Вся тягота ночного похода, холод, брод, напугавший нас сивуч, испуганная кабарга — все это осталось теперь где-то позади как одно только воспоминание.

XLI

На другой день все небо было покрыто тяжелыми тучами циклонического характера. Дул резкий порывистый ветер со стороны острова Сахалина. Дождь шел не переставая всю ночь. Дождевые капли, падая на землю, тотчас же превращались в лед; вся земля, деревья, опавший лист, камни, дрова — все покрылось ледяной корой. Порой сквозь густую завесу туч, в виде неясного матового пятна, робко выглядывало солнце и, словно испугавшись того, что натворила на земле непогода, тотчас же пряталось за дождевыми облаками.

И орочи, китайцы и наши люди — все сбились в одну юрту, все толпились у огня и отогревались его лучистой теплотой. В юрте было чрезвычайно дымно. Ветер налетал то с одной стороны, то с другой, трепал корье на крыше и завевал дым обратно. Сколько мы ни старались урегулировать дым, чтобы он выходил правильно, ничего не помогало. У всех слезились глаза, веки были сильно воспалены — было такое впечатление, как будто в них насыпали песку. Приходилось терпеть и выбирать одно из двух: или коптиться в дыму, или перейти в палатку. Мы выбрали последнее. Как ни холодно было, но мы все же вышли на свежий воздух и принялись устраивать бивак около юрты.

На наше счастье около часу дня дождь перестал. Тяжелая завеса туч разорвалась; выглянуло солнце и разом осветило

всю обледенелую землю. Живительные солнечные лучи тотчас же разбудили жизнь: откуда-то взялись мелкие птицы; в воде заплескалась рыба; в каменистых осыпях начали перекликаться сеноставцы и бурундуки, и высоко на небо, описывая правильные круги, всплыл орел. Люди тоже не отставали. Всем надоело сидеть в тесной и дымной юрте, все вышли наружу и стали шумно выражать свою радость по поводу перемены погоды.

«А та-та! — вскричал один ороц.— Ё бяза дыони сачды уо ммаха ачдэ би!» (то есть «В вершине реки в больших горах выпал глубокий снег!»). — Он указывал на запад.

Интересное явление! Весь западный небосклон градусов на 20 от линии горизонта как будто светился. Кругом со всех других сторон и в зените небо было густого синего цвета (такое синее небо в Уссурийском крае бывает только осенью, когда воздух сух и не имеет влаги), а также на западе оно было бледно-зеленое, белесоватое и, действительно, как будто светилось.

На задаваемые вопросы инородцы объяснили, что каждый раз, когда на хребте Сихотэ-Алинь неожиданно выпадает большой снег, небо в той стороне бледнеет и ярко светится. Это очень возможно. Если снег выпадает только в одном месте, солнечные лучи, освещая его, отражаются в небе, отчего оно издала и кажется бледнозеленым; если же снега выпадут повсеместно, это отражение происходит всюду и, так как оно не выделяется из общего фона неба, его и не видно.

Значит, в то время, когда ночью у нас на берегу моря шел дождь, в глубине материка эти же тучи разряжались снегом. Это тоже понятно. Глубже на материке, в особенности в горах, температура должна быть гораздо ниже, чем на берегу моря. Теперь этот снег, выпавший на Сихотэ-Алине, таять уже не будет, он станет рефлексировать, понижать температуру всюду, поэтому следующий раз надо будет и на берегу моря ждать не дождя, а снега. Так оно впоследствии и было.

На реке Нимми у нас опять вышла дневка. Отчасти в этом была виновата непогода, а кроме того, надо было привести в порядок лодки. Старенькие, слабые они сильно износились. Постоянное вытаскивание их на камни, спуск в воду, приставанье к берегу во время прибоя — все это сильно их расшатало, и они цедили как решето.

Пока ороци починяли лодки, мы пошли экскурсировать по окрестностям.

Река Нимми длиной около 40 верст. Русские называют ее «Нельма». Река течет все время в широтном направлении; притоков имеет четыре: три с правой стороны и один с левой. Ближайший из правых притоков находится в пятнадцати верстах от моря¹.

Истоки реки Нимми охватываются, с одной стороны, притоками реки Самарги, с другой — притоками реки Ботчи. По правым притокам Нимми можно в один день дойти до перевала и

выйти к речкам Чяфи, Чжалу и Агза, впадающим в Самарги с левой стороны. Чяфи будет ближайшая к морю (10 верст), Агза — дальняя (25 верст). Орочи ходят по всем трем речкам в зависимости от цели, куда они на Самарги намерены выйти. Левый приток Нимми приведет на Ботчи в 30 верстах от моря. Зимой орочи сообщаются именно этим путем и совершенно избегают ходить на лодках по морю.

Скорость течения реки Нимми — 10 верст в час. На орочских лодках можно подниматься вверх верст на восемь не более, далее помехой являются мелководье реки, извилистость ее течения, порожищность и сплошные завалы буреломного леса. Около устья река разбивается на протоки и образует много заводей и слепых рукавов. Здесь раньше тоже была лагуна. Из наносов реки образовались острова, между которыми остались глубокие протоки с солоноватой или с пресной водой, смотря по тому, откуда дует ветер и есть ли в море прибой.

Так как все осадки реки остаются около островов и в протоках, то у устья Нимми нет бара. Поэтому выход ее в море очень глубокий, течение медленное, покойное. Это дает возможность лодкам свободно входить в реку и выходить обратно в море.

Сама по себе бухточка небольшая, но глубокая, поэтому здесь никогда не бывает такого большого прибоя, как в других местах, где есть мелководье. Эти качества бухточки и реки позволяют делать погрузку рыбы на суда и выгрузку имущества с пароходов на берег во всякое время суток и независимо от погоды.

Орочи считают Нимми рыбной рекой. По их словам, кета здесь держится в глубоких ямах до половины зимы, а куржа и форель — всю зиму². В голодные годы, когда улов рыбы в других местах бывает недобычливый, они съезжаются сюда отовсюду, ловят бычков, камбалу и занимаются охотой. Острова, о которых говорилось выше, покрыты густой травой, порослью ольхи и редкими, жидкими, полузасохшими лиственницами. Такая растительность бывает всегда на местах сырых и болотистых.

На одном из островов каким-то орочским шаманом поставлено священное дерево *ту*³. Оно украшено грубой резьбой, изображающей змею, человека, жабу, ящерицу и какую-то птицу. Это место — пристанище черта. Орочи боятся ходить на этот остров, так что когда мы хотели ехать туда на лодке, они сопровождать нас отказались, поехал только один молодой ороч, но и он не высадился на остров, а остался дожидать нас в лодке.

Если встать лицом в горы, а спиной к морю, то с левой стороны в углу, ближе к берегу, находится небольшая лиственничная роща. В ней — старинное орочское кладбище. С тех пор, как орочи отодвинулись дальше в горы, они стали хоронить

своих родственников на новом месте, а старое кладбище предали забвению.

Лет двенадцать тому назад на реке Нимми жило много орочей-удэхе. В настоящее время население уменьшилось почти наполовину. Сейчас там все население состоит из двадцати четырех человек (шесть мужчин, восемь женщин и десять детей — пять мальчиков и столько же девочек).

XLII

Холодный, сильный западный ветер, дувший всю ночь с материка в море, не прекращался и весь следующий день. В море всюду кружились вихри; ветер налетал порывами, вздымал воду на воздух и в моменты затишья обдавал ею, как дождем, лодку, людей, сидящих в ней, и все наше имущество. Все небо было покрыто перистыми растянутыми облаками, как паутиной, и имело какой-то грязный белесоватый вид. Вокруг солнца держалось большое гало с интенсивной хроматизацией по внутреннему его краю.

Из опасения, что ветер может унести наши лодки в открытое море, мы все время держались под защитой береговых обрывов. Около устьев маленьких речек скалистый берег прерывался. В этих местах ветер дул с такой силой, что нам стоило многих трудов добраться до противоположных обрывов.

Пока речки были маленькие, можно было еще кое-как с грехом пополам проскакать мимо их устья, но когда мы дошли до реки Сонье, то это стало уже небезопасно. Два раза мы пытались пройти мимо ее устья и дважды были вынуждены возвращаться назад и прятаться под скалистый берег.

Долина реки Сонье довольно широка. Левый берег ее крутой, нагорный, правый — пологий, ровный. Однообразно желтый ковер [пышных?] трав и тощие одинокие листовницы с отмерзшими вершинами свидетельствуют о заболоченности всей низины. Об этом же говорят и мелкие протоки, на которые разбивается река около устья. Базальты и глинистые сланцы, из которых слагаются окрестные горы, после разрушения своего дают весьма вязкие глины. Бывшая здесь раньше лагуна давно превратилась бы в сухую плодородную долину, если бы не эти пластические осадки. Смываемые дождями, они отлагаются здесь в виде мощных напластований, обуславливая этим заболочивание всей почвы. Здесь около реки Сонье мы прождали до полудня. Наконец, нам показалось, что ветер как будто немного стих. Последнее время мы тащились крайне медленно, и потому перспектива опять сидеть на месте нам не улыбалась и мы решили в третий раз настойчиво попытаться счастья.

— Кто его знает, какая завтра будет погода и позволит ли еще ехать дальше,— говорили между собой стрелки и казаки.

Они дружно налегли на весла — и легкая лодочка быстро

опять понеслась по морю. Едва мы вышли за обрывы, как сильным порывом ветра сразу накренило ее на левый борт. Вода, вздымаемая при гребле, подхваченная ветром с каждым ударом весла обдавала нас с головы до ног и захлестывала лодку. Скоро мы заметили, что как ни старались гребцы, лодку сносило все больше и больше — берег от нас удалялся. Около самого берега не было волнения, но на линии горизонта видно было, как вздымались водяные горы, перегоняли друг друга, шли куда-то к югу. Люди поняли, что если им не удастся перебить ветер — они все погибли. Все бросились грести, никто не сидел сложа руки, все работали, кто запасным и сломанным веслом, кто лопатой, доской и чем попало.

Так продержались мы два с половиной часа. Люди начали уставать. Надо было дать маленькую передышку и разделить на две смены. Меньше всех растерялся ороч, он сначала волновался так же, как и другие, но потом успокоился и даже начал смеяться: «Оды би наму то ая!» (то есть «Ветер есть, но море хорошее»), — говорил он с улыбкой. Его спокойствие тотчас же передалось и людям. Очевидно, он что-то заметил, что опасность миновала.

Ороч указал рукой на лодку и затем на берег.

Действительно, лодка перестала удаляться в море и двигалась теперь вдоль берега, хотя и на значительном от него расстоянии.

Причина этого явления скоро разъяснилась. Ветер, направляемый по долине реки Сонье, сжатой с боков горами, как по трубе, дул со страшной силой. В эту-то сильную его струю и попала наша лодка. Но как только мы отошли от берега, где простору было больше, ветер дул ровнее, шире, и потому явилась возможность бороться с ним и идти вдоль берега. Это и заметил ороч, но не сказал ничего людям, дабы они, обрадовавшись, преждевременно не бросили бы весел все сразу, потому что ветер был все же еще достаточно силен, и для того, чтобы не сносило лодку дальше, надо было продолжать грести энергично.

Скоро стало заметно, что лодка приближается к берегу, а через полчаса мы были уже опять под защитой береговых обрывов.

В Уссурийском крае самые большие обнажения можно наблюдать на берегу моря. Здесь прибрежные горные хребты, размытые вдоль оси вкрест простираения, раскрывают перед геологом тайны своего строения.

С лодки, в особенности если немного отойти от берега, с поразительной ясностью до мельчайших подробностей выступают перед зрителем все антиклинали и синклинали, частные сбросы, береговые террасы, флещы, слоистость пород и трещины, по которым произошло их распадение.

Правда, приходится часто подъезжать к берегу, высаживаться, брать образцы и сличать породы, но зато с лодки сразу охватываешь зрением весь берег и сразу видишь, какое место в данной свите занимает тот или иной пласт, какой из них будет кроющим, какой подстилающим и т. д.

Строение берега от устья реки Нимми до мыса Туманного довольно однообразное: здесь развиты главным образом лавы и их туфы. Эти туфы лежат слоями как осадочные породы, и из общей сырой массы лавы, чрезвычайно плотной и непористой, они резко выделяются своей пестрой окраской: фиолетовой, черной, желтой, темнокрасной и т. д.

Около мыса Киптомадуони лавы двух цветов — серая и бурая. Серая лежит тремя слоями, бурые полосы занимают среднее место между ними. Вероятно, эти лавы вылились неодновременно и, быть может, появились на дневную поверхность земли не из одного и того же источника. Все туфы лежат флецами совершенно горизонтально и параллельно берегу моря и только изредка делают небольшие изгибы в вертикальном направлении, образуя длинные пологие антиклинали¹.

XLIII

Береговые обрывы сильно разрушены главным образом деятельностью пресной воды, стекающей сверху. Другие факторы, как то: ветры, разность температуры осенью и весной и морское волнение играют второстепенную роль. В дождливое время года здесь все время происходят такие большие обвалы, что в короткие промежутки времени они совершенно изменяют физиономию берега.

Сопровождавшие нас орочи не узнавали места. Там, где была раньше одинокая скала, имеющая вид человека, там, где был острый мыс, образовалась узкая расщелина. Вода прорыла глубокое ложе и вынесла к морю массу щебня. И все это произошло на глазах людей в какие-нибудь полтора-два года.

Орочи объяснили это по-своему: «каменный человек окарауливал горы; Какзаму — худотелый великан на тонких, кривых ногах и с редькообразной головой, обращенной острым концом кверху — злой дух, обитающий в густых лесах, разбил каменного человека и разрушил берег». Они долго шептались между собой и долго оглядывались назад, на проклятое место.

Между реками Адами и Буи на расстоянии семи верст есть трое береговых ворот недавнего образования. Последние к югу — будут самыми большими. Они стоят не в воде, а на полосе прибоя. Раньше это был мыс, прорезанный вдоль какой-то жилой, состоящей из весьма сложной и твердой изверженной породы. Основная порода, бывшая с той и с другой стороны, размывалась и обвалилась, а жила, как наиболее устойчивая, осталась стоять в виде стены. Затем, в наиболее слабом месте

ее волнением пробило брешь, произошел внутренний обвал и образовались ворота. Впоследствии море наметало сюда песок и гальку и ворота очутились в стороне от воды.

Дальше от реки Ниме вплоть до реки Лозаа опять тянутся базальты с характерным для них столбчатым распадением. Около самой реки Ниме эта столбчатость находится в виде венчающего карниза на самом верху обнажения, а около реки Лозаа они видны в трех ярусах: внизу, вверху и посередине. Обыкновенно такое столбообразное распадение распространяется и на соседние породы, хотя бы те состояли совершенно из другой структуры (например песчаники). Здесь же оказались те же лавы, но они почему-то распались иначе и разбились неправильными трещинами на глыбы¹.

На берегу самой высокой точкой в этих местах будет гора Скалистая высотой в 280 метров над уровнем моря. Для моряков она служит ориентировочным пунктом.

Часа в два дня мы миновали реку Неме. Судя по тому что мы видели с лодки, долина этой речки будет такая же болотистая, как и долина реки Сонье.

Все описываемое побережье оголено от леса пожарами. Однообразно серые стволы деревьев, лишенные ветвей и зелени, поваленный ветрами сухостой, обгорелые пни и голые камни придают всей местности чрезвычайно унылый и тоскливый вид. Чувствуется отсутствие жизни, чувствуется, что всякое живое существо, дошедшее до границы пожарища, непременно должно повернуть в сторону и уйти из этой мертвящей пустыни.

Под защитой береговых обрывов около самого берега было совершенно тихо. Мы часто отдыхали и, опустив весла в воду, любовались чудесными картинами, которые, как в гигантской панораме, все время сменяли одна другую. За горой Скалистой от берега выступал одинокий утес, похожий на горбатого человека, за ним был виден острый мыс, напоминающий голову великана в какой-то странной шапке, дальше два камня торчали из воды точно ослиные уши, затем опять каменные бабы, за ними опять мысы, обрывы и т. д. Когда мы подъезжали к ним, иллюзия пропадала, и горбатый человек и голова великана снова принимали форму утеса и уже совершенно не были похожи на то, что мы видели раньше.

Несмотря на то что мы не гребли, лодка наша, хотя и медленно, но равномерно двигалась вдоль берега. Нас несло береговое течение. В Татарском проливе оно наблюдается около всех мысов у берегов Уссурийского края. Направление движения воды происходит всегда вдоль берега от северо-северо-востока к юго-юго-западу. Эти течения бывают главным образом летом тогда, когда дуют муссоны. Они гонят волнением воду к материку, вследствие чего в бухтах около устьев рек повышают уровень моря фута на два или на три. Если мы примем

во внимание почти замкнутый пролив Татарский (в данном случае говорится о мелководье лимана), если мы примем во внимание еще и движение воды из Амура по фарватеру около острова Сахалина, то станет понятным, почему течение, о котором говорилось выше, происходит вдоль берега не на север, а к стороне открытого моря. Раз только воде был дан толчок к югу, она неизменно продолжала и продолжает в силу инерции двигаться в этом направлении. Это особенно заметно, когда бросишь в воду с берега какой-либо предмет или убьешь птицу, и она упадет в море. Несмотря на ветер, дующий к материку, птицу не прибывает волнением к берегу и всегда уносит к южному мысу.

Так было и с нашей лодкой. Вся разница была только в том, что ветер дул не с моря на материк, а обратно с материка на море. Отсюда мы вправе заключить, что в образовании берегового течения принимают участие не одни только муссоны, дующие со стороны юго-юго-запада, но и другие факторы, которых мы пока еще не знаем.

Сегодня мы имели случай наблюдать, как бакланы сушат свои крылья. Около одного из мысов в воде между камнями плавало множество этих птиц. Они постоянно ныряли в воду и доставали со дна какую-то мелкую рыбешку, которую тут же и глотали. Некоторые из них, видимо, уже насытились. Они взобрались на камни и, усевшись лицом против ветра, распускали по очереди то одно крыло, то другое. Во время нырания за рыбой в перья бакланов попала вода и теперь они их сушили. Оба крыла сразу баклан распустить не может, потому что ветер тотчас же заставит его подняться на воздух, но одно оно не мешает ему сидеть спокойно. Птицы инстинктивно это понимают и потому разворачивают крылья по очереди.

Как ни не хотели усталые птицы лететь, но приближающаяся лодка заставила их подняться с камня. Они шумно снялись и стали кружиться на одном месте. Впрочем, как только мы прошли эти камни, они тотчас же спустились на них и снова принялись за просушку своей одежды.

Часа в четыре дня наша лодка дошла до реки Лозаа. Мы хотели было итти дальше, но орочи заявили, что здесь надо ночевать непременно, что дальше будут большие мысы, на протяжении сорока верст пристать будет негде и что ночь нас застигнет раньше, чем мы успеем обогнуть их и дойти до реки Адими.

— Надо хорошую погоду, надо тихое море,— говорили орочи,— если ветер захватит нас на половине дороги, то морское путешествие наше может окончиться крушением.

Доводы орочей были настолько серьезны и убедительны, что мы не стали им противоречить и направились в устье реки Лозаа.

Оказалось, что орочи разошлись друг с другом. Услышав звуки топора и увидев зарево от огня на берегу моря, местные орочи сели в лодку и пошли на разведку. Немного не доходя до нашего бивака, они остановились и высиделись на берег, тихонько обошли нас в темноте и стали наблюдать. Заметив на биваке орочские вещи и убедившись, что они имеют дело с людьми, которые их не обидят, орочи вышли из своей засады, смело подошли к костру и стали дожидаться возвращения своих земляков и наших провожатых.

Из расспросов мы узнали, что орочи действительно разминулись в дороге, но «наши» все же нашли их юрту¹. В ней они застали одну только испуганную женщину. Сообщив ей о цели своего приезда и узнав, что мужчины все ушли на разведки, они успокоили ее и позвали с собой на бивак отряда.

Все четверо мужчин были братья одной семьи из рода Каза (Ландыка, Янгуй, Вензи, Неодыга). Женщину звали Кимони. Она была женой старшего из них Ландыка. Они сказали нам, что живут по другую сторону мыса Туманного на реке Самарге и сюда на реку Лозаа приходят только осенью на время охоты. Пока варился для гостей ужин, наши провожатые уже успели с ними сговориться, успели дать нам аттестацию, объяснили наше социальное положение, куда мы идем и какая от них, орочей, требуется работа.

Решено было, что дальше с нами пойдет проводником только один Янгуй, а что остальные три брата и женщина останутся на месте для соболеванья, чтобы не терять дорогое время.

К обоюдному удовольствию это устраивало и нас и их.

На ночь казаки разложили большой костер. Какой русский не любит большого огня в лесу! Тепло, светло, весело! Яркое пламя высоко вздымалось вверх. Горячий воздух трепал ветки деревьев и срывал засохшие листья. Они кружились, вспыхивали и, подхваченные горячим вихрем, быстро исчезали в темноте... Глядя на то, как наши люди подбрасывали в огонь все новые и новые охапки хвороста, орочи покачивали головами и вслух выражали свое удовольствие.

«Наша так нету,— говорили они.— Наша маленький огонь клади, ночью спи — огонь не надо!..» Действительно, орочи никогда большого костра не раскладывают. Или им лень собирать дрова, или они придерживаются косных привычек своих отцов и дедов, но во всяком случае, ложась спать, они в огонь дров не прибавляют и, как бы ни зябли, ночью они ни за что уж не встанут его поправить. Многие спят без огня и зимой. Глядя на их плохонькую одежку, невольно удивляешься, как они могут по ночам выносить такую стужу, спать и не просыпаться.

Наши люди долго укладывались и приспособлялись. Они клали под голову порожние мешки из-под риса и сухарей, подстилали под себя козьи шкурки и, плотно прижавшись друг к другу, старались все вместе покрыться одним полотнищем палатки. Через час мы уже спали. У огня сидел один только очередной дневальный. Он что-то починял иголкой.

Орочи устроились в стороне. Они утоптали мох ногами и легли как-то странно, без подстилки и в разные стороны головами.

Скоро на биваке воцарилась полная тишина. Слышно было только храпение спящих и треск горящих в костре сучьев. Где-то за рекой все еще ухал филин, и в соседнем болоте попрежнему глухо стонала выпь...

ПУТЕВЫЕ
ЗАМЕТКИ

1912 г.

I'

Село Крерово находится в одной версте от станции Ипполитовки Уссурийской железной дороги. Раньше эта станция называлась Невельская.

Имя Невельского славное, оно записано на страницах истории Приамурья. Зачем понадобилось заменить его фамилией неизвестного Ипполитова? Грубый анахронизм! Образование села относится к 1885 г. В настоящее время в нем насчитывается 106 дворов. В селе есть церковь, церковноприходская школа, две китайские лавки и кабак, дающий доходу ежегодно около 5000 р. Крестьяне — выходцы из Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний.

Окрестности села Крерово представляют совершенную пустыню. Представьте себе местность слабо всхолмленную. Холмы пологие, пространные. Нигде не видно ни одного дерева, ни одного кустарника... Дальше к востоку в горах растет какая-то заросль дубняка и березы — редкая, корявая, низкорослая, которую никак нельзя признать за лес. Можно подумать, что здесь никогда лесов и не бывало, а между тем старожилы рассказывают, что когда они пришли сюда первые, кругом их деревни была сплошная тайга. Затем лес этот беспощадно начали рубить во время постройки Уссурийской железной дороги. Креровцы просили не рубить лес вблизи их деревни, но так как земля им не была тогда отмежевана, то жалобы их остались гласом вопиющего в пустыне, и просьбы их не были уважены.

В истории исчезновения креровских лесов надо отметить большое место и лесным пожарам, которые в долине Усури да и вообще во всем Уссурийском крае за последнее десятилетие стали обычными явлениями не только осенью, но даже и летом.

Весна настоящего года была сырая, дождливая, но тем не менее палы были повсеместные. Днем место пала обозначалось густыми клубами дыма. Этот дым наполнял весь воздух; всюду

сущался запах гари. Не только отдаленные, но и ближайшие горы тонули в синевато-белой мгле. Солнце на безоблачном небе казалось желтым кругом с резко очерченными краями, так что на него можно было свободно смотреть простым глазом. Тени, бросаемые предметами, имели тоже красноватый оттенок. Днем пал не имел такого вида, как ночью. Как только солнце скроется за горизонтом и сумеречные тени начинают покрывать землю — разом все горы украшаются огнями. Грандиозная иллюминация! Красивая и жуткая картина! Куда ни глянешь — всюду огонь. Пламя длинными языками, точно живое, взбегают на горы и все уничтожает на своем пути. Огонь заглядывает во все закоулки и во все распадки. Казалось, он на время замирал, гас совсем, но вдруг вновь разгорался большим пламенем и ярко отражался в небе кровавым заревом.

Надо отличать пал от лесного пожара. Пал, когда горит сухая трава, — одно; горение буреломного леса, кустов и молодняка — другое, а когда горит лес — третье. В Уссурийском крае горят именно леса; местными жителями различий не делается и всякий лесной пожар называют «палом».

За последние десять лет пожары очень участились. Уже и теперь старожилы начали замечать, что реки стали сильно размывать берега, начали отмывать хлебородные земли и заносить пашни песком и камнями. Они стали замечать и то, что после дождей вода стала быстрее скатываться с гор в реки. Раньше после дождей вода в реках подымалась на вторые, даже на третьи сутки. Теперь гораздо скорее; если утром шел дождь, к вечеру, ночью и в крайнем случае на следующее утро надо ждать подъема воды в реке. И не мудрено! Верховья всех рек уже обезлесены. Уссурийский край горит! Надо считать, что в настоящее время уже третья часть всех лесов уничтожена пожаром. Если так будет продолжаться дальше, Уссурийский край очень скоро очутится без лесов, но зато с очень стремительными наводнениями.

Нигде не страшны так лесные пожары, как в гористой стране. Тонкий растительный слой земли, на котором растут деревья, мхи и подлесье, быстро смывается водою. Оголяется мертвая материнская порода, и образуются целые безжизненные области наподобие «карстовых» полей Италии. Стоит только посмотреть, что делается в верховьях рек Такэмы, Сяо-Кэмы, Амау, Найны, Кусуна и т. д. Можно было бы всю страну эту испестрить названием рек, где в настоящее время после пожаров происходят постоянные обвалы и осыпи, и места открытые, плодородные заваливаются щебнем.

Пожары происходят главным образом от неосторожного обращения с огнем. Много вреда приносят и охотники во время белкованья, стреляя из ружей и употребляя вместо пробочных пыжей паклю, вату и тряпки. Немало я наблюдал случаев умышленного поджога лесов. Степняки-малороссы, переселив-

шися в край, не любят леса, тяготятся им, боятся тайги и уничтожают ее всюду на каждом шагу не столько топором, сколько огнем.

До тех пор, пока сами крестьяне не проникнутся сознанием, что лес есть то же хозяйство, только в больших размерах, что река, а в частности и их пашни находятся в тесной зависимости от лесов, никакие лесоустроители, пристава, лесничие, объездчики и лесники помочь не могут.

Тушение пожаров должно быть общее и повсеместное.

И до сих пор есть еще чудачки, которые говорят о пользе пожара. Так ли это? С исчезновением лесов исчезают и звери, и птицы.

Только в Уссурийском крае растет *женьшень*, ценимый китайцами выше золота, и он растет только там, где не было пожара. Зачем же лишать край этого миллионного дохода!?

Сравните лес, где не было пожаров (теперь крайне редкое явление) с местами, где они постоянны. Разница в том и другом и для неспециалиста бросится в глаза.

В настоящее время в Уссурийском крае начинают работать партии таксаторов по лесоустройству. Какой может быть разговор о лесоустройстве, когда кругом горят леса? Не с этого надо начинать. Сперва надо остановить пожары. Какое же это устройство лесов, когда сгорает весь молодняк, все то, что за год успеет засеяться и дать ростки!?

Как только пожары прекратятся, даже такие пустыри, как окрестности села Кремова, сами зарастут и без содействия человека².

Геология этих мест очень проста. Село Кремово находится в долине реки Лефу, окаймленной с северо-запада горами, а с востока цепью холмов, переходящих к реке в пространные пологие увалы; к северу далеко виден горизонт, в том направлении, куда течет Лефу. Денудационные процессы сильно изменили первоначальную физиономию страны.

Здесь геология выразилась в сильнейших размывах (эрозия). Сглаженные контуры, плоские холмы и валуны, хотя и угловатые, но с закругленными краями, говорят об этом. Невольно пытаешься представить первоначальный вид этих гор: высокие острые гребни, причудливые вершины, глубокие овраги, шумящие ручьи и т. д.— такая картина рисуется в воображении.

Северо-восточные увалы и холмы (в направлении от Кремова) состоят из какой-то породы очень красивой, блестящей, волнистой, мягкой и на ощупь маслянистой, наподобие талькового камня. Южнее, с той же правой стороны реки обнажаются порфиры.

Если идти по дороге в д. Ляличи, то с левой стороны в одной версте от нее и в шести верстах от Кремова есть следы древнего поселения. Здесь дорогу пересекает извилистый сухой и

мелкий овраг. Вода в нем бывает только в дождливое время года. В этом овраге есть две небольшие ямки, или болотинки, со стоячей водой. Это дало повод предположить, что ямки не что иное, как старинные колодцы, занесенные песком и илом. Раскопки болотинок подтвердили это предположение. В глубине ям под водой оказался деревянный дубовый сруб. Дерево почернело от времени и перегнило уже настолько, что легко раздавливается руками. Как раз против колодцев на краю оврага видны какие-то бугры, своим белым цветом резко отличающиеся от окружающей их черной пашни. При ближайшем знакомстве с ними выяснилось, что эти бугры — места старинных покинутых жилищ; в середине бугров были слабые намеки на углубления. И земляные бугры и колодцы нельзя отнести к глубокой древности. По всей вероятности раньше здесь жили инородцы.

II

Село Кремово был наш сборный пункт. Сюда должны были съехаться все участники экспедиции. Надо было купить лошадей, приучить их к седловке и приспособить вьюки. На все на это ушло времени около семи суток. 19 апреля все было готово, выступление было назначено на 20-е число. Однако еще с вечера 18 апреля видно было, что в близком будущем погода должна измениться к худшему: все небо было затянуто паутиной высоких слоистых облаков; около солнца появились венцы (гало) с внутренней хроматизацией. Надо было ждать дождя. И действительно, в ночь с 19 на 20 апреля пошел сильный дождь, который не прекращался и весь следующий день. Мы попробовали было итти, но увидели, что будет трудно, тем более что все чины отряда были одеты по-летнему, в одни только рубашки. Как это ни было неприятно, но пришлось этот день провести в Кремове. К вечеру 20 апреля дождь начал стихать, и на другой день посветлело.

От села Кремова к реке Лефу есть две дороги. Одна круглая — через село Осиновку — большая, широкая дорога, но грязная, сильно разбитая; другая прямая проселочная, проложенная самими крестьянами через горы. Местные жители говорили, что эта дорога удобна только в сухое время, что на пути она пересекает ручьи и болота, которые теперь после дождей стали непроходимыми. Наш выбор остановился на этой последней.

21-го числа мы оставили сборный пункт. Дорога наша шла на север по «ключику», медленно подымаясь в горы. Дожди промыли в ней глубокие рытвины. Во многих местах лежал еще снег. Сначала люди выбирали, где посуше, но потом, промочив ноги, шли уже без разбора, где попало.

Обыкновенно в этих местах уже в конце марта появляется зелень. Теперь же несмотря на то что был конец апреля, зелени

нигде не было видно.— Весна запоздала. Даже почки на деревьях и те оставались еще нетронутыми. И немудрено, при такой низкой температуре!

Около полудня на короткое время выглянуло солнце и разом осветило соседние горы. Они более чем наполовину были покрыты снегом. Холодный ветер и низкая температура воздуха сразу стали понятны. Значит, в то время, когда в долинах шел дождь, в горах падал снег. Можно было вперед сказать, что пока снег этот не стает, погода все время будет стоять холодная.

Через несколько минут солнце снова скрылось в тучах.

После перевала дорога поворачивает на восток-северо-восток и идет по долине «Горелого Ровка». Здесь в горах растут редкие дубняки, даурская береза, ольха и осина. Ветви деревьев ветрами загнуты в одну сторону, к западу. Пока дорога шла горами, она была твердая, каменная, но на спуске в долину реки Лефу сразу стала топкой и вязкой.

В канавах в уровень с дорогой по обе ее стороны стояла вода. Ручьи, стекающие с гор, разлились и снесли мостики; местами вода шла прямо по дороге. Движение по такой дороге утомительно и для людей и для лошадей. Нога скользит, проваливается в хворост и вязнет в грязи. Часа через два мы дошли до почтового тракта, идущего от Анучина через д. Осиновку к Никольску-Уссурийскому. Здесь, у соединения обеих дорог расположились две деревни: Лефинка и Казакевичева, разобщенные только рекою.

На этом почтовом тракте грязь стояла еще более невылазная. Навстречу нам попалась «обывательские». Две тощие лошаденки, запачканные грязью выше чем по брюхо, надсаживаясь и вытянув шеи, тянули такой же грязный тарантас с кузовом сзади. Мужичок славянского типа с русой бородой в равном зипуне, перешитом из солдатской старой шинели, сидел на козлах, усиленно дергал вожжами и криками, свистками и всем своим существом старался подбодрить лошадей. Тарантас переваливался из стороны на сторону; колеса вязли по самую ступицу. Из глубины тарантаса выглянуло на нас чье-то испуганное и измученное лицо. Седок держался руками за стенки кузова, чтобы не ушибиться и не вывалиться совсем из тарантаса. Во время распутицы по такой дороге лучше итти пешком, чем подвергать мучениям себя самого, лошадей и возницу. Наконец, лошади остановились. Как ни старался подбодрить их мужик, ничего не помогало. Лошади стояли, раздув ноздри, и тяжело и порывисто дышали. Мужичок слез с тарантаса и стал что-то поправлять на конях. Мы пошли дальше и через четверть часа вошли в деревню.

Деревня Лефинка на левом берегу реки, а Казакевичева — на правом. Достаточно было переехать только через мост, чтобы очутиться в другой деревне. Река Лефу разлилась и затопила

дорогу; вода обошла мост с обеих сторон так, что мост очутился как будто посередине реки. Сообщение между деревнями было прервано.

Деревня Казакевичева имеет смешанное население. У самой речки на месте бывшей почтовой станции Лоренцовой теперь поселился местный старожил, крестьянин Степан Кулеш со своими сыновьями. Рядом с ним живут китайцы — пять фанз, а дальше хуторами вплоть до деревни Николаевки разбросались 69 корейских фанз. Одна из китайских фанз, находящаяся на земле Кулеша, была притоном опиекурильщиков и игорным домом.

В ночь с 22 на 23 апреля к опиекурильне пытались пробраться хунхузы. Слух о большом количестве опия, хранящегося в фанзе, и деньги игроков были хорошей приманкой. Но, узнав о прибытии нашего отряда в Лефинку, хунхузы отложили свое нападение и скрылись в одной из корейских фанз. На рассвете корейцы узнали об этом и стали их искать. Хунхузы бросились бежать и начали из револьверов отстреливаться от преследователей. Они бежали к реке Лефу, к тому месту, где накануне видели лодку. Но лодки там не оказалось: ее случайно перевели в другое место. Корейцы задержали одного хунхуза и обезоружили его, а двое других бросились вплавь через реку. Корейцы открыли по ним огонь из ружей. Судьба этих двух хунхузов неизвестна. По всей вероятности, хунхузы были убиты, только корейцы не хотели об этом говорить. Корейцы торжествовали: пойманного хунхуза они привязали к столбу у самой дороги. Вид разбойника был ужасный. Веревки, опутавшие его, глубоко врезались в его руки и ноги, лицо было избито, из носа шла кровь; он слабо шевелил губами, время от времени выплевывал выбитые зубы и злобно глядел на окружающую его толпу. Отобранный у него револьвер был у корейцев и переходил из рук в руки. Как и надо было ожидать, китайцы относились к поимке хунхузов весьма равнодушно. Интересно, что местные китайцы, как об этом говорили все, еще за несколько дней вперед знали о предполагавшемся на них нападении, но ничего не дали знать русским властям и сами никаких мер не приняли. Чем это объяснить? Очень просто. Китайца, который выдал хунхузов, который не оказал разбойнику гостеприимства или своевременно не дал знать о действиях и намерениях русских, ждет мучительная смерть от руки мстителя. Бывали случаи, когда китайцы, выведенные из терпения тяжкими поборами хунхузов, выдавали их русским властям. Начиналась судебная волокита. А кто виноват, что эти хунхузы резаки человеку горло и отбирали у него деньги? А кто может доказать, что оружие, найденное при них, предназначалось именно для разбоя, а не для самообороны? В результате за недостатком прямых улик хунхузы оправдывались судом и выпускались на свободу. И первым делом освобожденных хунхузов была месть, если эту

миссию не успели еще выполнить их сообщники. Китайцы убеждены, что русские покровительствуют хунхузам или в лучшем случае терпят их, что хунхузов «наплодили» сами русские и что русские, если бы пожелали, давно освободились бы от них. Пожалуй, в этом есть и доля правды!..¹

Вот другой случай, ярко иллюстрирующий, насколько <не> целесообразно поставлена борьба с китайскими разбойниками в крае. Крестьяне-охотники с Сучана, получив от китайцев сведения о движении большой шайки хунхузов, собрались вместе в числе 12 человек и отправились за ними в погоню. Хунхузы были настигнуты в истоках реки Улахэ. Охотники, убедившись, что перед ними действительно вооруженные китайцы, напали на них врасплох. Произошла перестрелка, и хунхузы были перебиты. В результате вот уже скоро два года, как крестьян этих таскают по судам, держат под надзором, отрывают от работы и тем дают новое оружие в руки хунхузов. После этого вряд ли кто из крестьян-охотников на будущее время пойдет разыскивать хунхузов².

III

Около деревни Казакевичевой левый берег реки Лефу высокий, правый — низменная равнина. Возвышенный левый берег представляет мощную речную террасу, состоящую из серой нейтральной лавы с включениями обсидиана величиной с малое куриное яйцо. При остывании этой лавы сильно выделялись газы, которые и образовали в ней многочисленные пустоты, вытянутые в направлении движения лавы. Эти-то пустоты и выполнились обсидианом и другой какой-то стекловатой лавой серовато-голубого цвета. Целые включения найти трудно, но обломки их встречаются во множестве¹.

До села Ивановского на протяжении 10 верст направление реки широкое, отсюда река поворачивает на север. Дальние береговые террасы переходят в пологие холмы, а еще дальше тянется равнина. Теперь новые террасы появляются уже с правой стороны. На их возвышенном плато расположилось село Ивановское.

В пяти верстах от деревни Лефинки на высоком левом берегу реки виднеется двухэтажный деревянный дом. Это заимка Н. С. Введенского. Близ этого дома от реки вверх на террасу подымается старинная дорога. Введенский воспользовался ее откопом и подновил ее. Дорогу эту хорошо видно издали. Тут же поблизости находится курган — старинная могила.

Вернемся опять на правый берег. Здесь около дома крестьянина Степана Кулеша (место бывшей почтовой станции Лоренцовой) находится большая крепость. С версту к югу от дома Кулеша река Лефу вправо от себя отделяет небольшую протоку. Эта протока пересекает почтовую дорогу как раз около

дома Кулеша и, пройдя в этом направлении 100 сажень, поворачивает влево и впадает снова в реку. Таким образом, между самой рекой и ее протокой образовался довольно обширный остров. На этом-то острове и построено укрепление. Оно имеет закругленную форму, только один северный конец его оканчивается острым углом. Строители укреплением старались расположить его таким образом, чтобы река с одной стороны и протока с другой служили бы естественными препятствиями и имели бы значение рвов, наполненных водою. Этому укрепление обязано своей странной формой. Протока в настоящее время мелководна, но видно, что раньше она была значительно глубже. В том месте (северо-западный угол), где река отклоняется немного в сторону, строители искусственным водяным рвом соединили реку с протокой. Соединений два, и протока находится близ угла укрепления. О том, что во рву раньше была вода, свидетельствуют выросшие на его дне густые ивняки с тростниками и водяные растения. Вся крепость имеет в окружности 504 сажени. Вал сложен из камней и засыпан землею; по всему валу выросли большие деревья. Высота вала четыре сажени, ширина у основания — пять сажень. Вероятно, раньше вал был несколько выше. В крепость ведут пять ворот: одни ворота находятся в 43 саженьях от угла к востоку, другие — в 110 саженьях от первых ворот в том же направлении, третьи — в юго-восточной части укрепления, четвертые — на юге и пятые на западном фасе. В настоящее время внутри крепости поселились корейцы и пашут землю.

Третий памятник старины, не описанный покойным Ф. Буссе², — укрепление четырехугольной формы, находящееся тоже на правом берегу реки на заимке того же крестьянина Кулеша в полутора верстах от деревни Казакевичевой с левой стороны почтового тракта, ведущего к урочищу Анучино. Внутри укрепления — китайская фанза и пашни; валы распаханы так, что почти сравнялись с горизонтом земли и едва заметны. Лучшее всего сохранился восточный фас, примыкающий к старице. Здесь раньше текла река, а в настоящее время — болото. Во время половодья протока эта очень многоводна.

Одной стороной (северной) укрепление служит для реки водоотводным каналом. Очевидно, и в этом случае строители старались расположить укрепление так, чтобы протока явилась искусственным препятствием. Вообще заметно, что маньчжурские племена, обитавшие ранее в Уссурийском крае, часто строили укрепления в таких местах, чтобы вода окружала если не со всех сторон, то по крайней мере хоть частью тот или иной фас.

Это укрепление имеет следующие пределы: 1) по западному фасу: ширина вала две сажени, высота два с половиной фута. От рва не осталось и следа. Длина фаса 58 сажень. Самый вал и местность по обе стороны распаханы; 2) по северному

фасу: ширина вала две с половиной сажени, высота три фута. Внутренний ров исчез, снаружи болотистая протока; длина фаса 75 сажен. По рву и внутри крепости распашки; 3) по восточному фасу: ширина вала три сажени, высота три с половиной фута. С внутренней стороны вала пашни следов рва не видно. Этот фас длиной 77 сажен и сохранился лучше других; снаружи после вала идет горизонт пять сажен и затем ров шириною три сажени и глубиною четыре фута; вероятно, раньше этот ров был значительно глубже. Ров этот сообщается с сухой протокой и поэтому можно заключить, что раньше, когда в протоке была вода, ров был также наполнен водою, и, наконец, 4) южный фас имеет такие же размеры и находится в таком же состоянии, как и северный фас крепости. Вход в укрепление был с этой стороны.

Такое расположение укреплений большого около реки Лефу (деревни Казакевичевой), малого (только что описанного) вблизи большого (в полутора верстах от него) и след старинной дороги за рекой на террасе кажется странным. Были ли строители и того и другого укрепления одного лагеря или одни из них были атакующими, другие обороняющимися, или укрепления эти принадлежат разным эпохам и разным народам, которые из них древнее и которые выстроены позднее, сказать трудно. Только обстоятельные археологические раскопки могут ответить на эти вопросы. Пока же мы находимся только в области догадок — я думаю, что оба укрепления построены одними и теми же людьми, в одно и то же время. Большое укрепление — было городище, малое — застава, прикрывающая дорогу со стороны другого враждебного лагеря (реки Даубихэ и Улахэ). Об этом я буду говорить ниже при описании границы Чикитки-Мудки около деревни Орловской. Что же касается до того, что одно укрепление сохранилось хорошо, а другое почти разрушено, то это вполне понятно. Вал большого городища сложен из камней, вал малого — из рыхлой наносной земли.

Плуг земледельца нивелирует землю, разрушает валы, засыпает рвы. Еще несколько лет и такие укрепления совсем исчезнут с лица земли. Надо торопиться с их изучением и описаниями.

Инженеры, техники, топографы, землемеры, чиновники переселенческого управления, священники, учителя, врачи, пристава и начальники уездов, словом, все те лица, которые волею судеб живут не в городах, а по деревням, урочищам и селам, все те, кто бывает в разъездах по краю по делам службы, всегда могут уделить время для этой работы. Остатки древности разбросаны по всему краю. Их надо описать; желательно и фотографирование, зарисование и топографическая съемка. Указать места этих укреплений могут старожилы-крестьяне, охотники и старики-китайцы.

Наши крестьяне охотно внутри этих городищ разрабатывают землю. Они часто выпахивают там старинные мечи, топоры, металлические и глиняные сосуды, монеты и т. д. В их глазах вещи эти не имеют никакой денежной ценности, а научной ценности их они не понимают. Найдя проржавленную монету, крестьяне интересуются ею только одну-две минуты, а затем бросают ее в сторону, как вещь совершенно негодную. Сбор такого материала обогатил бы археологию местных музеев.

Не надо задаваться большими задачами. Следует только обстоятельно изучить ближайшие окрестности, свой район. Чем подробнее будет описание памятников старины одного какого-либо, хотя бы Иманского, района, тем лучше. Как бы ни был плохо начерчен план укрепления, он все же лучше, чем ничего. Издание атласа памятников, оставленных в нашей стороне древнейшими маньчжурскими племенами, всех в одном и том же масштабе вместе с их описаниями (археография) и с описанием находок, сделанных при раскопках (археология), нанесение этих памятников на карты 10-верстного масштаба, определение группировки этих крепостей и городищ на план — вот ближайшие и неотложные задачи по изучению истории Приамурского края³.

В первую голову надо закончить изучение памятников старины в окрестностях Никольска-Уссурийского и затем по долинам рек, где околонизировались наши земледельцы.

Памятники эти быстро исчезают. Надо торопиться.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМА к Л. Я. ШТЕРНБЕРГУ

21.VII.1910

1

Глубокоуважаемый Лев Яковлевич!¹

В день Вашего отъезда я совершенно нечаянно получил предписание вступить в дежурство взамен заболевшего товарища. Это было в 3 часа дня. Я послал своего вестового с письмом на пароход, но он не узнал Вас и письма не передал. Мне очень хотелось бы познакомиться с В. К. Солдатовым². Когда он вернется в г. Хабаровск, я пойду к нему с визитом. Все Ваши коллекции я отправил в Петербург малой скоростью по железной дороге³. Ящики я отправил, заделал дыры, одним словом привел в должный порядок. Дубликат накладной я послал в Этнографический отдел Академии Наук. Туда я документ послал именно потому, что в Петербурге коллекции могли бы получить и в Ваше отсутствие, а то придется платить много денег за хранение ящиков в пакгаузах на железной дороге. Так я поступил и боюсь, что не оказал ли я «медвежьей» услуги. Я думаю, что ящики дойдут без поломки, но поручиться за внимание к чужим интересам железнодорожной администрации не могу. Ведь эти черствые люди ни за что не поймут, какую ценность представляют из себя эти вещи. У них одно мерило — это деньги!

Теперь вот еще что: получил я от заведывающего экспедицией Переселенческого управления г. Ефрем... письмо на Ваше имя и большую бочку. Письмо посылаю Вам, а бочку оставил у себя в Музее. Что с ней делать? Хранить ли ее у себя до Вашего приезда или тоже послать в Петербург в Академию Наук. Если надо ее отправить, Вы телеграфируйте мне одно слово: «Отправить» — я уже буду знать, в чем дело.

Как Ваши идут работы? Соловьев (студент, скупщик коллекций)⁴ писал мне, что он послал пять мест на мое имя для отправки их в Петербург, но этих мест я не получил.

Будете в Николаевске, зайдите к Языкову — передайте ему мой поклон. Лев Семенович Берг⁵ просил собрать сведения о калуге и поискать ручьевых миног. Об этом я писал Языкову (Сергей Сергеевич). Быть может ему удалось что-нибудь разыскать для г. Берга.

В середине августа я буду в Николаевске, хорошо бы встретиться с Вами. Сейчас я занялся отчетами — хочу к осени разделаться со Штабом Округа, чтобы быть свободным. Я думаю, что в два года я закончу свои две книжки «По Уссурийскому краю». Первую часть я думаю исключительно написать в научно-литературном духе. Туда войдут географические описания, статистика, описание самих путешествий, маршруты и все то, что касается наших инородцев (орочей главным образом). Вторая часть чисто научная. Туда войдут и зоология, и ботаника, астрономия, метеорология и геология. Этот материал я могу уже обработать только при по-

мощи ученых специалистов. Вижу необходимость остановиться на одной какой-либо специальности. Все же я очень рад, что самостоятельное изучение этих наук (Бобреецкий, Бородин, Ганн, Неймайр, Гохштеттер и Иностранцев) ⁶ значительно расширило мои горизонты. Закончив с ними, как с общеобразовательными науками, я думаю года два-три специализироваться в Петербурге. Все это пока одни мечты! Осень покажет, в какую форму выльются мои хлопоты.

Будьте здоровы, Лев Яковлевич! Желаю Вам полнейших успехов в работе.

Искренно и глубокоуважающий Вас *В. Арсеньев*.

Что надо — пишите, телеграфируйте.

2

8—X—1910
Хабаровск — Музей

Глубокоуважаемый Лев Яковлевич!

Пишу Вам из Хабаровска, куда я вернулся из поездки 4 октября. Вашу телеграмму я получил, и это мое письмо есть ответ именно на телеграмму. Пользуюсь случаем и посылаю Вам дубликат накладной и две этикетки. То и другое предназначается к этнографическим посылкам, отправленным мною из г. Владивостока транзитом. Посылки эти представляют из себя два места: 1) ящик и 2) завернутое в рогожу «священное» дерево «Тотем». В ящике гроб со всем внутренним содержанием. Гроб я не вскрывал, чтобы не делать шуму в Хабаровске. Таможенный осмотр будет сделан в Петербурге. Необходимо вмешательство со стороны Академии Наук. В этом духе я телеграфировал академику Радлову ¹, зная, что Вас еще нет в Петербурге. Вероятно, придется Вам собрать комиссию из этнографов, врачей и в присутствии таможенных чиновников сделать вскрытие и составить акт. Впрочем, Вы это знаете лучше меня. Как это сделать, Вам виднее. Быть может, труп окажется мумифицированным. Это бывает часто.

Если у орочей бывает какая-либо заразная болезнь, от которой люди умирают во множестве, они хоронят их очень скоро, непременно закапывая в землю. Если же человек умер от какой-либо обыкновенной болезни, которая не может быть повальной, то гроб укрепляется на поверхности, а сверху над ним ставится крыша (навес) из корья или теса. Посланный Вам гроб именно находился на поверхности. Кроме того, я собрал сведения от стариков и узнал, что Ингину (обитатель гроба) умер вполне естественной смертью, и потому труп его (или скелет) ничего опасного не представляет. Посланные этикетки есть только временные. По приезде в Петербург я сообщу Вам более подробные сведения ². Над гробом была крыша из теса и внизу под ним подставки. Так как они ничего оригинального не представляли, а вес имели колоссальный, то я и не взял их. Это стоило бы все очень дорого. Я дам указания и Вы прикажете их сделать в Петербурге. Одно очень важно — это положение покойника: он должен лежать в направлении от запада к востоку так, чтобы видеть восходящее солнце. Поломанный меч, лыжи и прочие вещи должны быть изломаны. Пусть Вас это не смущает.

Кроме этого, я достал для Вас изумительно интересную редкую вещь: берестяную коробку (женскую), украшенную некоторыми медвежьими изображениями. Последнее обстоятельство очень важно в том отношении, что оно имеет большое религиозно-родовое значение. Припомните ту легенду, которую я Вам рассказывал, о происхождении кекарей от медведя. Там говорится, что медведь подобрал девочку на дороге и жил с нею. Медведь, убитый ее братом, завещал женщине хранить его член и не есть мяса. Я давно искал эти изображения, но найти не мог вплоть до осени этого года.

Ваши вещи я роздал орочам и обязал их доставлять мне взамен их те или другие вещи.

Как жаль, что на бумаге многого не переговоришь. Взамен вещей, данных мне Вами, я получу весной: бубен, пояс шамана, вышитую рубашку и сэвохи.

Кланяюсь Ивану Ивановичу³ и Иосифу Марковичу⁴. Крепко жму Вашу руку. Желаю Вам успехов в разработке многочисленных материалов.

Пока остаюсь с искренним уважением.

В. Арсеньев.

3

Глубокоуважаемый Лев Яковлевич!

Давненько я собирался Вам писать, да все как-то не решался. Я сознаю, что Вы в праве на меня были обидеться. Я сознаю свою вину! Конечно, в бытность мою в Петербурге в 1910 г.¹ я должен был прежде всего посетить Вас и тем оказать Вам внимание и уважение. Я не сделал этого, но имел намерение это сделать и все откладывал со дня на день до тех пор, пока экстренно телеграммой меня Н. Л. Гондатти² не вызвал из Петербурга. В этом моя вина! — Приношу повинную. Я теперь сам сожалею, что уклонился от Вас и в бытность свою в Петербурге не поработал в Академии Наук под Вашим руководством. Очень и очень сожалею: ну, теперь нечего горевать по волосам, когда снята голова. Теперь думаю о том, как бы поправить свою ошибку и наверстать потерянное. Не думайте, Лев Яковлевич, что мысли мои и чувства, симпатии сколько-нибудь переменялись к Вам. Также сердечно, искренне с глубоким уважением я отношусь к Вам (как к ученому и как к Льву Яковлевичу), как и раньше. Просто, Музей императора Александра III захватил меня в свой вихрь — вот и все! Б. Ф. Адлер³ имеет с Вами счеты — это его и Ваше дело! — Но у меня с Вами никаких недоразумений не было и потому натянутых отношений между нами быть не должно. Я тогда же (в Петербурге) сказал себе: «Долг всякого порядочного человека не разжигать вражду между друзьями, а наоборот стараться погасить ее!» И потому Ваша ссора с Адлером и не могла повлиять на меня, не могла изменить моих к Вам отношений. То обстоятельство, что я не был у Вас в Петербурге все время меня мучает и не дает мне покоя. Я не прав и потому постараюсь загладить свою вину. Припомните мои слова в Географическом обществе во время лекции — я официально публично заявил, что я с удовольствием выслушал Ваше возражение (хотя оно было очень резкое) и с удовольствием готов вести с Вами дальнейшие разговоры и собеседования⁴. Это ли не есть доказательство справедливости того, что я говорю в этом теперь письме!?

Глубокоуважаемый Лев Яковлевич, бросим в сторону натянутые отношения, протянем друг другу руки и восстановим прежние хорошие отношения.

Посмотрите кругом! Как много есть в природе интересного, увлекательного!? Как много есть того, о чем мы можем обмениваться мыслями!? Моя покорная к Вам просьба: примите меня опять в число своих учеников — Вашим почитателем я был и раньше.

Надеюсь, Вы не заподозрите меня в лести. У меня нет задней мысли, я не думаю получить от Вас наследство, не хочу просить и протекции, я просто хочу восстановить прежние дружеские отношения и быть здесь в Приамурье для Вас полезным по мере сил и возможности. Правда, Вы верите искренности моих слов?

Теперь о деле. Помните, Лев Яковлевич, Вы дали мне бусы, шелк, гарус и т. д. с тем, чтобы я вещи эти променял бы у орочей на какие-нибудь коллекции. Я это сделал и приобрел семь вещей, три идола (сэвохи), зыбку с подвесками из костей рыси (тыдьяни), пояс в виде змеи (ямпа), берестяную коробку, украшенную медвежьими... (редкая уника) и унты с орнаментами. Если позволите, я выставлю их в инородческом отделе на выставке и в начале осени вышлю их Вам в Академию Наук. Недавно я узнал, что в гробу Ингину в чулках и рукавицах покойника были зашиты золотые

монеты на сумму 250—280 руб. Сказал мне это сын Илгину. Мне сообщили, что Вас в Петербурге нет, что Вы уехали в Германию. Я написал Радлову, сообщая Вам об этом, но не ручаюсь за достоверность этого сообщения. Следующее письмо я посвящу подробному описанию того, что со мной происходило за это время.

Начиная с этого дня буду работать для Академии Наук.

Пожалуйста, отвечайте мне на это письмо. Если я на него не получу ответа, я пойму, что Вы не хотите восстанавливать старых дружеских отношений и, как это мне не будет больно — я замолчу навсегда и писать более не стану. Ничего не подлаешь! Прощайте!

Если у Вас есть дела на Дальнем Востоке, поручайте мне — я с большим удовольствием их исполню.

Будьте здоровы, глубокоуважаемый Лев Яковлевич! Желаю Вам от всего сердца успехов во всех делах.

Искренне уважающий Вас

Ваш В. Арсеньев.

г. Хабаровск. Музей
12 июля 1913 г.

4

<1912 г.>¹

Вы не можете себе представить, дорогой Лев Яковлевич, какую радость принесло мне Ваше ответное письмо. Сердечно благодарю Вас за него.

Точно гора с плеч свалилась! Теперь я снова буду с Вами в контакте и радуюсь этому! Сердечный Вы человек, Лев Яковлевич! Только Ваши петербургские люди ученые — эгоисты и большие интриганы. Адлеру я прямо говорил, что *я не верю* тем обвинениям, которые он возводил на Вас. И с кем только я не говорил по этому поводу, все лично знающие Вас, говорили одну и ту же фразу *«Я не верю»*. Вот этих интриг между учеными в Петербурге — хоть отбавляй! В этом отношении у нас в провинции лучше. Я всегда идеализировал — мне казалось, что между учеными должна быть полная солидарность и внимание к обоюдным интересам, — а увидел я другое: не только вражду, но и ненависть и желание подложить свинью друг другу. Это же и среди ботаников, и среди энтомологов, и везде, везде! Нехороший осадок оставил у меня на душе Питер — карьеризм поглотил хорошие чувства человека! Этот Вавилон закрытил было и меня, да, слава богу, я во-время очнулся и убежал к себе в Примурье. Иностранцы очень часто у меня бывают. Каждый раз по приезде в Хабаровск они останавливаются у меня в доме. — Связь с орочами я еще не утратил. В этом 1912—1913 г. и на будущий 1913—1914 г. я никуда не собираюсь. Решил отчитаться литературно от своих путешествий и тогда.. об этом-то «тогда» я и хочу с Вами посоветоваться. На днях выходит моя работа «Китайцы в Уссурийском крае», очерк историческо-этнографический. Сейчас работаю над путевым дневником (физико-географическое описание пройденных маршрутов). За мной останутся только орочи-удэне. В эту работу я вложу всю свою душу. Думаю ее закончить в зиму 1914 г.

После этого я собираюсь перенести центр тяжести своих работ на север к айвуанам-намолю². Туда думаю сослать себя года на три. Маршрут, который я себе наметил, — Берингов пролив, остров Св. Лаврентия, Врангелева земля. Не может быть, чтобы там не было следов пребывания эскимосов. Объехал все северо-восточные острова, я решил ехать на каяках вдоль северных берегов Сибири. Одобряете ли Вы мой план? Буду все время подготавливать себя литературно. Живя у эскимосов, я познакомлюсь с их способами передвижений летом по морю и зимой по льду на нартах. Свой личный опыт из прежних путешествий я дополню опытом эскимосов. Мне нужно, чтобы меня командировали, то есть сохранили содержание

(для семьи) и для самого путешествия дали бы немного денег, которые я думаю собрать у частных лиц в Петербурге, Сибири в Москве. Вероятно, мне будет надо 10.000—12.000 руб., не более. Буду просить Вашего содействия, Лев Яковлевич! Надо теперь начать агитацию. Важно, чтобы к этому проекту привыкло русское общество — тогда удастся добыть и средства. Важно, чтобы по приезде в Петербург я не показался бы вдруг упавшим с неба³.

Дней через 7—8 буду писать снова, пока прощайте⁴.
Еще раз спасибо за письмо.

Искренно сердечно Ваш В. Арсеньев.

5

<1913 г.>¹

Глубокоуважаемый и дорогой Лев Яковлевич!

Не сетуйте на меня за молчание. Выставка взяла у меня все время, все — до последней минуты. Теперь переписка пойдет у нас регулярно. Начну с дела: 1) деньги 150 рублей я получил. Вещи купил за 135 рублей — значит, 15 рублей выторговал. Вещи высылаю — в посылку положил список костюмов и вышивок. Сообщите мне, Лев Яковлевич, должен ли я вернуть Вам эти 15 рублей или Вы распорядитесь оставить их у меня на случай приобретения каких-либо других коллекций; 2) спешу Вас уведомить, что если купленные мною гольдские костюмы и вышивки Вам не понравятся, я возьму их себе в Музей и деньги сию же минуту Вам возвращу; 3) выставка кончилась — и я могу Вам отправить оролочные и гольдские вещи, приобретенные мною у этих инородцев за гарус, шелк и бисер, который Вы мне дали в 1910 г. и о чем я уже писал Вам в своем предыдущем письме.

При коллекциях прилагаю их описание. Отсылка вещей этих произойдет 29 или 28 сентября, значит, до Вас она дойдет около половины октября. Д-р Кириллов² послал Вам один *фигурный пень* с *корневищами*, другой он передал нам в Музей. Но у нас в Музее уже имеются два пня, привезенных мною в 1911 году. Кириллов сделал ошибку. Пни эти парные и должны быть вместе или у нас в Музее или у Вас в Академии. Сообщите мне, получили ли Вы этот пень, нужно ли его описание. Если желательно будет, то я и второй Кирилловский пень направлю к Вам в Академию, но думаю, что это будет дорого стоить. Сообщите мне по этому поводу Ваше мнение.

Было бы очень желательно, если бы Вы, Лев Яковлевич, прислали бы мне (постепенно, время от времени) список коллекций, которые имеются в Музее Петра Великого в Академии Наук по орочам, гольдам, ольчам и другим приамурским инородцам. Я тогда знал бы, *чего у Вас нет и что надо выслать*. Считаю Вас долгом уведомить, что свои сборы по этнографии я *никогда не продаю*, а жертвую. Продажу вещей в Музее — я не допускаю. Музеи — дело народное, общее, и потому все должны работать бескорыстно. Скорее я примирюсь с продажей этнографических предметов любителю-богачу в частные руки, но отнюдь только не в Музей. Вот только расход на перевозку тяжестей я на себя взять уже не могу. Мы условимся так, если вещь будет громоздкая, но интересная, я сначала ее опишу, сфотографирую и пришлю Вам отпечаток с описанием. Если Вы решите ее перевозить в Петербург, то мне будете телеграфировать, и я отправлю их по железной дороге.

Наш Музей теперь расцвел — я все время работал в этнографическом отделе и по археологии, а мой помощник — в зоологическом. Звери все поставлены в биологическую обстановку. Теперь я составляю каталоги. Этим летом я занимался с группой студентов и курсисток, которые в Петербурге слушали Ваши лекции по этнографии.

<Конец письма не сохранился>

Глубокоуважаемый и дорогой Лев Яковлевич!

Ваше письмо я давно получил. Это время я был завален срочной картографической работой и потому задержал свой ответ. Не сердитесь на меня за это.

Деньги 15 руб. я оставил для покупок, которые уже можно сделать. Расписку на 150 руб. прилагаю. Посылаю Вам те вещи, которые я приобрел у орочей за шелк и стеклярус, данный мне в 1910 г. Посылаю к ним описание. Завтра буду писать Кириллову и спрошу его, куда он девал второй пень. Он мне сказал, что послал его в Академию Наук. Придется послать малой скоростью по железной дороге. Весит он около пуда. Сколько это будет стоить? Я советовал бы уплатить за проезд его, потому что этот пень с изображением человеческого лица, с рогами и вообще он очень интересен. Расход на перевозку окупается его оригинальностью. Овчинка стоит выделки.

После выставки в Хабаровске продаются ламутские костюмы, ценою от 40 до 70 руб. Ваш патрон Радлов телеграфировал мне, что Музей Петра I возьмет костюмы, но сколько возьмет: один или два, я не знаю. Костюмы очень хорошие, меховые, мозаичные, шитые бисером. Обидно, если вещи эти попадут в руки профанов! Ламутский бисерный орнамент исчезает и заменяется ситцевыми рисунками, нашиваемыми на одежду. Я думаю, что со смертью старых женщин орнамент этот оставит по себе воспоминания только в музеях. Сообщите мне на этот счет Ваше мнение?! Прилагаю фотографии костюмов. У нас в Хабаровске есть еще кое-какие вещи гольдские, коряцкие и чукотские — модели, предметы домашней утвари, одежды. Не надо ли их Вам?

Наш Музей значительно пополнился. Вы его теперь не узнаете. Этнографический отдел — лучший во всей Сибири! Есть вещи, которые заслуживают особого внимания. Поездку свою на Север я на время отложил. Весной уйду к орочам месяцев на шесть. Иду к ним один, поселюсь в юрте и займусь языком². Живя здесь в Приамурском крае и имея постоянное общение с инородцами (они навещают меня и в Хабаровске, ночуют у меня, обедают, отдыхают, делятся своими нуждами и т. д.), я считаю своим долгом быть полезным музеям в Москве и Петербурге и быть полезным для Вас лично. Поэтому я зорко буду следить за всем, что здесь продается, что есть ценного, что можно приобрести случайно и т. д. Спешу Вас уведомить, что я образовал здесь кружок любителей этнографии (нас шесть человек, среди которых есть и М. К. Азадовский). Мы читаем и ведем собеседования, прошли весь курс Харузина и Шурца³. Очень прошу Вас прислать мне, пожалуйста, наложенным платежом: «Доисторические времена» и «Начала цивилизации» Либбока. Я заплачу сколько бы обе эти книги ни стоили. Очень обяжете! У нас (я сагитировал, хлопотал и достиг цели) образовалось историко-археологическое отделение при Приамурском отделе географического общества. Весьма живое Общество с очень интересной программой⁴. Пришлю Вам отписки наших работ и протоколов!

До свидания, глубокоуважаемый Лев Яковлевич!

В. Арсеньев.

P. S. На фотографиях не изображена сумочка, расшитая бисером. Кажется, счет гольда за костюмы на 135 р. я Вам выслал? Забыл! — Не могу его сразу найти. Посылаю счет от себя. Если найду гольдскую расписку, вышлю дополнительно. У меня есть еще 150 рублей⁵.

В. Арсеньев.

Дорогой, глубокоуважаемый Лев Яковлевич!

Ваше письмо я получил и все поручения исполнил¹. Прилагаю при этом две расписки на 135 руб. и одну на 15 руб. Я пересмотрел все вещи в инородческом отделе выставки и отобрал самое лучшее на сумму 306 руб. 70 коп. Список вещей при этом прилагаю. Особенно интересны костюмы, расшитые бисером. Костюмы из рыбьей кожи быстро сходят со сцены. Пень я выслал. Прилагаю описание посланных Вам идолов и пня. Буду с удовольствием содействовать Музею имени Петра Великого. Если вышлете мне просимые книги, очень обяжете. Сейчас печатается моя брошюра: «*Причина вымирания амурских инородцев*» — лекция, прочитанная на съезде врачей в г. Хабаровске в 1913 г.² Зарубин³ хотел попасть на восток. Я за него хлопотал и достиг цели. Когда открылась вакансия, его стали искать и на все телеграммы получились ответы «*Не доставлена за выбором*». Теперь из Вашего письма я знаю, что он на Памире. Если поеду к орочам, то просьбу Вашу относительно родственных названий по инструкции у Азадовского исполню. Выше я написал: «*Если поеду*». Написал я это потому, что я не уверен, поеду или нет. Дело в том, что Гондатти только умеет обещать и никогда слов не держит. Он много говорит, всем и все обещает, но никогда не исполняет этих обещаний! Многие из-за этого разорились — начали работать в кредит и сели на мель. Еще хуже, — он отказывается от своих слов. То же самое случилось и со мной. Два года я сижу на месте и не могу закончить работы. Гондатти обещал мне дать денег на поездку и надул. Я три раза был у него, говорил с ним, он обещал — и вот до сего времени сижу безвыездно. У нас в Хабаровске есть чиновник... Человек, который никогда ничего не читал по этнографии и впредь читать ничего не будет. Человек, который не знает, кто такой Анучин, кто был Шренк. Гондатти дал ему 800 рублей на обследование инородцев. Я и Лопатин (естественник, этнограф, изучающий гольдов⁴) сидим два года на месте; а... (собирателю и любителю парнографических карточек) выдаются деньги — обидно! Сидим в Хабаровске и ждем времен лучших. В этом отношении Унтербергер⁵ был много чище. Прав был Радлов, ставя Унтербергера выше нашего талмейстера⁶. Последнему пужны не знания и печатные труды, а родство и связи. Книжки с вопросными листами я получил и распределил их так: себе взял пять и по пяти дал двум этнографам: Кириллову и Лопатину. Я не согласен, что книжки эти следует раздавать налево и направо: учителям, инженерам, священникам и т. д. Работу эту может выполнить только человек подготовленный, а интеллигентные лица, не изучающие этнографии, наврут. До сих пор многие из них не разбираются в гиляках, ольчах и ороках. Ольчи сходят за гиляков, ороки за орочен, ламуты за тунгусов и юкагиры за якутов. Сведения о народностях с охотского побережья, что около Шантарских островов, поступают в канцелярию генерал-губернатора от приставов исключительно. Ну что могут дать научные люди без всякого образовательного ценза? Пойтаться, пойду наведу справки, но сомневаюсь в их ценности. Отчего Вы, Лев Яковлевич, орочей, удэхе называете кекарями? Сами себя они так никогда не называют и обижаются, когда их так называют. Уверю Вас, что название удэхе будет правильное. Слово «орочи» я прибавляю, чтобы указать, о ком именно идет речь. Орочи Императорской Гавани только в насмешку называют их кяка, кякала, кякари и кэка кэкари. Я думаю, что если народ этот названия такие считает для себя обидными, они (то есть названия) не будут истинными. Я хотел было ехать к этим последним, но никак с начала февраля не могу добиться толку от Гондатти. Он кормит меня «завтраками» и водит за нос. Из моей телеграммы Вы уже знаете, что вещи для Вас уже купил на 306 руб. Денег еще не получил, счета на 136 руб. и 15 рубл. посылаю, ровно посылаю и описание посланных Вам

трех этнографических предметов. Был у меня от Вас Понятовский. Мы хорошо познакомились, измеряли инородцев и лепили с них маски. Полное содействие я ему оказал.

Будьте здоровы, дорогой Лев Яковлевич!

Желаю Вам всяких радостей.

Искренне преданный и сердечно Вас уважающий

В. Арсеньев.

8

Хабаровск,
18 августа 1914 г.

Глубокоуважаемый, дорогой Лев Яковлевич!

Прежде всего приношу Вам горячую благодарность за книжки Леббока и Тэйлора¹. Вы их покупали, потратили деньги. Сообщите, что я Вам за них должен выслать. Второе — поручения я Ваши исполнил. На присланные мне деньги я купил для Вашего музея ламутские и коряцкие вещи. Список их и счет при этом посылаю. Всего на сумму двести девяносто восемь рублей 80 коп. (298 р. 80 коп.). Если помните, у меня оставалось пятнадцать руб. от прежде полученных 150 руб. Итого у меня академических денег была сумма 315 руб. Наложённый платеж на перевозку вещей, покупку ящиков обошелся в 2 р. 30 коп. Счет при этом приложен, значит, весь расход выражается в 298 р. 80 коп.+ 2 р. 30 к.= 301 р. 10 к. В остатке у меня на руках 315 р.—301 р. 10 к.=13 р. 90 к.

Третье — посылаю Вам (уже послал) только что вышедшую из печати свою книгу «Китайцы в Уссурийском крае» — очерк историко-этнографический и послал еще брошюру «Вымирание инородцев Амурского края». Книжки эти Вам передаст С. Ф. Понятовский. Он пробыл у нас в г. Хабаровске довольно долго. Мы познакомились и немного занимались вместе. Он научил меня снимать с инородцев маски. Спасибо за то, что Вы посылаете ко мне с письмами людей, любящих антропологию и этнографию. От него я узнал новости из научной литературы и вообще почерпываю знания.

Сейчас у нас в Хабаровске находится военнопленный профессор Балог (венгерец). Я взял его под свое покровительство и на днях переселяю его к себе на квартиру. Он прочел нам четыре лекции по фонетической транскрипции. Нас было трое слушателей. Я его познакомил со своим ороцким словарем. Он нашел его составленным правильно и посоветовал только свою транскрипцию заменить общепринятою. Сейчас я пишу самую большую свою книгу: «По Уссурийскому краю». Физико-географическое описание пройденных мною маршрутов. Орочей удэ(he) я отложил. Горопитесь с этою работою я не буду. Мне надо съездить к ним еще раз. Мы сговорились (я, Балог и Понятовский) поехать вместе к инородцам в 1915 г., когда кончится война.

Эту зиму будем опять читать и вести собеседования. Прочитаем Леббока и Тэйлора.

Приезжайте к нам, Лев Яковлевич! Я часто Вас вспоминаю. Будьте здоровы.

Имею просьбу. Проверьте посланные вещи по списку. Не послал ли я лишних три вещи: два меховых ламутских костюма и халат из рыбьей кожи. Их я у себя не досчитываюсь. Сообщите, если найдете.

Сердечно Вас уважающий и искренно преданный

В. Арсеньев.

Дорогой и многоуважаемый Лев Яковлевич!

Спешу Вас уведомить, что письмо Ваше и деньги я получил. Чтобы они не болтались у меня на руках, я положил их на книжку в сберегательную кассу Государственного казначейства. Накопившиеся за эти дни проценты приобщу к делу, о чем Вас уведомлю, когда буду отчитываться. Я уже получил уведомление, что мне ассигнуется небольшая сумма для подготовки к путешествию. Вопрос об экспедиции решится окончательно в конце апреля или в начале мая. Предполагалось, что в марте он вылетит уже в определенную форму, и я немедленно тронусь в путь. Если бы «паче чаяния» почему-либо экспедиция моя не состоялась бы, я в тот же день переведу Вам деньги обратно. Чужие деньги меня сильно беспокоят. Генерал-губернатор на мою экспедицию дал свое принципиальное согласие. Вопрос только в ассигновании денежных средств, но и он, повидимому, разрешается весьма благоприятно. Как только получу уведомление, то со своей стороны уведомлю Вас телеграммой. Область, которую я наметил, меня чрезвычайно интересует. В этнографическом отношении это «terra incognita». За эти четыре года я хорошо прошудировал Шренка и Миддендорфа (еще раз), Ратцеля, Ранке, Шурпа, Харузина, Бушана, Леббока, Тейлора¹ (спасибо за них! Сердечное спасибо. Сколько они стоят? Я до сих пор у Вас в долгу?) и перечитал почти всю краевую этнографическую литературу. Теперь я лезаю в этнографические редкости: Бошняк, Фишер, Миллер, Шперк, Баралевский, Иакинф, Васильев и т. д.² На мое счастье, книги эти имеются в нашей библиотеке. По вечерам читаю Обермайера, «Человек», изданное под редакцией Мензбира. Как видите, вся перечисленная литература, прочитанная мною от двух до трех раз (это уже не простое чтение, а изучение предмета), позволяет мне немного смелее взяться за работу без опасения наделать грубых ошибок, но убеждает меня в то же время быть как можно тщательнее и осторожнее в своих исследованиях.

За все Ваши советы благодарю. Приму их к сведению. Чем больше я занимаюсь местной этнографией, тем больше убеждаюсь, что народности, населяющие Амурский край, раньше не имели собственных названий и называли себя просто на *а/ни* с прибавлением нарицательных имен: приморский, береговой, речной и т. д. Даже роды называются не по тотемным животным, а по месту прежнего жительства: Бизанкá (от бухты Биза), Ауканка (от залива Аука), Мулинка (от реки Мули). Эх! В письме места мало. С удовольствием поделился бы с Вами своими мыслями и наблюдениями! Отложим это до Петербурга.

Орочским языком я продолжаю заниматься все время. Зимой я ездил во Владивосток и был у профессоров Восточного института. Много хороших советов дал мне П. П. Шмидт. Я показал ему составленные мною словари, он нашел их правильными, и так как я записывал их по своей транскрипции, * то профессора решили, что это только доказывает, что я овладел фонетикой, иначе не дошел бы до необходимости создания своей транскрипции, что такую работу они считают еще ценнее, чем работа человека, подходящего к инородцу уже с готовыми знаками. Профессора мне посоветовали продолжать работу по *своей транскрипции* и только в будущем переписать ее на общепринятую международную. Это же мне советовал и венгерский лингвист профессор Балог в 1914 г.

Думаю, что удастся собрать скелеты и черепа. Ваше письмо я возьму с собою: оно послужит мне программой. Все, что Вы пишете, большинство приемов мне знакомо. Надо иметь «нюх» и знать, на что особенно обратить внимание, что является ценным и что не имеет значения. В каж-

* В. К. Арсеньев дает далее в скобках девять знаков.

дом стойбище я проведу по несколько дней и постараюсь выяснить все, что Вы указываете.

Программу по оленеводству я не получил, не получил и листов положений. Инструменты у меня есть. Антропометрией я занимался четыре месяца у Ф. К. Волкова в Петербургском университете.

Относительно «намука». — Их я не считаю особым народом. Хорошо знаю, что это значит «приморский» удэ(не) намука. Иногда я слышал другое название: ламука, что тоже от слова ламу, означающее море. Последнее слово — чисто тунгусское, и почему им называют себя орочи, живущие на Усури, остается для меня загадкой. Вероятно, отсюда получились и другие слова: ламаки, ламунки, ламанки и т. д.

Имею материал по ямкам (следы жилищ) и кёкенмёдингам на берегу моря. Раскопки дали только раковины, кости и каменные орудия.

Пока всего хорошего. Сердечно Ваш

В. Арсеньев.

10

г. Хабаровск.
3 мая 1915 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Лев Яковлевич!

В дополнение телеграммы пишу письмо. Деньги на экспедицию мне дает Организационный комитет лесных и горных предприятий в Приморской области, управляющим делами которого состоит Осип Осипович Нови (Петроград, Пантелеймоновская, № 13/15, кв. 18). От него я получил телеграмму такого содержания: «Благоволите телеграфировать, когда можно выступить в экспедицию, какую сумму перевести Вам немедленно и назначьте сроки дальнейших переводов, указав по возможности для каждого из них место назначения теперь же. Точка. Сердечный привет. Нови». Я ответил телеграммой в 70 слов. Места назначения денежных переводов я указал: Троицкое, Нижне-Тамбовское, Марининское и Николаевск. Теперь просил для снаряжения 300 рублей и затем первый перевод в Хабаровск 1700 руб. Всего мне ассигновано 8000 рублей.

Еще зимой я говорил с генерал-губернатором Н. Л. Гондатти об этой экспедиции. Тогда же он дал свое принципиальное согласие. Но у него есть слабость, которая часто мешает осуществлению его добрых начинаний. Он забывает то, что говорил на словах. Есть у него еще и другой недостаток: он любит, чтобы его попросили, в особенности если получит письмо от какого-нибудь очень ученого человека или от лица высокопоставленного. Тогда уже отказа не бывает, тогда он хлопочет с таким рвением, как будто дело касается его лично. *К выступлению я готов. Задержка только за генерал-губернатором.* Вот я и хочу просить содействия Вашего, дорогой Лев Яковлевич! Пожалуйста, попросите г-на Радлова написать Н. Л. Гондатти, чтобы он отпустил меня в эту экспедицию. Быть может Вы напишете письмо, а подписать дадите Радлову. Пока мое письмо идет до Вас и от Вас обратно в Хабаровск, что займет дней 30, я окончательно приготовлюсь — все до мелочей — и выступлю на другой день, как получу санкцию от Гондатти. Николай Львович¹ летом уезжает на Камчатку и потому прошу Вас погоропиться с письмом Радлова. Тем временем я закончу свою работу (корректур)² и буду хлопотать у Н. Л. Гондатти сам лично. Как я уже Вам писал, деньги Ваши лежат у меня на книжке и ждут использования по Вашей программе. Пожалуйста, помогите³. Если можно, пришлите мне обе Ваши инструкции (по этнографии и об оленеводстве). Те, что у меня были — кто-то их зачитал. Много обяжете.

В ожидании Вашего содействия
искренно преданный и уважающий Вас

В. Арсеньев.

Р. S. Условия таковы: Комитет мне дает деньги. Я могу заниматься этнографией, а ему я должен дать сведения по физической географии, о боло-

тах, лесах, горах, путях сообщения, реках, указать, могут ли они быть сплавными, где горелые леса и т. д. О моих занятиях по этнографии оговорено в моем официальном письме к О. О. Нови.

11

15 июня 1916 г.

Дорогой Лев Яковлевич!

По моему письму (по штемпелю на конверте) Вы видите, куда меня забросила судьба, или вернее — воля Гондатти¹. Как Вы уже знаете, меня на войну не взяли и сказали, что я могу заниматься своим делом. Тогда я стал собираться в экспедицию. Гондатти дал свое согласие. Я получил деньги 6000 руб. и сказал Гондатти, что приступаю к покупкам и снаряжению. Гондатти снова одобрил это и сказал: «Можете собираться — я согласен».

Но в это время немцы заняли Царство Польское и Курляндию. Это было уже после того, как Академия Наук выслала мне деньги. Как я Вам уже писал, деньги я положил на хранение в банк. Об этом я сказал тогда же Гондатти. Дня за три до выступления он вдруг вызывает меня к себе и говорит, что не может теперь отпустить меня вследствие неудач наших войск и вообще тревожного времени в России. Вместе с тем он дал мне слово, что отпустит меня тотчас же, как только это будет возможно, или если русские перейдут в наступление. Я ему сказал, что положение мое является весьма неудобным, потому что из 6000 рублей на покупку экспедиционного имущества я уже израсходовал 1200 рублей. На это он мне посоветовал все вещи сложить в музей, а о следовавших мне средствах на экспедицию уведомить о том, что выступление экспедиции на время отложено. Это было летом прошлого года. Скверно то, что у Н. Л. Гондатти никогда нельзя добиться ясного определенного ответа, он всегда говорит уклончиво, так что из его слов выйдет и отказ и обещание. Зимой он мне спать отказал и просил подождать до весны. Весной он вдруг пригласил меня к себе и сообщил, что «по военным обстоятельствам» он посылает меня в Харбин, затем в Мукден, Дайрен, а может быть в Чифу и Инкоу. На меня возложена отправка китайцев в Европейскую Россию.

В начале мая я был в Никольске, потом в восточной Маньчжурии, ездил в Куань-Чень-Цзы. Теперь предстоит поездка в Нингуту. Мои мытарства кончатся в июле или в начале августа. О времени прибытия в Хабаровск буду Вам телеграфировать. Ваша телеграмма долго находилась в Музее, потом побывала во Владивостоке у брата, а затем в Никольске Уссурийском, откуда по получении моего адреса мне ее прислали в заказном письме. Теперь я решил поступить так: ввиду того что моя экспедиция откладывается, я возвращу Вам деньги с теми процентами, которые накопились за это время. По возвращении из Хабаровска я сделаю последнюю попытку у Гондатти, и если он откажет опять, я отправлюсь на почту и сделаю денежный перевод.

Если он согласится меня отпустить хоть теперь, буду Вам телеграфировать и попрошу Вашего мнения. Мне кажется, у Гондатти есть задняя мысль. Пресловутая его Амурская экспедиция, в которой, кстати сказать, не было ни одного настоящего ученого, не было ни одного этнографа, совершенно не осветила земель, лежащих на север от нижнего Амура. Никто из прихлебателей экспедиции Амурской не пожелал идти в места, где неизвестно, на что можно нарваться. И вот теперь он никак не может примириться с мыслью, что после «его» Амурской экспедиции будет еще какая-то экспедиция, которая может привезти много новых материалов — и на его Амурскую экспедицию это бросит некоторую тень. Это нехорошая задняя мысль, я думаю, и заставляет всячески меня придерживать². Если это так, то после войны сейчас же выйду в отставку и все-таки пойду по намеченным маршрутам. Списки купленному имуществу и счета я выслал тому Обществу, которое дало мне 6000 руб. Общество это вполне согласи-

лось со мной, признало мои расходы правильными, вернуло счета и ответило, что считает экспедицию в будущем за мною. Это меня чрезвычайно устраивает. Вот я извещаю Вас о таком положении дела. Черкните мне Ваше мнение по адресу: Харбин, Коммерческое училище, Шкуркину (Павлу Васильевичу) для меня. Шкуркин всегда будет знать, где меня следует искать и куда следует пересылать письма. Писал я Ив. Ив. Зарубину, но ответа от него не получил. Вероятно, он опять куда-нибудь уехал. Не думаете ли Вы приехать в Приамурский край? Гондатти, будучи присяжным этнографом, совершенно не интересуется этой наукой. В Музей он никогда не заглядывает. Никогда в Приамурье так не стоял худо инородческий вопрос, как за время его правления. Когда с ним заговариваешь об инородцах, он или морщится или старается перевести разговор на другую тему. Ныне гиляки вымерли больше, чем наполовину. Инородцы гибнут с каждым годом все больше и больше. На заседания по инородческому вопросу меня, как человека беспокойного, который много шумит и ругается, не приглашают. Судьбу инородцев решают те Хлестаковы, которые говорят: «Чем скорее они вымрут, тем лучше».

Жду от Вас ответа.

Искренно и глубоко Вас уважающий и преданный

В. Арсеньев.

12

г. Хабаровск, Музей,
7 октября 1916 г.

Дорогой Лев Яковлевич!

Виделся с С. М. Широкоровым¹ — многое мы с ним обсудили и выработали план совместных работ. Четыре дня подряд с утра и до ночи мы беседовали и не могли наговориться. Я очень рад, что вошел с ним в тесный контакт. Мы наметили план работ на несколько лет вперед по антропологии, этнографии, доисторической и исторической археологии. Выяснили наличие работников, кто что сделал и что думает (где именно и как) работать в будущем. Он хотел Вам обо всем этом написать. На днях я получил письмо от П. Ф. Унтербергера. Он спрашивал, где я, что делаю и продолжаю ли я работать в крае по этнографии и географии. Я ему чистосердечно написал, что нынешний генерал-губернатор ни за что не хочет меня допустить к исследованиям в Амурском районе и около южных берегов Охотского моря и объяснил почему именно, просил его помочь мне, если это возможно.

На очереди у меня теперь три работы: 1. Орочи — удэ (he) — монография. 2. Язык удэ (he) — словарь из трех отделов: а) разговорный, в) язык поэзии и сказок (шаманский) и с) технический. 3. Археология и археология. Но для того чтобы приступить к каждой из этих работ, мне еще надо побывать у инородцев и вообще поработать на местах. И вот этого-то я никак и не могу добиться! Генерал-губернатор дает мне все время чисто административные командировки. Из Главного штаба мне сообщили, что я призван на войну не буду и могу делать свое дело. Казалось бы, я мог пойти бы в экспедицию, но это не в видах Гондатти, несмотря на то, что я даже достал деньги. От него требовался только один росчерк пера. Ну, бог с ним! Недавно я узнал, что Министерство земледелия (к которому принадлежу и я — состою у него на службе) в 1917 году хочет в наши края и именно в Амгунский район, Нижний Амур и Уссурийский край снарядить экспедицию. Во главе ее хлопочет встать некто Дмитрий Константинович Соловьев, молодой человек, естествоведник (и кажется, ботаник) по образованию. Он будет производить исследования по ботанике, зоологии и этнографии. Ему дается, кроме содержания его, его помощникам, проезда в оба конца — 18 000 на экспедиционные расходы. Мне очень обидно, что Министерство обошло меня. Из самолюбия я не хочу подымать этого вопроса.

Быть может, у Министерства есть какие-либо данные на то, чтобы этнографическую часть не давать мне, а поручить г-ну Соловьеву. С другой стороны, мне не хочется становиться и поперек дороги своему знакомому. Бог с ними, с Министерством! Было бы справедливее зоологию и ботанику поручить Соловьеву, а этнографию мне! Я не был бы в претензии, если бы этнография была поручена кому-либо из этнографов. После войны я думаю уйти в отставку. Об этом я и раньше подумывал, а теперь после такого «номера» мне ничего другого и не остается сделать! Хочу просить Вас, дорогой Лев Яковлевич, поговорить с академиком Радловым. Быть может, он замолвит за меня словечко в Совете Русского географического общества о том, чтобы, если не теперь, то в ближайшем будущем, Географическое общество дало бы мне небольшие средства закончить свои работы.

Язык я начал забывать и чувствую, что тупею. Да! Забыл Вас поставить в известность, что этот вопрос, видимо, в Петрограде хочет поднять П. Ф. Унтербергер. Хорошо бы, если бы меня поддержали также Вы и Радлов.

За эти годы я всячески старался пополнить запас знаний по антропологии и этнографии. Чувствую в себе уверенность, энергию. Хочу работать (ведь, это цель моей жизни в Приамурском крае) — и не могу. А года уходят.

Давно не имею от Вас известий, здоровы ли Вы? Черкните ответ открыткой. Буду весьма рад ей! На днях высылаю Вам небольшую свою работу. Не могу приступить к печатанию большой своей работы 800 стр. (она совершенно готова), из-за бумажного голода придется печатать на будущий год.

Шлю Вам привет и лучшие дружеские пожелания.

Искренне преданный Вам

В. Арсеньев.

13

Дорогой и глубокоуважаемый Лев Яковлевич!

Давно я собирался Вам написать, несколько раз брался за перо, но не мог. У меня была мобилизация умственных и душевных сил. У меня произошел полный разрыв с Гондатти. Только теперь я успокоился и могу связно излагать свои мысли. В России вообще царят теперь «темные силы». Гондатти тоже окружают «темные силы» и сам он «темный человек». В январе состоится мой переход в Военное ведомство. Я буду назначен, вероятно, штабс-офицером для поручений при штабе Приамурского округа. Пока я был в Военном ведомстве, я получал научные командировки, а с тех пор, как перешел к Гондатти, мои этнографические работы сразу оборвались. Так как возможно, что я уеду на время войны из Хабаровска, то Музей я сдаю. Да, кроме того, при Гондатти стало совсем невозможно работать и в Музее. У него своя мерка к людям, под которую я не подхожу. Самые скверные из людских пороков — неискренность и двуличие. Эти качества являются доминирующими у г. Гондатти. Ну бог с ним. Я очень рад, что ушел от него и больше о нем и не вспомню.

На днях я послал Вам брошюрку об этнологических проблемах¹. Вероятно, Вы ее уже получили. Музей отнимал у меня очень много времени. Теперь я думаю очень усиленно заняться этнографией. К печати я приготовил две большие работы. Выпущу их одну за другой. В Хабаровск приезжал Сергей Михайлович Широкогоров. Мы три дня провели вместе и о многом по душе поговорили. Я ему передал 345 рублей. По его просьбе, перевожу ему и остальные 255 рублей. В мое отсутствие эту сумму (255 руб.) перевел ему мой товарищ А. З. Федоров². Теперь я отправил деньги А. З. Федорову. С. М. Широкогоров хотел написать об этом Вам. Вероятно, он уже это сделал. Покончив работы с Гродековским музеем, теперь я всецело стану усиленно работать для Музея Петра Великого³. Пожалуй-

ста, смотрите на меня как на своего помощника, обитающего на месте (в Сибири) ¹.

Шлю Вам наилучшие пожелания в новом 1917 году.
Сердечно Вас уважающий и преданный *В. Арсеньев*.
Пока пишите по старому адресу.

4 января 1917 г.

14

г. Владивосток. Музей,
20 ноября 1923 г.

Дорогой Лев Яковлевич!

Пользуясь случаем, шлю Вам свой искренний привет ¹.

В настоящее время я работаю на Дальнем Востоке в Управлении Дальрыбохоты, в нынешнем году был на Командорских островах, вообще работа очень интересная ².

Получили ли Вы мои книги, нет ли у Вас чего-нибудь из литературы и для меня ³.

Смотрите на меня и на моих сослуживцев, как на своих агентов на местах.

Прошу оказать свое содействие моему сослуживцу естественнику Илье Ивановичу Семенову, он тоже много ездил по побережью Дальнего Востока и может быть Вам полезен.

Вслед за этим пришлю подробное письмо ⁴.

Искренно Ваш *В. Арсеньев*.

15

23 февраля 1925 г.

Дорогой Лев Яковлевич!

Письмо Ваше от 30 июля 1924 г. я получил; не писал Вам потому, что знал, что Вас нет в Ленинграде. Теперь полагаю, что Вы давно благополучно вернулись, и я состою большим должником Вашим за долгое молчание ¹.

Студенты, о которых Вы писали, ко мне не являлись. Но я знаю, что оба прибывших сюда студента устроились — и один из них — физик — находится на Камчатке. Если будет надобность в устройстве кого-либо из студентов, Вами рекомендуемых здесь на работы, я готов оказать им всякое содействие, к каковому имеется некоторая возможность. Есть, например, сейчас в Хабаровском краевом музее вакантная должность заведывающего этнографическим отделением; оклад 73 рубля в месяц. Я подыскиваю такого себе сослуживца. Работа, как и всякая музейная, — пыльная, черная и научная. Две книги моих трудов переведены на немецкий язык и изданы в Германии. О них вышли отзывы Нансена, напечатанные в книге как предисловие, Свен Гедина и Швейцфурта, прилагаемые при этом письме.

Хабаровский краевой музей сохранился, но коллекции его запылелись, приняв запущенный вид, и теперь я веду восстановительную работу.

В настоящее время я не только директор Музея, но заместитель председателя Дальневосточного краевого отдела Русского географического общества, ученый секретарь кабинета народного хозяйства при Дальплане и заведующий Отделом охоты на морского зверя в Управлении рыбными и морскими звериными промыслами Дальневосточной области. Работой, понятно, завален, что отчасти служит причиной задержки ответа на Ваше упомянутое выше письмо. Опять я употребляю все старания восстановить полную связь со всеми работниками на местах нашего обширного Дальнего Востока, дабы иметь корреспондентов по всей области. Разослал уже 181 письмо. Мои труды, последние две книги, выходят во втором издании.

В нашем Музее имеются очень ценные новогвинейские коллекции. Мы писали в Ваш Музей о возможности их высылки Вам, но ответ так и не

получили. Сообщаю Вам об этом, так как и для нашего Музея освободиться от этих коллекций составляет большую надобность, как в виду забот о их поддержании, так и для возможности занять то место, где хранятся эти коллекции, другими — большего местного значения.

Очень надеюсь, что настоящее мое письмо не останется без Вашего ответа.

Прошу Вас принять мои сердечные пожелания всего доброго и полного здоровья для продолжения Вами своего любимого дела.

Ваш В. Арсеньев.

23. II. 1925 г.

г. Хабаровск.

1) Протодяконовская ул., д. 33, квартира Бабиковых.

2) Хабаровский Краевой музей.

ст. Голошманово. Зап. Сибирь. Проездом.
20 октября 1923 г.

Дорогой Лев Яковлевич!

Хотелось мне повидать Вас и о многом посоветоваться¹. Прежде всего уведомляю Вас о том, что Бауэрмана я устроил к чукчам². Сейчас он в Петропавловске-на-Камчатке секретарем туземного отдела Губернского Революционного комитета, а с весны он будет на Чукотском полуострове. Там же находится и физик. Устроена и та девица, которая была к нам в сентябре месяце. По прибытии в Петербург я получил Ваше любезное письмо и очень сожалел, что не застал Вас в Академии Наук. Нину Алексеевну Серк я устроил к себе в Музей на должность заведующего Этнографическим отделом. Устроил я ее по телеграфу. Она с мужем уезжает из Ленинграда около 1 ноября. Не отвечал я Вам на письма и телеграммы потому, что был в отъезде из Хабаровска и потому, что никак не мог выяснить, приедет ли Хороших из Иркутска или нет. Хороших — этнограф, ему раньше было обещано место в Музее; он был тоже в отлучке. Только теперь я узнал, что он остается в Иркутске и, следовательно, развязал мне руки. Извините, Лев Яковлевич, за молчание, которое было вынужденным и поставило меня в неловкое положение. По прибытии в Петербург я решил взять с собою ту девицу, о которой Вы мне писали. Получив на месте письмо о Н. А. Серк я полагал, что именно о ней Вы говорили. Оказывается, в моих письмах и телеграммах, как я впоследствии узнал, Вы говорили о другом лице — о m-ле Панек. Она теперь где-то устроилась, и на ее место я устроил по Вашей рекомендации Н. А. Серк.

Теперь о себе. Как Вы знаете, я занимаю должности: 1) директора Хабаровского краевого музея; 2) зам. председателя Дальн. краевого отдела Русск. географ. общ. и по существу веду всю работу; 3) ученого секретаря кабинета народного хозяйства (музей прикладных знаний) и 4) состою в Отделе туземного Дальн. рев. комитета. Кроме того, вынужден бывать на многочисленных заседаниях. Все должности, занимаемые мною, поглощают времени 16 часов в сутки. *Работа исключительно общественно-административная*, к которой я не чувствую никакой склонности и которой *чрезвычайно тягостно*. Вы знаете, что в научно-литературной работе не должно быть перерывов. Кончая одну работу, чтобы не было перерыва в тот же день начинаешь другую. В это дело надо втянуться и уже не отрываться. А я вот уже два года, как ничего не пишу и потому, если я останусь на должностях общественно-административных — я совсем прекращу научно-литературную работу. Мне сейчас 53 года и пока что я сохранил энергию и здоровье. Быть может, через несколько лет я начну сдавать. Тогда меня под какой угодно пресс положите и ничего уже не выжмете. Вот эти обстоятельства принудили меня задуматься над вопросом, — оставаться ли мне в роли общественно-административного работника или уйти куда-либо, где можно было бы обрабатывать свои материалы. Должен сказать, что такие материалы я имею. Шестнадцать лет я собирал их у орочей и у «удэне» (на древних китайских картах «удага»).

Я знаю литературу по этому вопросу и чувствую, что мои материалы являются очень интересными и оригинальными. Чувствую в себе уверенность и горю желанием взяться за перо. Думается мне, что «*Страна удэе*» будет лучшей моей работой. Но для того чтобы взяться за эту работу, мне нужно еще один раз побывать у этих инородцев и выяснить некоторые неясности своих записей. На эту поездку мне потребуется четыре-шесть месяцев работы на месте среди туземцев³. Музейную работу я наладил, деньги достал (отпустили 30 000 рублей), работников выписал — словом, поставил на рельсы. Теперь общественно-административную работу может вести каждый человек, у кого в голове есть хоть какой-нибудь ум. Вот я и надумал уйти от большого дела к малому, чтобы иметь вечерами досуг для своих работ. Мне надо уехать из Хабаровска. *Только отъезд меня может разгрузить от массы дел, ничего общего не имеющих с тем делом, которое у меня на руках уже 25 лет.*

Я даже совсем непрочь уйти в отставку, но боюсь, что меня тотчас же запишут в разряд нетрудящихся. Как Вы уже знаете, я подал заявление к Вам в Музей о зачислении меня в научные сотрудники. Меня это устроило бы, смущает только ничтожный оклад в 40—50 рублей, тогда как в Хабаровске я получаю 150 + 30 + 20 = 200 р. Хочу я спросить Вашего совета. Одобряете ли Вы мой шаг? Заявление я подал на основании разговора с Вами летом прошлого года, тогда Вы предложили устроить меня в Музей Академии наук. Если Вы, Лев Яковлевич, одобряете переход к Вам в Музей, то я прошу поддержать мою кандидатуру, если нет и посоветуете мне оставаться в Хабаровске — я останусь и, может быть, перейду на какую-нибудь другую службу в г. Владивостоке. Боюсь только, что меня не выпустят дальневосточные власти, но я буду домогаться освобождения. Я думаю, что Вы поможете мне в моих стремлениях и намерениях попасть к своим удэе на несколько месяцев из Петербурга. В этом, ведь, и заключается работа этнографа.

Относительно гвинейских коллекций вопрос стоит так: коллекции укупорены в ящики и ожидают отправления. По прибытии в Хабаровск, я наведу справки и, если можно, отправлю их с оплатой за провоз в Петербург; если же нельзя, я телеграфирую и попрошу выслать мне небольшую сумму денег за укупорку, подводы и перевозку по железной дороге.

По возвращении в Хабаровск я сейчас же Вам напишу. У меня нет ни одной Вашей работы с авторской надписью. Если у Вас имеются отписки, пришлите мне пожалуйста с Н. А. Серк.

Шлю Вам дружеский привет и пожелания радостей и успехов.

Искренно Ваш В. Арсеньева.

На пути к Хабаровску.
Западная Сибирь.

17

Владивосток. Бестужевская, 35
30-IV-1926 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Лев Яковлевич!

Получили ли Вы мое ответное письмо, в котором я сообщал Вам сведения, касающиеся рек Урми, Кура и р. Горюна? ¹ Когда Вы думаете приехать в наши края? Я с нетерпением жду Вашего приезда в Хабаровск и во Владивосток. Буду очень надеяться, что Вы окажете мне честь и взглянете ко мне ².

Написал я брошюру, которую озаглавил «Лесные люди-удэейцы». Это популярное изложение в сокращенном виде того большого труда, который я готовлю к печати. Этим летом я, вероятно, от Дальн. Стат. Бюро отправлюсь на перепись туземцев в Уссурийском крае и попутно закончу свои работы по удэе, о котором я Вам писал раньше. Прежде чем выпустить в свет этот большой труд, я хотел просить Вас просмотреть его и взять на себя его редактирование. Вы сделаете где надо поправки, примечания, дадите мне советы — и тогда я под Вашей редакцией выпущу его в свет. Вот это моя к Вам первая просьба.

Я имею многочисленные отзывы о <своих> книгах в самых лестных выражениях: от Нансена³, Свен Гедина, Швейнфурта⁴, Вегенера⁵, имею множество писем из Африки, Южной Америки, Австралии и в особенности из Европы от разных ученых и этнографов. Отзыв от них появился в Записках Русского географического общества. Я очень просил бы Вас дать свой отзыв о этих двух книгах где-нибудь в журнале, бюллетене Академии Наук, в журнале «Краеведение» и т. д.⁶

Я имею Ваше письмо, где Вы уже в очень теплых и кратких выражениях дали отзыв, быть может, Вы за неимением времени несколько подробнее напишете мне отзыв в письме, которое я мог бы показать друзьям и знакомым.

Одновременно с такой же просьбой я обращаюсь к В. Г. Богоразу⁷ и С. И. Руденко⁸.

Шлю Вам дружеский привет

Искренно Ваш В. Арсеньев.

ПИСЬМА к М. К. АЗАДОВСКОМУ

г. Хабаровск.
22 марта 1915 г.

1

Дорогой Марк Константинович!

Ваше письмо я получил вчера и вот отвечаю. По слугу я узнал, что это письмо от Вас и очень был ему (им) обрадован (неправильный оборот речи. Вижу, что Вы заметили это, заметили и снисходительно, как филолог, усмехнулись. Ну, не беда!) Я, признаться, поджидал от Вас письмеца и уже начал было терять терпение, но вдруг в самую критическую минуту получил, был спасен и терпение сохранил при себе. Спасибо за выручку! Сердечно благодарю Вас за отзыв о моей книге. Такое внимание лишний раз доказывает Ваше ко мне расположение, которое я умею ценить. Благодарю Вас также и за отгиск отчета о поездке к «казакам» на р. Амур. Спасибо и за надпись. Отчет этот я приобщил к брошюрам с автографами друзей. Впоследствии я думаю всех их потом переплести в шелковый переплет с золотым тиснением.

О Вашем предложении я сообщил Лопатину. Мы советовались с ним и решили воспользоваться Вашим предложением и при первой же возможности послать свои работы, как только таковые будут готовы. Я знаю наверное, что в шкафах Геогр. общества, в завалах, есть много работ, которые Вы могли бы использовать для «Приложений» к Живой Старине. Если будете разбирать эти завалы и там Вам в руки попадет моя рукопись «Китайцы в Уссурийском крае», не откажите в любезном одолжении изъять ее из-под спуда и прислать мне по известному Вам адресу. Очень обяжете этой услугой. Затем другая просьба: выслал я свои книги 1) Секретарю по стделению Этнографии А. Н. Самойловичу вместе с письмом, 2) Председателю Ю. М. Шокальскому тоже с письмом, но ответов не получил. Не откажите справиться, получили ли эти лица мои книги и письма. Быть может и посылка и корреспонденция затерялись где-нибудь в дороге. Если в чем перед Вами провинился — каюсь и несу голову повинную на плаху. После Вашего отъезда книги мои, которые были у Вас, доставили мне в мое отсутствие. Потом я хватился одной книжки «Леббока», вспомнил, что она была у Вас. Зная, что Вы в отношении книг на редкость аккуратный человек, я был убежден, что найду ее у Вас, и с согласия Веры Николаевны я познакомился с Вашей библиотекой, но потом эта книга нашлась у меня в шкафу, куда поставила ее жена, не сказав мне об этом. Из Ваших книг я ни одной не спер.

Желаю Вам от души доброго здоровья. Передайте привет А. А. Макаренко, С. А. Руденко и Л. Я. Штернбергу.

Искренно уважающий Вас

В. Арсеньев.

Дорогой Марк Константинович!

Я только что возвратился из своего путешествия. Был в четырехмесячной экспедиции от Переселенческого управления. Возвратившись во Владивосток, я застал на столе у себя целую кучу писем, среди которых нашел и Ваше.

Уведомляю Вас, что из Хабаровска я уехал, потому что негде жить. 14 месяцев я прожил в проходной комнате за занавеской, лишенный стола, своей библиотеки, карт, дневников, рукописей и т. д. Когда я узнал, что меня намереваются изъять из Музея для административной работы, я убоился этой премудрости и вышел в отставку. Музей на рельсах — дело я поставил на рельсы и дал ему ход и достал средства, выписал работников, инструктировал. Мне еще рано садиться в Музей. Пока есть силы, хочу поработать в поле. Ваши работы я все получил, за что премного благодарю. Сейчас я состою в Дальневосточной экспедиции НКЗ по обследованию заселяемых пространств. В Академию Наук для работы в Музее я решил не ехать. Остался в г. Владивостоке, где имею квартиру и все, что мне нужно для научных работ.

«В дебрях Уссурийского края» я Вам не послал потому, что она есть краткое изложение первых двух книг: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», которые вы уже имеете с авторскими подписями. Если угодно, я Вам ее пошлю также. Она издана довольно хорошо. Передайте, пожалуйста, мои поклоны Г. С. Виноградову и П. П. Хероших. Я перед ними в долгу и свои обещания исполню, как в отношении авторских книг, так и в отношении ответных писем. «Гольды» Лопатина я Вам уже схлопотал. Владивостокский музей высылает Вам ее особой бандеролью. Автора в Владивостоке да и вообще на Дальнем Востоке — нет, он ушел за границу — не то в Маньчжурию, не то в Канаду.

Относительно «Воспоминаний М. И. Венюкова» я написал в Хабаровск ученому секретарю Дальневосточного отд. госуд. Рус. геогр. общ. Я уверен, что книгу эту Вы получите через него. Вместе с этим письмом посылаю Вам свое *Curriculum vitae** и проспекты первых моих двух книг, напечатанных на немецком языке. Там Вы найдете отзывы Нансена, Свен Гедина, Швейнфурта и друг. Только что получил третью книгу из-за границы. Сейчас она переводится на английский язык. В настоящее время я пишу еще одну большую книгу «В горах Сихотэ-Алиня», которую думаю выпустить в свет весной 1927 года.

Не забывайте меня. Я часто Вас вспоминаю.

Шлю Вам дружеский привет.

Искренно Ваш В. Арсеньев.

21. XI. 1926 г.
г. Владивосток, Бестужевская, 35.

Владимир Клавдиевич АРСЕНЬЕВ

Действительный член обществ: 1) Государственного географического в Ленинграде и 2) Приамурского, ныне Дальневосточного краевого отдела того же общества в г. Хабаровске; 3) Владивостокского отделения Русского географического общества; 4) Всероссийской научн. ассоциации востоковедения в г. Хабаровске. 5) Любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете; 6) Антропологического при Ленинградском университете; 7) О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете; 8) Русского орнитологического комитета при О-ве акклиматизации животных и растений в г. Москве; 9) Вашингтонского национального географического о-ва; 10) Российской Академии истории материальной культуры.

* «Жизненный путь», автобиография (латин.).

Снаряженная в 1908 г. экспедиция в память присоединения Приамурского края в России работала под начальством В. К. Арсеньева в северной части Уссурийского края. Продолжительность экспедиции два года.

Описания маршрутов, пройденных В. К. Арсеньевым, напечатаны были в записках Русского географического общества в 1906 г.

Результаты экспедиций: маршруты сопровождались барометрической нивелировкой, полунинструментальной съемкой и определением географических координат (широты и долготы) при двух хронометрах.

Часть этих съемок в 1911 г. была издана на средства Главного управления генерального штаба в г. Петербурге.

Центром тяжести исследований В. К. Арсеньева были работы по археологии и этнографии. Громадные коллекции, собранные им по этим двум отделам, доставлены в Академию Наук и этнографический отдел Русского музея в Ленинграде, в Румянцевский музей в Москве, в музей Казанского университета и в Хабаровский краевой музей в Хабаровске.

В кампании 1904—1905 гг. не участвовал и в походах против неприятеля не был. Особым приказом 25 апреля 1911 г. был освобожден от службы в войсках и штабах, получая содержание от Министерства земледелия и государственных имуществ.

С 1910 по 1918 г. состоял директором Хабаровского краевого музея, производя громадную работу по приведению его в порядок и описанию коллекций.

Весной 1917 г. был отправлен на европейский театр военных действий, но по настоянию Академии Наук и Русского географического общества был возвращен в Приамурье для продолжения научных работ в крае.

Тогда же после государственного переворота принял должность комиссара по делам туземных народностей Приамурского края, но потом вышел в отставку по собственному желанию с переименованием в народные советники по Министерству земледелия и Государственных имуществ.

В 1917 г.— экспедиция в горную область Ян-де-Янге.

В 1918 г. был отправлен для статистико-экономических исследований полуострова Камчатки. Пройдя его вдоль по долине реки Камчатки и поперек от реки Быстрой до реки Авачи, вышел к Петропавловску.

По возвращении с Камчатки был приглашен на службу в Управление рыбными и морскими звериными промыслами Дальнего Востока на должность инспектора Морских звериных промыслов в водах Дальнего Востока, на каковой пробыл до 15 марта 1925 г.

За научные работы по исследованию Приамурского края от разных ученых обществ имеет две серебряные медали и одну золотую и первую премию имени Венюкова в 1000 руб.

С 1919 г. состоял лектором Учительского института, переформированного впоследствии в Педагогический институт имени Ушинского.

С 1917 по 1918 гг. работал в Хабаровском народном университете, а с 1919 г. состоял в числе постоянных сотрудников Владивостокского народного университета.

В 1920 г. работал в «Доме знания и свободы» у рабочих на Первой Речке.

С 1921 г. заведывал Этнографическим отделом музея общества изучения Амурского края в г. Владивостоке.

В 1922 г. был в четырехмесячной командировке от Управления рыбными и морскими звериными промыслами Д. В. для обследования Гижигинского района в статистико-экономическом и промысловом отношении.

С ноября 1921 по октябрь 1923 г. состоял преподавателем Государственного дальневосточного университета по кафедре Народоведения.

Летом 1923 г. был командирован для доставки на Командорские острова содержания служащим и продовольствия и предметов первой необходимости. В том же году на Камчатке совершил восхождение на Авачинский (действующий) вулкан.

С 1 октября 1924 г. по 1 января 1926 г. вновь состоял директором Хабаровского краевого музея и ученым секретарем Кабинета народного хозяйства при Дальплане.

В 1924 г. был командирован в Читу и Москву в качестве ответственного представителя Дальрыбы для участия в Комиссии по обсуждению вопросов, связанных с эксплуатацией Камчатки.

С 20 ноября 1924 г. по 1 октября 1925 г. состоял преподавателем краеведения в Хабаровском педагогическом техникуме.

Постановлением Дальревкома от 21 августа 1925 г. был командирован в Москву и Ленинград в качестве представителя Дальревкома и Краеведческих учреждений Дальнего Востока на торжества 200-летнего юбилея Академии Наук. Получил персональное приглашение.

В 1926 г.—председателем Бюро по созыву конференции для изучения производительных сил Дальнего Востока.

С 1 мая 1926 г.—производитель работ Дальневосточной экспедиции НКЗ по обследованию заселяемых пространств.

ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ В. К. АРСЕНЬЕВА

1. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 324 стр. с 38 картографическими приложениями. Изд. штаба Приамурского военного округа, 1912.

2. Материалы по изучению древней истории Уссурийского края, 51 стр., Зап. Приамурского отд. об-ва востоковедения, вып. 1, 1912 г.

3. Причины вымирания инородцев Амурского края, 17 стр., Тр. съезда врачей Приамурского края 1914 г.

4. Китайцы в Уссурийском крае. — Очерк историко-этнографический, 203 стр., Зап. Приамурского отд. Русского географ. об-ва, т. X, вып. 1, 1914.

5. Этнологические проблемы на востоке Сибири, 26 стр., «Вестник Азии». Журн. Об-ва русских ориенталистов в Харбине, кн. III, 1916 г.

6. По Уссурийскому Краю.—Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь, 280 стр.—Владивосток, 1921 г.

7. Дерсу Узала. Путешествие в Зауссурийский край. Продолжение предшествующей книги. 235 стр., Владивосток, 1923 г.

8. Дорогой хищник.—Охота на соболя в Уссурийском крае, 32 стр. Изд. Книжного дела в г. Владивостоке, 1925 г.

9. За соболями.—Скупщики пушнины на Дальнем Востоке, 28 стр.

10. Искатели женьшеня в Уссурийском крае, 22 стр. Изд. Книжного дела в г. Владивостоке, 1925 г.

11. Задачи исследовательских работ на Дальнем Востоке, 5 стр. Экономическая жизнь Дальнего Востока № 2, 1925 г., 9 стр.

12. Дельфиний промысел, 9 стр. Экономическая жизнь Дальнего Востока № 3 и 4, 1925 г.

13. Гижигинский промысловый район. Очерк физико-географический и статистико-экономический, 40 стр., Экономическая жизнь Дальнего Востока № 5 и 6, 1925 г.

14. Командорские о-ва в 1923 г. 45 стр. Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток, 1925 г.

15. Natives of the Russian Far East. Journal of American Museum of Natural History. November—December, 1924. XXIV, № 6.

16. Путь от Хабаровска на Советскую Гавань. Экономическая жизнь Дальнего Востока, 1925 г., 22 стр.

17. В кратере вулкана. Восхождение на Авачинский вулкан летом 1923 г. Владивосток, 1925 г., 31 стр.

18. Население Дальнего Востока как производительный фактор, 1926 г. Экономика Дальнего Востока. Изд. Госплана в Москве.

19. Северная часть прибрежного района в Уссурийском крае в колониационном отношении. Экономическая жизнь Дальнего Востока, март, № 3, 1926 г.

1. В горах Сихотэ-Алиня. Описание путешествия в северную часть Уссурийского края.
2. Страна Удэге.
3. Экспедиция на Камчатку в 1918—1922 гг.
4. Путешествие в горную область Ян-дэ-Янге в 1917 г.
5. Памятники старины в Уссурийском крае.
6. Теория и практика путешественника.

ПЕРЕВЕДЕНЫ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

1. По Уссурийскому краю	} In der Wildnis Ost Sibiriens.
Berlin, August Scherl, 68, 425 стр.
2. Дерсу Узала	
3. Китайцы в Уссурийском крае.	Russen und Chinesen in Ost Sibirien.
Berlin, A. Scherl, 68, 218 стр.

В. Арсеньев.

19. XI. 1926 г.
г. Владивосток,
Бестужевская, 35.

3

12. I. 1928 г.

Дорогой Марк Константинович!

Закончил я свою экспедицию по маршруту Советская Гавань — г. Хабаровск в октябре. Этот маршрут я совершил в 116 суток, перешел пять больших водоразделов и выдолбил в пути пять лодок. Как только я закончил свое путешествие, тотчас был включен в состав научной делегации в Японию от Д. В. края. Из Японии я вернулся в половине декабря и был вызван в Хабаровск, где сделал ряд докладов. Теперь я снова у себя дома в г. Владивостоке. На столе у себя я нашел много писем, журналов и газет. Сейчас на них и отвечаю. Кроме ответов на письма, я решил восстановить переписку с друзьями, к которым прежде всего причисляю Вас. Начну с того, что в лице Л. Я. Штернберга я потерял друга и наставника. Это для меня большая потеря. Особенно близко мы сошлись с Л. Я. с 1914 года. Наша переписка носила очень теплый и дружеский характер. Я условился с ним, что он будет редактировать мою большую работу по этнографии «Страна Удэге» — и вдруг все это так внезапно оборвалось! Теперь я не знаю, кого просить быть моим редактором. Посоветуйте! Весь 1928 год я просижу дома. Заканчиваю к печати книгу «В горах Сихотэ-Алиня», которая явится продолжением «Дерсу Узала». «Книжное дело» уже вперед закупило мою рукопись. Сейчас я в Д. В. Г. Университете читаю курс этнографии. Если считать «По Уссурийскому Краю» и «Дерсу Узала» за первое издание, то сейчас «В Дебрях Уссурийского Края» выходит в третьем издании. На днях я вышлю Вам работу, которую писал вместе с Е. И. Титовым «Быт и характер народностей Д. В. Края». На Дальнем Востоке я остался одиноким и очень скучаю в своем одиночестве. Ближайшие друзья этнографы находятся в Иркутске.

Над чем Вы, Марк Константинович, сейчас работаете? Как Ваше здоровье? Давненько я Вас не видал — целая вечность! Быть может, я поеду в Москву и тогда сделаю остановку в Иркутске. Довольны ли Вы своей работой? Давно от Вас не имею вестей. Не забывайте меня — пишите. Я всегда радуюсь Вашим письмам. Шлю Вам дружеский привет.

Искренно Ваш

В. Арсеньев.

Владивосток,
Бестужевская, 35.
14 июня 1928 г.

Дорогой Марк Константинович!

Ваше письмо я получил очень давно, но вследствие перегруженности работой, болезни и отсутствия из Владивостока не мог удосужиться ответить. Не объясните это худо; я соскучился о Вас, давно не видал и хотелось бы поговорить.

Я, быть может, поеду на Кавказ и на обратном пути остановлюсь в Иркутске повидать старых друзей.

Одновременно с сим письмом посылаю свою книжку «Быт и характер народностей Дальнего Востока». Сейчас работаю над своей большой книгой «В горах Сихотэ-Алиня», которая явится продолжением «Дерсу Узала», в ноябре думаю сдать в печать.

Этот раз пишу немного, чтобы успеть ответить на все письма, затем хочу заняться перепиской только с этнографами и старыми друзьями. В наши годы с новыми людьми сходитья становится все труднее и труднее, а старых друзей становится все меньше и меньше, а потому, несмотря на дальность расстояния, не хочу терять Вас из виду.

Сердечно Ваш В. Арсеньев.

P. S. Прилагаю одну газетную вырезку для специалиста, интересующегося электрометеорологией.

Передайте привет Вашей матушке. Шлю искренний дружеский привет.

Ваш В. Арсеньев.

ПИСЬМА к В. Л. КОМАРОВУ

1

г. Хабаровск,
3 июля 1915 г.

Милостивый Государь
Владимир Леонтьевич,

обращаюсь к Вам с большой покорнейшей просьбой: не откажите выслать мне наложенным платежом Ваши труды по флоре Приамурского края. Этим Вы окажете мне величайшую услугу.

Вот уже 15 лет, как я занимаюсь исследованиями в Приамурье. Покопчив с Уссурийским краем, я хочу центр тяжести своих работ перенести за Амур, в область озер, к югу от р. Амгуни и к северу от нее до берегов Охотского моря. Я специализировался по этнографии и долгое время изучал орочей — удэ (hé). Попутно мне приходилось знакомиться и с флорой и фауной страны и ее климатом. С 1899 г. по 1904 г. я немного занимался ботаникой под руководством покойного Н. А. Пальчевского¹, для того чтобы быть полезным коллектором (собирателем). Мои познания по ботанике крайне ограничены. Я прочел учебник Страссбургера, «Жизнь растений» Кернера и «Физиологию растений» Тимирязева — и только! Посылаю при этом свои первые литературные труды. Не откажите принять их от меня как знак уважения к Вам и преданности. В очерке «Флора и фауна», в книжке «Китайцы Уссурийского края» Вы, несомненно, найдете ошибки. Это потому, что у меня не было надлежащего руководства под руками. Названия растений часто меняются, и не специалисту трудно уследить за этим. Я только что закончил свой большой труд «По Уссурийскому краю» — физико-географическое описание пройденных маршрутов, но не могу пустить в печать, пока не проредактирую все то, что касается растительности. Вот почему Ваши капитальные труды для меня так желательно и теперь и в будущем иметь под рукою.

Примите мои уверения в искреннем к Вам уважении

В. Арсеньев.

2

г. Хабаровск.
11 октября 1915 г.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич,

Я только что прибыл походным порядком из п<оста> Св. Ольги в село Спасское и оттуда в Никольск-Уссурийский. Здесь я получил всю корреспонденцию, которая за время моего отсутствия накопилась в Хабаровске. Я очень, очень благодарю Вас за книги, которые Вы хотите мне прислать.

Это будет для меня весьма ценный презент. Буду у Вас в большом долгу. Благодарю Вас за письмо. Оно написано в таком любезном и дружеском тоне, что невольно, как индуктивный ток, придает мне новый запас энергии и уверенности в работе. Я очень рад, что вошел с Вами в контакт, ибо приходится работать в крае, который обоим нам дорог одинаково. Уссурийский край — страна интересная во всех отношениях. К сожалению, на месте так мало работников! От Владивостока до Камчатки и на запад до Забайкалья едва ли можно насчитать семь человек. Нельзя сказать, чтобы в Приамурском крае не было образованных людей. Их много, но карьерные соображения берут верх над долгом перед родиной, над наукой, даже над элементарными правилами товарищества, честности и т. д. Нынешний генерал-губернатор, несмотря на то что по образованию естественник, систематически приглушает науку. Все серьезные работники у него не в ходу. Он также заражен карьеризмом и поддерживает только тех, кто работает для его рекламы, а не для дела и Края. Вследствие этого в последнее время стали выдвигаться лица, не имеющие никакого образовательного ценза и совершенно не интересующиеся наукой. При таких условиях работать очень тяжело. Вот почему письмо Ваше так для меня приятно. В нем я нашел поддержку. Буду работать! Примите мой искренний привет и добрые пожелания¹.

Преданный Вам *В. Арсеньев*.

г. Хабаровск.
31 декабря 1915 г.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич!

Я только что вернулся из командировки и в г. Хабаровске в Музее нашел Ваше любезное письмо. Генерал-губернатор и командующий войсками посылали меня в Посыетский район организовать охрану русских пограничных селений от нападений хунхузских шаек, участвовавших после ухода войск из Уссурийского края. Пришлось три раза быть в перестрелках. Три шайки мы разогнали (убито 19 хунхузов, ранено 6, заложено 2, остальные бежали); у нас потеря не было. Ранен один казак. Спешу вас уведомить, что книги я получил. Очень и очень благодарю Вас за них. Я считаю себя в большом долгу перед Вами. Ваше первое письмо пришло раньше книг. Я переплел их в хорошие переплеты с серебряным тиснением. Если у Вас, Владимир Леонтьевич, будут какие-либо поручения здесь в Приамурском крае — пишите мне, я немедленно их исполню. В Музей поступил от г. Гуценко небольшой гербарий растений, собранных им около Новокиевского летом 1914 года. Некоторые растения имеют очень подробные даты, а некоторые лишены их. Не надо ли их Вам? Если угодно, телеграфируйте, я пришлю их посылками безотлагательно. Моя работа близится к концу — боюсь, что она будет тяжеловесна. Не думаете ли Вы в этом году посетить наш край?

Шлю Вам поздравления с Новым Годом и лучшие пожелания.

Уважающий Вас и готовый к услугам

В. Арсеньев.

4

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич¹,

Мы «дальневосточники» были очень рады, когда узнали, что Вы стоите у кормила правления Русского географического общества. Два тому назад я выслал Вам свою книгу «По Уссурийскому краю». Она написана для широкой публики и представляет обработанный путевой дневник. Она издана плохо, но по тогдашним временам лучше издать было и нельзя. На этих днях выходит вторая книга (продолжение первой) — «Дерсу Узала». Немедленно пришлю Вам и ее². Могу Вам сообщить несколько слов о себе.

Тотчас после переворота 1917 года я был назначен комиссаром по делам туземных народностей в Приамурском крае. Скоро это звание я сложил с себя, потому что при хаосе, царившем в те времена, сделать я ничего не мог. Вертеть колесо, от которого нет привода, и быть равнодушным свидетелем безобразий и насилий, которые чинились над инородцами, числиться их шефом — я не мог. В конце 1917 года я с антагинскими тунгусами ушел в горную область Ян-де-Янге и оттуда через верховья реки Урми прошел к озеру Болонь Очжал и затем на Амур³. В 1918 году не стало возможности работать в Музее. В это время Переселенческое управление предложило мне отправиться на Камчатку. Я высадился в Усть-Камчатске, поднялся по р. Камчатке до истоков и, перейдя через Ганальский перевал, спустился по р. Быстрой до р. Большой, и от места слияния их пошел вверх по р. Плотниковой. Перевалив через Начикинские горы, я вышел на р. Авачу и по ней спустился к г. Петропавловску. По возвращении в г. Владивосток я был приглашен в Управление рыбных и морских звериных промыслов, ныне переименованное в Управление рыболовства и охоты, где состою и по сие время в должности заведующего пушными промыслами и убоем морского зверя. Эту должность я принял потому, что она ближе всего соприкасается с туземным населением Дальнего Востока.

Кроме того, я работаю в Музее общества изучения Амурского края, где привожу в порядок этнографический отдел. По вечерам читаю лекции в Государственном университете, в Педагогическом институте и в Народном университете.

За эти пять лет мы сумели сохранить в целости Музей и библиотеку. Ничего не пропало, а наоборот, еще производили некоторые работы. Дважды я был в командировках. Один раз на археологических раскопках по ту сторону Амурского залива на полуострове Песчаном и другой раз летом 1922 года в Пенжинском заливе, где скупал этнографические предметы у тунгусов и коряков. Комитет Общества состоит из тех же лиц, что и раньше. Как видите, мы жили и работали. Библиотека пополнилась и приведена в образцовый порядок. Главная же наша заслуга это то, что мы сумели сохранить Музей.

В зиму 1916—1917 гг. Общество Русское географическое за работы по исследованию Приамурского края присудило мне премию имени Венюкова в 1000 рублей. О деньгах я уже и не мечтаю, но мне было бы приятно получить об этом официальное уведомление. Не откажите сообщить мне, когда и каким журнальным постановлением это было сделано.

Я понемногу обрабатываю свои материалы. Лучшие свои работы я отложил на время: 1) «Страна Удэхе», 2) «Памятники старины в Уссурийском крае». Для того чтобы окончательно закончить сбор по ним материалов, мне нужно еще раз побывать у удэгейцев и осмотреть древности в области Засучанья. Не откажите, Владимир Леонтьевич, если будет возможно устроить мне две полугодовые экспедиции. Тогда я возьмусь за обработку всего собранного за 24 года.

Одновременно с этим я написал С. Ф. Ольденбургу⁴, С. А. Бутурлину⁵, Л. С. Бергу, Д. Н. Анучину⁶ и В. В. Богданову⁷. Другим членам Русского географического общества буду писать по мере их обнаружения.

Шлю вам привет и новогодние пожелания.

Уважающий Вас В. Арсеньев.

ПРИМЕЧАНИЯ

В постоянных примечаниях приняты следующие условные сокращения:
Дзюль — И. А. Дзюль. В тайге. «Наша охота», 1910, № 1 и 3; 1911, № 9.

ИРГО — Известия Русского географического общества.

Кабанов — Н. Е. Кабанов. В. К. Арсеньев. — Путешественник и натуралист, 1872—1930. Изд-во Московского об-ва испытателей природы, М., 1947.

Кириллов — Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Сост. Александр Кириллов, Благовещенск, 1894.

Краткий очерк — В. К. Арсеньев. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901—1911, Хабаровск, 1912.

Ливеровский — Ю. А. Ливеровский и Б. П. Колесников. Природа южной половины советского Дальнего Востока, М., Географгиз, 1949.

Пржевальский — Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869 гг. Соч. Н. М. Пржевальского. Изд. авт., СПб.

СА — В. К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня (Соч., т. III, Примиздат, Владивосток, 1947).

СТ — В. К. Арсеньев. Сквозь тайгу (Соч., т. IV, Примиздат, Владивосток, 1947).

Шеститомник — В. К. Арсеньев. Соч., т. I—VI, Примиздат, Владивосток, 1947—1949.

Шренк — Об инородцах Амурского края. Сочинение Л. Шренка, действ. член Академии наук, т. I—III, СПб., 1883—1903.

Штернберг — Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Дальгиз, Хабаровск, 1933.

Примечания геолого-географического характера принадлежат С. В. Обручеву.

Все ссылки на сочинения В. К. Арсеньева делаются по шеститомному изданию Примиздата.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕ

¹ Чехов А. П. Соч., Гослитиздат, М., 1947, т. 7, стр. 476.

² В существующей научной литературе встречается иногда слишком расширительное понимание «школы Пржевальского»; так, например, П. По-

меранцев относит к этой школе, помимо названных нами лиц, еще Г. Н. Потанина и В. А. Обручева («Известия Всесоюзного географического общества», т. 72, вып. 4—5, Л., 1940, стр. 469). Но Г. Н. Потанин начал свои путешествия совершенно независимо от Пржевальского и ранее его монгольского путешествия; ни в коем случае невозможно относить к школе Пржевальского и В. А. Обручева, путешествия которого значительно отличаются от путешествий Пржевальского и по своим задачам, и по их общему характеру.

³ Аристов Ф. Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский). «Землеведение», т. XXXII, вып. 3—4, стр. 216.

⁴ Дубровин Н. Ф. Пржевальский Н. М., СПб., 1890, стр. 42.

⁵ Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин. Изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 50.

⁶ Аристов Ф. Ф. Назв. соч., стр. 211.

⁷ Это выражение «настольная книга» в применении к данному сочинению Пржевальского мне неоднократно приходилось слышать лично от самого В. К. Арсеньева.

⁸ Лидов В. П. и Солнцев Н. А. Комплексные физико-географические исследования. Сб. «Справочник путешественника и краеведа». Составлен группой авторов под ред. С. В. Обручева, т. II, Географиз, М., 1950, стр. 9—16.

⁹ Уссурийское путешествие Н. М. Пржевальского также имело в своей основе официальный залив: ему было поручено произвести перепись населения Уссурийского края. Н. М. Пржевальский. Автобиографический рассказ. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 72, вып. 4—5, Л., 1940, стр. 482.

¹⁰ Кабанов Н. Е. стр. 38.

¹¹ Сборник географических и статистических материалов по Азии. Изд-во Военно-ученого комитета главного штаба, СПб., 1888, стр. 143.

¹² Там же, стр. 144.

¹³ Там же, стр. 219.

¹⁴ Дзюль И. А. В тайге. «Наша охота», 1910, № 1 и 3; 1911, № 9.

¹⁵ Петров А. Г. (проф. Бордаков П. П.) В тайге; Казахское областное государственное издательство, Алма-Ата, 1949, стр. 50.

¹⁶ Бордаков П. П. На побережье Японского моря. «Юная Россия», 1914, № 1—12; отдельные главы печатались в «Известиях южнорусской областной земской переселенческой организации», Полтава, 1912; имеется отдельный оттиск.

¹⁷ Сведения об экспедициях капитана Арсеньева В. К. Путешествия по Уссурийскому краю, 1900—1910 гг.—«Записки Приамурского отдела Русского географического общества», т. VIII, вып. 2. Хабаровск, 1912, стр. 1—36. (в дальнейшем цитируется: Сведения).

¹⁸ Там же, стр. 4—5.

¹⁹ Арсеньев В. К., т. III, Примиздат, Владивосток, 1947, стр. 260.

²⁰ Дубровин Н. Назв. соч., стр. 242.

²¹ «Отечественные записки», 1870, XI, новые книги, стр. 22—26. Анонимный автор рецензии писал в ней: «Пржевальский более зоолог, орнитолог и ботаник, чем путешественник, обозревающий страну и ее жителей, но все же в его сочинениях характеристика Уссурийского края в естественно-историческом отношении менее важна, чем очерк страны в этнографическом отношении и описание нашей колонизации в ней в настоящее время» (стр. 23). Общий же вывод, который делал автор на основании сочинения Пржевальского, был сформулирован им следующим образом: «Все здесь есть для прочного благосостояния переселенцев, и край наделен драгоценными условиями для своего развития, но... и администрация, взявшаяся за водворение русского человека на Дальнем Востоке, сделала со своей стороны все возможное для того, чтобы колонизация потерпела полнейшую неудачу» (стр. 24).

²² Кабанов Н. Е., стр. 67—75.

²³ Арсеньев В. К. Краткий очерк, стр. 108—117. Соч., IV, стр. 94 и др.

²¹ Ивашкевич Б. А. Что сделано в области изучения лесов Дальнего Востока. «Производительные силы Дальнего Востока», вып. 3: Хабаровск — Владивосток, 1927, стр. 90.

²⁵ Кабанов, стр. 53.

²⁶ Семенов-Тянь-Шанский П. П. История полувековой деятельности Русского географического общества, 1845—1895, т. II, СПб., 1896, стр. 544.

²⁷ Там же.

²⁸ Мурзаев Э. М. Великий русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский. — Н. М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. Под. ред. и с вступительной статьей Э. М. Мурзаева, Географгиз, М., 1946, стр. 30.

²⁹ Архив Акад. наук СССР, Ф. 282, оп. 2, № 15, л. 5.

³⁰ Берг Л. С. Н. М. Пржевальский как путешественник. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 72, вып. 4—5, М., 1940, стр. 665.

³¹ Берг Л. С. Н. Н. Миклухо-Маклай как путешественник. «Известия Всесоюзного географического общества», вып. 1—2, М.—Л., 1939, стр. 160.

³² Миклухо-Маклай Н. Н. Второе пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее. — ИРГО, т. XVI, вып. 2, СПб., 1880, стр. 149—170.

³³ Цитированное высказывание В. К. Арсеньева заставляет вспомнить об одной статье на аналогичную тему Н. М. Ядринцева. Во время нашего последнего свидания с В. К. Арсеньевым (осенью 1925 г. в Ленинграде) мы довольно много говорили о Миклухо-Маклае (в связи с впервые опубликованными в 1923 г. его дневниками); тогда-то он и высказал приведенную мною в тексте статьи оценку деятельности и значения Миклухо-Маклая. Я обратил внимание Владимира Клавдиевича на анонимную статью в «Восточном обозрении» (1888, № 82) об этнографических исследованиях Миклухо-Маклая, озаглавленную «Дикарь перед судом науки и цивилизации», автором которой являлся, по моему предположению, Н. М. Ядринцев (впоследствии эта догадка вполне подтвердилась). Я обнаружил эту статью совершенно случайно (в связи с работой, которой я был тогда занят и которая потребовала от меня обращения к старым сибирским газетам) и тогда же переписал ее почти целиком. В. К. Арсеньев, ознакомившись с ней в моей копии, пришел в полный восторг, нашел ее замечательной и просил меня заказать для него машинописный список, что я и выполнил.

В этой статье Н. М. Ядринцев писал, что этнографические исследования Миклухо-Маклая имеют не только выдающееся научное значение, но и «огромное общественное и нравственное значение», главным образом потому, что устанавливают совершенно правильный взгляд на так называемых «дикарей». Н. М. Ядринцев писал: «В антропологическом и этнологическом отношении открывается та нить родства и сходства, которая проникает все человеческие расы и племена... С этой точки зрения единства жизни и развития дикари, как и первобытные племена, составляют не выродков и не обособленные зоологические особи, а целое со всем остальным человечеством, более близкое цивилизованному миру, чем он предполагал. Отмечая «массу предубеждений и предрассудков» по отношению к первобытным племенам и «обречение» последних «на рабство и вымирание», Н. М. Ядринцев требовал, чтоб к этим вопросам подходили только с «гуманной, общечеловеческой точки зрения». «Так называемые низшие расы и другие племена есть только часть того же великого целого — «человечества». Эта идея родства и единства со временем еще более озарит историю и философию жизни и укажет великий нравственный закон, по которому дитя-человек, дикарь и инородец, заслуживает не уничтожения, вражды и истребления, но сострадания, сочувствия, помощи и восприятия в полноправную среду человеческого братства». Эта формулировка особенно восхитила Владимира Клавдиевича, и он выражал сожаление, что никем не написана специальная статья о Ядринцеве как этнографе.

³⁴ Архив Акад. наук СССР. ф. 282, оп. 2, № 15, л. 3.

³⁵ Арсеньев, VI, стр. 241.

³⁶ В № 1086 газеты «Приамурье» (17 апреля 1910 г.) был напечатан репортерский отчет о докладе В. К. Арсеньева, сделанном 8 апреля того же года в отделе Географического общества. Доклад сопровождался демонстрацией большого количества фотографий и привезенных коллекций: этнографические коллекции, черепа, шкурки птиц, скелеты зверей и пр. «Уважение вы проникается тем больше,— писал автор заметки,— что из слов В. К. Арсеньева, которыми он начал свое сообщение, вы узнаете, что свое путешествие, протекавшее при исключительных трудностях, он совершал на ничтожные средства. Получил он всего (от Географического общества) 5000 рублей. На эту сумму он должен был содержать в дикой тайге в течение 19 месяцев 7 человек своей команды, о службе которой, к слову сказать, лектор отзывался с высокой похвалой; он должен был нанять проводников, переводчиков, покупать перевозочные средства, лодки, собак; на эти же деньги он должен был приобретать коллекции и передвигать их по абсолютно бездорожной, а иногда и малодоступной тайге».

Эта заметка имеет вообще большой интерес, так как явилась первым общественным признанием В. К. Арсеньева, и в ней были очень определенно сформулированы требования к краевой администрации относительно В. К. Арсеньева. «Нам казалось бы,— писала газета,— что высшая краевая администрация должна немедленно изыскать средства, дабы высокоценные путешествия г. Арсеньева, так обогащающие географическую науку оригинальнейшими сведениями, было немедленно напечатано... «Нет пророка в своем отечестве». И немногие, слушавшие яркое сообщение г. Арсеньева, видели в лекторе истинного путешественника, обладающего теми же данными, которые создали некогда Пржевальского, а теперь, в наши дни, создают П. К. Козлова, ученика Пржевальского...» «Своей звездой» г. Козлов обязан Пржевальскому, но его «тянул» и «вытянул в люди» особенно своим знаменитым духовным завещанием на Иссык-Куле, но Арсеньева никто «не тянет». На него смотрят пока как на отличного офицера, как на усердного и умелого исполнителя велений начальства... Между тем последнее 19-месячное путешествие Арсеньева и реальные результаты этого путешествия дают ему несомненное право на признание в нем не только «отличного офицера», но и истинного путешественника, которого уже пора оценить так, как в свое время оценил Пржевальский Козлова».

³⁷ «Сведения»..., стр. 19—20.

³⁸ Там же, стр. 20.

³⁹ Там же, стр. 21.

⁴⁰ Там же, стр. 31.

⁴¹ В предисловии к книге «В горах Сихотэ-Алиня» В. К. Арсеньев писал: «Всем успехом своего предприятия автор обязан самоотверженной и бескорыстной службе своих младших сотрудников. Несмотря на то что их сверстники были уволены в запас армии, несмотря на полную возможность уехать из Императорской Гавани во Владивосток на пароходе, они, понимая, что уход даже одного человека из отряда был бы очень чувствителен, добровольно остались до конца экспедиции. Едва ли когда стрелкам и казакам приходилось переносить большие лишения, чем вынесли эти скромные труженики. Несмотря на постоянное переутомление и физические страдания от холода и голода, которых невозможно передать словами, они мужественно боролись с природой и не жаловались на свою судьбу. Многие из них погибли во время империалистической войны. Какая судьба постигла остальных — не знаю» (Арсеньев, т. III, стр. XI—XII).

⁴² «Сведения»..., стр. 35—36.

⁴³ Аналогичный метод первичной обработки дневниковых записей был применен В. К. Арсеньевым и в 1927 г. во время его последней экспедиции. Эти письма отправлялись им в редакцию газеты «Тихоокеанская Звезда» (см. Рогова, стр. 62—63). Как сообщает Н. М. Рогова, много писем затерялось в пути и не дошло до адресата; писал В. К. Арсеньев в газету и после возвращения из путешествия. Эти письма и очерки были опубли-

кованы в журнале «На рубеже» (1939, № 4): В. К. Арсеньев. «Последнее путешествие по Уссурийской тайге»; в этом же журнале был опубликован и очерк «Голодовка на реке Хуту» («На рубеже», 1934, № 2).

⁴⁴ Рогаль Н. М. В. К. Арсеньев. Краткий биографический очерк, Хабаровск, 1947, стр. 55 (в дальнейшем цитируется: Рогаль).

⁴⁵ Кабанов, стр. 62.

⁴⁶ Краткий очерк стр. III (в дальнейшем цитируется: Краткий очерк).

⁴⁷ Куренцов А. И. Научное значение исследований В. К. Арсеньева (Арсеньев, I, стр. VIII—IX).

⁴⁸ «Этнографическое обозрение», 1915, вып. 1—2, стр. 153.

⁴⁹ Опубликовано в «Записках Приамурского общества востоковедения», Хабаровск, 1913, вып. I, стр. 15—66.

⁵⁰ Арсеньев, т. VI, стр. 241.

⁵¹ Примерно тогда же (кажется, в августе 1915 г.) он сообщил об этом в одном из писем ко мне (к сожалению, не сохранившемся). Отдельные главы я имел случай читать в рукописи летом и осенью 1914 г., когда, возвратившись после фольклорнодиалектологической экспедиции к амурским казакам, жил в Хабаровске, подготавливая к печати свои материалы. В это время мной были прослушаны: «Пурга на озере Ханка» (т. I, гл. VI); «Приключение на реке Арзамасовке» (там же, гл. XV); «Амба» (там же, гл. XVIII), Ли-Шун-Бин (т. II, гл. IX), «Голодовка на Кулумбе» (вошло в XIV главу 2-го тома: «Тяжелый переход»), «Завещание Дерсу» (там же, гл. XVIII); «Смерть Дерсу» (там же, гл. XXIV) и др. Были ли все прослушанные мною главы окончательно отделанными или только первыми редакциями, подвергшимися позже переработке, сейчас уже не помню. Должен еще прибавить, что некоторые главы и отдельные эпизоды я слушал не в чтении, а в живом рассказе Владимира Клавдиевича, который был превосходным рассказчиком. Некоторые из его очерков я слышал и в его устной передаче и читал в письменном виде — и всегда мне казалось, что устные рассказы были еще совершеннее, аналогичное впечатление выносили и другие лица, слышавшие рассказы В. К. Арсеньева.

⁵² Кабанов, стр. 63.

⁵³ Там же, стр. 62.

⁵⁴ Арсеньев, т. VI, стр. 113—152.

⁵⁵ Там же, стр. VI.

⁵⁶ Там же, стр. 132.

⁵⁷ Там же, стр. 135—136.

⁵⁸ Краткий очерк, стр. 131.

⁵⁹ Соловьев Д. К. Основы охотоведения, т. V, Л., 1929, стр. 1049.

⁶⁰ Арсеньев, т. I, стр. IV. На произвольность и неправильность такого определения этой книги уже указал Н. М. Рогаль («Дальний Восток», 1947, № 2, стр. 131), однако в последующей своей работе он также очень расширительно рассматривает беллетристические моменты в творчестве В. К. Арсеньева.

⁶¹ Кабанов, стр. 61.

⁶² См. например: Критический очерк В. Машукова «Дальний Восток», 1947, № 1, стр. 121.

⁶³ Обручев В. А. Назв. соч., стр. 270.

⁶⁴ Мурзаев Э. М. Второе тибетское путешествие Н. М. Пржевальского.— Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. Под редакцией и со вступительной статьей и примечаниями Э. М. Мурзаева, Географгиз, 1948, стр. 5—6. Данная характеристика относится автором лишь к «Очеркам Северо-Западной Монголии»; вторая же книга Г. Н. Потанина «Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» написана, по мнению Э. М. Мурзаева, «уже в манере и стиле Пржевальского» (там же, стр. 6).

⁶⁵ Известный географ М. И. Веников утверждал, что во всей географи-

ческой литературе (русской и иностранной) «мало книг, написанных так увлекательно и в то же время с соблюдением научной строгости содержания, как книги Н. М. Пржевальского — «Отчет Русского географического общества», 1874, стр. 106.

⁶⁶ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, Географгиз, М., 1946, стр. 56.

⁶⁷ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае, Географгиз, М., стр. 143, 1947.

⁶⁸ Там же, стр. 144.

⁶⁹ Тимирязев К. А. Фотография и чувство природы (Соч., т. V, М., 1941, стр. 235—237).

⁷⁰ Там же, стр. 238—239.

⁷¹ Там же, стр. 231.

⁷² «Известия Всесоюзного географического общества», т. 72, вып. 4—5, М.—Л., 1940, стр. 499.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае, М., 1947, стр. 184.

⁷⁵ Тимирязев К. А. Естествознание и ландшафт (Соч., т. V, М., 1941, стр. 434, 435).

⁷⁶ «Юная Россия», 1914, стр. 222, № 2.

⁷⁷ Назв. изд., № 5, стр. 607—608.

⁷⁸ Назв. изд., № 10, стр. 1254.

⁷⁹ Римская цифра в скобках обозначает здесь и в дальнейшем том шеститомного собрания сочинений Арсеньева.

⁸⁰ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае, стр. 128.

⁸¹ В данном случае возможно видеть невольную реминисценцию из Чехова; такое сравнение встречается и в рассказе «Ванька»: «Все небо усыпано весело мигающими звездами, и Млечный Путь вырисовывается так ярко, как будто его перед праздником помыли и потеряли снегом» (Полное собрание сочинений А. П. Чехова, Гослитиздат., 1947, т. V, стр. 260). Отметим попутно, что Чехов принадлежал к любимым писателям В. К. Арсеньева, особенно любил он «Степь». Н. Рогаль сообщает, что в бумагах Арсеньева сохранилось большое количество выписок из сочинений Л. Толстого, Тургенева, Гончарова, главным образом из их описаний природы (Н. Рогаль, Назв. соч., стр. 56). Могу добавить к этому, что В. К. Арсеньев наиболее ценил описание природы у Гончарова, нравившееся ему своей четкой лаконичностью. Он ставил их выше, чем знаменитые пейзажи Тургенева. Большой интерес проявлял также Владимир Клавдиевич к художественным произведениям, в которых отображалась жизнь народностей Сибири; непревзойденным шедевром среди них считал он «Сон Макара» Короленко.

⁸² См. напр. вступительный очерк Волянского к книге «В горах Сихотэ-Алиня», в изд. «Молодой Гвардии», М., 1934, стр. 16.

⁸³ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883, стр. 174.

⁸⁴ Письмо А. М. Горького цитирую по тексту, опубликованному во 2-м томе шеститомного собрания сочинений Арсеньева (стр. XV); в этом письме Горький, между прочим, пишет: «Посылаю Вам мою книгу». К сожалению, ни один из биографов В. К. Арсеньева, имевших возможность работать непосредственно над материалами архива Арсеньева, не сообщает, сохранилась ли эта книга. Чрезвычайно интересно знать, какую именно книгу из своих сочинений прислал В. К. Арсеньеву А. М. Горький и какую надпись сделал он на ней. Данный факт имеет интерес не только для биографии В. К. Арсеньева, но и А. М. Горького.

⁸⁵ Лидин В. Люди и встречи.— «Знамя», 1948, № 3, стр. 122.

⁸⁶ Шестакова Ю. Книга и жизнь. К двадцатилетию со дня смерти В. К. Арсеньева. «Дальний Восток». 1950, № 5, стр. 113.

⁸⁷ Пришвин М. М. Золотой Рог, Л., 1934.

⁸⁸ Арсеньев В. К. Соч., т. 1, стр. 586.

⁸⁹ Там же, стр. 587.

⁹⁰ «Краткий очерк», стр. 302.

⁹¹ Бытовой Семен. Поезд пришел на Тумнин. Путевые очерки, Л., 1951, стр. 68—69.

⁹² Сергеев М. А. Возрожденный народ, журн. «Звезда», 1952, № 1, стр. 170.

⁹³ Шестакова Ю. Новый перевал, Иркутск, 1952, стр. 57.

⁹⁴ Майбогов Константин. Возрожденные народности Приморья. «Советское Приморье», Лит-худож. альманах, вып. 6, Владивосток, 1948, стр. 111.

⁹⁵ Там же, стр. 112.

⁹⁶ Шестакова Ю. Новый перевал... стр. 90.

⁹⁷ Пользуюсь материалами рукописного труда М. А. Сергеева «Пути некапиталистического развития народов Севера», за возможность ознакомиться с которым приношу глубокую благодарность автору.

⁹⁸ Абрамов А. Г. Тридцать лет спустя. В. К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня, изд. «Молодая Гвардия», М., 1940, стр. 241.

⁹⁹ О Сидорове Н. П., см. назв. выше книгу С. Бытового и очерк К. Майбогова; о Маслакове А.— назв. выше книгу Ю. Шестаковой.

¹⁰⁰ «Краткий очерк», стр. 301.

¹⁰¹ Бытовой Семен. Назв. соч., стр. 179—181.

¹⁰² Майбогов К. Назв. соч., стр. 119.

¹⁰³ Шестакова Ю. Назв. соч., стр. 24.

¹⁰⁴ Там же, стр. 260—263.

¹⁰⁵ Кимонко Джанси (1908—1949). Его повесть «Там, где бежит Сукпай» опубликована в журнале «Звезда», 1950, № 6; первоначально «Дальний Восток», 1948, № 1; 1950, № 1. О нем в назв. кн. Ю. Шестаковой.

ПРИМЕЧАНИЯ К „ПУТЕВЫМ ДНЕВНИКАМ“

К ГЛАВЕ I

Напечатано: Приамурье, № 598, от 19 июня 1908 г.

По сравнению с текстом СА настоящая глава представляется как бы предварительным кратким конспектом первых страниц (стр. 1—6, 10—15). Вполне понятно, что в газетном очерке, предназначавшемся в первую очередь для читателей того города, в котором выходила данная газета, были совершенно излишни сведения о Хабаровске и его истории, включенные Арсеньевым в позднюю редакцию. Отсутствуют в газетном тексте и другие исторические справки (о происхождении реки Амур, легенда о происхождении Хекцирского хребта и пр.). Но вместе с тем в газетном тексте находится ряд любопытных деталей, отсутствующих в книге СА. В последней смягчена резкая характеристика населения села Вятского. Замечание автора об отсутствии телег в селе Вятском — явно ошибочно. Отрицательное отношение к обитателям Вятского разделяли и прочие члены экспедиции, как видно из очерка Дзюля. В СА (стр. 282) сделано примечание о количестве жителей в Вятском в 1926 г.: 61 дом, 278 человек. Краткое упоминание о носящихся в воздухе ночных бабочках в СА развернуто в небольшой художественно-научный очерк об эфемеридax (стр. 7—8).

¹ Река Анюй во всех газетных очерках пишется Онюй; в СА написание не выдержано: Анюй и Онюй, но в подавляющем большинстве случаев — Анюй; в СТ — всюду Анюй. В очерке Дзюля — всюду Анюй; это написание принято и в настоящей перепечатке.

Во всех предыдущих изданиях и картах река Анюй именовалась Дандон или Дондон (К и р и л л о в, стр. 144); у него же приведены и другие

названия этой реки: Найхе, Соле, Куле. Название Дондон является руссифицированной формой китайского названия: Дунь-дунь (т а м ж е); указания на неправильные именованя реки Аной Дондоном встречались и раньше (см. ИРГО, 1905, вып. 2, стр. 197), но только после экспедиций В. К. Арсеньева последнее название упрочилось на картах и в литературе. Впрочем, в некоторых изданиях даже в советское время встречается старое название, — так, например, обозначена попрежнему именем «Дондон» река Аной на карте, приложенной к учебному руководству В. Е. Глуздовского «Дальневосточная область», Владивосток, 1925.

Главными притоками Аноя являются Дынми и Гобилли (с правой стороны) и Тормасунь (с левой).

К ГЛАВЕ II

Напечатано: «Приамурье», № 605, от 27 июля 1908 г.

Эта глава лишь в небольшой части соответствует 2-й главе СА, но без прямых буквальных совпадений. В основном эта глава служит дополнением к тексту СА: в частности, в последней отсутствует рассказ о Троицкой школе, суммарная характеристика режима р. Аной и некоторых других. Любопытные дополнения к рассказу о Троицкой школе мы находим в очерке Дзюля. Названия гольдских стойбищ в некоторых случаях не вполне соответствуют принятым обозначениям: «Найхин» вместо «Найхе», «Дырга» вместо «Дай-Эрга» (см. Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922, стр. 351: список гольдских стойбищ по официальным данным 1915 г.); в словаре Кириллова и в книге Шренка названия гольдских стойбищ приведены с большими ошибками.

¹ В настоящем очерке Арсеньев неправильно употребляет для обозначения «орочских женщин» термин «орочонки»; в дальнейшем тексте также неоднократно наряду с термином «орочский», «орочские женщины встречаются и «орочонский», «орочонские женщины»; возможно, что эта невыдержанность является результатом недостаточного удовлетворительной газетной корректуры, — вследствие этих соображений мы печатаем всюду: «орочи», «орочский» и т. д.

² В этих очерках В. К. Арсеньев говорит о гольдах и орочах, но в СА последние именуются удэхейцами. В «Кратком очерке» они всюду названы орочи-удэхейцы. В СА уточнены и места расселения этих народностей по Аною: «в нижнем течении живут гольды, а выше — удэхейцы» (стр. 16).

Прежние исследователи не делали различия между этими двумя этническими группами, и только В. К. Арсеньев установил этнографическую самостоятельность удэхейцев; впервые это четко было сделано им в «Кратком очерке», где дана и картина распределения народностей в Уссурийском крае (стр. 230—236). «Исторической колыбелью орочей, — пишет он, — была Императорская Гавань. Отсюда они распространились к югу по всему восточному побережью». Что же касается орочей-удэхейцев (В. К. Арсеньев пишет: удэне), то они обитали около Владивостока и около озера Ханка; в 1860-х годах их видели около Посьета, «куда они спускались ради охоты за дорогими пантами». К западу от Сихотэ-Алиня они жили по рекам Даубихэ, Улахэ и Ното; там их потеснили китайцы, в результате чего одни ушли на север, другие остались на месте и подверглись «ассимилированию со стороны пришлого китайского населения»; «эти последние получили название «тазов» (стр. 232); те же тазы, но подвергшиеся меньшей ассимиляции, живут на севере, по побережью моря, от бухты Терней до реки Амагу. От мыса Белкина вплоть до реки Нохтоху и к западу от Сихотэ-Алиня в бассейне Имана и реки Вану жили орочи, наименовавшие себя «удэне», но которые, по характеристике В. К. Арсеньева, являлись орочами-тазами, и, наконец, «настоящие удэне» жили на севере, вплоть до мыса Агу, по верхнему течению реки Қопи, по всему Бикину, Хору, на реках Мухэлю, Аной и по низовьям Хунгари.

Также изображает В. К. Арсеньев картину расселения тазов и удэгейцев в позднейшем очерке («Тазы и удэхе» — Статистический бюллетень Дальневосточного краевого статистического управления. Хабаровск, 1926, № 1, стр. 20—26; не указано ни в одном из библиографических списков трудов В. К. Арсеньева); но в этой статье В. К. Арсеньев уже отказался от термина «орочи-тазы», считая необходимым «всех тазов» и так называемых «уссурийских орочей» объединить под одним именем «удэхе», как сами они себя и называют (Назв, соч., стр. 20). Об этом же говорит он и в брошюре «Лесные люди удэгейцы», Владивосток, 1926; (перепечатано в шеститомнике, т. V, стр. 139—188). В статье «Статистического бюллетеня» дан список удэгейских стойбищ по Хору и Бикину и определена их численность; там же — таблица признаков, по которым можно отличить «таза» от «китайца» (стр. 23—24). Таким образом, название «орочи» может быть применено лишь к тому народу, который живет в северо-восточной части Уссурийского края, по рекам Копи, Хади, Тумнину и верховьям Хунгарн. Главным образом орочи живут в районе Тумнина; Л. Я. Штернберг называл Тумнин «Амуром территории орочей» (Штернберг Л., стр. 405).

Вопросы происхождения орочей и удэгейцев еще не разъяснены до конца. Авторитетный знаток народностей Дальнего Востока М. А. Сергеев так подводит итоги этим изучением: «Очень сложные этногенетические процессы протекали среди амурских племен, принадлежащих к южной или маньчжурской ветви тунгусов-маньчжуров (гольдов, ульчей, удэ, орочей и сроков). Недостаточно еще исследованные племена эти довольно разнообразны в антропологическом и этнографическом отношениях и сложились, повидимому, в результате сложного взаимодействия аборигенов Приамурья и тунгусов-маньчжуров. В формировании их участвовало предположительно несколько крупных компонентов: палеазиаты (гиляки-нивхи), айну, монголы, тунгусы, маньчжуры). М. С. Сергеев. Исследование народов Дальнего Востока в советскую эпоху, «Дальний Восток», 1947, № 4, стр. 86.

В своих трудах В. К. Арсеньев говорит об орочах лишь попутно, но удэгейцам посвящен ряд его статей и заметок. Начиная с 1910 г. он готовил к печати большой труд «Страна Удэхе» (см. его письма к Л. Я. Штернбергу), кратким конспектом которого является уже названная выше брошюра «Лесные люди-удэгейцы» (Владивосток, 1926); см. также другую его брошюру, опубликованную В. К. Арсеньевым совместно с Е. И. Титовым, «Быт и характер народностей Дальнего Востока» (Хабаровск — Владивосток, 1928). Судьба же его большого труда остается неясной. На основании писем к Л. Я. Штернбергу, В. Л. Комарову и нек. др. можно думать, что этот труд уже был или совсем закончен или близок к окончанию, между тем рукопись его розыскать не удалось. Н. Е. Кабанов полагает, что она утрачена (Кабанов Н. Е., стр. 45).

О крупных сдвигах, происшедших в настоящее время в быту удэгейцев и орочей, см. вступительную статью.

К ГЛАВЕ III

Напечатано: «Приамурье», № 612, от 5 августа 1908 г.

Частично соответствует 2-й главе СА; в последней более подробно описаны отдельные моменты пути по Анюю, но нет такой сводной и обобщающей картины, какая дана в первоначальном (газетном) очерке; отсутствует и описание наводнений.

Чтобы сравнить, какие ценные исправления на географической карте Дальнего Востока сделаны Арсеньевым, приведем данные об Анюе (Дондоне), которые находятся в «Словаре» Кириллова; у последнего: река Анюй, вытекающая из Сихотэ-Алиньского хребта, сразу же берет направление на северо-запад, где и впадает в Амур; протяжение ее определялось свыше 200 км.

¹ Десулави Николай (Нума) Августович (род. в 1860, ум. после 1928) — известный флорист, автор ряда работ по флоре Кавказа и Дальнего Востока. В дореволюционное время был преподавателем француз-

ского языка в Хабаровском кадетском корпусе; с 1927 г. — научный сотрудник Краевого лесного питомника в Хабаровске. По характеристике автора заметки о нем в «Словаре русских ботаников»: «превосходный коллектор растений» (т. III, стр. 142). В «Вестнике лучших драматических произведений французских писателей» (1902, № 10) был опубликован его полунаучный, полубеллетристический очерк «Восхождение на вершину Казбека»; из работ, относящихся к Дальнему Востоку, наиболее важна «Хекцир как памятник природы» (Бюллетень Хабаровского лесного питомника, вып. 1, 1925). Десуляв принимал участие и в предыдущих экспедициях В. К. Арсеньева; о нем неоднократно упоминает П. П. Бордаков в своем очерке, посвященном совместному путешествию с В. К. Арсеньевым (Бордаков П. П. На побережье Японского моря — «Юная Россия», 1914, № 1—12).

² На Аною Арсеньев вторично побывал в 1927 г. «Я ожидал, — пишет он, — встретить его бурным, как и раньше. Тогда плавание по нему считалось опасным. Помню, мы в 1908 году с величайшим трудом подымались по этой реке. Взять пережат было рискованным предприятием. Я помню страшные водовороты Иока, которые втягивали в себя большие деревья. Во многих местах туземцы не решались плыть на лодках и перетаскивали лодки по берегу. Таков был Аною двадцать лет назад. Велико же было мое изумление, когда мы дошли до устья Дынми. Последняя встретила Аною величаво-спокойным: «Глядишь и не знаешь — идет или не идет величаява его ширина. Ни зашелохнет, ни прогемит». Я не узнал Аною. Географически — это он, а по характеру совсем другая река. В 1908 году я назвал его бешеным и весьма опасным для плаванья, а теперь в 1927 году я увидел спокойную, тихую реку, вполне доступную для сплава леса. В 1908 году в верховьях вода шла двенадцать, а внизу десять километров в час, теперь течение значительно ослабело: сверху оно равняется восьми, а внизу шести километрам в час. Эту перемену в режиме реки заметили и туземцы» (т. IV, стр. 76). Основной причиной изменения скорости реки явилось, по мнению В. К. Арсеньева, выравнивание дна, но, вероятно, это явление имеет более сложные причины.

Роль анюйского пейзажа в формировании характера его обитателей чрезмерно преувеличена В. К. Арсеньевым; такое преувеличение роли географических факторов вообще характерно для ранних работ В. К. Арсеньева, — в последующих трудах он уже более осторожно подходил к этому вопросу, но значение человеческого труда и воли в преобразовании природы (особенно в связи с иными социальными условиями) ему осталось неясным до конца его жизни. В докладе «Колонизационные перспективы Дальнего Востока» он категорически отрицал возможность какого-либо культурного вмешательства с целью изменения климата страны в более благоприятную сторону (см. Производительные силы Дальнего Востока, вып. 5, Хабаровск — Владивосток, 1927, стр. 39).

³ В. К. Арсеньев здесь, и неоднократно далее, употреблял выражение «смешанный лес» вместо принятого теперь термина: «смешанный лес».

К ГЛАВЕ IV

Напечатано: «Приамурье», № 623, от 21 августа 1908 г.

Отдельные части этой главы встречаются в главе 2-й СА, но в общем по материалу и композиции газетный текст представляется совершенно отличным и самостоятельным; так, например, в СА очень кратко (стр. 31) упоминается о катастрофе с перевернутой лодкой; в тексте «Приамурья» этот эпизод описан более подробно и изобилует рядом художественных деталей. Отсутствует в СА и описание занятий путешественника во время «вынужденного простоя» в работе из-за дурной погоды.

¹ В. К. Арсеньев наряду с принятыми названиями птиц и рыб пользуется и местными; в данном случае — «линьком» именуется ленок. Впрочем, в последующих главах он пишет «ленок».

² Речка Гобилли у Арсеньева (также и у Дзюля) именуется Горбилли;

описание этой речки — в СТ (стр. 84). Фанза Тахсале в газетном тексте в настоящем издании приводится в правильном именовании. Подробнее обозначена всюду: Таксаме.

К ГЛАВЕ V

Напечатано: «Приамурье», № 625, от 23 августа 1908 г.

Частично соответствует заключительным страницам 2-й главы СА. В последней более подробно описано камлание; о нем же упоминает и Дзюль; В. К. Арсеньеву удалось во время этой экспедиции наблюдать еще одно камлание (зимой 1909 г.); оно подробно описано в очерке «Лесные люди...» (т. V, стр. 182—185).

¹ Страстный охотник — И. А. Дзюль, спутник В. К. Арсеньева по экспедиции 1908 г.; И. А. Дзюль был начальником ж.-д. станции Корфовская (в 30 км от Хабаровска); на этой маленькой станции он жил исключительно ради охоты (в том числе и на тигров), упорно отказываясь от переводов на более крупные станции или в управление железной дороги. В. К. Арсеньев неоднократно и подолгу живал у него на ст. Корфовской, спасаясь от «городской сутолоки»; там же он написал ряд глав своей первой книги. И. А. Дзюль был сотрудником журнала «Наша охота», в котором напечатал очерк «В тайге» о совместном путешествии с В. К. Арсеньевым, и ряд мелких заметок и рецензий.

² В СА В. К. Арсеньев приводит любопытные детали, иллюстрирующие страх удэйейцев перед рекой Гобилли; никто из них не отваживался зайти в ее верховья: про ее истоки «ходили нехорошие слухи: там темно, всегда идут дожди, дуют холодные ветры; там царство голода и смерти» (III, стр. 56). Одну из маленьких горных речек, впадающих в Гобилли, удэйейцы впоследствии назвали «Чжанге уоляни», то есть «ключик на перевал, по которому прошел Чжанге» (IV, стр. 84). Именем Чжанге удэйейцы называли Арсеньева.

К ГЛАВЕ VI

Напечатано: «Приамурье», № 650, от 24 сентября 1908 г.

Настоящая глава не имеет прямого соответствия с СА; отдельные замечания об уссурийских лесах, конечно, встречаются, но такой цельной сводной картины, как здесь, в книге нет. Сводку своих наблюдений об уссурийских лесах, сделанных во время экспедиций 1908, 1909, 1926 и 1927 гг., В. К. Арсеньев дал в СТ (стр. 134—135) и в «Кратком очерке» (стр. 108—117); т. V, стр. 25—33).

¹ Арсеньевские описания уссурийских лесов принадлежат к лучшим страницам дальневосточной краеведческой литературы, особенно замечательны по художественности изображения и, вместе с тем натуралистической точности описания акатника, бархатного (пробкового) дерева, амурского винограда и папоротников (т. IV, стр. 94—95). Как неоднократно приходилось слышать от самого В. К. Арсеньева, на него в свое время произвело неизгладимое впечатление описание уссурийских лесов у Пржевальского. Напомним эту замечательную страницу: «Невозможно забыть впечатления, производимого, в особенности в первый раз, подобным лесом. Правда, он также дик и недоступен, как и все прочие сибирские тайги, но в тех однообразии растительности, топкая тундристая почва, устланная мхами или лишаями, навевает на душу какое-то уныние; здесь, наоборот, на каждом шагу встречаешь роскошь и разнообразие, так что не знаешь, на чем остановить свое внимание. То высится перед вами громадный ильм, со своею широковетвистою вершиною, то стройный кедр, то дуб и липа с пустынно дуплистыми от старости стволами, более сажени в обхвате, то орех и пробка с красивыми перистыми листьями, то пальмовидный диморфант, довольно, впрочем, редкий. Как странно непривычному взору видеть такое смешение форм севера и юга, которые сталкиваются здесь как в растительном так и в животном мире. В особенности поражает вид ели, обвитой виноградом, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом

с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя, по ту же рядом можно встретить тигра, не уступающего в величине и силе, обитателям джунглей Бенгалии. И торжественное величие этих лесов не нарушается присутствием человека; разве изредка пробредет по ним зверолов, или раскинет свою юрту кочующий дикарь, но тем скорее дополнит, нежели нарушит картину дикой, девственной природы... (Пржевальский, стр. 26—27). Пржевальский изображает южноуссурийскую тайгу, описание В. К. Арсеньева касается северной части края. Позже в «Кратком очерке» он дал широкую картину лесов Уссурийского края в целом.

Сделанные Арсеньевым описания уссурийских лесов имеют огромное научно-краеведческое значение, что неоднократно отмечалось исследователями. «Не будучи ни ботаником ни лесоводом, В. К. Арсеньев,— пишет о нем один из авторов,— тщательно отмечал общий характер растительности, границы распространения некоторых характерных растений и типов леса, не говоря уже о том, что им дана для многих диких местностей основа всякого изучения — рекогносцировочная карта». (Ивашкевич Б. А. Что сделано в области изучения лесов Дальнего Востока. «Производительные силы Дальнего Востока», вып. 3, Хабаровск — Владивосток, 1927, стр. 30). Автор указывает далее, что на основании трудов В. К. Арсеньева и особенно его дневников возможно было бы установить местонахождение многих лесных массивов и общий характер их растительности. «Сихотэ-Алинь пересечен В. К. Арсеньевым во множестве мест, и опубликование хотя бы извлечений из его путевых заметок могло бы дать немало для общегеографической характеристики лесов» (там же, стр. 31).

Автор биографического труда о В. К. Арсеньеве Н. Е. Кабанов (сам — выдающийся знаток дальневосточных лесов) отмечал уменье В. К. Арсеньева тонко разбираться в географическом распространении отдельных растений и важнейших для Приморья типов лесов (Кабанов Н. Е., стр. 53). Н. Е. Кабанов отмечает, что границы распространения многих дальневосточных древесных и кустарниковых пород были впервые установлены лишь В. К. Арсеньевым, в частности границы так называемого «амурского винограда», монгольского дуба, даурской лиственницы и др. Особенно ценным в научном отношении считает Н. Е. Кабанов установление на побережье Японского моря и в центральной части горной области Сихотэ-Алиня границ ботанико-географических областей: Маньчжурской и Охотской. «Если принять во внимание,— пишет Н. Е. Кабанов,— что он [В. К. Арсеньев] не был ни ботаником ни лесоводом, то станет совершенно ясным, что эта ботанико-географическая граница именно в этой части Приморья была, несомненно, важной и интересной в научно-практическом отношении. Добавим, что значительно позднее ряд специалистов (Крылов, Скворцов, Буш и др.) проводил эту границу разделения двух флористических областей не меридионально, а строго широтно, что является неверным» (Назв. соч., стр. 55). О принятых в настоящее время границах ботанико-географических областей Приморья см. у Ливеровского.

² Сравнение густого хвойного леса с тундрой едва ли может быть признано удачным. И во всяком случае оно внушает ложные представления о характере растительности. Такое сравнение встречается в данных очерках у В. К. Арсеньева, неоднократно пользовался им и позже. В журнале «На рубеже» (1939, № 4) напечатан его очерк, озаглавленный «Полярная тундра Уссурийского края». Н. Е. Кабанов полагал даже, что данное заглавие принадлежит редакции, так как полярной тундры в Уссурийском крае нет, и Арсеньев такого заглавия дать не мог» (шесть томник, VI, стр. 278—279); однако, как видно из настоящих очерков, В. К. часто пользовался таким, несомненно неправильным, но почему-то казавшимся ему выразительным сравнением.

К ГЛАВЕ VII

Напечатано: «Приамурье», № 668, от 17 октября 1908 г.

В газете этот очерк помечен № 8; возможно, что предыдущее письмо затерялось и до редакции не дошло. Настоящий очерк, посвященный фауне

Уссурийского края, так же как и предыдущий («о лесах»), не имеет точного соответствия с СА. Отдельные же замечания о представителях животного мира Уссурийского края разбросаны на протяжении всей книги СА. Так, например, об изюбрях говорится в главе VI (стр. 134—135), но сводной картины, посвященной зверям и птицам Уссурийского края, в СА нет. Соболю и соболеванию Арсеньевым посвящен отдельный этюд (т. VI, стр. 153—178); первоначально очерк о соболе напечатан также в газете «Приамурье».

В «Кратком Очерке» имеется специальная глава, посвященная фауне края (стр. 117—132; т. V, стр. 34—46) и содержащая некоторые поправки к настоящим заметкам. Из них наиболее существенны: сведения о распространении тигра, определения видов медведя (гималайский и маньчжуро-уссурийский), более подробно рассказано о семействе оленей (т. V, стр. 36—41) и др.; но в ряде случаев газетный очерк является более полным, кроме того, он изобилует рядом художественных подробностей. Сведения о птицах в «Кратком очерке» совершенно отсутствуют.

Ценным дополнением к очеркам В. К. Арсеньева о животных и птицах Приморья являются соответственные страницы названного выше очерка П. П. Бордакова, — они теснейшим образом связаны с книгами В. К. Арсеньева уже и по одному тому, что ряд описаний и характеристик некоторых пород животных и птиц сделан П. П. Бордаковым на основании рассказов и наблюдений В. К. Арсеньева, — так, например, им записан рассказ Арсеньева о медведе-рыболове («Юная Россия», 1914, № 2, стр. 233).

Н. Е. Кабанов так характеризует эту сторону исследований В. К. Арсеньева: Арсеньев «сообщил массу оригинальных сведений и в области изучения фауны и в области ее практического приложения — охотоведения; данная же им характеристика животного мира уссурийской тайги не потеряла своего значения и в наши дни». «Дальнейшее изучение фауны и ее отдельных объектов на Дальнем Востоке, — продолжает автор, — пошло по пути специальных углубленных исследований, что как известно, дало и дает массу ценных теоретических и практических выводов. Однако краеведческое популярное освещение фауны Приморья, нужное для широких масс населения, вслед за Пржевальским оставлено нам только В. К. Арсеньевым». (Назв. в соч., стр. 58). Краткий очерк фауны Приморья см. у Ливеровского.

¹ Название «Татарский пролив» — см. примечание к главе XXVI.

² В. К. Арсеньев часто противопоставляет животных и птиц (то есть применяет неточные термины); следовало в данном случае сказать вместо «животные» — «звери» или «млекопитающие».

³ Кедрянкой В. К. Арсеньев называет здесь кедровку.

⁴ Наблюдения о количестве пресмыкающихся и земноводных, сообщаемые В. К. Арсеньевым для Анюя, не следует распространять на все Приморье. По исследованиям А. А. Емельянова, количество видов пресмыкающихся и земноводных в Приморье более значительно, в частности им отмечено 14 видов змей (Емельянов в А. А. Пресмыкающиеся и земноводные Приморья. Сб. «Приморье», 1923, стр. 128—140). По Ливеровскому на Дальнем Востоке встречается 15 видов змей (стр. 233).

К ГЛАВЕ VIII

Напечатано: «Приамурье», № 726, от 4 января 1909 г.

Настоящий очерк, посвященный орографии района, также не имеет прямого соответствия с книгой СА и служит ценным дополнением к «Краткому очерку». О реке Тормосунь более подробно в СТ (стр. 84).

К ГЛАВЕ IX

Напечатано: «Приамурье», № 748, от 31 января 1909 г.

Очерк был сопровожден следующим редакционным примечанием: «Свои письма г. Арсеньев присылает нам непосредственно из тайги, с так назы-

ваемой «оказией», почему и их получение нами происходит с большими перерывами». При печатании данного очерка в газете была допущена серьезная опечатка при обозначении даты: «30 августа» вместо «30 июля».

¹ Это первая корреспонденция В. К. Арсеньева о голодовке на Хугу; этому же посвящены и следующие его письма (X—XII); в СА данным главам соответствуют стр. 62—69; важным дополнением к ним является описание этого эпизода, включенное в «Сведения». Приводим этот текст полностью: «7 августа лодка была готова, а 8-го на рассвете оставили бивак и поплыли вниз по реке Буту. Первый день плавание было сравнительно благополучно, но на второй день лодку разбило. Вместе с лодкой погибли и оружие, и инструменты, и все имущество. Предвидеть это крушение никак нельзя. С этого времени начинается ужасная голодовка, которая длилась 21 сутки. Пробираясь через горы, тайгой через заросли, люди ели все, что попадалось под руки: зеленые ягоды, листья *Petasites* белокопытника; ели не то мох, не то грибы из семейства *Calvaria*, от которых тошнило. По дороге собака нашла гнилую рыбу, она издавала запах, люди бросились отнимать у нее эту добычу. Наконец, маленький отряд дотащился до слияния двух рек: Хугу и Буту. Здесь нижние чины окончательно обессилели и свалились с ног. Надо было видеть, какой они имели истощенный вид. Все были сумасшедшие, все были душевнобольные; все ссорились между собой из-за всякого пустяка, придирались друг к другу из-за всякой мелочи, все стали суеверны, начали верить всякому сну, каждой примете [об этом же пишет Дзюль]. Слабые духом стали говорить о самоубийстве. С г. Арсеньевым была любимая его собака. Собака эта в течение восьми лет была с ним во всех его предыдущих путешествиях. По его приказанию собака была убита; мясо ее давалось ежедневно по маленькому кусочку, и это было общим спасением» (Зап. Приам. отд. РГО, т. VIII, вып. 2, Хабаровск, 1912, стр. 24). И далее он рассказывает о положении людей отряда, когда их нашел штабс-капитан Николаев: «На людей было страшно смотреть. Это были настоящие скелеты, только обтянутые тонкой кожей. Некоторые были еще в силах подняться, остальные же лежали на земле без движения» (там же, стр. 25.)

К ГЛАВЕ X

Напечатано: «Приамурье», № 751, от 5 февраля 1909 г.

¹ См. примечание к главе IX.

² В этом очерке впервые появляется упоминание о китайце Дзен-Пау, между тем он упомянут так, как будто читатель уже знаком с ним. Очевидно, первое упоминание о нем было в том очерке, который не дошел до редакции и оказался утраченным.

В СА Дзен-Пау именуется везде Чжан-Бао. Дзюль именуется его Чан-Гин-чин, разъясняя, что имя Дзен-Пау обозначает «охотничий старшина». Его историю В. К. Арсеньев подробно рассказывает в книге «Китайцы в Уссурийском крае» (Хабаровск, 1914, стр. 157—161) и в книге «По Уссурийскому краю» (шеститомник, т. 1, стр. 306—308). Чжан-Бао был начальником дружины, организованной в 1880 г. для борьбы с разбойниками-хунхузами, в то время совершенно терроризировавшими местное население. Дружина действовала с 1880 по 1908 г., в 1899 г. ее пожизненным начальником был избран Чан-Гин-Чин, принявший имя Дзен-Пау (Чжан-Бао).

Чжан-Бао встретился с Арсеньевым впервые в 1906 г., во время первой экспедиции последнего, и затем сопровождал его в экспедициях 1907 и 1908—1909 гг. Встреча с ним была очень счастлива для экспедиции, так как, во-первых, он со своими дружинами охранял экспедиционный отряд от набегов хунхузов; во-вторых, он великолепно знал географию местности и неоднократно являлся проводником, в-третьих, его авторитет среди местного населения (китайцев, орочей и удэгейцев) очень способствовал выполнению задач экспедиции. В книге «Дерсу Узала» В. К. Арсеньев дал краткую, но очень выразительную характеристику: «Чжан-бао был мужчиной высокого роста, лет 45. Одет он был в обыкновенную китайскую, синюю

одежду... На подвижном лице его лежала печать перенесенных лишений. Он носил черные усы, по китайскому обычаю опущенные книзу, в которых уже кое-где пробивалась седина. В черных глазах этого человека сквозил ум, на губах постоянно играла улыбка, и в то же время лицо его никогда не теряло серьезности. Прежде чем что-нибудь сказать, он всегда обдумывал свой ответ и говорил тихо, не торопясь». «Мне не приходилось встречать человека,— пишет далее В. К. Арсеньев,— в котором так совмещались бы серьезность, добродушие, энергия, рассудительность, настойчивость и таланты дипломата. В личности Чжан-Бао, в его жестах, во всей его фигуре и манере держать себя было что-то интеллигентное. Его ум, самолюбие и умение подчинить себе толпу говорили за то, что это не был простой китаец» (т. I, стр. 307). В. К. Арсеньев полагал, что Чжан-Бао был политическим эмигрантом.

Совершенно исключителен был и его авторитет в крае: «Китайцы и тазы обращались к нему за советами, и если где-нибудь надо было примирить двух непримиримых врагов, китайцы обращались к Чжан-Бао. Он часто заступался за обиженных, и на этой почве у него было много тайных врагов» (т а м ж е); в конце концов он пал жертвой их мести: убит в 1913 г.

К ГЛАВЕ XI

Напечатано: «Приамурье», № 754.

¹ См. примечание к гл. IX.

² О записи на дереве в СА так рассказано: «На берегу рос старый тополь. Я оголил его от коры и на самом видном месте ножом вырезал стрелку, указывающую на дупло, а в дупло вложил записную книжку, в которую вписал все наши имена, фамилии и адреса. Теперь все было сделано. Мы приготовились умирать» (стр. 65).

³ В. К. Арсеньев считал, видимо, основной причиной быстрого истощения недостаток соли, что, конечно, неправильно: наступило уже общее истощение организма (алиментарная дистрофия).

К ГЛАВЕ XII

Напечатано: «Приамурье», № 781, от 14 марта 1909 г.

¹ См. примечание к главе IX.

Рассказ об обнаружении штабс-капитаном Николаевым голодающего отряда экспедиции в СА изложен более подробно. Но и в СА и в настоящем очерке опущена одна существенная деталь. По рассказу В. К. Арсеньева в его «Воспоминаниях», находившихся в руках проф. Ф. Ф. Аристова, крупную роль сыграл в организации поисков председатель Приамурского отдела Русского географического общества С. Н. Ванков, который встревоженный долгим отсутствием сведений об экспедиции, послал телеграмму Николаеву с указанием на необходимость организации поисков (Аристов Ф. Ф. Арсеньев В. К., «Землеведение», 1930, вып. 3—4).

² Разгадка поведения орочей, не оказавших помощи путешественникам, дана в СА: орочи приняли отряд Арсеньева «за бродяг» и потому спрятались в прибрежных зарослях (стр. 69); в газетном очерке В. К. Арсеньев не отметил очень важной подробности: своим спасением экспедиция была обязана главным образом орочам реки Туминна. Старшина селения Хуту-Дата, Федор Бутунгари, узнав о поисках штабс-капитана Николаева, послал к нему гонцов с извещением о маршруте отряда. Он указал, что искать нужно не на реке Хадн, по которой шел Николаев, а по Хуту, Буту и Паргамн. «Судя по времени, — говорили орочи, — Чжанге должен был выйти к морю, значит, случилось какое-то несчастье и потому надо торопиться» (стр. 68). «Голодный бивак» находился действительно на слиянии рек Хуту и Дату.

За услуги, оказанные экспедиции Федором Бутунгарн, В. К. Арсеньеву удалось исхлопотать для него серебряную медаль. Посетивший в 1924 г. Хуту-Дату этнограф И. А. Лопатин еще застал в живых Федора Бутун-

гари и получил от него очень много ценных сведений. Лопатин отмечает высокий авторитет и большую популярность Бутунгари среди орочей. «В течение своей долгой жизни,— пишет о нем Лопатин,— от молодых лет он с честью носил звание старшины. Умея отстаивать интересы своего народа, он в то же время ладил с администрацией» (Лопатин И. Орочи — сородичи маньчжур, Харбин, 1935, стр. 4). Очень популярна среди орочей была дочь его Ольга Акунка (стойбище Джаяся), прославившаяся борьбой за культурные условия быта. «Ее жилище отличалось чистотой и опрятностью: в нем были умывальник, мыло, посуда, столовые принадлежности и различные домашние вещи русского производства»; она любила одеваться в русские платья и первая из орочей «стала возделывать огород и завела домашнюю птицу» (там же; стр. 4).

К ГЛАВЕ XIII

Напечатано: «Приамурье», № 782, от 15 марта 1909 г.

Настоящий очерк представляет дополнение к VI и VII очеркам, посвященным описанию растительности и животных края: прямого соответствия с СА нет. О медведях, обитающих в горах Сихотэ-Алиня и на побережье моря, см. П. Бордаков («Юная Россия», 1914, № 6, стр. 749—755); картины охоты на медведей изложены автором со слов Дерсу Узала; там же приведены рассказы Дерсу о кабарге и о способах их ловли (стр. 1015).

¹ Росомаха принадлежит к семейству кунци.

К ГЛАВЕ XIV

Напечатано: «Приамурье», № 796, от 5 апреля 1909 г.

Близко соответствует главе 3-й СА (т. III, стр. 71—76), но в СА отсутствует сводная геологическая характеристика района; отсутствует в СА и подробное описание внутреннего вида жилища орочей. Из отдельных деталей, являющихся в настоящем очерке дополнениями к СА, следует особо отметить страничку, посвященную орочьим детям: в книге сохранено лишь несколько строчек. Отсутствие более подробной характеристики орочей в СА объясняется тем же, чем и в других аналогичных случаях: в тексте книг СА и СТ этнографические материалы и наблюдения сведены к минимуму, так как В. К. Арсеньев одновременно готовил и в конце 1920-х годов уже заканчивал специальный этнографический труд об орочах и удехцах.

¹ Замечание В. К. Арсеньева ошибочно: россыпью называется скопление обломков на горизонтальной поверхности, образующейся при разрушении горной породы. Скопление же обломков на склоне, которое описывает В. К. Арсеньев, называется осыпью.

² Д и л ю в и й — устаревший термин, применявшийся ранее для обозначения древних четвертичных отложений.

³ В. К. Арсеньев всюду пользуется сибирским диалектическим выражением: «протока» (вместо «проток»).

⁴ Селение Хуту-Дату расположено при впадении реки Хуту в реку Алике; в настоящее время здесь находится станция дальневосточной железной дороги. Приходом в это селение был закончен первый маршрут от Амура к морю.

К ГЛАВЕ XV

Напечатано: «Приамурье», № 828, от 17 мая 1909 г.

Имеются отдельные соответствия с 5-й главой СА; страницы, посвященные прибытию на Тумнин, целиком соответствуют стр. 71. О смотрителе маяка Майданове (Майдоне), см. СА, стр. 86—90; некоторые части этой главы вошли в «Краткий очерк»: о бюджете орочей и их экономической зависимости от скупщиков пушнины (стр. 244—245); об эксплуатации китайцами тазов (стр. 232—233); некоторые цены на предметы первой необходимости орочей в «Кратком очерке» уточнены.

¹ В данном очерке В. К. Арсеньев в соответствии с его воззрениями того времени поверхностно трактует вопрос о встрече русских крестьян-переселенцев с исконным местным населением. Он очень упрощает вопрос в целом и не делает различия между кулаческими элементами и крестьянской беднотой. Чрезмерно обобщенно говорит он о китайцах, объединяя в своем рассказе и китайских хищников-эксплуататоров и честных тружеников, беспощадно эксплуатируемых своими сородичами. Но в рассказе о скупщиках пушнины он объединяет вместе и русских и китайских купцов, сумев уже более правильно уловить их классовое единство.

² В настоящее время здесь находится жел. дор. станция. Быт современных орочей в этом районе очень живо и правдиво описан в очерках С. Бытового (Бытовой С. Поезд приходит на Тумнин. Путевые очерки. изд-во «Советский писатель», Л., 1951; некоторые неточности указаны и исправлены М. А. Сергеевым в его рецензии на эти очерки. «Звезда», 1951, 1, стр. 170—171. Названием «кяка» или «кякарн» — орочи именуют удэгейцев; от них этот термин вошел и в научную литературу: Палладий, Шренк. Анализ свидетельств Палладия сделан В. К. Арсеньевым в «Кратком очерке» (стр. 235; т. V, стр. 81); о народности, называемой этим именем, см. примечание к гл. XXXV.

³ Ульчи (ольчи) — небольшая этническая группа, живущая в низовьях Амура; по переписи 1926 г., число ульчей определялось примерно в 700—800 чел., исследователи последнего времени насчитывают 1400 (Стренина А. В. Этнографическое изучение ульчей. «Краткие сообщения Института этнографии Акад. наук СССР», вып. 5. М., 1949, стр. 40). Термин «ульчи» был введен в научную литературу Шренком (т. I, стр. 147); первоначально они именовались мангунами (Маак Р. Путешествие на Амур, 1859), встречались и другие именованья: так, например, Иакинф (Бичурин) называл их орликами. В литературе об ульчах наблюдается большая путаница: их часто смешивают с гиляками, орочами и другими народностями (см. Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 4—5). Происхождение названия на «ульчи» до сих пор не выяснены с полной точностью. До последнего времени в этнографической литературе господствовало мнение Л. Я. Штернберга, выводившего его из слов: «оля», «уля» — олень; таким образом, «ульчи» означало: оленные люди, оленеводы (Штернберг Л., стр. 8). Иное объяснение дают П. П. Шмидт, А. Н. Липский, А. М. Золотарев. Первый выводит слово «ульчи» из корня «уль» — коса, то есть люди, носящие косу; А. Н. Липский выдвигал три гипотезы. Название «ульчи», по его мнению, может быть объяснено из слова «уль» — крупный вид нерпы, или от «ульча» — берлога, нора или от «ула» — большая река (по-маньчжурски); таким образом, «ульчи» или «люди нерпы», или «люди, проводящие зиму в берлоге», или «жители реки», «поречане» (Липский А. Н. Краткий обзор маньчжуротунгусских племен бассейна Амура, Хабаровск, 1925, стр. XIV—XV, 40—41). А. М. Золотарев считает последнюю из этих гипотез наиболее вероятной, и исходя из материалов тунгусских и ламутских языков, объясняет слово «ульча», как «рыбный человек», «рыболов» (Золотарев А. М. Назв. соч., стр. 34—35). Добавим, что с этим объяснением сочетается и термин Р. Маака — «мангуны», что означает: «обитающие у реки», «амурские люди». Ульчи относятся к тунгусо-маньчжурской группе. А. М. Золотарев считает, что ульчская народность в основе палеазиатская, к которой позже «примешались различные айские, тунгусские и маньчжурские элементы» (там же, стр. 30).

В настоящее время жизнь ульчей в корне отличается от прежней. По данным экспедиции Академии наук 1947 г., ульчи ныне объединены в рыбо-ловецкие колхозы; всюду появились чистые удобные дома городского типа; возникли благоустроенные селения с школами, больницами, детскими садами и яслями и др.; в клубах ставятся пьесы на ульчском и русском языках; многие ульчи обучаются в техникумах и вузах в Николаевске на Амуре, Хабаровске, Ленинграде (Стренина А. В. Назв. соч., стр. 40); обстановка в домах по большей части городского типа, но в то же время

в редком доме не найдется берестяной ульчской утвари или небольших китайских шкафиков, «наряду с детскими кроватками-качалками русского типа широко распространены нивхские люльки в виде выдолбленного корыта с низкими бортиками»; «старик иногда делает широкие деревянные нары, на которых не только спят, но и проводят все свое время» (там же, стр. 53).

К ГЛАВЕ XVI

Напечатано: «Приамурье», № 834, от 27 мая 1909 г.

Частично соответствует 5-й главе СА (стр. 98—100).

¹ «Паллада» — знаменитый фрегат, на котором совершил свое путешествие И. А. Гончаров; затопление его произошло в 1854 г. в бухте Постовой. Сводка материалов, относящихся к этому событию, сделана Б. М. Энгельгардтом («Путевые письма И. А. Гончарова из кругосветного плавания»). Публикация и комментарии Б. М. Энгельгардта, «Литературное наследство», т. 22—24, М., 1935, стр. 324—327).

К ГЛАВЕ XVII

Напечатано: «Приамурье», № 835, от 28 мая 1909 г.

Полного соответствия с текстом СА нет; совпадают лишь отдельные детали, в частности характеристики низовьев р. Тумнина (стр. 75).

¹ В. К. Арсеньев называет здесь почвами новейшие речные отложения (аллювий), что, конечно, неверно.

² Здесь В. К. Арсеньев пользуется одной из трех классификаций берегов, предложенных Рихтгофеном в 1901 г. Термин «лагунный берег» сохранен и в большинстве современных классификаций.

³ Приисковые рудники Павлова — приски Тумнинского золотопромышленного общества, директором которого был Павлов; о плохой организации работ на этих присках и тяжелом положении рабочих на них подробно говорится в «Кратком очерке» (стр. 171—173).

К ГЛАВЕ XVIII

Напечатано: «Приамурье», № 838, от 31 мая 1909 г.

Есть частичное соответствие с 3-й главой СА (т. III, стр. 75—76).

¹ Имя и фамилия ороцкого старшины селения Дата — Антон Сагды; «впоследствии я подружился с ним», — пишет В. К. Арсеньев (стр. 75): имя А. Сагда в СА встречается неоднократно; описание ороцкого жилища в газетном тексте дано более подробно.

² Труд Маргаритова, на который ссылается В. К. Арсеньев, — «Об орочах Императорской Гавани». Исследование В. П. Маргаритова. Издание Общества изучения Амурского края в г. Владивостоке. СПб., 1888, описание ороцких жилищ: стр. 5—8. Однако, восхваляя точностью описание В. П. Маргаритова, В. К. Арсеньев вносит ряд существенных поправок, освещая с гуманистической точки зрения многие явления, к которым автор исследования об орочах подходил механистически и порой чрезмерно упрощенно. Одним из таких коррективов является замечание В. К. Арсеньева об опрятности ороцких женщин. В настоящее время все орочи живут в домах обычного типа, но отдельные представители старшего поколения еще не могут вполне привыкнуть к условиям нового быта. С. Бытовой рассказывает, что некоторые орочи и орочки спят неизменно на полу, хотя в комнатах у них стоят кровати (Бытовой С. Поезд пришел на Тумнин, стр. 109).

К ГЛАВЕ XIX

Напечатано: «Приамурье», № 841, от 4 июня 1909 г.

Настоящий очерк имеет ряд соответствий с СА: «зверинец» в селении Дата (стр. 76), устье реки Тумнин (стр. 77), описание лодок (стр. 79), рассказ о едва не кончившейся катастрофой охоте на нерп (стр. 77—78).

¹ Описание зверинца в СА несколько отлично: в частности, там упоми-

наются сидящие в других домиках медведь, предназначенный для убийства на празднике, и лиса; но, с другой стороны, не упомянуты кабан и филин.

Медвежонок в клетке, очевидно, готовился для будущего жертвоприношения на медвежьем празднике. Если при охоте на медведя, предназначенного для праздника, находили медвежонок, то его приводили в стойбище и заходили с ним в каждую юрту. Его пребывание в юрте знаменовало удачу на охоте, вследствие чего каждый охотник желал, чтобы медвежонок посетил его юрту. И. А. Лопатин так описывает процесс обхода стойбища с медвежонком. «Его водят за два длинных и крепких ремня, которые держат с каждой стороны человека по 3—4. Вслед за медвежонком идут все собравшиеся на праздник, а также все жители стойбища. Это хождение со зверенышем доставляет участникам необыкновенное веселье и оживление. Все веселы, всем интересно посмотреть на смешные движения медвежонка. Каждое забавное, неловкое поворачивание вызывает взрыв самого неудержимого и громкого хохота». «Несколько человек бьют палками в особое сооружение (гудяджи). Последнее представляет собою два столба высоты сажени в две, вбитых в землю в наклонном положении. На вершинах столбов надеваются кисти из древесных стружек, подобные тем, что надевают на себя шаманы. К столбам подвешивается в горизонтальном положении бревно, на одном конце которого очень искусно вырезается голова медведя. Бревно при ударах по нему издает громкий звук...»

«После обхода стойбища медвежонок сажают в особую, приготовленную для него клетку». Такие хождения совершаются ежедневно в продолжение всего праздника; затем запирают в клетку, где он и будет содержаться три-четыре года. «Кормят его усиленно и следят за ним очень внимательно» (Лопатин И. Орочи — сородичи маньчжур. Харбин, 1925, стр. 21—22). Об обычае орочей держать в особых срубках медвежат упоминает и В. П. Маргаритов. «Если кто изловит в тайге маленького медвежонка, то он считает своим долгом кормить его примерно лет до трех с тем чтобы потом публично убить его и съесть в сообществе с другими» (Маргаритов В. П. Назв. соч., стр. 33), — ритуальный характер этого обычая Маргаритов, однако, был не вполне ясен.

² У лимагда (иначе: ульмагда, угдэ) — наиболее распространенный у орочей тип лодок — однодеревок. Изготавливаются они обычно из тополя (реже из липы); управляют ими при движении вверх стоя, отталкиваясь шестами; при плавании вниз по реке употребляют короткие весла.

³ О старике Иване Михайловиче с Копи (Иване Бизанка) В. К. Арсеньев подробно рассказывает в главе 5-й СА, а также и в СТ: ороческое имя его было — Чочо Бизанка; «это был удалый охотник, смелый мореход и кузнец на славу. Только он один умел починять замки у ружей» (СА, стр. 96). «Его отец и мать очень давно погибли в тайге от страшной оспы, а малолетку подобрали своеродцы» (СТ, стр. 15). «Когда он был юношей, какой-то проезжий миссионер крестил его и назвал Иваном. Крестным отцом его был тоже какой-то случайный русский, Михаил. Годы шли в волосах Чочо заблестели серебряные нити, и с тех пор его начали величать Иваном Михайловичем. Старик было около 70 лет, но на вид ему нельзя было дать этого возраста. Он был невысокого роста, круглая его голова с жиденькой косичкой поседевших волос, мелкие черты лица, но без глубоких морщин, смуглая кожа, небольшая темная растительность на верхней губе и подбородке, маленькие руки и ноги дадут читателю некоторое представление о человеке, с которым впоследствии мне суждено было очень сдружиться. Тембр голоса его был выше обыкновенного с хриплыми нотками. Нельзя сказать, чтобы он был речист, но говорил он охотно и немного подшучивал над неудачами молодых охотников» (стр. 95—96). В 1897 г. он спас от голодной смерти пассажиров затонувшего судна «Владивосток» (см. далее главу XXV). В 1927 г. В. К. Арсеньев вновь встретился с ним. Он был уже совершенно слеп и жил со своими родичами на реке Копи, «ожидая, когда пробьет его последний час». Бизанка был свидетелем первого прихода русских и потопления ими корабля («Паллады»).

Напечатано: «Приамурье» № 864, от 2 июля 1909 г.

Полного соответствия с СА нет; имеются лишь отдельные частичные совпадения. Описание уссурийских ветров: муссонов и бризов вошли в «Краткий очерк» (стр. 135, 143—144); в СА о муссонах кратко упоминается на стр. 103.

¹ В. К. Арсеньев цитирует работу Д. В. Иванова. Основные черты оро-геологического строения хребта Сихотэ-Алинь.— «Зап. Приамурского студ. Русского географического об-ва», 1897, т. 1, вып. 3. Тому же автору принадлежит цитируемое Арсеньевым выражение «лесная пустыня».

² Бейс-Бало — нидерландский метеоролог, установивший закон отклонения ветров от барометрического градиента на 60—70°, в северном полушарии — вправо, а в южном — влево.

³ Метеорологическим наблюдениям во время путешествия В. К. Арсеньева уделял, следуя и в данном случае примеру Пржевальского, большое внимание. Но уже Пржевальский указывал на неизбежную неполноту и неточность метеорологических наблюдений, ведущихся во время путешествий. «Совершенная точность метеорологических наблюдений во время постоянных передвижений с места на место никогда не может быть достигнута, даже при самой большой аккуратности путешественника и самых лучших инструментах. Часто, в один и тот же день, в условные часы случается делать наблюдения то в горной пади, то на перевале через хребет, то в широкой долине, следовательно, в местностях, физические условия которых далеко не одинаковы» (Пржевальский, стр. 268). Однако некоторые позднейшие исследователи высоко расценивали метеорологические наблюдения В. К. Арсеньева (см. Кабанов Н. Е. Назв. соч., стр. 43), тем более что они были сделаны тогда, когда метеорологическая работа в Приморье еще не была развернута, в центральной же части Сихотэ-Алиня не было ни одной метеорологической станции. Краевая метеорологическая обсерватория была открыта лишь в 1913 г. Важное научное и практически-хозяйственное значение имела в то время предложенная В. К. Арсеньевым схема климатических районов («Краткий очерк», стр. 145—152): он дал не только подробную характеристику каждого из выделенных им районов, но указал приметы погоды для прогнозов и дал указания для воздвизания сельскохозяйственных растений, практические указания для охотников и рыболовов и т. п. (см. Кабанов Н. Е., стр. 43 и др.). Но некоторые теоретические обобщения В. К. Арсеньева, касающиеся причин происхождения тех или иных климатических явлений, не всегда правильны (см. также примеч. к главе XXVI). Краткий климатический очерк, составленный на основании современных данных, см. у Ливеровского.

⁴ Полиэдрическая отдельность получается не при разрушении базальтов, а при их остывании; неправильно применен и следующий ниже термин «метаморфизации»: описанное здесь В. К. Арсеньевым явление геологи называют выветриванием.

Напечатано: «Приамурье», № 868, от 7 июля 1909 г.

Соответствия с СА нет; «каменушкам» в последней посвящено всего лишь несколько строк на стр. 113.

¹ Дополнительного описания уток-каменушек, о котором упоминает автор, не было, и данный очерк является единственным у В. К. Арсеньева описанием уссурийских уток. «Моуме» — по определению С. А. Бутурлина, особый вид каменушек — *Histrionicus histrionicus*: орочское название «холока», а название селезня — «моуме» (Бутурлин С. А. Птицы Приморской области. Сборы 1906—1910 В. К. Арсеньева. «Орнитологический Вестник», 1915, № 2, стр. 98). Ныряками *Fuligula* Арсеньев называет холока, то есть самцов *Histrionicus histrionicus*.

Напечатано: «Приамурье», № 887, от 29 июля 1909 г.

В СА дано более подробное описание «Маяка Св. Николая», ныне Николаевского, которому посвящена специальная глава, однако настоящий очерк не является лишь сокращенным дублированием, но дает ряд дополнительных деталей. Таблицы средних температур в СА нет; но она включена в «Краткий очерк» (стр. 141; т. V, стр. 54); в газетном тексте имеются опечатки, исправленные нами по «Краткому очерку». О значении метеорологических наблюдений В. К. Арсеньева см. примечание к XX главе.

¹ Следует писать: «далматинский» [в газетном тексте было — «далматовский»]. В. К. Арсеньев применяет в этой главе названия из двух классификаций берегов Рихтгофена (1905): структурной и генетической.

К ГЛАВЕ XXIII

Напечатано: «Приамурье», № 888, от 30 июля 1909 г.

Частично соответствует СА (стр. 102—107); в тексте книги дата отъезда из Императорской Гавани указана 27 сентября (стр. 102); очевидно, в данном случае В. К. Арсеньев перевел даты прежних записей на новое календарное исчисление, но на стр. 107 дата опять обозначена по старому стилю.

¹ О манере В. К. Арсеньева вести полевые записи и маршрутную съемку подробно рассказывает участник его экспедиций Н. Е. Кабанов: «Работал Арсеньев аккуратно, систематично. Смотря по ходу маршрута, он останавливался там, где ему было нужно, делал, скажем, засечку буссолюю Шмалькальдера, тотчас же в записной книжке записывал отсчет и тут же, не торопясь заносил кроки ситуации местности. Или он останавливал лодку, выходил из нее и подолгу осматривал местность, если она представляла для него интерес. На таборе, или, как он говорил и писал, биваке, когда разбивались палатки, заготавливались на ночь дрова и прочее, он принимал участие в общих работах, не считаясь с их трудностью или размером последних. Затем, когда костер горел хорошо, и все люди были заняты другим делом, Арсеньев подсаживался к огню, обычно сидя на какой-нибудь коряге, банке, ящике и извлекая из сумки большую клеенчатую тетрадь, записывал все, что наблюдал за день. Время от времени он быстро потирал руки, смотрел на мигающие языки пламени и снова записывал, изредка перебрасываясь со своими спутниками отдельными фразами или замечаниями. Нередко бывало, что после тяжелого перехода, окончив свои дела, все уходило в палатки на ночлег. Арсеньев же продолжал сидеть, подбрасывая дрова в костер и всматриваясь вдаль, думал, записывал, рисовал, чертил до тех пор, пока не оканчивал задуманного. Приходилось наблюдать и такие случаи, когда Арсеньев, сидя с кем-нибудь из проводников-орочей или удехейцев у костра, расспрашивал о местности, реках, зверях, названиях или подолгу слушал их незатейливые рассказы и, прося повторить неясные места, записывал в свою тетрадь — сокровищницу научных фактов и наблюдений» (К а б а н о в Н. Е., стр. 28—29).

К ГЛАВЕ XXIV

Напечатано: «Приамурье», № 915, от 4 сентября 1909 г.

Частично соответствует СА, стр. 107—108, но данный вариант гораздо полнее и вместе с главой VII, дополненным к которой он служит, является самостоятельным очерком, посвященным пернатому царству северной части Усурийского края. Научно-краеведческое значение этого очерка усугубляется еще тем, что, как уже сказано выше, в «Кратком очерке» орнитологическая часть отсутствует.

К ГЛАВЕ XXV

Напечатано: «Приамурье», № 924, от 17 сентября 1909 г.

Частичные соответствия 6-й главе СА (стр. 103—104, 109); наблюдения геологического характера, которым посвящен настоящий очерк, здесь даны

более полно, чем в СА; в некоторых случаях настоящая глава является дополнением к специальной геологической главе «Краткого очерка» (стр. 95—108; т. V, стр. 14—24).

¹ В. К. Арсеньев неправильно употребляет в данном случае эти геологические термины: массивными называют все магматические породы, в том числе и базальты; порфир же не принадлежит к кристаллическим породам.

² Сила прибоя может передвигать очень большие камни; например, перебрасывать через дамбы глыбы в 100 т весом и выбрасывать гальку на маяки на высоту 80 м (см. Обручев В. А., Основы геологии, Львов, 1947). Известен случай, когда глыба весом в 1370 т была передвинута волной на 10—15 м (Шукин И. С., Общая морфология суши, т. II, 1938). Наличие гранитных валунов, конечно, обусловлено тем, что здесь вдоль побережья был обнажен гранитный массив, верхняя часть которого, выступавшая на дневную поверхность, была размыва работой то наступавшего, то отступавшего моря.

³ Здесь В. К. Арсеньев допускает серьезную терминологическую ошибку: на побережье Приморья чернозема нет; вероятно, в данном случае нужно разуметь одну из горнолесных почв — подзолистую (бурую или серую).

⁴ Термин «карст» применен здесь весьма произвольно: карстовый рельеф получается в результате растворения водой легко растворимых пород — известняков, гипса и т. п., а не вследствие разрушения гранитов.

⁵ Термин «материковая почва» геологами не употребляется; В. К. Арсеньев этим термином хотел, очевидно, обозначить коренную породу.

⁶ Автор в данном случае имеет в виду систему двух сбросов с грабенном (опускание участка между сбросами).

⁷ Здесь, так же как и ранее (см. примечание к главе XX), В. К. Арсеньев процессы выветривания неправильно называет метаморфизацией.

К ГЛАВЕ XXVI

Напечатано: «Приамурье», № 974, от 20 ноября 1909 г.

Настоящий очерк был позже перенесен В. К. Арсеньевым почти целиком в «Краткий очерк» (стр. 136—139; т. V, стр. 49—53); в СА глава о туманах и вообще о климате отсутствует. Необходимо подчеркнуть, что этот очерк о туманах, со ссылками на специальную литературу, был написан в тайге, в трудных условиях путешествия, и тем не менее позже почти без изменений, лишь с некоторыми незначительными дополнениями был включен в книгу.

¹ В настоящем очерке В. К. Арсеньев пишет всюду «Татарский пролив», но в «Кратком очерке» — «Пролив Невельского». В издании 1912 г. существует характерное примечание по этому поводу, к сожалению опущенное редактором шеститомника при перепечатке этого сочинения. Оно изложено следующим образом: «После того, как Невельской открыл, что Сахалин — остров, пролив, отделяющий Сахалин от материка Азии, получил название «Пролива Невельского», каковое название и помещалось на наших картах. Но англичане, не желая признавать заслуг русских мореплавателей, стали обозначать его на своих картах под именем «Татарского пролива». Мы, пользуясь английскими картами для составления собственных позднейших карт, а с другой стороны — по обычной небрежности к великим русским именам и заветам, — также стали называть этот пролив «Татарским». Поэтому в настоящем труде восстановлено прежнее, правильное название — «Пролив Невельского» (стр. 263). Это примечание обозначено «примечание корректора». Однако совершенно несомненно, что оно написано самим В. К. Арсеньевым.

² Здесь, как и раньше, неправильно применен термин «тундра» для обозначения одного из типов лесных ландшафтов, эта ошибочная терминология встречается и далее.

³ В одном и том же месте, конечно, не могут существовать два климата; автор имеет в виду резкое различие в характере зимы и лета.

⁴ Это указание не вполне правильно: на северо-запад от Приморского края расположены не пустыни и не западносибирская низменность, а горная страна.

⁵ Закономерности возникновения туманов в Приморском крае в настоящее время хорошо изучены советскими метеорологами. Существовавшее во времена Арсеньева предположение о том, что холодное течение из Охотского моря проникает в Татарский пролив, не подтверждается фактами, и мнение гидрографа Жданко несомненно правильно.

⁶ Здесь необходимо внести некоторое уточнение: нужно говорить о соприкосновении не с низкой температурой, а с лесной почвой и болотами, имеющими низкую температуру; снова неправильно применен термин «тундра».

⁷ С возрастанием влажности прозрачность воздуха уменьшается, а не увеличивается.

⁸ Г а н н — австрийский метеоролог.

К ГЛАВЕ XXVII

Напечатано: «Приамурье», № 1002, от 28 декабря 1909 г.

Данный очерк, посвященный экономическому положению копинских орочей и их этнографической характеристике, не имеет точного соответствия с СА, но частично включен в «Краткий очерк». К перечню продуктов и предметов, составляющих необходимый минимум ороцкого обихода, в «Кратком очерке» добавлено четыре кирпича чаю, но опущено (случайно?) мыло (см. т. V, стр. 89).

¹ В данном случае В. К. Арсеньев допускает некоторое преувеличение, очень часто, впрочем, встречающееся в этнографической литературе. Заболевание оспой в тяжелых случаях кончается смертью на третий или четвертый день; инкубационный период продолжается от 6 до 14 суток; одновременное заражение всех жителей стойбища вряд ли возможно.

² Правильнее называть этот водоем не заводью, а лагуной.

³ О могилах японских рыбаков: СА, стр. 111.

⁴ Эпизод с троганием китовых костей изложен в СА иначе: кости трогает не солдат, а Чжан-Бао, что чуть ли не повело к ссоре между ним и Карпушкой (СА, стр. 112). Однако трудно допустить, чтоб такую «оплошность» сделал Чжан-Бао, хорошо знакомый с верованиями местных народностей и в мировоззрении которого было немало анимистических черт; газетный текст, вероятно, более правилен и отражает непосредственную запись в дневнике, сделанную по свежим следам события.

К ГЛАВЕ XXVIII

Напечатано: «Приамурье», № 1012, от 10 января 1910 г.

Точного соответствия с СА нет; наблюдения о составе леса, являющиеся дополнением к главам VI и XIII, включены в «Краткий очерк» (стр. 115—116; т. V, стр. 31—32). В том же номере газеты «Приамурье», в котором было помещено это письмо, напечатана телеграмма В. К. Арсеньева, извещающая об окончании экспедиции: «Вышел из Императорской Гавани в октябре, с большими трудностями прошел Амур и Хунгарн. Девятого января вышли на Амур у села Воронежского сильно утомленные. Все благополучно. Люди здоровы».

¹ В газетном тексте рыбак опирается остройгой в дно реки — это являя опечатка; он или опирается в дно лодки, или отталкивался остройгой от дна, или подребал ею.

К ГЛАВЕ XXIX

Напечатано: «Приамурье», № 1017, от 16 января 1910 г.

Описание утра на биваке и замена Карпушки Саушкой частично соответствует в СА, стр. 113—114; с пароходе «Хедвинге» — коротко

упомянуто на стр. 116; других соответствий нет; более подробно о Хедвинге и условиях судоходства в Татарском проливе — в «Кратком очерке» (стр. 12—14; в изд. 1948 г. эти страницы не перепечатаны).

¹ В описании путешествия 1927 г. (СТ) Савушке отведена отдельная глава, озаглавленная его именем (глава 5: Савушка Бизанка, стр. 49—61). Узнав, что В. К. Арсеньев вновь появился на реке Копи, он сам вызвался быть проводником. В этой же главе приведены и отсутствующие в СА и газетных очерках биографические данные о нем. Со слов Савушки В. К. Арсеньевым подробно описано сильное наводнение 1915 г., во время которого на реке Копи погибло много орочей. В 1927 г. Савушке было около 60 лет.

² См. примечание к главе XXXII.

³ Местные магнитные аномалии зависят не только от железных руд, но нередко и от особенностей геологического строения (тектоники) данного участка.

К ГЛАВЕ XXX

Напечатано: «Приамурье», № 1095, от 24 апреля 1910 г

Частично соответствует СА (стр. 117—119), но настоящая редакция является более полной. Некоторые детали изменены, так, например, в СА исчезло упоминание о шести японских собачонках и упоминается только одна, которую держала на руках невестка Игнатия. Описание разговора с Игнатием в СА отсутствует.

¹ Озеро Аку, как это видно из описания В. К. Арсеньева, является лагуной.

К ГЛАВЕ XXXI

Напечатано: «Приамурье», № 1102; от 29 апреля 1910 г. Номер газеты вышел в свет с опечаткой: номер обозначен 1099 вместо 1102.

Частично соответствует стр. 119—120 СА.

¹ В изложении охоты на нерпу внесено в окончательную редакцию книги несколько поправок, в частности исправлено неточное указание, что убитая нерпа всегда еще продолжает плавать: в тексте СА (стр. 120) это место изложено так: «когда нерпа убита в морской воде, если в легких ее находится некоторое количество воздуха, она плавает на поверхности». Но вообще описание нерпы в газетном очерке дано гораздо подробнее; в «Кратком очерке» сведения о нерпах отсутствуют.

² Запрещение отрезать нос убитого животного связано с существующим у многих народностей верованием, что в носу находится душа животного (см. Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. I. Запреты на охоте и иных промыслах. «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. VIII, л. 1929).

К ГЛАВЕ XXXII

Напечатано: «Приамурье», Приложение к № 1150, от 5 июля 1910 г.

Частично соответствует стр. 121—123 СА; — газетный очерк является более распространенной редакцией и более насыщен материалом.

¹ Упоминания об иллюстрациях Доре к «Божественной комедии» и «Потерянному раю» в СА отсутствуют, упоминание же о Стиксе и Хароне — уточнено: «Фигура ороча с веслом в руке, лодка с людьми среди мрака, напомнили мне картину Доре из мифологии греков, на которой был изображен Харон, перевозивший на лодке души умерших через подземную реку Стикс» (стр. 122).

Доре Густав (1838—1883) — знаменитый французский художник — живописец и иллюстратор: особенно замечательны его иллюстрации к «Библии», «Божественной комедии» Данте и «Потерянному раю» Мильтона. Доре, как говорил лично автору настоящих примечаний В. К. Арсеньев, был его любимым художником, особенно он любил кар-

типу Доре «Марсельеза», прекрасное воспроизведение с которой (гравюра) находилось у одного из знакомых В. К. Арсеньева в Хабаровске.

² В. К. Арсеньев в данном случае некритически повторяет ходячее мнение, распространенное в дореволюционной этнографии и посейчас еще встречающееся в буржуазной науке, об отсутствии у первобытных народов эстетического чувства. Исследования советских ученых в области искусства малых народностей совершенно опровергли такого рода утверждение. Особенно неправильно оно в применении к орочам и удэгейцам, о чем свидетельствует их замечательный орнамент с изумительным чутым формы, выражающемся в изящных сочетаниях линий и красок. Исследователи искусства тунгусо-маньчжурских народностей с полным правом говорят о создании последними «целостной художественной культуры», о «сочно яркой орнаментальной системе», об огромном «техническом мастерстве», о «разнообразии мотивов и технических приемов», которые встречаются в их орнаменте и т. д. (см. сб. «Искусство народностей Сибири», Ленинград, 1930, стр. 66—75; очень интересные замечания об искусстве народностей Амура находятся в ст. С. В. Иванова «Орнаментика, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой», «Сов. этнография», 1936, вып. 4—5). Весьма важно в художественном отношении и скульптурное искусство удэгейцев. О несомненном эстетическом чувстве и в частности о художественном восприятии природы свидетельствуют также рисунки орочских и особенно удэгейских художников и литературные произведения первого писателя из среды удэгейцев — Джанси Кимонко.

Ошибочное утверждение В. К. Арсеньева тем более странно, что уже С. Н. Браиловский говорил о «врожденном художественном чутке» удэгейцев и отмечал у них «сильно развитый эстетический вкус» и «художественный инстинкт» (Браиловский С. Н. Тазы или удэхе. Опыт этнографического исследования. «Живая Старина», 1901, вып. 3—4, стр. 351). «Наибольшего же развития достигла,— писал он,— та ветвь искусства, которую можно назвать «орнаментировкой». «Эта отрасль искусства,— продолжал он далее,— поражает взор европейцев своеобразием и красивым сочетанием линий и красок и представляет нечто действительно изящное (там же, стр. 351).

В настоящее время наблюдается пышный расцвет национального прикладного искусства, в котором национальные элементы сочетаются с новыми советскими формами. Национальный орнамент можно встретить на оконных занавесках, стенных ковриках, одежде, обуви, утвари, колыбелях и т. д.

К ГЛАВЕ XXXIII

Напечатано: «Приамурье», № 1538, от 26 ноября 1911 г.

Частично соответствует СА, стр. 130—131, но со значительными отличиями.

¹ История топографа Гроссевица подробно рассказана на стр. 123—130 СА. Вкратце она сводится к следующему: в 1872 г. молодой топограф Гроссевиц, посланный для производства съемки берега Японского моря между мысами Туманным и Успения, был ограблен и покинут своими спутниками (нижними чинами). В одном белье, без денег и продовольствия он скитался несколько дней и, наконец, свалился без сил и без сознания. Его подобрала и вернула к жизни проезжавшие мимо в лодке удэгейцы. Они выбрали, привезли в свое стойбище, вылечили его, и он решил навсегда остаться у них и не возвращаться более в культурный мир. Солдаты же, покинувшие и ограбившие Гроссевица, довели, что он утонул, в доказательство чего представили его документы, одежду и часть денег. Но, поссорившись однажды из-за денег, они сделали друг на друга донос, вследствие чего были снаряжены поиски Гроссевица. Первые поиски были неудачны; но через год, на основании слухов (о каком-то русском, живущем с удэгейцами), полученных во

Владивостоке от китайцев-скупщиков мехов, была снаряжена на поиски Гроссевича вторая экспедиция, которой и удалось найти стойбище, в котором находился Гроссевич. Однако последний хотел убежать, но когда увидел, что матросы арестовывают его друзей удэхейцев, заступился за них, пытался оказать сопротивление прибывшему отряду, и был арестован сам,— а затем предан суду за дезертирство и вооруженное сопротивление при аресте. Арестованные вместе с ним удэхейцы заболели вскоре туберкулезом и умерли: один — в тюрьме, другой — по возвращении на родину. Гроссевича же признали душевнобольным, что спасло его от наказания. Позже ему было разрешено вновь вступить на службу, и при первой же возможности он постарался побывать в тех местах, где жил вместе с удэхейцами. Но он нашел только развалины стойбища, так как все люди вымерли «от какой-то эпидемии, занесенной из города». «Никто не спасся. Там и сям валялись человеческие кости и предметы домашнего обихода, успевшие уже зарости травой». Это так подействовало на Гроссевича, что он вновь и на этот раз очень серьезно заболел и в течение долгого времени находился в больнице. Последние годы своей жизни он находился на службе в Хабаровске, где и умер.

К ГЛАВЕ XXXIV

Напечатано: «Приамурье», № 1539, от 27 ноября 1911 г.

Соответствия с СА лишь в описании пугей с реки Ботчи на Копи и Самаргу (стр. 132—133) и в зарисовке ороча Вандаги (стр. 133). В газетном тексте здесь и во всех последующих очерках имя Вандаги передано ошибочно: Вандача.

¹ «Источниками химического происхождения» В. К. Арсеньев называет минеральные источники; «вулканическое происхождение» (по Петрову), то есть обычная для большинства теплых источников связь с последним этапом затухающего молодого вулканизма.

² Долганов жил в с. Гроссевичи (СА, стр. 133). Кулаки старообрядцы и впоследствии очень притесняли орочей и удэхейцев, зачастую прибегая к прямым грабёжам. В. К. Арсеньев, будучи комиссаром Временного правительства по делам туземных народностей Приамурского края, пытался бороться с такими явлениями но, убедившись в полной безуспешности своих усилий, подал мотивированное заявление об отставке. Особенно усилились такого рода явления в период коллективизации, когда кулацкие кержацкие семьи стали уходить из населенных мест и устраниваться на поселения в тайге. Они вытесняли орочей и удэхейцев, отнимали у них лучшие места для охоты, портили их солонцы, вследствие чего изюбри-пантаци обходили эти солонцы и направлялись на кержацкие солонцы. Они захватывали также кормовые озера, обкрадывали амбары местных жителей, разрушали рыболовные снасти, угоняли лодки и т. д. (см. Абрамов А. Г. Тридцать лет спустя. Приложение к книге В. К. Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня». Изд-во детской литературы при ЦК ВЛКСМ, М., 1940, стр. 238—239). В начале тридцатых годов все эти кулацкие гнезда были разгромлены, начали образовываться национальные колхозы, в некоторые из них вливались и русские семейства. Они «приносили в колхозы трудовые навыки, до того неизвестные удэхейцам, привычку к систематическому труду, умение ухаживать за скотом, птицей, пчелами» (там же, стр. 240). Широкою помощью со стороны русского населения находили национальные колхозы в Уссурийском крае повсеместно. Факты такого рода в большом количестве подобраны в названной выше подготовленной к печати книге М. А. Сергеева.

³ В определении национальности Вандаги у Арсеньева какая-то неточность. По данному тексту он удэхеец, между тем в СА он именуется всюду орочем; в СА о нем сказано: «Это был мужчина среднего роста, лет сорока, с густой черной бородой, что указывало на родство его с сахалинскими туземцами. Одет он был, как и все орочи, но прическу носил

удэгейскую» (стр. 133). Дед его родился на Сахалине, отец жил в заливе Де-Кастри, а сам он перекочевал на реку Ботчи еще в молодые годы (там же). Очевидно, первоначально рассказы о себе Вандаги были не совсем ясны и запутали В. К. Арсеньева.— позже путем дальнейших расспросов и уточнений он уже сумел более правильно представить себе происхождение и этническую принадлежность Вандаги. Этот случай очень любопытен и имеет несомненное методическое значение, как пример ошибки, в которую может легко впасть и самый опытный исследователь-этнограф, доверившийся без критики и дополнительной проверки показаниям о себе отдельных представителей той или иной народности.

К ГЛАВЕ XXXV

Напечатано: «Приамурье», № 1543, от 1 декабря 1911 г.

Рассказ о Бизанке частично повторяет главу XXX; в СА ему частично соответствует стр. 95; газетный очерк имеет ряд дополнений; о спасении Бизанкой от голодной смерти пассажиров парохода «Владивосток» Арсеньев подробно рассказывает также в СТ (стр. 15—16) и вновь упоминает в «Кратком очерке» (стр. 292). Описание пути от мыса Крестовозвышенского к югу—СА (стр. 133—134); в СА пояснено, что второй орок, поехавший с ними в качестве проводника, был братом Вандаги.

¹ О Вандаге и его взаимоотношениях с японцами В. К. Арсеньев пишет в «Кратком очерке» (стр. 284). Арсеньев останавливается подробно на этом эпизоде, потому что он иллюстрировал преступное равнодушие и бездушные русской администрации на Дальнем Востоке к малым народностям края и хитрую и искусную пропаганду японцев, стремившихся в своих интересах использовать установившуюся практику. Японцы противопоставляли ей свою, строго продуманную и детально разработанную систему взаимоотношений с орочами и удэгейцами: «они всячески стараются заручиться их расположением,— писал В. К. Арсеньев.— Они делают им мелкие подарки, по дешевой цене уступают рис, муку, водку, открывают широкий кредит, даже в мелочах оказывают массу различных услуг, исполняя всякие заказы и поручения» («Краткий очерк... стр. 292). К сожалению, правильно сигнализировав опасность, В. К. Арсеньев в тот период еще не понимал, как можно разрешить этот вопрос в целом и слишком большое внимание уделял разного рода внешним моментам: административные поощрения, награды в виде медалей, денежные пособия и пр., но прямым противовесом его советам в данном случае была его собственная практика отношения к малым народностям, сделавшая вскоре его имя чрезвычайно популярным. В Арсеньеве они видели справедливого «судью», заступника, покровителя, друга. В действиях же своих по отношению к населению В. К. Арсеньев руководился не только личными чувствами симпатии к «обездоленным судьбою» (его выражение) народностям, но и сознанием патриотического долга.

² См. примечание к главе XX.

К ГЛАВЕ XXXVI

Напечатано: «Приамурье», № 1546, от 6 декабря 1911 г.

Частично соответствует стр. 135, 137—138 книги СА; описание деформированного солнца в СА дано более подробно (стр. 135).

¹ Река Быстрая (Гинугу) впадает в Татарский пролив между бухтой Гроссевица и устьем реки Нельмы; длина ее 40 км; мыс «Сахарная Голова» — в 7 км от реки Быстрой.

² О реке Луговой в СА нет никаких упоминаний. По словарю Кириллова, Луговая впадает в Татарский пролив в двух верстах севернее устья Нельмы; протяжение ее около 20 км.

К ГЛАВЕ XXXVII

Напечатано: «Приамурье», № 1553, от 16 декабря 1911 г.

Настоящий и последующие очерки (XXXVII—XL) служат дополнениями к стр. 137—148 СА и в некоторых случаях являются вариантами книжного текста. Иначе изложен уход Вандаги. По тексту газетных очерков Вандага спешил уйти, чтобы не упустить осеннего соболевания, которое он считал наиболее выгодным, причем предварительно он отправился за новыми проводниками и находился в отсутствии три дня, после чего уже ушел окончательно. В тексте СА этот эпизод изложен иначе и явно беллетризован. В СА причиной ухода Вандаги является обида последнего на недоверие Арсеньева к различным приметам, на основании которых он (Вандага) считал невозможным продолжать путь по избранной тропе (стр. 139—141). В СА нет никаких упоминаний и о приведенной Вандагой смене. Вообще в этой части СА встречается ряд неясностей, так, например, совершенно непонятно, откуда появился орочь-проводник, о котором упоминается на стр. 149. Полная картина этого пути выясняется лишь из сопоставления страниц путевых дневников и СА.

К ГЛАВЕ XXXVIII

Напечатано: «Приамурье», № 1559, от 22 декабря 1911 г.

Является дополнением к соответственной главе СА (см. предыдущее примечание).

К ГЛАВЕ XXXIX

Напечатано: «Приамурье», № 1563, от 29 декабря 1911 г.

Частично соответствует стр. 142—144 СА, но некоторые эпизоды изложены иначе: по тексту настоящего очерка Арсеньев и его спутники сначала замечают огонь на биваке, идут по направлению к нему, но затем находят материал для топлива и решают сделать здесь привал. По тексту СА — путники, выбившиеся из сил, находят топливный материал, раскладывают кстер и уже потом замечают огонь далекого бивака. Путь вброд, встреча с сивучем — см. СА (стр. 144).

К ГЛАВЕ XL

Напечатано: «Приамурье», № 1568, от 4 января 1912 г.

Частично соответствует СА стр. 145—146, но с рядом отсутствующих в книге подробностей.

К ГЛАВЕ XLI

Напечатано: «Приамурье», № 1568, от 4 января 1912 г.

Частично соответствует СА стр. 146—148; в тексте книги длина реки Нимми (Нельмы) показана ошибочно: 4 км вместо 40; эта ошибка-опечатка сохранена во всех изданиях.

¹ Указание, что Нимми — орочское название, а Нельма — русское, повторено и в «Кратком очерке» (стр. 29); это неверно. В СА Арсеньев говорит уже о реке Нимми и Нельме, как о двух различных реках. Обе эти речки впадают в Японское море; Нимми — севернее Нельмы; южнее последней — речка Нимме; все они расположены между мысом Омудони и мысом Туманным. То, что в данном очерке говорится о Нимми, относится к Нельме.

² Рыба, которую В. К. Арсеньев называет «форель», в действительности, по указанию Л. С. Берга, является видом мальмы (см. «Ежегодник Зоологического музея Акад. наук», т. XIII, 1908, стр. XIII), но местные жители зовут эту рыбу «форель».

³ Ту («тун») — священное шаманское дерево у орочей и удэгейцев, имеющее на себе изображение человеческого лица; иногда, как было в

том случае, который описывает В. К. Арсеньев, на нем бывают вырезаны изображения животных или духов; во время жертвоприношений к нему привязывают обреченную жертву (см. Штернберг Л., стр. 439). Замечательный экспонат такого дерева с деревянными изображениями духов хранится в Хабаровском музее (воспроизведено среди иллюстраций сборника «Искусство народов Сибири», Л., 1930, стр. 71).

К ГЛАВЕ XLII

Напечатано: «Приамурье», № 1569, от 5 января 1912 г.

¹ В. К. Арсеньев применяет в описании береговых утесов старинный геологический термин «флецы», то есть пласты. Совершенно горизонтальные слои не могут быть параллельны берегу моря, а только земной поверхности, но общее направление складчатости в Приморье действительно параллельно берегу моря.

К ГЛАВЕ XLIII

Напечатано: «Приамурье», № 1573, от 11 января 1912 г.

Частично (в незначительной степени) соответствует СА (стр. 154); газетный вариант полнее и изобилует рядом интересных подробностей; в частности более подробно изложена легенда о Какзаму.

¹ Столбчатая отдельность базальтов зависит от определенных условий остывания потоков лав. В других случаях получается слоистая и другие отдельности; поэтому не каждый покров базальта обязательно должен обладать столбчатой отдельностью. Часто столбы распадаются на короткие призмы еще поверхностями отдельности, перпендикулярными их оси; особенно это проявляется при их выветривании; обычно при выветривании столб распадается на неправильные части, которые Арсеньев называет «полиэдрическим распадением». Что касается песчаника, то он распадается на столбы при сильном нагревании пласта внедренной вблизи него магматической породой.

² Речка Лозаа в СА не упомянута, ничего не говорится о ней и в «Кратком отчете», но в «Сведениях» сказано: «Время с 20 октября по 1 декабря было использовано на обследование рек Адами, Лозаа и низовьев Самарги до устьев реки Эдина (стр. 25).

К ГЛАВЕ XLIV

Напечатано: «Приамурье» № 1595, от 8 февраля 1912 г.

Частично соответствует СА (стр. 152—153); печатанием этого очерка закончилась публикация корреспонденций В. К. Арсеньева об экспедиции 1908 г.; между этой и предыдущей главой ясно ощущается какой-то пробел; очевидно, редакция затеряла или опустила одну главу. В СА далее следует описание маршрута по реке Самарге и зимнего пути по горным рекам в марте 1909 г. Дальнейшее путешествие от марта 1909 г. до января 1910 г. осталось неопианным.

¹ В указании местонахождения юрты имеется расхождение между текстом СА и газетными очерками. По СА юрта находилась в устье реки Нимми, по газетному очерку — в устье реки Лозаа; очевидно, последний точнее.

ПРИМЕЧАНИЯ К „ПУТЕВЫМ ЗАМЕТКАМ“

К ГЛАВЕ I

Напечатано: «Приамурье», № 1710 от 29 июня 1912 г.

¹ Настоящий и два последующих очерка представляют собой письма из Усурийской экспедиции 1912 г. Эта экспедиция имела целью выяснение колонизационного фонда обследуемых районов. Маршрут ее был на-

мечен следующим образом: в апреле — июле от ст. Ипполитовка через Герценовку и перевалы Сихотэ-Алинь выйти в пост Св. Ольги; оттуда в бухту Кома; в августе — ноябре — на юг до Тетюхэ, и оттуда в Аввакумовку; в декабре — через Сихотэ-Алинь до Имана (см. «Приамурье», № 1855, от 8 янв. 1912 г.). Вместе с тем в задачи экспедиции входило обследование памятников старины в Уссурийском крае («развалины древних городищ и укреплений, большие пограничные валы, следы старинных дорог, курганы, плотины и пр., относящиеся к VII—VIII вв. н. э.») — см. «Землеведение», 1930, вып. 3—4, стр. 231.

Об этой экспедиции сохранилось очень мало сведений; она не упомянута даже и в автобиографической записке В. К. Арсеньева, нет никаких упоминаний о ней в биографических очерках Н. Е. Кабанова и Н. Роголя; в очерке Ф. Ф. Аристова ей посвящено (на основании «Воспоминаний» В. К. Арсеньева) шесть строчек, причем сказано, что В. К. Арсеньев «собрал обширный материал, который, однако, не успел проработать» (Назв. соч., стр. 231). Отчет об этой экспедиции В. К. Арсеньевым написан не был, и единственными печатными материалами о ней являются публикуемые здесь письма, появившиеся впервые в газете «Приамурье» и нигде не перепечатавшиеся. Печатание писем было оборвано на третьем письме; были ли заготовлены В. К. Арсеньевым дальнейшие очерки — неизвестно и неизвестно даже, была ли закончена эта экспедиция.

Первые два очерка были озаглавлены так же, как и корреспонденции 1908 г. — «Из путевого дневника»; третий очерк получил уже новое заглавие «Путевые заметки»; — последнее заглавие мы удерживаем и для всей серии этих очерков.

Историко-археологические материалы, обнаруженные В. К. Арсеньевым во время этой экспедиции, частично использованы в книге «Китайцы в Уссурийском крае» и в статье «Материалы по изучению истории Уссурийского края» («Записки Приамурского об-ва Востоковедения», Хабаровск, 1913, вып. 1, стр. 15—16).

² Вопрос о гибели лесов из-за палов всегда очень волновал В. К. Арсеньева; в «Кратком очерке» он писал: «Уссурийский край — горит! Пожары происходят исключительно из-за небрежности самих крестьян или из-за неосторожного обращения с огнем. Иногда крестьяне поджигают леса и умышленно. Пожары лесные и раньше были, но как очень редкое явление. Китайские искатели женьшеня, охотники и соболешники и все без исключения инородцы всячески старались обереечь тайгу от огня, потому что тайга давала им средства к жизни и обогащала их.

Нужно отличать палы (то есть выжигание травы) от лесных пожаров. Пал — одно, горение сухих кустов и валежника — другое и лесной пожар — третье. Здесь в этом не разбираются — все называют палами. В настоящее время по крайней мере четвертая часть всех лесов уже уничтожена пожарами. Почти весь хребет Сихотэ-Алинь голый. Лес сохранился на нем только кое-где небольшими участками — начиная от залива Пластуна вплоть до мыса Сосунова и дальше к северу к истокам Тумнина — нет ни одной реки, где бы не было пожара. Леса сохранились только по долинам рек, горы же совершенно оголены от леса».

«С исчезновением лесов начинает быстро исчезать и жизнь: улетают птицы, зверь уходит, соболя пропадает, а потому цена на лесные соболи дачи подымается до невероятных размеров. Если так будет продолжаться дальше, если не будут приняты меры к тушению пожаров, если сами жители не станут заботиться о тайге, не станут беречь и охранять ее от огня — Уссурийский край очень и очень скоро очутится без леса и без зверя, но зато с наводнениями» («Краткий очерк...», стр. 113—114).

Большое внимание уделил палам и спутник В. К. Арсеньева по экспедиции — П. П. Бордаков. Очень любопытно художественно изображенное описание лесного пожара, в полосу которого однажды попал железнодорожный поезд, переезжая через хребет Хекцир (по дороге из Хабаровска во Владивосток), — см. «Юная Россия», 1914, № 7, стр. 860. Он же

сообщает о случае с И. А. Дюлем, который «был однажды окружен огнем в сухих тростниковых зарослях и спасся лишь тем, что зажег вокруг себя тростник и расчистил таким образом небольшую площадку. Не сделай этого, он неминуемо бы погиб в бушующем пламени, двигавшемся по долине с быстротой скачущей лошади» (там же, стр. 861).

К ГЛАВЕ II

Напечатано: «Приамурье», № 1720, от 12 июля 1912 г.

¹ В. К. Арсеньев имеет в виду случаи взяточничества со стороны русской администрации.

² Более подробно эта тема разработана в книге «Китайцы в Уссурийском крае», но приведенные здесь примеры в книгу не вошли и являются, таким образом, дополнением к ней.

К ГЛАВЕ III

Напечатано: «Приамурье», № 1730, от 24 июня 1912 г.

¹ Пустоты в лавах заполняются минералами (цеолиты, халцедон, кальцит), отлагающимися из вод, циркулирующих в горных породах. Обсидиан — лавовое стекло — не может заполнить пустоты в лаве; овальные тела, найденные В. К. Арсеньевым, могут представлять обсидиановые бомбы, выброшенные при извержении вулкана и упавшие в горячий лавовый поток или же, что более вероятно, В. К. Арсеньев ошибся в определении, и найденный им минерал был халцедон. Под нейтральной лавой В. К. Арсеньев подразумевает лаву среднего состава.

² Ф. Ф. Буссе. Остатки древности в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ. «Зап. об-ва изучения Амурского края», т. I, Владивосток, 1888.

³ В настоящее время археологические памятники в СССР находятся под охраной государства, и раскопками могут заниматься только лица, получившие на это специальное разрешение; но лица, желающие помочь изучению памятников старины, могут составлять планы городищ, могил и т. п. (но без раскопок), а также собирать и доставлять в музей подъемный материал, то есть предметы, поднятые на поверхности (см. Инструкцию для производства археологических сборов в «Справочнике путешественника и краеведа», под ред. С. В. Обручева, т. II, М., 1950).

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМАМ

Примечания к письмам В. К. Арсеньева к Л. Я. Штернбергу

Письма В. К. Арсеньева печатаются по подлинникам, хранящимся в Архиве Акад. наук СССР. Для каждого письма указан шифр фонда. (Ф. 282, оп. 2, № 15, л. 5).

К ПИСЬМУ I

¹ Настоящим письмом открывается переписка с Л. Я. Штернбергом, длившаяся с перерывом в течение 17 лет (1910—1926).

Штернберг Лев Яковлевич (1861—1927) — замечательный русский ученый-этнограф, выдающийся знаток народностей Дальнего Востока, главным образом айнов и нивхов (гиляков). В молодости принимал деятельное участие в революционном движении и был сослан на Сахалин; во время пребывания на Сахалине (1889—1897) началась его научная и литературная деятельность. Первая же его работа («Сахалинские гиляки» — «Этнографическое Обзорение», 1893, № 2), в которой он сообщил об открытой им у нивхов форме группового брака, принесла ему общеевропейскую известность: еще до появления ее в печати о ней сделал доклад Д. Н. Анучин; отчет об этом докладе был помещен в газете

«Русские Ведомости», и на него обратил внимание Ф. Энгельс, посвятивший специальную статью открытию Л. Я. Штернберга: «Новь открытый случай группового брака» (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVI, ч. 2, стр. 321—324). В 1897 г. Л. Я. Штернберг получил возможность возвратиться в Россию; в 1901 г. поступил на службу в Музей антропологии и этнографии, в котором и работал до конца своей жизни. Л. Я. Штернбергу и В. В. Радлову Музей в значительной мере обязан тем, что из сравнительно небольшого собрания превратился в музей мирового значения. С именем Л. Я. Штернберга связывается и организация специального этнографического образования в России; по его инициативе был открыт этнографический факультет в Географическом институте (1918), позже в расширенном виде как этнографическое отделение включенный в состав Ленинградского университета. Как ученый Л. Я. Штернберг является и замечательным полевым этнографом и крупным теоретиком, исследователем социальных отношений, верований и фольклора первобытных народов. В резолюции Ленинградской этнографической конференции 1929 г. Л. Я. Штернберг был охарактеризован, как один из лучших представителей старой буржуазной этнографии, «которые дали образцы применения стихийно-материалистического подхода к явлениям культуры и общественной техники». Труды Л. Я. Штернберга, посвященные народам Дальнего Востока, собраны в сборнике: Л. Я. Штернберг, Гилляк, орочи, голды, негидальцы, айны. Статьи и материалы, Хабаровск, 1933. В монографии Н. Е. Кабанова и в биографическом очерке М. Самунина (открывающем собрание сочинений в шеститомном издании) сказано, что знакомство В. К. Арсеньева с Л. Я. Штернбергом произошло еще во время пребывания последнего на Дальнем Востоке. Это явная ошибка: В. К. Арсеньев приехал на Дальний Восток лишь в 1899 г., то есть спустя два года после отъезда Л. Я. Штернберга. Знакомство их состоялось только в 1910 г., когда Л. Я. Штернберг во время своей экспедиции к айнам и нивхам проездом посетил Хабаровск. К этому времени относятся и данное письмо.

² Солдатов Владимир Константинович (род. в 1875), известный ихтиолог, автор ряда работ о рыбах речных бассейнов Дальнего Востока.

³ Основными районами работ экспедиции Л. Я. Штернберга были: Амур (между Хабаровском и Николаевском-на-Амуре), Амгунь (от устья до Керби) и западное побережье Сахалина к северу от Александровска. Сборы производились в более крупных селениях нанайцев, нивхов, ольчей и негидальцев.

⁴ Соловьев, Дмитрий Константинович, впоследствии известный охотовед, автор книги «Основы охотоведения» (т. I—V, М., 1922—1929); в 1910 г. находился на Дальнем Востоке для покупки этнографических коллекций по поручению Русского этнографического музея.

⁵ Берг Лев Семенович (1876—1950) — в то время старший зоолог Академии наук, впоследствии профессор Университета, академик и президент Географического общества Союза ССР; автор труда «Рыбы бассейна Амура». «Зап. Акад. наук по физ.-мат. отд.», т. XX, № 9, СПб., 1909.

⁶ Научные труды и руководство, о которых упоминает В. К. Арсеньев в настоящем письме, вероятно, следующие: «Курс анатомии растений» И. П. Бородин (СПб., 1888); «Учебник зоологии для студентов Университета и высших учебных заведений» (1884—1887) Н. В. Бобрецкого; «Геология. Общий курс лекций» А. А. Иностранцева (СПб., 1885; 3-е изд., 1903 г.); «Геология» Гошштеттера (СПб., 1877).

К ПИСЬМУ 2

(ф. 142, оп. 1, № 15, л. 212)

¹ Радлов Василий Васильевич (1837—1918) — академик, директор Музея антропологии и этнографии, один из крупнейших исследователей языка и фольклора тюркских народностей. Основной труд его: «Об-

разцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Джунгарской Степи», тт. I—VII. СПб. 1866—1896.

² Погребение Ингину В. К. Арсеньев нашел во время экспедиции 1908—1910 гг. В СА он рассказывает: «Из среды самаргинских удехейцев выдвинулся Ингину из рода Камедича. Он был пожизненно «Чжанге», то есть судьей и старшиной по всему побережью от Ботчи до реки Амагу. Повидимому, это был умный и авторитетный человек, о котором у удехейцев сохранилось много рассказов. Он умер лет сорок назад и был похоронен на возвышенном левом берегу, немного ниже фанзы Кивета» (СА, стр. 161); к этому месту В. К. Арсеньевым сделано примечание: «В 1912 году вся гробница Ингину с гробом и хорошо сохранившимся трупом (естественная мумификация), со всеми погребальными аксессуарами была мною отправлена в Музей антропологии и этнографии Академии наук» (там же, стр. 282). Как видно из настоящего письма, В. К. Арсеньев в данном примечании ошибочно поставил год: 1912 вместо 1910. «Гробница Ингину» находится в Музее этнографии Академии наук и принадлежит к числу примечательнейших экспонатов Сибирского отдела музея.

³ Иван Иванович — Зарубин Иван Иванович — сотрудник Музея этнографии, впоследствии профессор Университета, известный знаток языков народностей Памира.

⁴ Иосиф Маркович — Аншелес Иосиф Маркович — ныне профессор Ленинградского университета, зав. кафедрой кристаллографии, в то время студент физико-математического факультета.

И. И. Зарубин и И. М. Аншелес были участниками экспедиции Л. Я. Штернберга и во время пребывания в Хабаровске познакомились с В. К. Арсеньевым. Отвечая на мой запрос о знакомстве с В. К. Арсеньевым, проф. И. И. Зарубин писал: «В. К. Арсеньев оказал экспедиции большое внимание и содействие во всех отношениях. Он также был нашим попутчиком от Николаевска до Александровска, и мы все трое (то есть сам автор письма, Аншелес и Штернберг) почувствовали, хотя конечно по-разному, силу его обаяния».

К ПИСЬМУ 3

(ф. 282, оп. 2, № 15, л. 7)

¹ В. К. Арсеньев провел в Петербурге зиму 1910—1911 гг., в это время в залах Русского этнографического музея была устроена выставка его коллекций, имевшая большой успех; сам он неоднократно выступал с докладами в заседаниях различных научных обществ. В это время друзьям В. К. Арсеньева удалось добиться создания для него особого положения, по которому он, оставаясь в военном звании и сохраняя военные чины, освобождался от службы в войсках и штабах и был прикомандирован к Министерству земледелия и государственных имуществ. Сответственный приказ военного министра был опубликован в «Русском инвалиде» 25 апреля 1911 г. Аналогичное положение было создано ранее для известного путешественника П. К. Козлова.

² Гондатти Николай Львович — приамурский генерал-губернатор. По окончании Московского университета совершил ряд этнографических экспедиций к народностям Севера и Северо-востока Сибири, обративших на себя внимание ученых специалистов. Однако уже с середины 1890-х годов он отходит от научной деятельности, стремясь создать себе административную карьеру; был правителем дел канцелярии Иркутского генерал-губернатора, затем губернатором в Тобольске (1905 г.) и в Томске (1908 г.); с 1911 г. назначен приамурским генерал-губернатором с огромными полномочиями. До этого времени Гондатти считал возможным и нужным «заигрывать» с либеральными кругами, стараясь прослыть «мягким» и «гуманным» администратором, но с назначением его на Дальний Восток резко порвал с ними и стал энергичным проводником реакционной политики правительства.

Печальную память оставил Гондатти в крае как покровитель Приамурского отдела Русского географического общества, не давая возможности работать местным исследователям и выдвигая своих любимцев из круга привезенных им с собою чиновников особых поручений, по большей части совершенно невежественных и видевших в «научной работе» лишь путь для создания служебной карьеры. См. следующие письма В. К. Арсеньева и дополнения на стр. 281.

В 1917 г. Гондатти был арестован органами революционной власти, по затем освобожден и эмигрировал в Харбин, где и умер.

³ Адлер Бруно Фридрихович (род. в 1874 г.) — этнограф-музеевед; впоследствии профессор Казанского университета; в 1910—1911 гг. был хранителем этнографического отдела Русского музея в Петербурге.

⁴ 18 марта 1911 г. в этнографическом отделении Русского географического общества В. К. Арсеньевым был сделан доклад: «Орочи-удэне» по программе, включавшей все стороны быта, материальной и духовной культуры (приведена в журнале «Живая Старина», 1911, вып. 2, стр. XI—XII). Вследствие слишком обширной программы, вынудившей докладчика о многих чрезвычайно важных и сложных явлениях говорить чересчур кратко и порой весьма обще, доклад оказался более похожим на лекцию (как и называет его в письме В. К. Арсеньев), что и вызвало несколько резкое выступление Л. Я. Штернберга, упрекавшего автора в недостаточной разработке некоторых важных проблем.

Это было первое публичное выступление В. К. Арсеньева в столице, привлекшее большое внимание ученых-специалистов. На этом заседании присутствовали В. В. Бартольд, В. В. Владимирцев, Ф. К. Волков, Д. К. Зеленин, Д. Л. Иванов, П. К. Козлов, Г. В. Вильямс и др. Председательствовал С. Ф. Ольденбург, давший в заключительном слове высокую оценку путешествиям В. К. Арсеньева.

К ПИСЬМУ 4

(ф. 282, оп. 2, № 15, л. 3).

¹ Письмо не датировано; год устанавливается по указаниям в тексте.

² Айвуаны и наммоло — точнее айванеты и нзммолы, иначе анкелены или анкелиты; под этими названиями Арсеньев подразумевает эскимосов Северо-востока СССР; М. А. Сергеев указывает, что термин «намолло» (от корякского слова *нымыл* — оседло живущий) встречается у Ф. Литке, отметившего, между прочим, близость языка и некоторых элементов их культуры к «эскимам» (Сергеев М. А., Экспедиция Ф. П. Врангеля и Ф. Ф. Матюшкина и изучение малых народов крайнего Северо-востока — в книге: «Путешествие по Северным берегам Сибири и по Ледовитому Океану, совершенное в 1820, 1821, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. Л., 1948, стр. 414).

³ Важным дополнением к этому письму служит письмо В. К. Арсеньева к Б. М. Житкову, которому он также сообщил о плане задуманной экспедиции; из этого письма видно, что он в какой-то степени хотел повторить опыт Миклухо-Маклая. «В 1914 году я решил покончить с Уссурийским краем, — писал он в этом письме, — и перенести свои исследования на Крайний Север Сибири — на острова Врангеля, Новую Сибирь и другие. Хочу ехать к айванам. Хочу составить подробное географическое описание этих островов; хочу поработать, пока еще есть здоровье и сила. Хочу просить, чтоб меня отвезли на эти острова и оставили бы там, а через три года зашли бы за мной и взяли бы обратно. Мой план такой: первый год я посвящу изучению языка айванов, второй и третий год займусь этнографией» (см. шеститомник, VI, стр. 241).

В. К. Арсеньеву не удалось реализовать свои замыслы, но он совершенно правильно оценил значение этнографического изучения приморских племен Крайнего Северо-востока для разрешения этногенетических проблем народов Дальнего Востока. В советское время этими народами занимались А. М. Золотарев, М. Кнопфмиллер, В. Ф. Власова, Е. П. Ор-

лова, Н. Шнакенбург и др. Полный перечень литературы советского времени, относящейся к этим народностям, приведен в названной работе М. А. Сергеева (стр. 428—430).

Так как на островах Врангеля и в Ново-Сибирском архипелаге в 1912 г. не было населения (на острове Врангеля поселение эскимосов было создано в 1926 г. при организации полярной станции), то очевидно, что Арсеньев имел в виду изучение эскимосов острова Лаврентия и Чукотского полуострова, а на островах Врангеля и Ново-Сибирском архипелаге и на северном побережье к западу от Уэллена хотел производить археологические исследования для отыскания древних поселений эскимосов.

⁴ Это письмо очень важно и для определения времени, когда В. К. Арсеньев начал работать над книгой «По Уссурийскому краю».

К ПИСЬМУ 6

(ф. 282, оп. 2, № 15, л. 1).

¹ Письмо не датировано; относится ко второй половине 1913 г., как можно судить на основании упоминания о закрытии выставки, состоявшемся в августе месяце 1913 г. Выставка была организована Гондатти в ознаменование трехсотлетнего юбилея воцарения Романовых; на ней был и этнографический отдел, организация которого была поручена В. К. Арсеньеву.

² Кириллов Николай Васильевич (1860—1921) — врач; дальневосточный общественный деятель, автор ряда работ по этнографии и климатологии Забайкалья и Приамурского края. В 1905 г. был членом Совета южноуссурийского крестьянского Союза, за что был в 1908 г. привлечен к суду и приговорен к полугодовому заключению в крепости. В 1917 г. находился в Благовещенске и восторженно встретил Великую Октябрьскую революцию; его смерть была отмечена рядом nekрологов и статей в местной партийной печати. В. К. Арсеньев был одним из ближайших друзей Н. В. Кириллова; В. К. Арсеньеву же были переданы рукописи и другие материалы, оставшиеся после смерти Н. В. Кириллова (см. Петряев Е. Доктор Кириллов, «Дальний Восток», 1951, № 2, стр. 117).

К ПИСЬМУ 6

(ф. 142, оп. 1, № 37, л. 244).

¹ Датируется на основании сообщения об организации историко-археологического отделения, состоявшегося в марте 1914 г.

² Этот план, как и многие другие свои замыслы, В. К. Арсеньев не смог осуществить.

³ Об этом кружке В. К. Арсеньев упоминает в своих «Воспоминаниях», находившихся у проф. Ф. Ф. Аристова и ныне (надеемся, временно?) затерянных. Заседания кружка происходили каждую субботу, преимущественно у В. К. Арсеньева. Ф. Ф. Аристов так резюмирует это место рукописи В. К. Арсеньева: «Раз в неделю они собирались друг у друга, перечитывали новейшие журнальные статьи и вели дружеские беседы, которые иногда затягивались до рассвета. В. К. Арсеньев с величайшим удовольствием вспоминает эти субботники, давшие ему много знаний» («Землеведение», 1930, вып. 3—4, стр. 229; см. также Кабапов, стр. 17). В «кружок» входили: К. А. Гамаюнов (географ-гидролог, преподаватель Кадетского корпуса), И. А. Лопатин (этнограф, преподаватель реального училища), А. Н. Свирин (служивший в канцелярии генерал-губернатора, впоследствии известный знаток древнерусского искусства) и М. К. Азадовский (автор настоящих примечаний).

⁴ О задачах вновь организованного отделения В. К. Арсеньевым была опубликована статья в газете «Приамурье» (№ 2317, от 18 мая 1914 г.).

⁵ Ответное письмо Л. Я. Штернберга опубликовано в шеститомнике; в нем Л. Я. писал, между прочим: «Пень ждем с нетерпением... Очень

рад, что у Вас образовался кружок этнографии» (т. VI, стр. 232). «Пни», о которых идет речь в этих письмах, в настоящее время украшают вестибюль Музея этнографии Академии наук в Ленинграде. Найдены они были Н. В. Кирилловым у удехцев на реке Ботчи.

К ПИСЬМУ 7

(ф. 282, оп. 2, л. 15, № 4).

¹ Данное письмо является ответом на упомянутое в предыдущем примечании письмо Л. Я. Штернберга.

² Точное заглавие брошюры В. К. Арсеньева — «Вымирание инородцев Амурского края», оттиск из «Материалов по изучению Приамурского края», вып. XX. Труды 1-го съезда врачей Приамурского края 23—28 сентября 1913 г. Хабаровск, 1914.

³ Зарубин — см. примечание к письму 2.

⁴ Лопатин Иван Алексеевич — этнограф, автор ряда работ о гольдах и орочах; впоследствии уехал в Харбин.

⁵ Унтербергер Петр Федорович — бывший приамурский генерал-губернатор, автор книги «Приамурский край, 1906—1910» (Зап. Русск. геогр. об-ва по отд. статистики, т. XIII, СПб., 1912); оказывал всегда содействие научным предприятиям В. К. Арсеньева.

⁶ Шталмейстер — Гондатти; о препятствиях, чинимых последним в осуществлении экспедиций В. К. Арсеньева, и об интригах гондаттьевской камарильи В. К. Арсеньев упоминает и в последующих письмах к Л. Я. Штернбергу и в ряде писем к другим лицам: А. А. Емельянову (шеститомник, VI, стр. 249), В. Л. Комарову (наст. изд., письмо 2); в письме к автору настоящих примечаний он писал (15 января 1916 г.): «Уведомляю Вас, что нынешний генерал-губернатор Гондатти не умеет разбираться в людях. Все серьезные работники у него в загоне».

К ПИСЬМУ 8

(ф. 142, оп. 1, № 37, л. 292)

¹ Книжки Леббока и Тэйлора: «Леббок Д. Начало цивилизации», СПб., 1896»; Тэйлор Э. Первобытная культура, СПб., 1896.

К ПИСЬМУ 9

(ф. 142, оп. 1, № 41, л. 49)

¹ Арсеньев здесь имел в виду основные труды по общей этнографии и этнографии Дальнего Востока: Шренк Л. Об инородцах Амурского края, т. I—III, СПб., 1883—1899; Миддендорф А. Р. Путешествие на север и восток Сибири, П., 1860; Ратцель Ф. Народоведение, СПб., 1903; Ранке И. «Человек», СПб., 1903; Шурц Г. Первобытная культура, СПб., 1907; Харузин Н. Н. Этнография Лекции, читанные в Московском университете, М., 1903—1905; Бушан Г. Иллюстрированное народоведение. Отдельные главы из этих книг читались и разбирались в 1913—1914 гг. на собраниях упомянутого выше этнографического кружка.

² «Этнографические редкости»: Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства, СПб., 1750, в настоящее время вышло новое двухтомное издание («История Сибири»), осуществленное Институтом этнографии Академии наук, под ред. акад. С. В. Бахрушина и проф. А. И. Андреева; Фишер И. «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием», СПб., 1774; Бошняк И. Экспедиция в Приамурский край («Морской сборник», 1852, № 12); Шперк Ф. Россия Дальнего Востока, СПб., 1885; Баралевский В. Восточные окраины русского царства; СПб., 1896; Васильев В. П. — известный китаевед; вероятно, В. К. Арсеньев имеет в виду его труд «История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в.», 1857, интере-

совавший его главным образом своей методической стороной; а также его статьи в «Записках Русского геогр. об-ва 1853—1857, посвященные Амуру и Маньчжурии: «О реках, впадающих в Амур», и др.; И а к и н ф (Никита Бичурин) — автор ряда трудов о Китае и Монголии, вышедших в 1820—1840 гг.

К ПИСЬМУ 10

(ф. 142, оп. 1, № 41, л. 53)

¹ Николай Львович — Гондатти.

² В. К. Арсеньев имеет в виду не печатную корректуру, а рукописную, то есть проверку, исправление и уточнение отдельных мест и т. д.

³ Удалось ли Л. Я. Штернбергу выполнить просьбу В. К. Арсеньева и получить письмо от В. В. Радлова, установить не удалось. Быть может, соответственные материалы имеются в архиве В. К. Арсеньева (Владивосток). В следующем году по просьбе Л. Я. Штернберга и В. В. Радлова говорил с Гондатти относительно В. К. Арсеньева этнограф С. М. Широкогоров (см. прим. к письму 12), посетивший Хабаровск во время своей поездки на Амур. В одном из писем к Л. Я. Штернбергу Широкогоров подробно рассказал о своем визите к Гондатти и о вынесенных впечатлениях. Гондатти произвел на него впечатление лгуна. «Выходит, по его словам, что Арсеньев не будет печатать своих исследований, если будет ездить» — а между тем он посылает Арсеньева постоянно по делам, не имеющим ничего общего ни с монографией, ни с этнографией» (арх. Акад. наук, Ф. 142, оп. 1, № 38, л. 105; письмо от 22 сент. 1916 г.).

К ПИСЬМУ 11

(ф. 282, оп. 2, № 15, л. 12)

¹ Письмо отправлено из Харбина.

² «Амурская экспедиция» была организована по инициативе Гондатти в 1911 г. и имела задачей всестороннее изучение Приамурского края, но она носила в гораздо большей степени ведомственный, чем научный характер: обработка материалов была выполнена преимущественно чиновниками канцелярии генерал-губернатора, под редакцией которых вышел ряд томов «Трудов» этой экспедиции, — только очень немногие выпуски были обработаны специалистами. Этнографических исследований Амурской экспедицией не производилось.

К ПИСЬМУ 12

(ф. 282, оп. 2, № 15, л. 12)

¹ Широкогоров Сергей Михайлович — сотрудник Музея Антропологии и этнографии Академии наук, ученик Л. Я. Штернберга, в 1916—1917 гг. был командирован в Приамурский край для этнографических и антропологических исследований тунгусских народностей, — в 1918—1922 гг. был доцентом Дальневосточного государственного университета, позже эмигрировал в Китай. В 1923 г. опубликовал в Шанхае пронизанную шовинистическими и расистскими бреднями книгу «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений».

К ПИСЬМУ 13

(ф. 142, оп. 1, № 45, л. 19)

¹ «Этнологические проблемы на Востоке Сибири» — отгиск из «Вестника Азии», 1916, кн. 2—3; в этой статье Арсеньев дал этнографическую характеристику народностей Приморья и впервые печатно формулировал тезис об этнографической самостоятельности удехцев. Большая научная ценность этой работы увеличивается приложенной к ней картой расселения народностей в Приморье.

² Федоров Александр Зиновьевич — председатель южноуссурийского отдела Географического общества.

³ «Гродековский музей» — Музей в Хабаровске, основанный генерал-губернатором Н. И. Гродековым и носивший его имя; «Музей Петра Великого» — Музей антропологии и этнографии Академии наук.

⁴ Причины разрыва с Гондатти вполне освещаются письмом В. К. Арсеньева к Широкогорову от 17 декабря 1916 г. Извиняясь, что задержал отправку Широкогорову денег, он писал: «У меня была мобилизация душевных и умственных сил. С первых же слов Вы все поймете. Произошел полный разрыв с Гондатти. Он больно задел мое самолюбие. Я сказал ему, что мне у него делать нечего. На другое утро я пошел к командующему войсками с просьбой принять меня на службу в военное ведомство. Начались сношения с Петроградом. Те дни я был страшно расстроен и находился, можно сказать, в состоянии черной меланхолии. В те дни я не читал писем, складывал их в ящик. Мозг работал в одном направлении. Надо было устроить себя, надо было заботиться о больной жене, надо было ликвидировать всю свою обстановку и ехать в Иркутск. Только теперь, когда приблизительно выяснилось мое положение, я могу связно излагать свои мысли и отвечать на письма друзей и знакомых. Одновременно я узнал, что Гондатти хочет меня лишить дополнительного содержания (500 р.), на которое я рассчитывал...»

С Гондатти я разругался из-за Музея. Он не давал денег и в то же время требовал от меня, чтоб я его рекламировал...» (арх. Академии наук СССР, Ф. 142, оп. 2, № 117, л. 13); в этом же письме В. К. Арсеньев сообщает, что он еще раз («последний раз») прокорректировал свою работу («По Уссурийскому краю») и занят подборкой к ней фотографий.

К ПИСЬМУ 14

(ф. 282, оп. 2, № 15, л. 15)

¹ Этим письмом возобновилась переписка В. К. Арсеньева с Л. Я. Штернбергом, прерванная длительной оторванностью Дальнего Востока от советской России вследствие гражданской войны и интервенции.

² В 1922 г. В. К. Арсеньев находился в четырехмесячной командировке для обследования Гижигинского района, «в статистико-экономическом и промысловом отношениях», а в 1923 г. был командирован на Командорские острова для доставки содержания служащим и предметам продовольствия для населения. Результатом пребывания В. К. Арсеньева на Командорских островах была его работа «Командорские острова в 1923 г.», опубликованная в сборнике «Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока», Владивосток, 1923 (в библиографии Н. Е. Кабанова не указана).

³ Книги В. К. Арсеньева, вышедшие во Владивостоке (1922—1923 гг.): «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

⁴ Письмо написано на пишущей машинке; рукой В. К. Арсеньева написаны только обращение и подпись.

Тожественное письмо было отправлено одновременно и В. Л. Комарову.

К ПИСЬМУ 15

(ф. 282, оп. 2, № 15, л. 17).

В 1924 г. Л. Я. Штернберг в течение некоторого времени не был в Ленинграде, так как был командирован в качестве делегата Академии наук СССР на международный конгресс американистов, состоявшийся в Швеции (Стокгольм и Гетеборг).

Письмо написано чужой рукой (под диктовку В. К — ча), и только подпись сделана им собственноручно.

(ф. 282, оп. 2, № 15, л. 18).

¹ Настоящее письмо написано в дороге, во время возвращения В. К. Арсеньева из Ленинграда в Хабаровск. В 1925 г. он был командирован дальневосточными научными организациями для участия в праздновании 200-летнего юбилея Академии наук, но, получив очень поздно командировку и командировочные суммы, опоздал и не застал уже в Ленинграде Л. Я. Штернберга, уехавшего после окончания юбилейных торжеств на курорт.

² Бауэрман К. И. (ум. в 1935 г.?) — этнограф; был командирован в 1925 г. Комитетом Севера на Камчатку для практической и научной работы у коряков. На Камчатке он пробыл 7 лет, участвовал в переписи 1926—1927 гг., был инструктором Камчатского окружного революционного комитета по организации управления у коренного населения; в течение четырех лет (1928—1932) работал в Парени, где создал первую школу, кооператив и организовал колхоз. Бауэрманом был собран большой и разнообразный материал о народах Камчатки, но опубликовать успел он лишь несколько статей, относящихся к корякам и другим жителям Пенжинского района: русским-гижигинцам и чукчам, чуванцам и эвенкам. Из напечатанных работ наиболее важны: «К вопросу об азиатском происхождении коряков» («Сов. Азия», 1928, № 5—6) и «Следы тотемистического родового устройства у паренских коряков» («Сов. Север», 1934, № 2).

³ Эту поездку В. К. Арсеньеву удалось осуществить в 1927 г., после чего он вновь вернулся к своему труду «Страна Удэхэ», который, однако, так и остался незаконченным; утрачена и самая рукопись.

К ПИСЬМУ 17

(ф. 282, оп. 2, № 15, л. 23)

¹ Это письмо не сохранилось.

² Ожидаемый В. К. Арсеньевым приезд Л. Я. Штернберга на Дальний Восток основывался на газетных сообщениях о поездке группы советских ученых, в том числе и Л. Я. Штернберга, на III Тихоокеанский конгресс в Токио, состоявшийся в 1926 г. После окончания работ конгресса Л. Я. Штернберг совершил поездку на остров Иезо [Хоккайдо] для обследования живущих там айнов.

³ Нансен Фритъоф (1861—1930) — знаменитый исследователь полярных стран; в 1913 г. посетил Дальний Восток и познакомился с В. К. Арсеньевым; совместно с последним совершил несколько поездок по краю; в своей книге «Страна будущего» (1914) он дал высокую оценку трудам В. К. Арсеньева.

⁴ Швейнфурт Георг (1833—1924) — известный путешественник по Африке, автор книги «В сердце Африки».

⁵ Вегенер Альфред (1880—1930) — немецкий географ-геофизик, исследователь Гренландии.

⁶ Это обращение В. К. Арсеньева было вызвано тем, что некоторые его личные недоброжелатели пытались опорочить и его книги, утверждая, что они не имеют научного значения. Л. Я. Штернберг предполагал дать печатный отзыв о книгах В. К. Арсеньева, но не успел этого выполнить.

Этим письмом обрывается сохранившаяся переписка В. К. Арсеньева с Л. Я. Штернбергом. 14 августа 1927 г. Л. Я. Штернберг скончался.

В качестве приложения здесь публикуются три письма из переписки В. К. Арсеньева со мной. Одно из них служит ценным дополнением к письму № 14, другое является откликом его на смерть Л. Я. Штернберга. Эти письма содержат также весьма ценные сведения биографического характера, — в особенности важно второе письмо, из которого видно, что

книга «Страна Удэхэ» была уже очень близка к окончанию, и Л. Я. Штернберг дал согласие быть редактором этого труда.

⁷ Богораз Владимир Германович (1865—1930) — выдающийся советский ученый (этнограф, языковед и фольклорист) и писатель-беллетрист (под псевдонимом: Н. Тан); научную деятельность начал, подобно Штернбергу, находясь в политической ссылке (как народоволец) на Колыме. Основные исследования Богораза посвящены этнографии и фольклору чукчей. Вместе с Л. Я. Штернбергом принимал участие в организации высшего этнографического образования в СССР; в частности, он был одним из инициаторов организации Института народов Севера; большую роль сыграл он также в деле создания письменности для народов северо-востока Сибири.

⁶ Руденко Сергей Иванович — советский ученый, антрополог, этнограф и археолог.

„ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК“ В. К. АРСЕНЬЕВА

В 1926 г., в связи с организацией работ по составлению «Сибирской Советской Энциклопедии» как один из ее организаторов и редакторов я обратился к Владимиру Клавдиевичу с просьбой о сотрудничестве и о присылке биографических и библиографических сведений о себе. Последние нужны были для заметки о нем в первом томе предполагаемого издания. Ответ В. К. Арсеньева, в котором он желал успеха новому предприятию и выражал согласие принять участие в его работах, у меня не сохранился, — вероятно, я переслал это письмо в главную редакцию «Сибирской Советской Энциклопедии», находившуюся тогда в Новосибирске, — сохранился лишь приложенный к письму «послужной список», как характеризовал его в письме сам В. К. «Список» этот очень интересен, так как в нем дан подробный обзор его научной деятельности, список всех его экспедиций до 1927 г., его научных предприятий, главнейших трудов и научных замыслов. Приводимая им библиография своих работ — неполна, но она любопытна, как показатель того, что он сам считал наиболее важным и существенным из своих работ. Особенно интересен предпоследний раздел «списка», где раскрыты занимавшие его тогда планы и замыслы. Из этих названных здесь работ увидело свет лишь «Описание путешествия по Сихотэ-Алиню» — остальные или частично сохранились в рукописях или совсем неизвестны. Так, например, неизвестно местонахождение рукописи — важнейшего этнографического труда В. К. Арсеньева, над которым он долго и упорно работал, — «Страна Удэхэ».

Об этой работе он очень часто упоминал в своих письмах, говорил он мне о ней, как о близкой к окончанию во время нашей последней с ним встречи в Ленинграде, в сентябре 1925 г., когда мы оба с ним были делегатами (он — от дальневосточных организаций, я — от Иркутского университета и Восточносибирского отдела Географического общества) на праздновании 200-летнего юбилея Академии наук. Насколько я помню, он привозил эту рукопись с собой, чтоб показать ее Льву Яковлевичу Штернбергу, который тогда же дал обещание быть редактором этого труда.

Особый интерес представляет упоминание о задуманной и уже подготавливавшейся к печати книге «Теория и практика путешестввенника». Об этом замысле я неоднократно слышал от него; элементы его можно встретить в различных частях опубликованных им описаний. Он предполагал дать не сухое руководство, не сборник советов и указаний, но изложить все это в живом рассказе, щедро иллюстрируя примерами из своей практики и из опыта других путешественников.

Следует отметить одну ошибку, допущенную Владимиром Клавдиевичем в этом «списке» и которая, видимо, отсюда «перекочевала» в некоторые биографические работы. В «Списке» сказано: «Описания маршрутов, пройденных В. К. Арсеньевым, напечатаны были в Записках Русского географического общества в 1906 году». Здесь две ошибки: во-первых, такого издания («Зап. Русск. геогр. об-ва») не существовало;

существовали лишь «Записки РГО по отделению общей географии», «по отделению этнографии» и т. д., но в них печатались лишь монографии; в общем же органе Географического общества — «Известиях» за 1906 г. и ближайших последующих — никаких материалов об Арсеньеве нет. Речь идет, несомненно, о статье «Сведения об экспедициях капитана Арсеньева (В. К.) (Путешествия по Уссурийскому краю), 1900—1910 гг.», опубликованной в «Записках Приамурского отдела Географического общества» за 1912 год (том VIII, вып. II, стр. 1—36). Автор этой статьи не указан, но ясно, что она составлена Арсеньевым.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМАМ В. К. АРСЕНЬЕВА К В. Л. КОМАРОВУ

К ПИСЬМУ 1

Письма В. К. Арсеньева к В. Л. Комарову хранятся в Архиве Академии наук (ф. 242, оп. 2, № 24; нумерации листов нет). Комаров Владимир Леонтьевич — знаменитый русский ученый, ботаник. Совершил ряд путешествий по Сибири и Дальнему Востоку; впоследствии почетный президент Русского географического общества и президент Академии наук.

¹ Пальчевский Николай Александрович — лесничий уссурийского казачьего войска, краевед-ботаник, один из активнейших деятелей Общества изучения Амурского края; первый наставник В. К. Арсеньева в деле изучения Дальневосточного края. Пальчевский живо интересовался и этнографией, в частности по его инициативе была снаряжена специальная экспедиция для исследования удэгейцев (результатом работ этой экспедиции явилось исследование С. Н. Браиловского. Тазы или удэге. Опыт этнографического исследования. — «Живая Старина», 1901, вып. 2—4. Пальчевскому принадлежит статья «Перепись по бассейну реки Има» («Дальний Восток», 1897, № 46 и 47), в которой впервые в печати применен термин «орочи-удэ». С. Н. Браиловский писал о Пальчевском: «Редко среди трактующих о местных нуждах встретишь лиц, которые так горячо ратовали бы за русские интересы и за интересы обделенных туземцев, как это делал Пальчевский» («Живая Старина», 1901, вып. 2, стр. 141); эту сторону деятельности Н. А. Пальчевского отмечал также всегда и В. К. Арсеньев,

К ПИСЬМУ 2

В ответном письме В. Л. Комаров писал: «Относительно Вашего письма о Н. Л. Гондатти и прочем жму Вашу руку и мысленно переносу все неприятности, которые Вы переживаете. Ужасно трудно работать при таких условиях. Легче голодать по пути в тайге, чем перейти все эти городские «джунгли» (шеститомник, VI, стр. 229).

К ПИСЬМУ 4

¹ Настоящее письмо печатается с сокращениями. Опущена часть письма, в которой В. К. Арсеньев подробно рассказывает о разногласиях на организационной почве между Обществом изучения Амурского края и Южноуссурийским отделом географического общества.

² В. Л. Комаров откликнулся на присылку книг отзывом о них в печати (ИРГО, 1924, вып. 2, стр. 180); в частном письме В. Л. Комаров писал В. К. Арсеньеву: «Не знаю, как благодарить Вас за Ваши интересные книги о путешествиях 1906—1907 годов. Картины тайги, бурные потоки, выюки и над всем этим симпатичный, вдумчивый облик Дерсу; одним словом, и наука, и эстетика, и этика — все есть на этих прекрасных страницах, которыми я, прямо, зачитался» (шеститомник, т. VI, стр. 230).

³ Ф. Ф. Аристов так излагает этот эпизод биографии В. К. Арсеньева на основании рукописных воспоминаний и писем последнего: «Принимая должность комиссара по делам туземцев на Дальнем Востоке, В. К. хотел помочь этим обездоленным и обиженным людям. Своего сотрудника А. З. Федорова он послал к устью Амура, а сам отправился в экспедицию к тунгусам. Из Хабаровска он направился по реке Урми до якутского поселка Талакана. Отсюда вместе с антагинскими тунгусами-оленьеводами он пошел на восток через хребет Бикин-Бикинен и через несколько суток вышел на реку Олган, потом направился к высоким горам Ян-де-Янге, вершины которых скрываются в облаках. Перейдя их, В. К. опустил по долине реки Уркана к озеру Болэн-Очжал. Во время этого путешествия Арсеньев убедился, что помочь туземцам он не сможет, а только числиться шефом людей, которые ждут от него помощи, не желал и потому по возвращении в Хабаровск сам сложил с себя это почетное звание и остался без средств к жизни» («Землеведение», 1930, 3—4, стр. 234).

Ф. Ф. Аристов не вполне точно излагает фактическую сторону дела. В. К. Арсеньев не ограничился посылкой Федорова в низовья Амура, а сам внимательно обследовал положение, в котором находились малые народности, живущие в низовьях Амура и у Татарского пролива. О своей деятельности он неоднократно посылал подробные рапорты комиссару временного правительства по делам Дальнего Востока, настойчиво требуя решительных мер по оказанию помощи малым народностям. В. К. Арсеньев не ограничивался только обследованиями и рапортами, но пытался оказать активную помощь этим народностям, в частности он выработал ряд мероприятий для ограждения нивхов (гиляков), занимавшихся рыбным промыслом, от эксплуатации со стороны рыбопромышленников и скупщиков. Для этой цели он вошел в соглашение с местными военными властями об учреждении ряда специальных военных постов (на Сахалине, острове Лангре, а также в ряде пунктов на материке) для борьбы с хищниками, грабящими и обирающими нивхов. Кроме того, он назначил в этих же целях районных и участковых комиссаров. Копии рапортов о своих мероприятиях по охране интересов малых народностей он сообщал в Академию наук, и в частности Л. Я. Штернбергу. В одном из таких рапортов он сообщал комиссару временного правительства (от 12 августа 1917 г.), что назначенные им комиссары уже приступили к работе и «семь из них уже прибыло в Николаевск. Это большей частью были народные учителя, пожелавшие свой летний досуг посвятить защите обездоленных инородцев» (Архив Академии наук, ф. 142, оп. 1, № 45, лл. 60—65).

⁴ О л ь д е н б у р г Сергей Федорович (1863—1934) — академик, непременный секретарь Академии наук и председатель этнографического отделения Русского географического общества.

⁵ Б у т у р л и н Сергей Александрович (1872—1938) — известный русский ученый, географ и орнитолог, один из основателей советской школы охотоведения. Автор труда «Птицы Приморской области», печатавшегося в журнале: «Наша охота» (1907—1913), «Птицеведение и птицеводство» (1913) и «Орнитологический Вестник» (1915); одна из глав этого труда посвящена специально описанию коллекций В. К. Арсеньева («Орнитологический Вестник», 1915, № 2).

⁶ А н у ч и н Дмитрий Николаевич (1843—1923) — академик, знаменитый русский ученый, антрополог, географ и этнограф, создатель русской географической школы.

⁷ Б о г д а н о в Владимир Владимирович (1868—1950) — этнограф, секретарь журнала «Этнографическое Обозрение».

ОТ РЕДАКТОРА

К комментариям, составленным М. К. Азадовским, мы считаем полезным добавить две выдержки из его частного письма: в первой из них дана характеристика В. К. Арсеньева как рассказчика, а вторая содержит яркую характеристику Гондатти и его окружения — той среды, в которой В. К. Арсеньеву пришлось работать.

1. Прежде чем приступить к литературному оформлению своих воспоминаний о Дерсу, Владимир Клавдиевич очень любил рассказывать их. Я буквально почти всю эту будущую книгу прослушал сначала в замечательно увлекательных рассказах Владимира Клавдиевича. Я слышал отдельные рассказы у него в кабинете, за чайным столом у меня, в палатке на раскопках и т. д. и т. д. Мне кажется, что в рассказывании они были еще более замечательны; во всяком случае многих характерных и ярких деталей я потом не нашел в печатном тексте.

2. Сначала Гондатти очень благоволил Арсеньеву и немало содействовал его экспедициям. Не забудьте, что Гондатти питомец Московского университета, один из любимых учеников Д. Н. Анучина, автор ряда работ по этнографии, пользовавшийся репутацией исключительного знатока Дальнего Востока. От его приезда на Дальний Восток в качестве генерал-губернатора местное общество многого ожидало, и первое время Гондатти старался изо всех сил оправдать репутацию просвещенного генерал-губернатора, покровителя наук и пр. Но это же обстоятельство и сыграло роковую роль в их взаимоотношениях с Арсеньевым. Он хотел руководить Арсеньевым, покровительствовать ему, иметь при себе послушного исследователя — Арсеньев же для такой роли не годился и очень быстро начались трения. Может быть, играла некоторую роль и зависть неудавшегося ученого (каким в сущности оказался Гондатти) к растущему блестящему исследователю-путешественнику.

Немалую роль в этих создававшихся дурных отношениях сыграла и гондаттиевская камарилья, главным образом из его чиновников особых поручений. Известно, что при каждом генерал-губернаторе, в каждой губернии была своя манера делать карьеру. Для того, чтобы сделать карьеру при Гондатти, нужно было изображать ученых, интересующихся краем, преданных его изучению и т. д. Эти господа заполнили собою местный отдел Географического общества и другие культурные учреждения. Заниматься наукой они, конечно, не могли и не умели, но видимость оказывали: стряпали и читали доклады, а иногда даже ездили в экспедиции, дававшие, конечно, самые плачевные результаты и съедавшие много денег, которые по существу вылетали на ветер. Из-за экспедиций этих молодчиков часто срывались какие-нибудь начинания Ар-

сеньева. Естественно, что он и вся эта камарилья терпеть не могли друг друга. Причем последняя проявляла, конечно, большую инициативу и настойчивость. Эти господа все время настраивали Гондатти против Арсеньева, истолковывая вкривь и вкось всякие его мероприятия, действия, выступления, отдельные слова, а иногда и просто изобретая всякие сплетни. Обо всем этом мне неоднократно рассказывал Владимир Клавдиевич, да и сам я имел возможность наблюдать это. К сожалению, я забыл имена этих господ. Кое-кто из них, может быть, и впрямь заинтересовывался краем, но это было исключение, главным образом это были петербургские хлыщи, часто сыновья высокопоставленных особ.

Очень сожалею, что у меня во время блокады погибло замечательное письмо Арсеньева (относящееся не то к 1915, не то к 1916 году), в нем он подробно описывал невыносимое положение, в котором он очутился в Географическом обществе, и о совершенном разрыве своем с Гондатти.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От редакции	3
<i>М. К. Азадовский</i> . В. К. Арсеньев — путешественник и писатель	7
Из путевого дневника 1908 — 1910 гг.	73
Путевые заметки 1912 г.	201
Приложения	213
Письма к Л. Я. Штернбергу	215
Письма к М. К. Азадовскому	232
Письма к В. Л. Комарову	239
Примечания	242
Примечания к вступительной статье	242
Примечания к „Путевым дневникам“	248
Примечания к „Путевым заметкам“	270
Примечания к письмам	272
„Послужной список“ В. К. Арсеньева	281
От редактора	284

Владимир Клавдиевич Арсеньев

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ТАЙГЕ

Редактор *С. Н. Кумкес*

Художник *Б. В. Шварц*

Технический редактор *Н. И. Ногина*

Художественный редактор *В. В. Шукина*

Корректор *П. И. Чивкина*

Т-02422. Сдано в производство 26/XI-1956 г.

Подписано в печать 8/III 1957 г.

формат $60 \times 92 \frac{1}{16}$. Физических листов $18 \frac{7}{16}$.

печатных листов $18 \frac{7}{16}$. л. вкл.

Издательских листов 19,44.

Тираж 75000 экз.

Цена 5 р. 95 к. переплет 1 р. 50 к.

Москва, В-71, Б. Калужская 15, Географгиз

Министерство культуры СССР. Главное
управление полиграфической промышленности. Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова. Москва, Ж-54, Валовая, 28.
Заказ 2491.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Вышли в свет:

Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в русской Америке в 1842—1844 гг. 1956 г., 456 стр., цена 19 руб.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. 1956 г., 528 стр., цена 12 руб.

Давид Ливингстон. Путешествия и исследования в Южной Африке. 1956 г., 392 стр., цена 8 р. 85 к.

Давид Ливингстон. Чарльз Ливингстон. Путешествие по Замбези. 1956 г., 384 стр., цена 8 р. 65 к.

Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия на берег Маклая. 1956 г. 416 стр., цена 9 р. 45 к.

Фритъоф Нансен. „Фрам“ в Полярном море“, ч. I, 1956 г., 368 стр., цена 9 р. 65 к.

Фритъоф Нансен. „Фрам“ в Полярном море“, ч. II, 1956 г. 352 стр., цена 9 р. 65 к.

Дневные записки П. К. Пахтусова и С. А. Моисеева. 1956 г., 216 стр., цена 9 р.

Последняя экспедиция Р. Скотта. 1955 г., 408 стр., цена 9 р. 55 к.

7р. 45к.